

Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

Министерство
транспорта России

ФГБОУ ВПО
«Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения»

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

Научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

№ 2 (30) 2011

Хабаровск, 2011

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Ministry of Transportation
of the Russian Federation

The Russian Rectors' Union

Council of Rectors of Higher Educational
Institutions in the Far Eastern
Federal District

State Educational Institution of Higher
Professional Education
«Far Eastern State Transportation
University»

**THE HUMANITIES
AND SOCIAL STUDIES
IN THE FAR EAST**

Research-theoretical journal
published since January 2004
issued quarterly

№ 2 (30) 2011

Khabarovsk, 2011

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю.М. Сердюков

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

К.И. Воробьева, Л.П. Лазарева, Р.Л. Лившиц,
О.А. Любичкая (ответственный секретарь), Н.Е. Мерецкий,
С.В. Пишун, З.Г. Прошина, В.В. Романова,
Е.Н. Спасский (заместитель главного редактора), А.М. Шкуркин

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ларри Смит (США), Нобуюки Хонна (Япония), Чжан Байчун (Китай),
Кальво-Мартинез Томас Мариано (Испания), Кэрол Джой Макрае (Австралия)

РЕДАКТОР ВЫПУСКА

Е.Н. Спасский

СОТРУДНИКИ РЕДАКЦИИ

А.С. Волков (web-мастер), Е.В. Листопадова (технический секретарь),
Т.Н. Тагирова (переводчик)

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ

Печатается по решению Совета ректоров вузов Дальневосточного Федерального округа № СР/ДФО-54а от 9 октября 2002 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ

ГОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ №77-16283 от 29 августа 2003 г.

Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47, оф. 262,
тел./факс: (4212) 40-71-93, E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Y.M. Serdyukov

EDITORIAL BOARD

C.I. Vorobyova, L.P. Lazareva, R.L. Livshits,
O.A. Lyubitskaya (executive secretary), N.E. Meretsky,
S.V. Pishun, Z.G. Proshina, V.V. Romanova,
E.N. Spassky (deputy editor), A.M. Shkurkin,

INTERNATIONAL EDITORS

Larry E. Smith (USA), Nobuyuki Honna (Japan), Zhang Baichun (China)
Calvo-Martinez Tomás Mariano (Spain), C. Joy McRae (Australia)

MANAGING EDITOR

E.N. Spassky

EDITORIAL STAFF

A.S. Volkov (web-design), E.V. Listopadova (technical secretary),
T.N. Tagirova (translator)

*Research-theoretical journal is published on the decision
of the Council of Rectors of Higher Educational Institutions
in the Far Eastern Federal District № CR/FEFD-54a of October 9, 2002*

FOUNDER

State Educational Institution of Higher Professional Education
«Far Eastern State Transportation University»
47, office 262, Seryshev Str., Khabarovsk, 680021
Media Registration Certificate PE №77-16283 of August 29, 2003
Editorial office address: 47, office 262, Seryshev Str., Khabarovsk, 680021
Phone/fax: (4212) 40-71-93
E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Спасский Е.Н.</i> Предисловие.....	8
---------------------------------------	---

СТАТЬИ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

<i>Радиков И.В.</i> Дисперсия современной архитектуры безопасности в АТР: глобальные тенденции и региональные особенности	10
<i>Смоляков В.А.</i> Интеграция в Европе и Восточной Азии: сравнение принципов и концептуальных подходов.....	19
<i>Ярулин И.Ф.</i> Российский Дальний Восток: геополитика, геостратегия, геоэкономика, геополитические риски	28
<i>Ланко Д.А.</i> Представления о региональной структуре мира как геополитика периода конца XX – начала XXI века	33
<i>Ламашева Ю.А.</i> Факторы формирования транснациональной идентичности в Северо-Восточной Азии	42
<i>Лексютина Я.В.</i> Юго-Восточная Азия как арена соперничества за сферу влияния США и Китая.....	51
<i>Ланцова И.С.</i> Корейский полуостров в геополитических стратегиях XX века.....	60
<i>Ким А.С.</i> Этнополитическая конфликтогенность Дальневосточного региона в ракурсе мультикультуралистской политики.....	66

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

<i>Терехова Е.В.</i> Рекуррентные конструкции в политическом vs. бизнес-дискурсе (к форуму АТЭС 2012 года во Владивостоке).....	75
<i>Иванников А.С.</i> Ключевые этапы формирования государственной границы между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой.....	81
<i>Пиотрович А.А., Су Да.</i> Исторические особенности развития железных дорог Китая.....	88
<i>Демьянович И.В.</i> Качество транспортного обеспечения Дальнего Востока: потенциал и перспективы развития	95
<i>Еланцева О.П.</i> Управленец государственного масштаба: к 110-летию со дня рождения Федора Алексеевича Гвоздецкого.....	101
<i>Баубекова С.А.</i> Организация и деятельность обществ востоковедов на Дальнем Востоке России в начале XX века	106
<i>Трубич О.А.</i> Государственная политика Российской империи по развитию востоковедческого образования на Дальнем Востоке	111
<i>Любичкая О.А., Чипизубова О.А.</i> Психосемантический анализ представлений дальневосточников о профессиональном счастье	116
<i>Халикова С.С.</i> Здоровье студенческой молодежи как фактор сохранения геополитического потенциала Дальнего Востока	125
<i>Стренаков Д.А.</i> Рациональное и эффективное использование лесов: дальневосточный аспект....	131
<i>Чурилова Е.В.</i> Проблемы первоначального этапа расследования преступлений, связанных с производством и сбытом пищевой продукции, не отвечающей требованиям безопасности, в Дальневосточном регионе.....	134
<i>Пичугина Н.А.</i> Становление и развитие туризма в Хабаровском крае (60-е годы XX века)	140

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

СВЕДЕНИЯ О ДИССЕРТАЦИЯХ	145
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	146
К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ.....	147

CONTENTS

Spasskiy E.N. Foreword8

ARTICLES

GEOPOLITICAL PROBLEMS OF THE ASIA-PACIFIC REGION

Radikov I.V. Variance of Modern Security Structure in the Asia-Pacific Region:
Global Tendencies and Regional Peculiarities (*translated by Yashkina E.A.*) 148

Smolyakov V.A. Integration in Europe and in Eastern Asia: Comparison of Principles and
Conceptual Approaches (*translated by Krivoruchko E.V.*) 156

Yarulin I.F. The Russian Far East: Geopolitics, Geostrategy, Geo-Economics
and Geopolitical Risks (*translated by Yashchenko M.V.*) 163

Lanko D.A. Conceptions of Regional Structure of the World as the Geopolitics of the End
of the 20th and beginning of the 21st Centuries (*translated by Tagirova T.N.*) 168

Lamasheva Y.A. Factors of Formation of Transnational Identity in Northeast Asia* 176

Leksyutina Y.V. Southeast Asia as Influence Concurrence Scene of the USA and China
(*translated by Goncharova E.D.*) 177

Lantsova I.S. Korean Peninsular in Geopolitical Strategies of the 20th Century* 184

Kim A.S. Ethno-Political Conflict Potential of the Far East in the Light
of the Multiculturalistic Politics* 184

PROBLEMS OF THE FAR EAST

Terekhova E.V. Recurrent Constructions in Political vs Business Discourse
(Towards the 2012 APEC Summit in Vladivostok)* 185

Ivannikov A.S. Key Stages in the Establishment of the State Border between
the Russian Federation and the People's Republic of China* 185

Demyanovich I.V. Quality of the Transport Provision in the Russian Far East:
Its Potential and Prospects for Development* 186

Elantseva O.P. Manager of State Importance: to the 110TH Birth Anniversary
of Fedor Alekseevich Grozdevsky* 186

Baubekova S. A. Organization and Activities of Societies of Orientalists in the Russian Far East
in the Early 20th Century* 186

Trubich O.A. State Policy of the Russian Empire on the Development of Education in the Sphere
of Oriental Studies in the Russian Far East* 187

Lyubitskaya O.A., Chipizubova O.A. Psyc-Semantic Analysis of the Conceptions
of Professional Happiness of Far East Residents* 187

Khalikova S.S. Health of Studying Youth as a Factor of Preserving Geopolitical
Potential of the Far East* 187

Strenakov D.A. Rational and Efficient Forest Management: Far Eastern Aspects* 188

Churilova E.V. Problems of the Initial Stage of Investigation of Criminal Acts
in the Sphere of Production and Sales of Food Products Which Do Not Meet
the Requirements of Food Safety in the Far East* 188

Pichugina N.A. Formation and Development of Tourism in the Khabarovsk Kray (in the 1960s)* 188

AUTHORS GUIDELINES 189

*Abstracts only

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

Перед вами очередной политологический выпуск нашего журнала. На этот раз он посвящён геополитическим проблемам Азиатско-Тихоокеанского региона. Отрадно отметить, что этот номер по сложившейся традиции, заложенной в рамках подготовки предыдущих тематических томов, стал результатом плодотворного сотрудничества дальневосточных политологов с учёными Санкт-Петербургского государственного университета.

Содержательно выпуск включает в себя, с одной стороны, концептуальные статьи, в которых затрагиваются комплексные, интегральные аспекты развития АТР, анализируются перспективы и особенности внешнеполитических процессов данного региона, рассматривается роль России и российского Дальнего Востока в контексте обозначаемых авторами трендов. Наряду с этим, в журнал вошли работы, посвященные более локальной пространственно-временной азиатско-тихоокеанской проблематике.

Номер открывает статья И.В. Радикова, в которой автор, с учетом глобальных тенденций и региональных особенностей, анализирует возможность реализации в современных условиях российской идеи создания коллективной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Сравнительному анализу концептуальных подходов, принципов и теоретических парадигм экономической интеграции в Европе и Восточной Азии посвящена статья В.А. Смолякова. Особое внимание он уделяет проблеме государственного суверенитета в условиях взаимопроникновения внутренней политики и международных отношений.

В статье И.Ф. Ярулина «Российский Дальний Восток: геополитика, геостратегия, геоэкономика, геополитические риски» регион рассматривается в качестве связующего звена между Россией и АТР, являясь, по выражению автора, стратегически ключом России к воротам Северо-Восточной Азии. Делается вывод о том, что складывающаяся ситуация порождает геополитические риски и требует выработки геополитических и геостратегических подходов.

В качестве предмета рассмотрения статьи Д.А. Ланко выступает теоретизация представлений о системе международных представлений. По мнению автора, они оказывают влияние на процесс принятия внешнеполитических решений.

FOREWORD

Dear Readers,

This issue of the journal is a new political thematic issue. This time it is devoted to geopolitical problems of the Asia-Pacific region. We are glad to note that proceeding from the tradition that was set in the process of preparing previous thematic issues, this particular issue has resulted from fruitful cooperation of the Far Eastern political scientists and the researchers of the Saint-Petersburg State University.

On the one hand, this issue presents conceptual papers that touch upon complex integral aspects of the development of the Asian-Pacific region, provide analysis of prospects and specific features of the foreign policy processes in this region, and consider the role of Russia and the Russian Far East within the context of the trends distinguished by the authors. In addition to that, this issue presents papers devoted to more localized Asia-Pacific spacio-temporal problems.

The issue opens with the article of I.V. Radikov, where he considers global tendencies and regional specific features. He analyses the capabilities for realization of the idea of collective security in the Asia-Pacific region suggested by Russia under the modern conditions.

Comparative analysis of conceptual approaches, principles and theoretical paradigms of economic integration in Europe and East Asia is done by V.A. Smolyakov. The author pays special attention to the problem of state sovereignty under the conditions of interpenetration of domestic policy and international relationships.

In the paper of I.F. Yarulin "The Russian Far East: Geopolitics, Geostrategy, Geo-Economics and Geopolitical Risks", the region is considered an interlink between Russia and the Asia-Pacific region. According to the author, the Russian Far East is the RF strategic key to the gates of Northeast Asia. The author concludes that the current situation generates geo-political risks and requires development of geopolitical and geostrategical approaches.

D.A. Lanko focuses on the theoretization of the ideas about the system of international relationships. These ideas influence the process of decision making in foreign policy. The paper shows that at present, the role of these ideas in the decision making process is similar to the role of geopolitical ideas of the beginning of the 20th century.

В статье демонстрируется, что сегодня эти представления играют для процесса принятия решений роль, схожую с геополитическими представлениями начала XX века.

Процесс международного сотрудничества и региональная интеграция в Северо-Восточной Азии – объект исследования работы Ю.А. Ламашевой. Основываясь на специальном методе факторного анализа, автор делает вывод об отсутствии благоприятных условий для формирования транснациональной идентичности в СВА.

Китайско-американскому соперничеству в Юго-Восточной Азии посвящена статья Я.В. Лексютиной. По мнению автора, оба государства преследуют цель расширения собственных сфер влияния в регионе и закрепления за собой главенства в происходящих региональных интеграционных процессах, при этом особой точкой соперничества США и Китая в Юго-Восточной Азии становится Южно-Китайское море.

В статье И.С. Ланцовой анализируется место и роль Корейского полуострова в геополитических стратегиях таких государств, как Китай, Россия, США и Япония с конца XIX и до начала XXI вв. Рассматриваются геополитические причины раскола Кореи, исследуются геополитические и геостратегические факторы развития международных отношений вокруг Корейского полуострова до и после окончания «холодной войны».

Завершает тематический выпуск статья А.С. Кима, в которой представлен теоретико-методологический анализ этнополитической конфликтности на российском Дальнем Востоке, а также выявлены основные направления научно обоснованной региональной национально-этнической политики и их роль в профилактике и мониторинге этнополитических конфликтов.

Надеемся, что представленные работы внесут свой вклад в разработку данного тематического поля, а главное, вызовут искренний интерес у читательской аудитории.

*Зам. главного редактора
Е.Н. Спасский*

The process of international cooperation and regional integration in Northeast Asia is the object of research of Y.A. Lamasheva. Based on a special method of factor analysis the author makes a conclusion that Northeast Asia lacks favourable conditions for the formation of transnational identity.

The paper of Y.V. Leksyutina covers China-U.S. rivalry in Southeast Asia. In the author's opinion, these two powers pursue their aims of expanding their spheres of influence in this region and of strengthening of their supremacy in the current regional integration processes. The South China Sea is becoming a special point in this rivalry between the USA and China.

I.S. Lantsova analyses the place and the role of the Korean peninsular in the geopolitical strategies of such countries as China, Russia, the USA and Japan from the end of the 19th century to the beginning of the 21st century. The paper considers geopolitical reasons for the split of Korea and investigates geopolitical and geostrategic factors of international relationships over the Korean peninsular before and after the Cold War.

This thematic issue is concluded by the paper of A.S. Kim, which presents theoretical and methodological analysis of ethnopolitical conflict potential in the Russian Far East and reveals major directions of scientifically substantiated regional national politics and their role in prevention and monitoring of ethnopolitical conflicts.

We hope that the presented papers will contribute to the development of this broad thematic field and, which is more important, will arouse sincere interest in the readers.

Sincerely yours,

*Evgeny Spassky
Deputy Chief Editor*

СТАТЬИ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

ДИСПЕРСИЯ СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ В АТР: ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

И.В. Радиков

Радиков Иван Владимирович – доктор политических наук, профессор, заместитель декана факультета политологии, профессор кафедры теории и философии политики Санкт-Петербургского государственного университета.

Контактный адрес: radikov_ii@mail.ru

В статье с учетом глобальных тенденций и региональных особенностей анализируется возможность реализации в современных условиях российской идеи создания коллективной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: опасность, угроза, безопасность, коллективная безопасность, международная безопасность, архитектура безопасности, система безопасности.

Международная политика последних десятилетий во многом определяется практически никем не оспариваемой мегатенденцией – смещением центра мирового развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Если на протяжении пяти последних столетий в центре мировой цивилизации находилась Европа, то сейчас АТР все в большей степени начинает предопределять мировое развитие. Происходящий сдвиг глобальной силы связан, прежде всего, со стремительным экономическим развитием этого региона и сопровождается растущим международным признанием его «мягкой силы». Здесь концентрируется, с учетом Российской Федерации, четыре крупнейших мироопределяющих экономики.

Почти каждое второе государство «Большой двадцатки» относится к Азиатско-Тихоокеанскому региону: Австралия, Канада, Китай, Индонезия, Япония, Россия, Южная Корея, США, Мексика. Здесь расположены крупнейшие геополитические центры: США – доминирующая сила в регионе со времен Второй мировой войны; Китай – самая многочисленная страна мира, вторая мировая сверхдержава; Индонезия – крупнейшая мировая исламская страна; Австралия и Новая Зеландия – государства с самым высоким уровнем развития в Южном полушарии; дальневосточные земли России с их огромными минеральными ресурсами (нефть, газ, золото, алмазы, цветные металлы), крупными городами и хозяйственными объектами, в том числе федерального значения. Российская Федерация имеет в АТР наибольшую протяженность сухопутных (Китай, Монголия) и морских границ.

Проблему безопасности в регионе делает чрезвычайно важной находение в АТР трех официальных ядерных государств, а также Японии, имеющей технические возможности и достаточное количество расщепляющихся материалов для создания ядерного оружия и средств его доставки к цели, и, по крайней мере, трех «пороговых» государств (Северная и Южная Корея, Тайвань).

Регион привлекает к себе своеобразием, уникальностью выбранных моделей модернизации, в том числе и политической, особенностью развития, основанном на специфическом синтезе демократических форм правления и автохтонной политической культуры. Совокупная мощь и потенциал Азиатско-Тихоокеанского региона сегодня в значительной степени определяют логику развития международной безопасности.

В этой связи и стратегия, и политика национальной безопасности Российской Федерации должны выстраиваться с учетом процессов, происходящих в этом регионе. Более того, восточная политика России, приобретая системный, целенаправленный и скоординированный характер, в известном смысле несет в АТР стабилизирующее начало. Новый российский подход к формированию архитектуры и международной и региональной безопасности в XXI веке (в Европе, на Востоке, «сообщества безопасности» в Евро-Атлантике и Евразии) связан с избранием Президентом страны Д.А. Медведева. Исходные позиции этого подхода зафиксированы уже в принятой в середине июля 2008 г. Концепции внешней политики Российской Федерации.

Применительно к Азиатско-Тихоокеанскому региону этот проект базируется на идее формирования коллективной безопасности, которая заменила бы существующую здесь систему обеспечения безопасности, основанную на блоках и двусторонних, и многосторонних военных союзах, и объединила бы все страны региона, заинтересованные в участии и обеспечении современной равной и неделимой безопасности, урегулировании разногласий мирными дипломатическими средствами. По-иному позиционирует себя в этой региональной системе и Россия.

В какой мере возможно в современных условиях реализовать российский проект создания коллективной безопасности? И что в связи со сложностями ее формирования должна учитывать российская политика обеспечения национальной безопасности? Эти вопросы и составляют предмет данной статьи.

Вначале сформулируем три методологически важных замечания.

Во-первых, существующие международная и региональные системы безопасности определяющим образом влияют на внешнеполитическую деятельность других государств и на всю систему международных отношений. Перед малыми государствами возникает дилемма: вне сложившейся системы безопасности для них более вероятна возможность возникновения различных угроз, а также сложность не только их предотвращения, но и устранения, вхождение же в систему вынуждает подчиниться этой иерархической системе. Великие державы как часть этой системы фактически навязывают свою волю менее слабым странам и определяют тем самым содержание, параметры и структуру международной и региональной систем безопасности. Совершенно справедливо указывает В.Е. Петровский, что более сильная держава обеспечивает безопасность для менее сильных, увеличивая тем самым автономию принятия решений, а слабая региональная держава получает гарантии безопасности в обмен на обещание следовать политическому курсу более сильной державы [9].

Во-вторых, системы безопасности, в силу отсутствия своей прямой кодификации, являются неустойчивыми институтами. Даже малое изменение политики безопасности одного из государств (особенно крупного), входящего в региональную или международную систему безопасности, может нарушить его функционирование.

Наконец, *в-третьих*, сложившиеся региональная и международная системы безопасности способствуют поддержанию атмосферы транспа-

рентности и предсказуемости в системе международных отношений.

Модель обеспечения безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона более полувека исходила из существования советской угрозы и основывалась на множестве двусторонних военных договоров, в каждом из которых США выполняли центральную роль. Базовым звеном этой системы альянсов выступал японо-американский союз безопасности. Но общей архитектуры безопасности, структур ее обеспечивающих в регионе не существовало. Она скорее была мозаичной. Наличие множества договоров и блоков явились источником существующих в АТР разделительных линий, взаимного недоверия и подозрительности, что вынуждало страны региона, находящиеся вне американских «опеки и защиты», искать дополнительные возможности укрепления собственной безопасности. С исчезновением советской угрозы эта система с государством-гегемоном не претерпела кардинальных изменений, она по-прежнему основана на стратегическом доминировании США, на блоках, двусторонних и многосторонних военных союзах. Также сохранились в регионе и разделительные линии. Современные азиатские государства существуют в быстро изменяющемся и преимущественно неструктурированном региональном контексте, которому недостает многосторонних механизмов сотрудничества в сфере безопасности.

Идея коллективной безопасности для АТР не нова. О ней заговорили почти одновременно с европейской. Но поскольку предложения по ее созданию исходили из Москвы, широкой поддержки ранее она не получила: некоторые государства АТР посчитали ее проявлением экспансионистской политики советского государства.

В настоящее время в АТР все шире распространяется понимание необходимости и возможности создания совместными усилиями такого регионального порядка, который отрицал бы любой односторонний диктат и формировался бы на базе многостороннего диалога. Это процесс обострен усиливающимся соперничеством за лидерство в регионе между США, Японией и Китаем, а также тенденцией к обеспечению себе все большей самостоятельности в мировых и региональных делах, проявляемой многими государствами региона. В то же время в регионе сохраняется целый ряд дестабилизирующих факторов. К ним отнесем, прежде всего, территориальные споры, затрагивающие большинство государств.

Российская политика обеспечения национальной безопасности должна учитывать потен-

циальную возможность превращения исторически сложившихся межгосударственных территориальных претензий в реальную угрозу не только для безопасности региона в целом, но и для собственной безопасности. Напомним, что в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. источником негативного воздействия на международную обстановку в среднесрочной перспективе в этом регионе названа лишь ситуация на Корейском полуострове [10]. Военные угрозы, формирующиеся здесь, возможность появления ядерного оружия, как известно, осознаются многими государствами и являются катализатором развертывания в АТР региональной системы противоракетной обороны. Временами напряжение здесь достигает стадии открытого балансирования на грани войны и мира между двумя корейскими государствами.

Но не только корейская проблема может создать реальные угрозы безопасности. Значительный конфликтный потенциал заключается в разногласиях по вопросу о принадлежности островов и акваторий в Южно-Китайском море. Включение Китая в сферу своих национальных интересов Южно-Китайского моря, наряду с Тайванем и Тибетом, делает крайне затруднительным какой-либо переговорный процесс относительно его претензии на спорные острова (Спратли и Парасельские).

Не исключено, что современная КНР реанимирует также свои исторические претензии на многочисленные спорные земли. Китайские территориальные претензии более чем к трети государств региона основаны на том, что якобы еще в XIX в. площадь империи ровнялась 12 миллионам кв. км, в то время как сейчас она достигает только 9,6 миллиона кв. км. Но опасность представляет уже сама идея замены принципов, определяющих архитектуру международных отношений и безопасности, таких как: принципа «нерушимости границ» и «права наций на самоопределение» принципом «исторического права».

Территориальные конфликты со своими соседями в Северо-Восточной Азии имеет и Япония. Территориальный спор, например, у Японии есть с Китаем по поводу островов Сэнкаку (китайское название Дяоюйдао). В этой связи особо отметим претензии Японии к России по поводу островов Южно-Курильской гряды. В силу того, что анализ «обоснованности» претензий Японии проведен уже давно и позиция российского руководства достаточно последовательна и взвешена, обратим внимание лишь на несколько моментов.

Во-первых, совершенно ясно, что нерешенность территориальных споров может создавать конфликтные ситуации, которые не только подрывают стабильность в регионе, но и негативно воздействуют на международный климат в целом. Территориальный спор может привести к войне, последствия которой могут быть необратимы. Усиление территориальных споров может повлечь за собой цепочку передела всего современного мироустройства. Во-вторых, территориальные споры между государствами мирными средствами сегодня могут быть решены только на основе выстраивания добрососедских взаимоотношений этих стран. В-третьих, Россия подает пример цивилизованного подхода для всех стран АТР к поиску путей разрешения такого спора, поскольку, имея территориальные проблемы с Японией, проявляет готовность искать с ней компромисс. Представляется, что только такой путь в современных условиях может привести к взаимовыгодному решению.

В-четвертых, активизация территориальных претензий, как правило, влечет за собой контрдействия. Одним из направлений такого контрдействия становится усиление военной составляющей безопасности. Другими словами, следствием претензий может стать новый виток военных приготовлений. Действия России подтверждают этот вывод. Известно, что после проведенных, при прямой поддержке властей 7 февраля 2011 г. в Токио в рамках так называемого дня «северных территорий», шумных выступлений радикалов с требованием «возвращения исконно принадлежащих» Японии островов, последовало заявление российского руководства об укреплении безопасности островов в военном отношении. Планируется разместить там новые современные системы управления, разведки и средства противовоздушной обороны как ближнего, так и дальнего действия.

Таким образом, мы видим, как нарастание военной мощи Японии провоцирует и активизирует ее территориальные претензии, а территориальные претензии, в свою очередь, вызывают увеличение военной силы в регионе.

Отсюда важнейший урок для формирующейся архитектуры безопасности: *она должна быть основана на принципах международного права и четкой фиксации взаимных политических обязательств.*

Наряду с территориальными спорами, к числу дестабилизирующих факторов в регионе отнесем неконтролируемую региональную гонку вооружений и опасность распространения ракет-

ных и ядерных технологий. Не будет сильным преувеличением утверждение о том, что сегодня идет всеобщая милитаризация Азиатско-Тихоокеанского региона. Именно в АТР сейчас находятся те страны, которые наиболее быстро наращивают военные расходы, укрепляют свой потенциал. Приведем несколько примеров. Так, военный бюджет Китая в 2011 году увеличится на 12,7 %, достигнув 91 млрд. долл. [6]. Япония была намерена в период с 2011 по 2015 гг. израсходовать на модернизацию сил самообороны 284 млрд. долл. [6]. В связи с трагическими последствиями трагедии марта 2011 г. эти планы, видимо, будут пересмотрены.

Южная Корея начала в 2006 г. программу, предусматривающую потратить на цели перевооружения в течение 15 лет в размере 550 млрд. долл. [6]. Вьетнам, имевший серьезные конфликты с КНР в прошлом и сохранив так и не решенные территориальные споры в районе Южно-Китайского моря, увеличит свой военный бюджет в 2011 г., по сравнению с прошлым годом, на 70 %. Как заявил министр обороны Фунг Куанг Тхань в ходе выступления на 11-м съезде Коммунистической партии Вьетнама (КПВ), он составит 52 трлн. вьетнамских донгов (2,6 млрд. долл.) [5]. Даже у такой небогатой страны, как Бангладеш, военные расходы составляют свыше 5 % от валового внутреннего продукта. Страна намерена выделить дополнительные средства на переоснащение вооруженных сил страны новыми видами вооружения и военной техники, включая управляемые ракеты для ВМС [2]. Более бедные страны (как Бангладеш) приобретают оружие у КНР – более дешевое, снятое с вооружения самим Китаем, в кредит. Богатые азиатские государства предпочитают покупать оружие в США, производить (Япония, Южная Корея) или закупать в России (Вьетнам, Индонезия) [5].

По некоторым оценкам, к 2020 г. на долю азиатских стран придется около четверти мировых расходов на военные цели. А самое мощное в военном отношении государство АТР – Соединенные Штаты Америки – уже сегодня расходуют на оборону столько же, сколько тратят на эти цели все остальные страны мира вместе взятые [4]. Такой рост вооружений не исключает возникновения непредсказуемых угроз в будущем.

Обратим внимание на то, что складывание и функционирование региональных архитектур безопасности в начале XXI в. определяется общими тенденциями, которые характеризуют сложный процесс формирования новой системы международной безопасности. Отметим эти тен-

денции, относящиеся к Азиатско-Тихоокеанскому региону.

1. Переход к новой системе международной (и региональной) безопасности происходит в условиях не только сохранения традиционных, но и появления новых опасностей и угроз, порожденных информационной революцией и глобализацией. Исчезает актуальность «внешней военной опасности», опасности крупномасштабных сражений, с вовлечением массовых армий, при крупнейших сосредоточениях боевой техники. Процесс превращения «военных опасностей» в военные угрозы становится менее вероятным. Спектр опасностей и угроз мировому сообществу смещается в те сферы обеспечения жизнедеятельности, которые связаны преимущественно с экономикой, энергетикой и экологией. Ныне угроза исходит и от тех технологий, которые человечество создавало для своего же благополучия. Эти новые угрозы увеличили риски возникновения аварий, катастроф и стихийных бедствий настолько, что проблемы обеспечения безопасности стали сейчас и на ближайшее будущее приоритетными. Особое место среди новых угроз занял транснациональный терроризм. Диверсификация современного спектра опасностей и угроз касается практически всех государств. В государствах рассматриваемого нами региона также происходит осознание, что эти вызовы современности, а тем более опасные трансграничные явления можно парировать только сообща. Вместе с тем общей консолидирующей, «системообразующей» угрозы не только для всего мирового сообщества, но даже и для отдельно взятого региона, сегодня нет. Тогда что же может стать тем фактором, который может привести к формированию коллективной системы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе?

Напомним, что все прежние региональные и международные системы безопасности возникали тогда, когда опасности становились реальностью и фактически ставили под вопрос физическое существование государств, регионов, всего человечества. Иногда считают, что в отсутствие таких общих угроз, новым системообразующим началом в формировании современных региональных и международной систем безопасности могла бы явиться политическая и ценностная однородность.

Но можно ли вообще утверждать, что в современных условиях в АТР существуют объективные условия для формирования единой системы безопасности? Азиатско-Тихоокеанское сообщество – это реальность или лишь перспек-

тива? И возможна ли региональная однородность в регионе, выделяющемся высокой интенсивностью и разнонаправленностью интеграционных процессов? Попробуем ответить на поставленные вопросы.

Анализ событий в регионе за последние 20 лет позволяет говорить о заметных тенденциях изменения прежней «азиатской модели» безопасности и постепенном переходе к многосторонним формам совместной организации системы обеспечения безопасности. Этот переход будет достаточно длителен по времени. Особенностью региональной системы обеспечения является то обстоятельство, что в ней еще долго сохранятся лидирующие позиции США и которые останутся по-прежнему самым мощным стратегическим субъектом региональной политики безопасности, политическим и военным лидером. Это объясняется тем, что США связывают с Японией, Австралией, Южной Кореей, Филиппинами и Таиландом двусторонние военные альянсы, а со всеми остальными странами региона – механизмы двусторонних консультаций. Однако США в современных условиях вынуждены корректировать свою политику в отношении перспектив коллективной безопасности в АТР. Прямо не выступая против идеи создания в АТР такой системы безопасности, против различных ее элементов: двусторонних и многосторонних образований, Вашингтон рассчитывает сохранить здесь свое военное присутствие, одновременно сняв угрозы своим национальным интересам, прежде всего, в сфере экономики и торговли и ослабляя сохраняющиеся в регионе противоречия. Идею создания коллективных структур и механизмов региональной безопасности с участием РФ выдвигает и Китай. О формировании региональной системы безопасности высказывается также Япония. В ее создании Токио видит новые возможности для сотрудничества и укрепления своих позиций в регионе. При этом, как подчеркивают японские официальные представители, приверженность Японии договору о взаимной безопасности с США является непоколебимой, а присутствие американских сил в Азии считается обязательным.

Некоторые факты уже свидетельствуют и об относительном ослаблении влияния Соединенных Штатов на состояние региональной безопасности. Так, в марте 2007 г. в ходе визита премьер-министра Австралии Джона Говарда в Японию, была подписана совместная декларация о сотрудничестве в области безопасности, направленной на укрепление военных связей меж-

ду двумя странами. Впервые за последние 50 лет в Азиатско-Тихоокеанском регионе было принято такое соглашение без привлечения США. Серьезные трудности также испытывают США в удержании стратегической инициативы при решении региональных конфликтов на Корейском полуострове.

Принципиальное отличие складывающейся архитектуры безопасности от прежней состоит в изменении направленности механизма обеспечения безопасности. Учитывая то, что регион не представляет собой единое целое, ожидать консенсусного подхода в определении ожидаемого вектора угроз для всех стран региона не приходится.

Вектор этой направленности сегодня, как и ранее, в значительной степени задается США. Заключенные двусторонние договоры, естественным образом входящие в американскую систему безопасности, означают на практике наличие пояса союзных США стран, способных коллективно противостоять реальной угрозе для региона. Но если основную угрозу США и его партнеры в регионе видели прежде всего на Севере и острее военно-политических альянсов региона было направлено на СССР (Россию), то сегодня проблема заключается в разном восприятии государствами региона и участниками прежней системы безопасности источника опасности и угроз: часть государств таким источником считает стремительно растущее влияние Китая, его претензии на статус мировой державы, в качестве потенциальной угрозы другие государства видят Японию, КНДР, США, Россию. Поэтому представляется, что в современных условиях особенностью формируемого механизма обеспечения безопасности в АТР будет его разновекторная направленность. Но в определяющей степени, тем не менее, он будет нацелен на нейтрализацию влияния и угроз со стороны КНР и Северной Кореи.

Рассматривая механизм обеспечения региональной безопасности, отметим, что в АТР, в отличие от Европы, сегодня нет единого доминирующего международного объединения, направленного на обеспечение стабильности и безопасности, а действуют несколько региональных образований разного формата и разной нацеленности. Отличительная особенность организаций АТР заключается в том, что в структурном отношении они носят достаточно размытый характер; принимаемые ими решения и подписываемые соглашения, как правило, не имеют обязательного характера, а потому выполняются доб-

ровольно. Такие организации действуют на базе консенсуса, по возможности учитывая мнение всех участников.

Вместе с тем возможность интеграции здесь основана на определении и осознании тех вызовов, которые стоят перед всем Азиатско-Тихоокеанским регионом. Наличие в регионе крупнейших мировых экономических центров, переплетение экономических и финансовых интересов региональных государств объективно требует защищенности этих интересов, развития потенциала трансграничной борьбы как с традиционными, так и нетрадиционными угрозами безопасности, укрепления механизма открытой, недискриминационной торговой системы, а также гарантий для обеспечения долгосрочной энергетической, ресурсной и продовольственной безопасности. Но содержание и направленность системы безопасности в регионе определяется известной особенностью АТР, состоящей в том, что в регионе значительной силой интеграционных процессов выступают государства «второго порядка», опасющиеся вмешательства во внутренние дела крупных держав, прежде всего, США. Это создает проблемы региональной стабильности. От позиций этих государств зависит возможность создания коллективной системы безопасности.

Главным механизмом общерегионального политического диалога по вопросам обеспечения мира и стабильности, противодействия новым вызовам современности, многостороннего сотрудничества в сфере безопасности и формирования мер доверия является региональный форум АСЕАН по безопасности. Комплексный анализ роли этой Ассоциации государств Юго-Восточной Азии в строительстве сообщества безопасности дан в коллективном исследовании Института Дальнего Востока РАН [1]. АСЕАН – одна из фундаментальных опор нынешней региональной системы безопасности. Стимулирование конструктивного диалога и консультаций по вопросам политики и безопасности, создание доверительных отношений в регионе – задачи этого форума. В него входят 27 государств, включая Российскую Федерацию. И если в предыдущие годы Россия была готова к обсуждению в рамках форума АСЕАН в основном только вопросов безопасности, то в рамках Проекта новой архитектуры безопасности ставится задача перейти к реализации долгосрочных программ. Речь идет о необходимом расширении участия России в многосторонних объединениях в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии

(СВМДА), Совещании министров обороны АСЕАН и диалоговых партнеров («СМОА плюс», АСЕАН+1 (+3, +6, +8, +10), Диалоге по сотрудничеству в Азии (ДСА), Восточно-азиатских саммитах (ВАС) и форуме «Азия-Европа» (АСЕМ). Проблемой для нас является тот факт, что форматы с участием России, как правило, далеко не так привлекательны для стран Юго-Восточной Азии, как диалоговые форматы с Соединенными Штатами, Китаем или Японией.

Вторым региональным форумом, в который не только входит, но и активно участвует Россия, является АТЭС, предназначенный для обсуждения прежде всего экономических вопросов. Однако эта организация не имеет специального административного аппарата, а также полномочий правопринуждения при разрешении конфликтов. Повышению весомости участия России на саммитах АТЭС способствовало расширение их повестки дня за счёт политических вопросов. Эта тенденция проявилась ещё в 1999 г., когда на саммите в Окленде было согласовано решение об отправке войск ООН в Восточный Тимор и была закреплена в 2001 г., когда на саммите в Шанхае была принята резолюция, осуждающая терроризм.

Еще больший импульс интеграционным процессам на пути к созданию системы региональной безопасности придала выдвинутая на саммите в Сантьяго в 2004 г. Россией совместно с США инициатива о внедрении принципов контроля за перемещением в регионе АТЭС переносных зенитно-ракетных комплексов (ПЗРК). По настоянию России, в итоговых документах саммита была отмечена необходимость опоры контртеррористической активности АТЭС на соответствующие международно-правовые документы, в частности резолюцию 1566 СБ ООН, а также важность активизации взаимодействия форума с профильными международными организациями и институтами. Кроме того, Россия выступила одним из инициаторов создания в рамках АТЭС механизма сотрудничества в области повышения готовности государств региона к чрезвычайным ситуациям.

Однако до последнего времени Россия оставалась для стран АТЭС менее привлекательным торгово-экономическим партнером, чем они для нее (доля России во внешнеторговом обороте стран АТЭС составляет примерно 1 %, в то время как доля стран АТЭС во внешнеторговом обороте России превышает 15 %). Причина проста: Россия пока может предложить региону, главным образом, лишь сырье, в то время как саму ее интересует, в первую очередь, высокотехно-

логичная продукция, производимая в странах АТЭС. Что касается российских производителей сложной технологической и наукоемкой продукции, то они пока слабо представлены в АТЭС.

Вместе с тем существует много других сфер с большим потенциалом для российского представительства в регионе. В их числе – стабильная поставка энергоносителей в рамках сахалинских проектов и через нефтепровод Восточная Сибирь – Тихий океан, соединение Азии и Европы путем развития маршрутов наземных грузоперевозок с использованием Транссибирской железнодорожной магистрали, внесение вклада по вопросам изменения климата и экологии. В этой связи чрезвычайно важным импульсом для активизации российской внешней политики явилась опубликованная 13 ноября 2009 г. статья Президента РФ Д.А. Медведева: «АТЭС: на пути к стабильному, безопасному и процветающему сообществу [8]». Он подчеркнул, что «...Россия заинтересована в том, чтобы Сибирь и Дальний Восток были самым непосредственным образом вовлечены в региональную интеграцию», и готова предложить партнерам по АТЭС богатейшие запасы нефти, газа и других полезных ископаемых, биоресурсы и пресную воду. Он также напомнил, что «...конкурентоспособным активом является научно-технологический, производственный и интеллектуальный потенциал нашей страны, в том числе её восточных регионов». Представляется, что 24-й саммит АТЭС во Владивостоке в сентябре 2012 г. станет важнейшим событием в развитии партнерских отношений России с этой организацией.

Однако реальность по-прежнему сталкивается с серьезным, так и не преодоленным еще барьером – отношением россиян в целом и российской политической, экономической элиты к Азии как к второстепенному району мира. И причин тому много. Это и традиция западоцентризма, и ориентация влиятельных сил российской правящей элиты на Запад, где концентрируются их личные капиталы.

Одной из важных опор нынешней архитектуры безопасности в АТР является Шанхайская организация сотрудничества. В настоящее время в ней состоят Казахстан, Китай, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан. Иран, Индия, Монголия и Пакистан имеют в ШОС статус наблюдателя. Председатель Комитета по международным делам Государственной думы ФС РФ К. Косачев отметил, что, в отличие от НАТО, ШОС не является альянсом защиты общих ценностей, а союзом по выработке механизмов

безопасности регионов. «Это не клуб режимов, а сообщество государств, объединившихся ради решения региональных проблем. При этом доверие – это главный капитал ШОС, позволяющий эффективно противостоять терроризму, экстремизму, сепаратизму и наркотической угрозе» [7]. Тем не менее отметим, что множественные структуры региональной безопасности на самом деле малоэффективны и существуют часто только на бумаге.

Создание системы безопасности в АТР в XXI в. не может, да и не должно проходить по неким общепринятым правилам, или по подобию европейской. С учетом сохраняющихся противоречий в регионе формирование системы коллективной безопасности будет идти параллельно по нескольким направлениям одновременно: на путях переговоров между двумя или несколькими странами, на субрегиональных уровнях и т. д. Эта система будет еще долгие годы развиваться с опорой на американскую военную мощь. С учетом «перезагрузки» российско-американских отношений, принципиальных изменений ее внешней политики, Россия в этой системе будет играть существенную роль. Уже сегодня у России складывается переговорно-консультационный процесс со всеми великими державами АТР по военно-политической проблематике: продолжаются переговоры с Китаем, проводятся российско-американские и российско-японские консультации на экспертном уровне с участием военных представителей сторон.

2. Сформировать единое поле не только глобальной, но даже и региональной безопасности, создать функционирующую, эффективную систему обеспечения равной, неделимой безопасности, будет сложно. Систему глобальной безопасности в современных условиях придется строить исходя из наличия «разновесных» региональных систем безопасности, которые, в свою очередь, состоят из государств, находящихся в разностатусных позициях и разносиловых категориях. Речь идет о том, что при внешнем сохранении относительного равновесия в последние десятилетия трех основных центров силы в мировом пространстве (США, Европейский Союз, Юго-Восточная Азия), существенно изменились не только соотношение могущества и влияния этих центров силы, но и ресурсно-силовой потенциал внутри них. И главное состоит в том, что силового монополизма какого-то одного из центров нет. Тем не менее принципиальным отличием современной повестки дня является то, что центр глобальной системы между-

народной безопасности начинает смещаться. Поскольку в последние годы центр внимания международных отношений движется от Атлантики к Тихоокеанскому региону, фокус новой архитектуры международной безопасности сосредоточивается на евро-азиатском направлении.

Если все прежние системы безопасности формировались, как правило, вокруг одного из самых мощных во всех сферах государств, то сегодня в формировании правил создания и функционирования новой архитектуры безопасности должны участвовать все государства, которые обладают наибольшим международным влиянием.

Применительно к Азиатско-Тихоокеанскому направлению это означает, что точками опоры формирующейся системы безопасности будут не только США. Как минимум, это будут такие центры силы, как Китай, Япония и Россия. Но сложность заключается в нахождении компромиссов между ними.

3. *Смещение вектора международных отношений в сторону Востока не только не означает уменьшение роли европейской системы безопасности в глобальной системе, а напротив, подчеркивает ее возрастающее значение в формировании глобальной системы безопасности.* Оно определяется тем, что европейская система – это единственная сложившаяся, в отличие от других регионов, система безопасности, с уже сформировавшимся механизмом определения опасностей и угроз и их отражением.

К этому добавим, что в последнее десятилетие эта система стала принципиально меняться. С принятием в декабре 2003 г. Европейской стратегии безопасности (ЕСБ) была закреплена ориентация на диалог, взаимодействие и партнерство или, другими словами, приверженность идее совместной безопасности и принципу многосторонности. Спустя 5 лет, Европейский совет принял доклад о реализации Европейской стратегии безопасности под названием «Обеспечение безопасности в меняющемся мире», тем самым подтвердив принципиальные положения стратегии и готовность Европы разделить ответственность за мировую безопасность и строительство лучшего мира.

В центре европейской системы обеспечения безопасности находится НАТО-форум для совместных консультаций 28 стран Северной Америки и Европы по вопросам безопасности, вызывающим общую озабоченность, и для совместных действий, направленных на их решение.

Окончание «холодной войны» привело к изменению роли и претензий этого регионального

военно-политического альянса. Сегодня он стал превращаться в организацию, которая претендует на роль гаранта безопасности во всемирном масштабе. В последнее время все более настойчиво раздаются призывы трансформировать НАТО в глобальную организацию: сделать полноправными членами организации Австралию, Японию и другие страны АТР. В 2006 г. Япония выступила с масштабной инициативой – «Создание пояса свободы и процветания», который по замыслу Японии должен охватывать страны Северо-Восточной Азии, Центральной Азии, Кавказа, Турции, Центральной и Восточной Европы и страны Балтии. Все это увязывалось с необходимостью тесного сотрудничества со странами НАТО в вопросах безопасности континента.

В новой стратегической концепции НАТО (2010) прямо указано, что кризисы и конфликты за пределами границ НАТО могут представлять собой прямую угрозу безопасности территории альянса и его населению. В этой связи совершенно определенно заявляется, что НАТО будет участвовать, где возможно и где необходимо в предотвращении кризисов, их урегулировании, стабилизации в постконфликтных ситуациях и в деле поддержки реконструкции [11]. Две из трех фундаментальных ключевых задач, стоящих перед европейским альянсом, могут считаться ключевыми и для АТР: кризисное урегулирование и безопасность на основе сотрудничества.

Таким образом, европейская система безопасности не только опосредованно, но непосредственно может стать участником процессов, происходящих в АТР. Очевидно, не все государства региона согласятся с таким пространственным расширением НАТО, но такая возможность является не только гипотетической.

4. *Принципиально новым содержанием в современных условиях наполняются средства и способы обеспечения как международной, так и региональной безопасности.*

Европейская стратегия безопасности дает нам пример этого нового содержания. В частности, в ней указывается: «Лучшая защита нашей безопасности – это мир эффективно управляемых демократических государств. Распространение культуры качественного управления, поддержка социальных и политических реформ, борьба с коррупцией и превышением властных полномочий, утверждение власти закона и защита прав человека являются лучшими средствами укрепления международного порядка» [3].

Европейский союз предпочитает убеждение принуждению, принцип многосторонних дейст-

вий односторонности и дипломатию силовым методам. Налицо тенденции реального перехода от «жесткой» к «мягкой» силе, к силе нормативных актов, к общепризнаваемой модели норм и ценностей, созданию благоприятной международной среды, а не ее обладанию. Для Азиатско-Тихоокеанского региона такой переход будет не простым. Если учесть умение Китая добиваться международных успехов, прежде всего, за счет «мягкой силы» в сочетании с экономическим фактором, то можно предположить, что именно Пекин может сыграть ведущую роль в формировании новой архитектуры безопасности в регионе.

5. Качественной характеристикой содержания современной системы международной и региональной безопасности является ее антропоцентризм. Ориентация европейской системы безопасности на достижение глобальных, или универсальных общественных благ актуализирует потребность каждого человека в безопасности. Речь идет о физической безопасности или свободе от страха; экономическом процветании или свободе от нужды; политической свободе или демократии, правах человека и верховенстве закона; социальном благосостоянии и образовании, медицинском обслуживании, чистой окружающей среде и т. д.

Надо признать, что и здесь, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, на протяжении последнего десятилетия, наряду с экономическими вопросами, в центре внимания непременно находится личностная безопасность. Подтверждается общемировая тенденция: в качестве одного из важнейших объектов безопасности в современных условиях объявляется человек. Например, уже в декларации глав государств АТЭС «Единое общество – наше будущее», принятой на 12-м саммите 20–21 ноября в Чили в качестве одного из направлений деятельности межправительственного форума АТЭС названо улучшение способов обеспечения безопасности человека, являющееся основой экономического роста. Это направление подтверждено и в последующем.

В качестве вывода отметим, что если не удастся создать глобальную и региональные системы безопасности (в том числе в АТР), укрепить механизмы обеспечения безопасности под эгидой либо модернизированных, либо вновь образованных международных и региональных

институтов, обеспечить правовое и справедливое участие в этой системе всех государств в своем национальном качестве, то нельзя исключать возобновления типичного для полицентричной системы международных отношений острого соперничества между новыми центрами силы, их попыток установить господство над регионами, имеющими жизненно важное значение для России и даже над некоторыми районами самой Российской Федерации.

Россия как великая мировая и азиатская страна, остающаяся мощной в военном отношении как постоянный член Совета Безопасности ООН могла бы сыграть одну из основных ролей в будущей системе безопасности в АТР – и в качестве участника, и в качестве гаранта договоренностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы. – М.: ИД «Форум», 2010. – 368 с.
2. Бангладеш займется модернизацией вооруженных сил [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.automan.kz/79912>.
3. Безопасная Европа в мире, который должен стать лучше. Европейская стратегия безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/.../031208ESSIIRU.pdf>.
4. *Бородавкин, А.Н.* Многомерная архитектура для полицентричного Азиатско-Тихоокеанского региона [Электронный ресурс] / А.Н. Бородавкин. – Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4_nsf.
5. В 2011 году военный бюджет Вьетнама возрастет на 70 процентов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vprk.name/news/48513>.
6. Военное обозрение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.topwar.ru/3373>.
7. Всероссийская конференция «Роль и место России в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)». – 2010. – 22 марта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newparlament.ru/news/view/365>.
8. *Медведев, Д.А.* АТЭС: на пути к стабильному, безопасному и процветающему сообществу [Электронный ресурс] / Д.А. Медведев. – Режим доступа: <http://www.strategy-center.ru>
9. *Петровский, В.Е.* Новая парадигма безопасности в Евразии [Электронный ресурс] / В.Е. Петровский. – Режим доступа: www.gau.su/observer/№4_2004/4_02.htm.
10. Стратегия национальной безопасности России // Российская газета. – 2010. – 19 мая.
11. Стратегическая концепция для защиты и безопасности членов Организации Североатлантического договора, принятая главами государств и правительств в Лиссабоне 19 ноября 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_68580.htm.

ИНТЕГРАЦИЯ В ЕВРОПЕ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: СРАВНЕНИЕ ПРИНЦИПОВ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ

В.А. Смоляков

Смоляков Владимир Александрович – доктор политических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Хабаровской государственной академии экономики и права.

Контактный адрес: smolyahov46@mail.ru

В статье даётся сравнительный анализ концептуальных подходов, принципов и теоретических парадигм экономической интеграции в Европе и Восточной Азии. Особое внимание уделено проблеме государственного суверенитета в условиях взаимопроникновения внутренней политики и международных отношений.

Ключевые слова: региональная интеграция, компаративный анализ, суверенитет, наднациональное управление, невмешательство.

Система международных отношений претерпевает эволюцию в направлении такого порядка, при котором региональные объединения государств постепенно перенимают некоторые экономические функции у национальных государств. Дальше всего этот процесс продвинулся в Европе. А вот Восточная Азия представляет пока ещё международную политику прошлой исторической эпохи.

С конца декабря 2005 г. на саммите группы АСЕАН + Китай, Южная Корея и Япония (АСЕАН Плюс Три – АПТ) был взят курс на строительство Восточно-Азиатского Сообщества (англ. East Asian Community) – предполагаемого экономического блока, в который должны войти также и участники Восточно-Азиатского саммита – Австралия, Индия и Новая Зеландия. АСЕАН взял на себя миссию главной движущей силы региональной интеграции. Структура процесса представляется в форме концентрических кругов: АСЕАН – АПТ – Восточно-Азиатский саммит и другие организации. Таким образом, эпицентр экономической интеграции сместился с разбросанного между континентами Азиатско-Тихоокеанского региона, представленного аморфной и ничего не решающей трансрегиональной организацией – Тихоокеанским форумом экономического сотрудничества (АТЭС) в более компактный район, включающий страны Тихоокеанской Азии (англ. Asian Pacific), а также Австралию, Новую Зеландию и Индию.

Концепция будущей экономической группировки продолжает оставаться непрояснённой, а вопрос о том, какую форму примет предполагаемое Сообщество – открытым. Участники интеграционного строительства в поисках образца ориентируются на самый успешный опыт – Европейский Союз, заимствуя его идеи и строительные

конструкции. Естественно, что данный опыт используется выборочно: берётся только то, что подходит к азиатским условиям. Если Европа идёт, попутно разрешая серьёзные противоречия, по пути политической интеграции к образованию квазифедерального объединения, то Восточная Азия всё ещё находится на этапе решения проблем начальных этапов экономической интеграции. Здесь ведущей особенностью интеграционного строительства стало развитие экономического сближения без создания наднациональных институтов. По выражению П. Катценштейна, «азиатский регионализм развивается рыночным путём, а не через формальные институты» [11: р. 12]. В связи с этим особый интерес представляет вопрос о сопоставимости европейского и азиатского теоретического и практического опытов региональной интеграции. С тех пор, как в 1961 г. Эрнст Хаас [10: р. 93–129] впервые предпринял компаративный анализ региональных интеграционных процессов, проблема сопоставления путей и форм, а также теоретико-концептуальных подходов к интеграции, стала ещё более актуальной. За последние годы появились и работы отечественных исследователей, в которых анализируются общие черты и сходства путей развития основных регионов мира [1, 2, 4].

В связи с растущим интересом к проблеме сопоставления путей и методов экономической интеграции (в последние годы применительно к Восточной Азии и другим регионам используют термин «регионализация») особенно важным представляется сравнительное осмысление концептуальных основ, на которых зиждется работа по созданию экономического сообщества в Европе и в Восточной Азии. Этот вопрос приобрел особую актуальность в связи с дискуссиями о путях и перспективах восточно-азиатского ре-

гионализма. Некоторые авторы, такие как, например, А.А. Байков, в своих работах выступают с критикой попыток абсолютизации европейского опыта интеграции и соответствующих классических теорий. Они доказывают, что нет единого образца регионализации и что возможны такие пути, которые ведут к решению проблем интеграционного строительства без ущерба для государственного суверенитета. В настоящей статье автор стремится подвергнуть компаративному рассмотрению социальные и когнитивные подходы к региональной интеграции и дать оценку практическому применению теорий самими архитекторами данного процесса.

Многомерная природа европейской интеграции и как процесса, и как структуры требует применения совокупности разных научных средств и теоретических подходов для объяснения и рациональной интерпретации сложных и противоречивых явлений. Среди диалектических по своей природе противоречий, которые необходимо было разрешать в процессе объединения, можно выделить следующие:

- независимость – комплексная взаимозависимость;
- сотрудничество – соперничество;
- принцип единогласия – принцип большинства;
- государственный суверенитет – надгосударственность (англ. *supranationalism*);
- элитизм – демократизм;
- единство – культурное многообразие;
- европейская идентичность – национальная идентичность;
- консолидация союза – расширение союза.

Единая Европа строилась в соответствии с принципом управления сложными социальными процессами, получившего название «инкрементализм». Это означало отсутствие грандиозных планов и конкретного определения ожидаемых результатов, а также резервирование возможностей для обходных манёвров и отступлений. Этот принцип был заложен в «Декларации Шумана», подписанной в 1950 г. Францией и Германией.

Решение проблем региональной интеграции происходило под влиянием трёх основных теоретических школ: 1) федерализма; 2) (нео)функционализма; 3) теории межправительственных взаимодействий (англ. *Intergovernmentalism*). Эти три парадигмы в разной степени отражают роль политики и формы её взаимодействий с экономикой, а также многообразно определяют методы принятия решений в рамках межгосударственного объединения. Характерно, что эти теории относятся к либеральному направлению на-

учной мысли, а, точнее, к её институционалистскому ответвлению. Марк Леонард следующим образом характеризует главную особенность международных отношений в Европе: «...В отношениях с другими странами европейцев не интересует классическая геополитика. Они в первую очередь рассматривают другую сторону проблемы: какие ценности поддерживает данное государство?» [4: с. 13]. В межгосударственных отношениях преобладает ставка не на «жесткую», а на «мягкую» силу. Первая проявляется в гонке вооружений и готовности применить военную мощь, а вторая – означает способность страны поступать так, чтобы «другие государства хотели того, что хочет она», за счёт ресурса attractiveness – привлекательности её культуры и идеологии. Первая форма влияния доминирует в Восточной Азии и других регионах мира, а вторая – в Европейском союзе.

Относительно восточно-азиатского теоретического дискурса следует отметить, прежде всего, его отставание от европейской международной-политической науки и отсутствие собственных парадигм [7]. Внешняя политика большинства стран региона, прежде всего, Китая и Индии, строится на основе политического реализма. Либерально-институционалистские принципы в незрелом виде воплощаются в практику международных отношений лишь в Юго-Восточной Азии. В Северо-Восточной Азии сохраняется противостояние, основанное на равновесии сил, происходит укрепление государственного суверенитета и нарастает национализм. Соответственно интеграционный проект, в который включились почти все страны Восточной Азии, отличается от европейского рядом особенностей концептуального свойства. Можно выделить ряд различий между двумя рассматриваемыми подходами к поиску путей интеграции, влияющих на их практическое воплощение.

Первая фундаментальная черта строительной работы в Азии – отсутствие собственных глубоко проработанных моделей и обоснований интеграции. Сложилось общее мнение, что интеграция в Восточной Азии происходит без соответствующего её теоретического осмысления. Созданный по предложению Японии и поддержанный Восточно-Азиатским саммитом экономический институт (*Economic Research Institute for ASEAN and East Asia*) занимается не теоретическими, а исключительно прикладными разработками конкретных вопросов интеграционного сотрудничества. Авторы книги «Региональная интеграция: Европа и Азия в сравнении» особо

подчёркивают такую особенность этого процесса в Азии, как его эмпирический и сугубо прагматический характер («Ad hoc nature integration») [20: р. 125–127]. «Строители» предпочитают пользоваться уже созданными и прошедшими проверку в Европе строительными конструкциями – практически выверенными этапами, формами, образцами. Но при этом характерно, что они не копируют всё то, что не подходит к условиям Азии, а выбирают методы и средства, действуя по принципу «muddling throw» (англ.) – постепенно продвигаясь с учётом возможностей и обходя препятствия, вперёд. Это помогает избегать доктринерства и, соблюдая осмотрительность, приспособливаться к местным условиям.

Вторая особенность – неукоснительное соблюдение совокупности принципов, получивших название «Путь АСЕАН», которые предполагается также распространить и на методы строительства Восточно-Азиатского Сообщества. Это объясняется в первую очередь тем, что Юго-Восточная Азия достигла наибольшего прогресса в деле создания международных институтов и в разработке принципов, которыми следует руководствоваться в процессе сближения. Эти принципы сводятся к следующим пунктам:

1. Невмешательство во внутренние дела в отношениях между странами-членами Ассоциации.
2. Соблюдение принципа отказа от формальностей и упор на этику межличностных отношений в процессе переговоров между лидерами стран-участниц объединения.
3. Минимальная институционализация межгосударственных политических и даже экономических отношений.
4. Консультации и консенсус в процессе принятия решений.
5. Отказ от использования силы и конфронтационных подходов в спорных вопросах.

Из этих исходных правил первое место занимает принцип невмешательства во внутренние дела суверенных государств. Он признаётся всеми участниками интеграционного процесса. Именно в этом пункте имеется существенное различие между европейской и азиатской моделями интеграции. Если обратиться к европейской концепции, то можно увидеть не только противоположные подходы к пониманию данного пункта, но и разный уровень видения международной политики. Одной из проблем политической интеграции является взаимопроникновение внутренней и внешней политики. Отказ лидеров восточно-азиатских государств от признания Маастрихтской модели суверенитета, т. е. сувере-

нитета политически (но не de jure) разделённого, логически означает четкое разделение на внутренние и внешние сферы политики. Поэтому в системе азиатской политики считается возможным полностью абстрагироваться от таких проблем, как характер политических систем и их совместимость, нарушение прав человека и т. д. Либеральная теоретическая парадигма региональной интеграции строится на идее зависимости хода и результатов данного процесса от характера политических систем. Успех в значительной степени предопределяется демократическим типом политического режима. Авторитарные режимы по своей природе не способны на глубокую экономическую и политическую интеграцию. Одно из отличий Восточной Азии заключается как раз в том, что она состоит из разнородных и даже противоположных политических систем. Если в Европе (исключая страны СНГ) в настоящее время все страны являются электоральными демократиями, то в Восточной Азии расклад совсем иной: из девятнадцати стран и территорий только шесть признаны экспертами в качестве либеральных демократий. А остальные являются авторитарными или полуавторитарными [8].

В интегрированной Европе уже произошла коренная перестройка политики как института. Отношения между народами европейского сообщества превратились во внутреннюю политику, а разграничения между внутривнутриполитическими и внешнеполитическими отношениями размылись. До создания Европейского Союза идея государственности и суверенности означала независимость от вмешательства извне, но сейчас в Европе этот принцип оказался преодолённым. Если в АСЕАН отсутствует механизм вмешательства во внутренние дела, то в ЕС основой безопасности стал институт взаимного вмешательства и контроля. В последние годы появился огромный объём научной литературы, посвящённый феномену «европеизации». Эти публикации в основном раскрывают проблему влияния институтов ЕС на политические системы государств-участников, а также их адаптации к европейской нормативной и стратегической среде в качестве эквивалента политической интеграции [12: р. 28].

На саммите в Копенгагене в 1993 г. был согласован ряд критериев, которым должны соответствовать все страны, стремящиеся вступить в Союз. Страны, вступающие в Союз, обязаны перестроиться в соответствии с тысячами стандартов, законов и нормативно-правовых актов, в совокупности составляющих около 80 тысяч стра-

ниц текста. «...Для всестороннего изменения стран, с которыми ЕС вступает в отношения, европейская дипломатия начинается не с военной стратегии, а с внутренней политики» – подчёркивает М. Леонард [4: с. 65]. Взаимный контроль в ЕС осуществляется в области прав человека, меньшинств, коррупции, бюджетной политики и демократии. ЕС стал проводником и контролёром демократического транзита в Греции, Испании и странах Восточной Европы. Его твёрдая позиция способствовала отстранению ультраправых сил во главе с Й. Хайдером от власти в Австрии. ЕС в 2010 г. оказывал давление на Францию, Швейцарию и Венгрию, где предпринимались попытки нелиберальными методами решить внутренние проблемы. Все эти примеры свидетельствуют об активном вмешательстве во внутренние дела суверенных стран, формально недопустимом с точки зрения норм международного права. Тем не менее мотивом и оправданием этих действий является концепция взаимозависимости и общих европейских ценностей.

Третья принципиальная особенность мировоззренческих установок на интеграцию восточно-азиатского типа – идеология авторитарного, «девелопменталистского» государства, обеспечивающего высокие темпы экономического развития. Авторитаризм базируется на описанной Л. Паем и другими авторами модели договора власти с обществом. Такое государство заботится о развитии и эффективности, с одной стороны, и в то же время старается обеспечить людей государственной заботой и перспективой – с другой. Известный сингапурский автор Кишоре Махбубани в книге «Новое азиатское полушарие: неотвратимое смещение центра мировой власти на Восток» говорит о том, что на Востоке, в отличие от других регионов, установился авторитаризм особого типа, – основывающийся на основополагающей роли справедливости в управлении обществом и чувстве долга перед подопечными [14]. Известный американский политолог Ф. Фукуяма убедительно показал, что одна из причин экономических успехов Восточной Азии коренится в наличии превосходных государственных институтов в этом регионе. В то же время имеется различие между политико-экономическими системами, которые «...отличаются в смысле сфер влияния государства и имеют разброс от минимализма Гонконга до крайнего интервенционизма Южной Кореи» [5: с. 42].

Четвертая характерная черта связана с тремя предыдущими: в планах отсутствует цель создания сильных многосторонних институтов, спо-

собных ограничить государственный суверенитет. В Восточной Азии не используется концепция «наднациональности», т. е. передачи части государственных функций международным структурам. Маастрихтская модель суверенитета признана неподходящей к условиям Восточной Азии. Вместо этого сотрудничество стихийно идет по пути развития двусторонних внутрирегиональных и кроссрегиональных связей, в совокупности образующих сетевые структуры, которые со временем могут перерасти в более институционализированные формы. Итак, если в Европе экономическая интеграция развивается в направлении политической системы постмодернистского типа, или некоего федерального квазигосударства, то в Восточной Азии она происходит с сохранением политического суверенитета национальных государств.

Пятое своеобразие региона – стремление концептуально, а там, где это возможно, то и практически отделить экономику от политики, что имеет следствием отказ от планов политической интеграции даже в отдаленном будущем. Либеральная парадигма международных отношений исходит из функциональных связей и отношений между политикой и другими сферами общественной жизни. Некоторые авторы склоняются и к детерминистскому пониманию этих взаимосвязей, отдавая предпочтение рынку и экономике в целом как движущей силе преобразований. С другой стороны, сторонники политического реализма отстаивают тезис об автономности и первичности политики. От избираемых нами методологических подходов зависит и трактовка перспектив глобализации и интеграции. Нежелание признать связь между экономикой, выступающей в качестве ведущей силы, и политикой помогает отрицать роль политического фактора как неизбежного следствия и условия успешной экономической интеграции. Предполагается, что экономические цели интеграции могут быть успешно реализованы и без создания наднациональных политических институтов. Лидеры Восточной Азии рассчитывают на то, что политическое измерение интеграции в регионе будет заключаться, прежде всего, в укреплении мира и безопасности, а любые попытки создать механизмы вмешательства во внутренние дела в этом плане станут контрпродуктивными.

Компартия Китая разделяет взгляды на возможность отделения политических вопросов от экономики. Этот подход имеет рациональные мотивы. Во внутреннем плане данная концепция призвана подтвердить выводы о возможности

углубления рыночных преобразований при сохранении коммунистической политической системы и их параллельного существования на протяжении целого исторического периода. В международном отношении тезис о раздельном функционировании политики и экономики помогает принять процесс глобализации как неизбежность, но только в её экономическом измерении. Теория политической глобализации Китаем отрицается. Глобализация в чисто экономическом измерении не представляет опасности для государственного суверенитета, автономии внутренней политики и принципа невмешательства во внутренние дела (особенно в таких вопросах, как права человека, проблемы Тайваня и национальных меньшинств). Данный подход совместим с представлениями о возможности экономической интеграции без создания наднациональных институтов и ликвидации таких препятствий, как соперничество между азиатскими державами (Японией и Китаем) за лидерство и территориальные споры.

Ведущая роль рынка в интеграционном процессе является еще одной, шестой спецификой региона. Крупный исследователь проблем регионализма П. Катценштейн в своих работах пишет, что в Восточной Азии государство и политика заметно отстают от рынка в проведении экономической интеграции. [11: р. 5]. Государства не столько стремятся ускорить процесс интеграции, сколько сотрудничать между собой в целях противодействия финансовым кризисам, экологическим бедствиям, фискальным и торговым дисбалансам. Рынок при этом опережает институциональное строительство в международных экономических отношениях. Особенно значительную роль в этом играют японские мультинациональные корпорации, переводящие производства в страны региона, занимающиеся вывозом капитала и прямыми инвестициями. Это объясняется, прежде всего, тем, что государства региона стараются сохранить контроль над развитием интеграции и даже сдерживают его.

Седьмое своеобразие концептуальной оснастки интеграционного строительства – концепция «Азиатских ценностей», вошедшая в моду в 1990-е гг. Само появление данной концепции свидетельствует о понимании роли общих ценностей и необходимости региональной идентичности для решения проблем интеграции. Концепция была выдвинута лидерами Таиланда Махатхиром и Сингапура Ли Куанг Ю. и в настоящее время пользуется наибольшей популярностью также в Индонезии, Индии, Таиланде и

среди определенных политических сил Японии. Одни авторы, руководствуясь этноцентристскими взглядами, связывают азиатские ценности с идеей «азиатизации Азии», под которой они подразумевают обретение общей азиатской идентичности всеми народами региона и восстановление преемственности исторического сознания, якобы разорванной сначала в эпоху колониальной экспансии западных держав, а затем и процессом глобализации в нашу эпоху. Другие наблюдатели исходят из понимания неизбежности и прогрессивности процессов глобализации, ведущих к интернационализации культур не только на глобальном, но и региональном уровне. Фунабаши, например, считает современную азиатскую культуру следствием «глобализма среднего уровня» [9].

Само появление этой духовной системы было обусловлено реальными предпосылками – «экономическим чудом». Специально проведенные исследования подтвердили предположение о том, что в возникновении «азиатского чуда» свою роль сыграла разумная экономическая политика. Однако этого объяснения явно недостаточно. На рубеже 1970–1980-х гг. было поколеблено учение о культурном детерминизме, согласно которому азиатские культуры якобы не способны стимулировать экономический подъем.

Следует иметь в виду, что экономическое богатство страны определяется не только политикой, технологией, наличием природных ресурсов и прочими моментами. Наряду с ними, существует ещё один фактор: культура. Макс Вебер – автор теории, согласно которой западное процветание объясняется «протестантской этикой», – в своё время подверг критике конфуцианство как антикапиталистическую теорию. Однако с тех пор концепция непреодолимости культурных барьеров оказалась поколебленной, благодаря пониманию того, что в восточно-азиатских обществах культура менялась медленно, а экономическая жизнь развивалась очень быстро, демонстрируя наивысшие результаты в мире. Фактором успеха признана культура некоторых народов Восточной Азии. Пропоненты концепции азиатских ценностей подкрепляют свою позицию аргументом, согласно которому Восточная Азия, несмотря на цивилизационную разнородность, имеет особое региональное основание – традиционалистскую политическую культуру; трудолюбие и бережливость; уважение к авторитетам и иерархии; подчинённость индивида группе (общине); предпочтение стабильности индивидуалистическому, либеральному западному со-

ревновательному активизму [14: р. 469–470]. Многие публицисты именно в конфуцианстве видят главный источник таких влияний на ментальность восточных народов.

Экономические успехи, продемонстрированные странами Восточной Азии, дали сторонникам азиатских ценностей аргумент в пользу успешности «третьего пути» – особой азиатской модели с уникальными институтами и политическими идеологиями, отражающими особую историю и культуру региона. Западные исследователи рассматривают её в качестве идеологической защиты от критики авторитарных порядков и противовеса западным либеральным ценностям. В то же время эти ценности следует рассматривать в более широком контексте – как проявление зарождающегося чувства общности судьбы и целей народов Восточной Азии. Махбубани и Огура, например, акцентируются на положительном эффекте, который оказывает общую культуру на процесс интеграции в Азии [16: с. 37–44].

Восьмая концептуальная установка заключается в курсе на открытость и инклюзивность создаваемой экономической группировки. Этот подход вырабатывается на саммитах путем преодоления разногласий, поскольку между Китаем и государствами АСЕАН, Японией и другими имеются различия в интересах и понимании долгосрочной стратегии и интересов. Экономически в Восточной Азии господствует сеть двусторонних отношений, большая часть из которых привязана к США и институтам глобального управления. В силу этих и ряда иных причин элиты стран региона осознают бесперспективность создания замкнутой группировки и стремятся расширить своё участие в институтах глобального управления, таких как ВТО или В-20.

Девятая особенность проявилась в провозглашении «Пекинского консенсуса» «Вашингтонскому консенсусу». В 1990 г. Джоном Уильямсоном был составлен список из десяти пунктов, который стал официально продвигаемым проектом неолиберальной глобализации. Вашингтонский консенсус предполагает открытие экономики развивающихся стран, передачу контроля над экономикой из публичного сектора в частный и ослабление роли государства [16]. После азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. авторитарный Китай возглавил критику «Вашингтонского консенсуса» и выдвинул свою версию – «Пекинский консенсус» [18, 19], который включил следующие главные элементы: 1) осторожность в вопросах приватизации, а также либерализации торговли и финансов;

2) защита национальных интересов и суверенитета государств и т. д. Азиатские страны в высокой степени единодушны в их подходе к роли государства в экономическом развитии. Л. Пай, например, в связи с этим пишет, что с точки зрения восточно-азиатских элит наибольший риск для Азии представляет не слишком большое, а слишком слабое правительство [12: с. 53]. Во многих отношениях «Пекинский консенсус» является дополнительной версией «Азиатских ценностей» и строится на посылке, что Азия имеет собственную уникальную историю и свой путь развития. «Пекинский консенсус» можно назвать восточно-азиатской моделью стратегии развития, которой сегодня придерживаются некоторые страны региона.

Для многих азиатов в Пекинском консенсусе имеется и важный пункт: они видят в глобализации процесс, направляемый Соединенными Штатами Америки. Поэтому вопрос о том, кто контролирует этот процесс, имеет для них судьбоносный аспект. Таким образом, «Пекинский консенсус» ориентирован на продвижение к многополярному миру с возвышением Азии, при этом Китай, Япония и Индия стремятся все громче заявить о своих позициях в международных делах.

Формулируя критическое отношение к принципам неолиберализма, Пекинский консенсус также пытается найти выход из фундаментального противоречия, порождаемого продвижением экономической реформы, которая значительно опередила политическое развитие. В центре политических дебатов во многих странах Азии сейчас стоит проблема: как перейти от закрытых политических систем к более открытым системам, не подрывая при этом политическую стабильность – предпосылку экономического роста. До настоящего времени преобладающие в Восточной Азии авторитарные политические режимы демонстрировали сравнительно высокую эффективность и способность поддерживать легитимность. Тем не менее, успешный опыт перехода к либеральной демократии в Южной Корее, Тайване, Индонезии, так же как и растущая проблема коррумпированности властей, вкупе с «кроунизмом» – основанным на клановых связях и протекционизме капитализмом азиатского образца, говорят о назревшей проблеме демократизации в странах Восточной Азии.

Вот почему в 2007 г. Индия, всё больше ориентирующаяся на западные государства, выдвинула в качестве противовеса китайской модели свою концепцию – «Нью-Дели консенсус». Данный документ включает такие принципы, как

демократическое правление и парламентаризм; правовая система, независимая от правящей партии; армия вне политики; содействие развитию многонациональных компаний; сохранение социального мира и баланса между имущими и неимущими; поддержка среднего класса, которому должны быть предоставлены средства политической артикуляции [16].

Рассмотренные взгляды являются, скорее всего, не законченными идеологиями, а политическими декларациями. Появление индийской версии свидетельствует о том, что в Азии нет единства вокруг основополагающих принципов стратегического развития. Страны заняты поиском своего пути и предлагают собственные альтернативы.

Предпринятый анализ позволяет сделать вывод о том, что между азиатским подходом и европейской теоретической моделью имеются принципиальные различия. Основные пункты этих различий следующие:

1) европейское понимание интеграции как всеохватывающего синергетического взаимодействия экономики, политики и культуры, с одной стороны, прагматически мотивированное концептуальное разделение политики и экономики – с другой;

2) в европейском дискурсе – признание принципа взаимопроникновения и взаимосвязи внутренней и международной политики и, напротив, жёсткое разделение политики на две сферы в Азии;

3) допустимость вмешательства во внутренние дела в европейской политике, с одной стороны, и принципиальное неприятие вмешательства во внутренние дела в концепциях и политике стран Восточной Азии («Путь АСЕАН») – с другой;

4) в Европе – развитие типа интеграции, ведущего к возникновению «транснационального полиса» постмодернистской эры, развитие наднациональных институтов и применение концепции разделённого суверенитета и в противоположность этому – метод единогласия в принятии решений и преимущественное развитие двусторонних связей в Восточной Азии;

5) возведение институтов либеральной демократии и прав человека в основное нормативное требование для всех членов Европейского Союза, с одной стороны, и типичное для Восточной Азии терпимое отношение к разнородности политических систем и ценностей, приоритетность социально-экономических прав перед политическими – с другой;

6) с одной стороны, либерально-институциональная парадигма международной политики и

исключение из практики европейских отношений принципа баланса сил и/или территориальных споров, акцент на использование «мягкой силы», а с другой – противоположная система межгосударственных отношений, основанная на парадигме политического реализма и равновесия сил;

7) если в ЕС происходит становление европейской идентичности, то в Восточно-Азиатском регионе, напротив, наблюдается подъём национализма, особенно в Китае, в обеих Кореях и «нового национализма» в Японии [22].

«...По сути, мы имеем дело с двумя стратегиями экономической интеграции, – пишут авторы книги «Региональная интеграция Европа и Азия в сравнении...», отвечая на сформулированный ими же вопрос: «Должна ли Восточная Азия копировать Европу?» (Philomena Murrey, part 9 – «Should Asia Emulate Europe?»). Они дают ответ, с которым нельзя не согласиться: «...Европа и Азия представляют собой две разные эпохи и соответственно – две стратегии региональной интеграции [20: р. 197–214]». Российский учёный Андрей Байков высказывает гипотезу об отсутствии нормативной интеграции как универсального образца для подражания. Он пишет: «...Практика опережает теорию. Чем дальше от Европы, тем выше концентрация всевозможных вариаций (с точки зрения «еврофилов» – девиаций) интеграционных взаимодействий» [1: с. 2]. С этим тезисом можно в целом согласиться. Однако автор данного критического замечания, подчёркивая значение интеграционных мотивов, несколько недооценивает универсальную роль реальных политических и социокультурных условий как предпосылок успешности интеграционного процесса. Опыт Европы демонстрирует нам, что интеграция не может подняться выше определённых ступеней без наличия такого условия, как наднациональность. Региональная интеграция в Восточной Азии происходит через либерализацию торговли, инвестиций и развитие сотрудничества без создания многосторонних наднациональных институтов. Этот процесс, согласно восточно-азиатским концепциям, может происходить при сохранении дифференциаций в политических системах, идеологиях. Трудно согласиться с утверждениями, что экономической интеграции не могут помешать рудименты «холодной войны» в Северо-Восточной Азии, как и споры о принадлежности островных территорий и морских шельфов в Восточно-Китайском, Южно-Китайском и Японском морях между государствами региона. Представление о различии путей интеграции может дать таблица, которая приводится ниже (таблица).

Таблица

Сравнение путей интеграции Европы и Восточной Азии

Индикаторы интеграции	Европа (ЕС)	Восточная Азия
Соотношение экономики и политики	Теоретически неразрывны и практически взаимодействуют	Экономика концептуально «отделена» от политики
Характер политических режимов	Интегрируются только либеральные демократии	Характер политических режимов не имеет значения
Вмешательство во внутренние дела	Допускается	Не допускается
Принцип наднациональности	Уже функционируют наднациональные институты	Межгосударственные или межкорпоративные отношения
Теоретическая парадигма международных отношений	Господство институционального либерализма	Политический реализм
Национализм в межгосударственных отношениях	Угасает	Усиливается
Общие политические и духовные ценности	Общеввропейские ценности – основа экономической и политической интеграции	Цивилизационная разнородность, культурный эрзац – Азиатские ценности
Наличие общей идентичности	Формируется	Отсутствует

Таким образом, Восточная Азия по сравнению с Европой представляет серьёзный контраст. Рассматриваемые концептуальные различия в наименьшей степени являются следствием какой-либо ошибочной стратегии. Скорее всего, они отражают объективные законы асинхронно развития мировой истории.

Несходства концептуального осмысления путей интеграции в двух рассмотренных регионах проистекают из того факта, что важнейшей особенностью азиатской региональной интеграции является высокая степень политической, культурной и даже экономической неоднородности Восточной Азии, что имеет как негативные, так и позитивные последствия. В связи с этим выдвижение и попытки реализации альтернативных стратегий развития интеграции следует рассматривать диалектически, т. е., понимая невозможность копирования европейских достижений в интеграционном строительстве, и в то же время, признавая, что глубокая и всесторонняя региональная экономическая интеграция невозможна без ряда политических и культурных условий. К ним относятся: максимально возможная однородность демократических политических систем; доминирование общих культурных ценностей; отсутствие исторически сложившегося недоверия, территориальных споров и острого соперничества между потенциальными лидерами интеграционного процесса; и, last but not least – готовность поступиться частью своего государственного суверенитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байков, А.А. «Интеграционные маршруты» западно-центральной Европы и Восточной Азии / А.А. Байков // Международные процессы. – 2008. – № 6.
2. Байков, А.А. Добровольное самоограничение / А.А. Байков // Независимая газета. – 2010. – 22 июня.
3. Леонард, М. XXI век – век Европы / М. Леонард. – М., 2006.
4. Стриженева, М.В. Европейский Союз и СНГ: сравнительный анализ институтов / М.В. Стриженев. – М., 1999.
5. Фукуяма, Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке / Ф. Фукуяма. – М., 2006.
6. Asia Times Online: Global Economy – Asia looks for consensus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.atimes.com/08/22/2007>.
7. Buzan, B. Why is there no non-Western international relations theory? An introduction / B. Buzan, A. Acharya // International relations of the Asia-Pacific. – 2007. – Vol. 7. – № 3. – P. 287–312.
8. Freedom in the World. 2010 // Freedom House. Данные получены на основе методики, используемой Домом свободы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.freedomhouse.org/research/freeworld/2010>.
9. Funabshi, Y. The Asianization of Asia / Y. Funabshi // Foreign Affairs. – 1993. – Vol. 72 (november-desember).
10. Haas, E.B. International Integration: the European and the Universal Process / E.B. Haas // International Political Communities: An Anthology. – N.Y., 1966.
11. Katzenstein, P. Asian Regionalism in Comparative Perspective // P.J. Katzenstein, T. Shiraiishi, eds. Network Power: Japan and Asia. – N.Y. Cornell Univ. Press. – 2006. – P.1 – 44.
12. Knill, C., Lenschow, A. Adjusting to EU Environment Policy: Change and Persistence of Domestic Administration / C. Knill, A. Lenschow // M.G. Cowles, J. Caporaso, Th. Risse (eds). Transforming Europe: Europeanization and Domestic Change. – Ithaca, 2001.

13. *Mahbubani, K.* The Pacific Way / K. Mahbubani // Foreign Affairs. – Vol. 44. – № 1. – P. 100–111.

14. *Mahbubani, K.* The New Asian Hemisphere: The Irresistible Shift of Global Power to The East / K. Mahbubani. – N.Y.: Public Affairs, 2008.

15. *Munakata N.* Has Politics Caught up with Markets? In Search of East Asian Economic Regionalism / N. Munakata // P. Katzenstein, T. Shiraishi, (eds). Beyond Japan: the Dynamics of East Asian Economic Regionalism. – N.Y.: Cornell Univ. press. – 2006; P.J.

16. *Ogura, K.* A Call for a New Concept of Asia / K. Ogura // Japan Echo. – Vol. 20. – № 3. – P. 37–44.

17. *Pye, L.* The Non-Western Political Process / L. Pye // The Journal of Politics. – August, 1958. – Vol. 20.

18. *Ramo, J.C.* China has discovered its own economic consensus / J.C. Ramo // Financial Times. – May 7. – 2004. – P. 13.

19. *Ramo, J.C.* The Beijing Consensus. – London, the Foreign Policy Center. Spring, 2004.

20. Regional Integration: Europe and Asia Compared // Woosik Moon (Ed.). – Aldershot, Hants, England; Burlington, VT, 2005.

21. *Williamson, J.* What Washington Means by Policy Reform? // J. Williamson, ed / Latin American Adjustment: How Much Has Happened? – Wash. D.C., 1990.

22. *Zhao, S.* Chinese Nationalism and Its International orientation / S. Zhao // Political Science Quarterly. – 2000. – Vol. 115. – № 1.

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: ГЕОПОЛИТИКА, ГЕОСТРАТЕГИЯ, ГЕОЭКОНОМИКА, ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ

И. Ф. Ярулин

Ярулин Илдус Файзрахманович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, политологии и регионоведения Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: iarulin@mail.ru

Роль Дальнего Востока России в международной деятельности характеризуется тем, что он является связующим звеном между Россией и Азиатско-Тихоокеанским регионом или же стратегическим ключом России к воротам Северо-Восточной Азии. Складывающаяся ситуация порождает геополитические риски и требует выработки геополитических и геостратегических подходов.

Ключевые слова: Дальний Восток, Азиатско-Тихоокеанский регион, геополитика, геостратегия, геополитические риски.

С наступлением эпохи глобализации мировое сообщество становится все более взаимозависимым как по экономическим, так и по политическим причинам. Изменяется соотношение между различными регионами планеты. Так, Азиатско-Тихоокеанский регион (по экономическим, геополитическим, демографическим и ряду других факторов) превращается в один из центров мирового развития. Поэтому взаимоотношения между государствами этого региона, а также формы их интеграционных связей во многом будут определять общую ситуацию в мире в XXI в. Определяющая тенденция последних десятилетий – смещение центра мирового развития в Азиатско-Тихоокеанский регион. АТР всё больше становится двигателем мировой цивилизации, роль которого на протяжении пяти последних столетий исполняла Европа. В Азиатско-Тихоокеанском регионе – с учётом Северной Америки – производится большая часть мирового продукта. В АТР находятся крупнейшие национальные экономики, включая самые большие – американскую, китайскую и японскую. В перспективе здесь будет пять крупнейших мировых экономик, добавляя Индию и Российскую Федерацию. Из стран «Большой двадцатки» почти половина относится к Азиатско-Тихоокеанскому региону. В регионе расположены крупнейшие геополитические центры современного мира, прежде всего, Соединённые Штаты Америки. Китай с его огромным населением не без основания рассматривается как основной претендент на звание второй сверхдержавы планеты. Во всех процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе активно участвует Индия. В АТР расположена крупнейшая в мире исламская страна – Индонезия. К АТР принадлежат государства с самым

высоким уровнем развития в Южном полушарии – Австралия и Новая Зеландия.

Как справедливо отмечает М.В. Ильин, «...демонтаж Советского Союза, а также политические перемены, происходящие в Российской Федерации и в сопредельных странах дальневосточной части Азии (Монголия, Япония, а особенно оба Китая и обе Кореи), выявили новые стороны геополитической ситуации в регионе. Отчетливее начали различаться природные основания геополитики, более проблематичными стали ее антропогенные аспекты. Многие политические «реальности», которые казались, если и не «вечными», то уж во всяком случае, достаточно устойчивыми, начинают восприниматься как подверженные изменениям. Это касается не только ситуаций «двух Китаев», «двух Корей», японо-советского (российского) противостояния, но и общего положения российского Дальнего Востока, включая и его политический статус» [4: с. 33].

Страны региона и, в первую очередь, Россия столкнулись с очень серьезными геополитическими вызовами, нуждающимися в осмыслении и оценке. С учетом фундаментальности проявившихся геополитических факторов и масштабов возникающих проблем требуется глубокий и всесторонний анализ, позволяющий разглядеть особенности и обстоятельства формирования геополитики Дальнего Востока. Императивы XXI в. заставляют взглянуть на Российскую Федерацию не как на европейскую или евразийскую страну, а как страну евротихоокеанскую. Однако в других странах региона Россию отнюдь не всегда воспринимают как Азиатско-Тихоокеанскую страну, поскольку демография, экономика и политика России в основном ориентированы на Европу.

Необходимость подобного взгляда оправдана в нынешних условиях не только научными интересами, но и требованиями текущей политики. В этой связи необходима продуманная взвешенная долговременная политика, одновременно сочетающая, с одной стороны, общее развитие азиатско-тихоокеанского вектора во внешней политике страны и, с другой – детальную проработку дальневосточной. С этой точки зрения Дальний Восток России рассматривается как основное звено в цепи решений при проведении внешнеполитической стратегии России в АТР. Необходимо сформировать азиатско-тихоокеанскую внешнеполитическую концепцию России, которая могла бы способствовать кардинальному укреплению позиций страны в этом важнейшем регионе XXI века. Развитию регионального сотрудничества, на наш взгляд, нужно придать новый импульс, поскольку именно проблема взаимодействия дальневосточных регионов со странами Северо-Восточной Азии пока еще недостаточно разработана российскими специалистами.

Анализ различных источников по данной проблеме позволяет сделать вывод об отсутствии как в России, так и за рубежом, единой теоретической геополитической концепции государства, основывающейся на исследовании его национальной силы и интересов. Не является до конца разработанной и проблематика анализа категории национальной силы, ее связи с геополитическим влиянием и потенциалом национального государства, что в известной степени является отражением системного кризиса, затронувшего все сферы общества, в том числе и область научных исследований.

Геополитическая ситуация на Дальнем Востоке исторически формировалась на основе пространственного освоения Россией дальневосточных территорий, с одной стороны, и стремлением других стран помешать этому – с другой. Сценарии отношений определялись основными принципами классической западной геополитики: контроль над пространством по периметру Евразии обеспечивает господствующие позиции в Евразии, господство над Евразией – ключ к мировому господству» [7: р. 29].

Уже к середине XIX в. во внешней политике США проявились два направления: аляскинское, предусматривающее проникновение в Сибирь на Дальний Восток России через Берингов пролив, и северо-западное, имеющее своей целью вторжение в Россию через плацдармы в Корею и Маньчжурии.

Попытки завладеть частью российских территорий предпринимались не раз. Известно, что

в 1920 г. при встрече с В.И. Лениным американский резидент В. Вандерлип предложил продать Камчатку в обмен на признание Соединенными Штатами Советской России [3: с. 12].

Наверное, многие видели открытое письмо Германа Стерлигова президенту России Д. Медведеву и председателю правительства В. Путину с предложением распродать территории России и на полученные деньги жить в рамках «исконно русского государства» [8]? Да, скандально и непатриотично, но такие мысли витают. И у многих наших экономистов такие идеи есть.

Следует согласиться с известным исследователем проблем Дальнего Востока Ю. Крупновым, что «...не правы те, кто рассматривает геополитику в качестве синонима внешней политики. Для России собственная территория, определяющая нашу геэкономическую и геополитическую мощь, является приоритетным пространством организации и основой российской геополитики. Этот вид геополитики можно назвать внутренней геополитикой» [6: с. 19].

В этой связи представляются перспективными современные разработки в сфере геэкономической теории. Экономический и энергетический потенциал Дальнего Востока определяют важность геэкономии при анализе ее современного геополитического положения. Многие геополитические проблемы в отношениях государств в регионе определяются экономическими причинами, стремлением реализовать геостратегические преимущества с наибольшим результатом. В этой связи России необходимо выработать собственную концепцию реализации своих геостратегических интересов в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Вследствие складывающихся сегодня геэкономических тенденций возникла предельно жесткая ситуация: либо нашу страну «разорвут» два геэкономических полюса: Евросоюз и «большая тройка» СВА (Китай, Япония и Республика Корея), либо мы сумеем превратить соседство с этими исполинами на западе и востоке в инструмент собственного прорыва. Поэтому либо будут созданы механизмы по извлечению ренты (rent-seeking) из собственного географического положения, либо наша уникальная география в еще большей степени выступит главным противником развития и даже существования страны [6: с. 5].

Наша пресса замалчивает, но у американцев идут мощные дебаты – а кому принадлежат острова по линии Шеварнадзе-Бейкера? Там 5 островов. А это шельф. И борьба за Арктику начинается очень серьезная. Американский совет при

Университете ООН в 2007 г. опубликовал прогноз под названием «Глобальные энергетические сценарии», где говорилось, что в связи с возможным потеплением и сокращением площади полярных льдов могут возникнуть конфликты с участием Норвегии и России (из-за раздела Баренцева моря), России и США (из-за Берингова моря).

России придётся иметь дело в Арктике не только с отдельными странами (США, Канада, Норвегия и Дания), но и с единым фронтом государств НАТО. Кроме этого, Финляндия и Япония также считают богатства российского сектора Арктики «достоянием мирового сообщества».

Нужно по-настоящему открывать Северный морской путь. Интерес к нему большой, по Северному морскому пути уже пытаются проходить суда из Европы. Нам надо обеспечивать проводку, логистику и безопасность, надо зарабатывать. Мы почему-то считаем, что без нас этот путь никто не освоит. А ведь технико-экономическое обоснование японцы сделали еще десять лет назад. Думают ли об этом на Дальнем Востоке России?

Долгие годы Северный морской путь обеспечивал транспортировку грузов для обустройства арктической зоны России, экспорт грузов из Европы в Японию, Китай и обратно, обслуживал несколько промышленных зон Советского Союза, где добывались цветные, редкоземельные металлы, ценные минералы и углеводороды. Однако экономические реформы 1990-х гг. фактически привели эту транспортную систему в упадок, а объём грузоперевозок по СМП сократился до минимума. Для нашей страны СМП – это выгодный и надежный ключ к природным кладовым Севера, Сибири и Дальнего Востока. В прилегающих к Арктике районах содержится 35 % мировых запасов нефти и газа. Здесь добывается 98 % алмазов, 90 % – золота, а также никель, платина. В совокупности это составляет пятую часть национального дохода страны.

К настоящему времени внешние границы арктической зоны РФ чётко не определены, поскольку существовавшие прежде морские границы в этом регионе сегодня не признаны многими государствами и международными организациями. Ещё в 1920-е гг. прошлого века пять стран – СССР, Норвегия, Дания, США и Канада – с молчаливого согласия остальных поделили Арктику на отдельные сектора. Каждая из пяти претендовавших на океанские воды «заполярных» стран просто продолжила свои границы по меридианам до Северного полюса. Естественно, что России при этом досталось около трети всей площади шельфа Арктики. Однако в последние годы мно-

гие страны стали находить такое решение несправедливым, особенно в свете прогнозируемого освобождения полярных морей ото льда, возможности за счёт этого расширить международное судоходство и начать добычу углеводородов в морях Северного Ледовитого океана.

Основанием для начала разговоров о переделе Северного Ледовитого океана стала подписанная в 1982 г. Конвенция ООН по морскому праву. Согласно ст. 76 этого документа, права пяти названных выше государств, территории которых частично расположены внутри Полярного круга, распространяются исключительно на их экономические зоны (200 морских миль от побережья, или примерно 370 км). Только в пределах этой зоны государствам разрешено разведывать и разрабатывать месторождения полезных ископаемых. В соответствии с Конвенцией ни одна страна не владеет Северным полюсом и морями вокруг него. Решением вопросов, связанных с полярными областями, занимается специальная комиссия ООН по шельфу. Конвенция ООН по морскому праву также объявила недра морей и океанов за пределами 200-мильной зоны общим наследием человечества, а значит, любое государство имеет право подать заявку на разработку участка арктического шельфа.

Ведущие мировые державы – Япония, Германия, США – уже готовятся к переделу арктических пространств, 1,2 млн. кв. км которых принадлежат России. В арктическом секторе залегают около 80 % российских запасов нефти и 90 % запасов газа и угля. Одно только Штокмановское месторождение, которое вместе с Россией разрабатывают транснациональные компании, содержит 3 800 млрд. м³ газа – эквивалент объёма газопотребления Франции за 80 лет. Россия намерена подать заявку в ООН на расширение своих северных владений ещё на 1,2 млн. кв. км (по территории – три Германии). В американском секторе Арктики запасы нефти Чукотского моря оцениваются приблизительно в 15 млн. баррелей, газа – свыше 2 трлн. м³.

В этой глобальной перспективе возникает проблема геополитических рисков для России. Геополитический риск представляет собой вероятность изменения геополитической ситуации на региональном и глобальном уровнях, выражающуюся в неблагоприятных условиях или дополнительных возможностях. Проблема геополитических рисков должна стать ключевым мотивом при оценке политического климата в регионе. Изучение геополитических рисков заключается в исследовании разнообразных факторов, включая

те, которые развиваются внутри такой системы, как данный регион, и влияющие на нее извне. Такими факторами можно считать особенности политической ситуации в регионе, глобальные политические процессы, международную экономическую конъюнктуру, местные и глобальные культурные, информационные и другие тенденции. Предметом изучения геополитических рисков можно считать также анализ механизмов протекания современных политических процессов, исторических традиций региона, географических, природно-климатических и иных условий, в которых они развиваются [9: с. 51]. Прогнозирование геополитического риска включает разработку наиболее вероятных сценариев его последствий, в первую очередь, с точки зрения безопасности субъекта.

Учитывая сложности предвидения развития геополитической ситуации в мире, невозможно строить долгосрочные прогнозы поведения. Поэтому для осуществления анализа геополитического риска необходимо провести системный анализ субъекта (страны, региона). Для этого нужно выявить геополитические, геоэкономические факторы риска, относящиеся к субъекту, установить структурную взаимосвязь этих факторов. На основе полученных данных выделяются политические и экономические переменные, которые могут сыграть негативную или позитивную роль.

В мире нет больше случая, когда страна, экономически ослабшая и теряющая население, соседствовала бы с самым населенным и динамично развивающимся государством. При этом Россия обладает огромными и еще не разработанными природными ресурсами, а Китай в целом – а в сопредельных с нами провинциях в частности – испытывает их острую нехватку.

Прежде всего, КНР нуждается в углеводородах, и Пекин готов идти на многое, дабы обеспечить их долгосрочные и гарантированные поставки с территории России. В 2009 году «Роснефть» и «Транснефть» получили от китайской стороны соответственно 15 и 10 миллиардов долларов на достройку нефтепровода ВСТО. В обмен российская сторона гарантировала поставку 300 миллионов тонн нефти в ближайшие 20 лет по фиксированной цене (которая в результате оказалась заметно ниже средневзвешенных ценовых уровней последних лет).

И все же Россия еще сохраняет известную свободу рук в энергетическом вопросе. Вот почему, несмотря на лоббирование китайцами строительства российского нефтепровода до китайского города Дацин, основная труба обходит

китайскую территорию и тянется до Японского моря. Ориентируя трубопровод на крупных потребителей в Азиатско-Тихоокеанском регионе (Япония, Корея и т. д.), Россия добивается того, чтобы китайцы не могли диктовать объемы и цены поставок нефти. По той же причине к разработке нефти на Сахалине активно привлекают западные, прежде всего японские, компании.

С другой стороны, сырьевая ориентация России в отношениях с КНР углубляется. В сентябре 2009 г. Президент РФ Д. Медведев и Председатель КНР Ху Цзиньтао одобрили Программу сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири с провинциями Северо-Востока Китая до 2018 г. Сотрудничество в рамках этой договоренности предусматривает «парное» строительство свыше 200 предприятий по обе стороны границы, причем в большинстве случаев эти пары ориентированы на добычу и вывоз в Китай российского сырья, его переработку на китайской территории. В ряде случаев речь идет о разработке очень крупных месторождений (Березовское железорудное, Удоканское медное, Беринговское угольное, Новиковское бурогольное и т. д.). В описаниях других проектов фигурируют золото, сурьма, титан, ванадий, магnezит, полиметаллы и апатиты. Внушительный перечень предприятий лесной промышленности: крупные лесоперерабатывающие комбинаты в Чите, Забайкальске, Усть-Куте, Тайшете, Амурске, а также предприятия меньшего масштаба по всему Дальнему Востоку.

Уже сейчас на Россию приходится почти две трети всего китайского импорта древесины (57 % в 2008 г.). Причем из России китайские компании получают (часто по контрабандным схемам) очень качественную древесину, которая обходится им в разы дешевле, чем импортируемая из других стран.

Сложность налаживания производственной кооперации с Китаем состоит в том, что нашему соседу от России не нужно ничего, кроме сырья и энергоресурсов [2: с. 55]. Возможно ли превращение России в зависимую от Китая страну, в вечный «сырьевой придаток»? Как этого избежать? Или России ради своего же самосохранения лучше стать «стратегическим и энергетическим огородом» Поднебесной?

Для предупреждения и устранения возможных политических рисков необходимо «уравновесить» влияние китайских партнеров другими крупными игроками (США, Япония, Южная Корея, Евросоюз, АСЕАН), международными финансовыми и промышленными группами; существенно расширить использование временной

рабочей силы из других стран (например, Кореи и стран СНГ) в работах по строительству объектов в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

Нужен конкретный план внедрения современных технологий на Дальнем Востоке. Практика показывает, что бизнес этим заниматься не будет, значит, нужна инициатива государства. За рубежом есть опыт – например, японская компания «Джетро», полугосударственная организация, которая занимается планированием и внедрением, развитием современных методов производства. Нужно заключать соглашения о сотрудничестве в модернизации со странами региона.

В 2009 г. российские инженеры представили схему Ленско-Камчатской железнодорожной магистрали (ЛКМ). Эта дорога протяженностью около 5 тысяч километров позволила бы соединить незамерзающий порт Петропавловск-Камчатский с Западной Сибирью и югом Дальнего Востока, создать еще один выход к побережью Тихого океана. ЛКМ возможно соединить с действующими дальневосточными железнодорожными трассами – БАМом и Транссибом. Магистраль обеспечила бы надежную транспортную связь труднодоступных в настоящее время районов Иркутской области, Республики Саха (Якутия), Магаданской области и Камчатского края между собой и с остальной территорией страны.

Мы сами, дальневосточники, не осознали еще, кто мы есть. Необходимо осознать идентичность России как государства не только европейского, но и азиатско-тихоокеанского. Надо выработать стратегию, которая бы соответствовала нашим возможностям и тому восприятию России, которое есть. Затем создать социальную инфраструктуру с учетом интересов всех поколений, здесь проживающих. Иначе молодежь будет уезжать. А ее заменит малоквалифицированная рабочая сила из сопредельного государства. При наличии больших контингентов «временно» ввезенной из Китая рабочей силы, занятой на сотнях предприятий и объектов, возрастает зависимость тех или иных районов, предприятий и даже целых отраслей от этой рабочей силы. А если вдруг отношения с активно развивающимся соседом когда-нибудь испортятся?

Как отмечает известный китайский аналитик Бобо Ло, «... хотя Пекин по-прежнему говорит о многополярном мире, он имеет в виду создание двухполюсного китайско-американского мира, в котором другие крупные державы имели бы слабо второстепенное влияние. Удельный вес России в китайской внешней политике будет неуклонно снижаться. Иногда у Пекина может появиться

искушение заручиться поддержкой Москвы в противодействии гегемонистским устремлениям Вашингтона, но неверие в возможности (и надежность) России указывает на то, что Китай предпочтет не связывать себя никакими обязательствами в борьбе с потенциальной угрозой геополитического окружения. Тем временем растущий дисбаланс в китайско-российских отношениях свидетельствует о том, что двустороннее взаимодействие будет становиться все более затруднительным, хотя китайское руководство будет пытаться управлять своим северным соседом» [1: с. 47].

Представляется крайне актуальным создание в Хабаровске аналитического центра, где просчитывалось бы все варианты – геополитические, геоэкономические, геостратегические, вероятность наступления геополитических рисков.. В соответствии с решениями Хабаровского совещания «Россия–ЕС» можно создать межведомственную рабочую группу из представителей внешнеполитических, хозяйственных и иных структур с участием представителей отечественного бизнеса и экспертного сообщества для очень серьезной, глубокой разработки концептуальной и реалистичной модели концепции взаимодействия российского Дальнего Востока со странами Европы и АТР. Мы представляем, какие центры работают на китайское правительство. А знаем ли мы своих будущих партнеров по работе со структурами АТР? Мы этих людей не знаем, они нас не знают. А в Азии персональный подход – это всегда очень важный момент.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобо Ло. «Постоянная перезагрузка» Китая / Бобо Ло // Россия в глобальной политике. – 2010. – № 5.
2. Верлин, Е.В. Россия – Китай: время корректировать курс / Е.В. Верлин, В.Л. Иноземцев // Свободная мысль. – 2010. – № 8.
3. Иванов, С. Американская агрессия на советском Дальнем Востоке / С. Иванов. – Владивосток, 1952.
4. Ильин, М.В. Российский Дальний Восток в геополитической системе координат Азиатско-Тихоокеанского региона / М.В. Ильин // Россия и Корея в меняющемся мире: Матер. науч.-практ. конф. – М., 1997.
5. Крупнов, Ю.В. Дом в России: Национальная идея / Ю.В. Крупнов. – М., 2003.
6. Крупнов, Ю.В. Транссиб «версия 2.0» как инструмент восстановления транзитного потенциала и основа оживления России в 2020–2030 гг. / Ю.В. Крупнов // Транспорт Российской Федерации. – 2010. – № 2 (27).
7. Эжиев, И. Геополитический риск: предмет, объект, классификация, анализ, прогнозирование / И. Эжиев // Власть. – 2011. – № 1.
8. http://www.sterligoff.ru/otkritoe_pismo.html.
9. Spykman, N.G. Geography and Foreign Policy I / N.G. Spykman // American Political Science Review, Vol. XXXII, № 1. – P. 29.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ МИРА КАК ГЕОПОЛИТИКА ПЕРИОДА КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Д.А. Ланко

Ланко Дмитрий Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

Контактный адрес: dimpra@hotmail.com

Международные отношения остаются непредсказуемыми, что вызывает озабоченность политических лидеров и интеллектуальных элит. Преодолеть ее позволяют представления о системе международных отношений, например, взгляды на систему международных отношений, состоящей из регионов. Эти представления изменяются в зависимости от элиты, которая их разделяет, а также внутри одной элиты с течением времени, благодаря чему исчезают одни регионы и появляются другие. В статье демонстрируется, что сегодня они играют для процесса принятия решений роль, схожую с геополитическими представлениями начала XX века.

Ключевые слова: геополитика, регион, географическая близость, внешняя политика, теория международных отношений, глобализация, политические лидеры, интеллектуальные элиты.

«Холодная война» подарила второе значение категории «геополитический». В первой половине XX в. этой категорией обозначалась группа факторов, которые, наряду с прочими, государствам следует принимать во внимание в процессе принятия внешнеполитических решений. От прочих геополитические факторы отличались своей связанностью с физико-географическими, экономико-географическими или политико-географическими характеристиками той территории, в отношении которой принимается данное решение. Первая геополитическая теория была разработана в начале XX в. Х. Маккиндером, который предположил, что мир состоит из двух регионов, приобретающих на карте мира концентрические очертания. Один из них, в более поздних трудах получивший название Хартленда, расположен вокруг того места, которое Х. Маккиндер называет «географической осью истории» [19], второй – опоясывает первый. Иначе говоря, Хартленд в представлениях британского ученого объединял страны, окруженные со всех сторон сушей.

В этом регионе наиболее значимой страной Х. Маккиндеру представлялась Россия. Второй регион, в более поздних трудах получивший название Римленда, объединял страны, имеющие непосредственный выход к мировому океану; наиболее значимой среди них в тот момент была Великобритания. Нельзя не отметить влияния политических взглядов самого Х. Маккиндера на основные положения его теории [22: р. 76–81]. Как британец, он полагал, что колонизация территорий, непосредственно прилегающих к миро-

вому океану, является делом гораздо более простым, чем колонизация внутренних территорий материков. В самом деле, Британская империя всегда расширялась путем создания колонии на побережье с последующей экспансией вглубь колонизируемой территории. Способ расширения империи без опоры на морское судоходство – так формировалась, например, Российская империя – британцы считали гораздо более сложным. Отсюда и представления о приоритетности Хартленда над Римлендом, якобы расположенного вблизи географической оси истории.

Достижение мирового господства предполагало решение обеих целей: колонизации и морского побережья, и внутренних территорий, причем вторая задача представлялась британцу Х. Маккиндеру гораздо более сложной. При этом у Х. Маккиндера не возникало сомнений в географической предопределенности существования и непрерывного расширения Британской империи, благодаря чему сегодня мы рассматриваем его теорию именно в контексте империализма [8]. Кроме того, Х. Маккиндер, как представляется, относился к той части британской элиты начала XX века, которая полагала, что в будущей большой войне Великобритания и Россия будут воевать не на одной стороне, как это произошло на практике, а друг против друга. Отсюда и такое внимание к Российской империи в его теоретических построениях. Ведь географическую ось истории британский ученый помещает в район современного Афганистана – в начале XX в. именно здесь имели место столкновения российских и британских интересов.

Британская империя приближалась к Афганистану с юга, из сегодняшней Южной Азии, а Российская империя – с севера, из сегодняшней Центральной Азии. Значение фактора Османской империи в российско-британском противостоянии вокруг Афганистана Х. Маккиндер не принимает во внимание. Если бы Британской империи удалось овладеть Афганистаном, то оттуда она могла бы начать экспансию в Среднюю Азию и одержать верх над Россией уже не в прибрежной войне – как это было в Крымскую войну в середине XIX в. – а в самом Хартленде или, как мы сказали бы сегодня, на российской территории. В этом случае Великобритания утвердила бы свой статус в качестве единственной великой мировой державы, а не одной из нескольких крупных держав, как это было в начале XX в. Однако данная теория представляется верной лишь в том случае, если подтверждается предположение Х. Маккиндера, не основанное ни на чем, кроме его внешнеполитических представлений, что главным врагом Британской империи является Россия.

Если же предположить, что главным врагом Великобритании является Франция, то географическую ось истории следовало бы поместить во внутренние районы Африки, где в начале XX в. сталкивались британские и французские интересы. А если взять за основу теории британско-японское противостояние, то географическую ось истории следовало бы поместить в Монголию. То, что в работе Х. Маккиндера она была размещена именно в Афганистане, обуславливается, главным образом, его представлениями о крайне важной, причем в негативном плане, роли России с точки зрения имперских амбиций Великобритании. Позднее, в годы «холодной войны» и даже в начале XXI в., Афганистан вновь и вновь становился причиной озабоченности международного сообщества. Однако это стало следствием не физико-географического положения Афганистана, а результатом глобального противостояния уже другой крупной морской державы – США – и опять-таки России, вернее, Советского Союза.

В годы «холодной войны» категорией «геополитический» стали также обозначать факторы, влияющие на внешнюю политику государств, связанные не с географическими характеристиками территории, но с глобальным противостоянием двух великих держав – США и СССР. Помимо противостояния на глобальном уровне, выражавшемся в гонке стратегических вооружений в период обострения отношений и символиче-

ских договорах о сокращении таких вооружений в периоды потепления, противостояние между США и СССР имело и второе измерение – региональное. Суть регионального измерения сводилась к следующему. Каждая из великих держав доминировала в одном из регионов мира: для США это было западное полушарие, для СССР – менее компактный с географической точки зрения регион, обозначавшийся термином «восточный блок». Это доминирование не было абсолютным: в западном полушарии нельзя не упомянуть случай Кубы, внутри «восточного блока» важную роль играли внешнеполитические амбиции Китая и Югославии.

Что же касается других регионов мира, то здесь каждая из великих держав стремилась создать собственную сферу влияния. Иногда борьба за эти сферы влияния шла настолько остро, что та или иная страна оказывалась расколотой пополам: в Европе примером является Германия, в Азии – Корея, Китай и Вьетнам. Однако и в ситуации, когда раскола страны не происходило, этот конфликт был достаточно жестким: достаточно вспомнить противостояние между Индией и Пакистаном в Южной Азии или арабо-израильский конфликт на Ближнем Востоке. Государствам, принадлежащим к тому или иному региону, или стремившимся строить свою политику в данном регионе, следовало принимать фактор глобального противостояния двух великих держав, иначе говоря, геополитический фактор во внимание. После окончания «холодной войны» противостояние двух великих держав утратило свое значение. Однако представления о том, что мир состоит из регионов, сохранились, и они продолжают оказывать влияние на внешнюю политику государств.

Это влияние также можно охарактеризовать как проявление геополитического фактора в процессе принятия внешнеполитических решений. Его значение для внешней политики целого ряда государств легко проследить по мемуарам лидеров этих государств, в которых они пытаются оправдать те внешнеполитические решения, которые они приняли в период, когда занимали высшие посты в своих государствах. Так, президент США Б. Клинтон утверждал, что одним из оснований решения США не вмешиваться на начальном этапе в конфликт в Руанде стал именно региональный фактор. Всего за полгода до начала геноцида в Руанде США потерпели сокрушительное поражение в другой африканской стране – Сомали, и у администрации США не было возможности убедить Конгресс в необходимости

проведения новой военной операции в Африке. Тем более что, как признавал сам Б. Клинтон, Африка является регионом, «...не имевшим [в то время] жизненно важного значения для... национальных интересов» [4: с. 663] США.

Государственный секретарь США в период правления Б. Клинтона М. Олбрайт в своей работе «Религия и мировая политика», в частности, пытается оправдать демократическую администрацию Б. Клинтона, которая, по мнению республиканцев, за восемь лет пребывания у власти сделала недостаточно для разрешения ближневосточного конфликта. В самом деле, в первые годы XXI в. среди американской элиты распространялись слухи, что якобы сам президент Дж.У. Буш осуждает Б. Клинтона за пассивность в деле ближневосточного урегулирования. Дж.У. Бушу пришлось даже официально опровергать эти слухи в ходе одной из своих пресс-конференций [10]. В свою очередь, М. Олбрайт объясняет невозможность быстрого достижения мира на Ближнем Востоке не невниманием к этой проблеме американской администрации, но особенностями самого региона Ближнего Востока, особенностями протекания там территориальных конфликтов. Она пишет, что «...на Ближнем Востоке, потеряв земли, люди немедленно начинают строить планы их возвращения» [5: с. 154].

Не отстают от американцев и европейские политические лидеры. Так, Канцлер ФРГ Г. Шредер в своих мемуарах предостерегает от поспешных решений, основанных на критике ситуации с правами человека в КНР. По его мнению, трудности в области прав человека в Китае обусловлены, в том числе и его геополитическим положением в Азии. По мнению Г. Шредера, нельзя ожидать от азиатских стран, «...чтобы там в два счета образовались и утвердились правовые стандарты, аналогичные тем, за которые наша [европейская] демократия вынуждена была долго и мучительно бороться» [6: с. 142]. Наконец, президент Чехии В. Гавел в своих мемуарах, обращаясь не только к проблемам внешней политики, которыми занималась его администрация, но и возникшим после его отставки, характеризует «оранжевую революцию» в Украине как очередное подтверждение того, что Украина принадлежит Европе, а не Евразии. По мнению В. Гавела, европейская принадлежность Украины видна и на карте, и «оранжевая революция» лишь подтвердила этот факт [15: р. 23].

При этом политические лидеры и интеллектуальная элита исходят из предположения, что границы современных регионов обусловлены

объективными факторами. Сторонники различных теорий международных отношений называют разные факторы, определяющие границы регионов. Некоторые из этих теорий уходят корнями в первую половину XX в., например, теория функционализма. Подобно большинству теорий международных отношений первой половины XX в., функционализм видит своей основной задачей описание идеальной системы взаимоотношений между государствами, создание которой позволило бы избежать войн. Д. Митрани, автор классического труда по теории функционализма, предполагает, что мир во всем мире будет достигнут тогда, когда все государства будут объединены плотной сетью так называемых функциональных связей [20]. Под функциональными связями Д. Митрани понимал то, что в современной науке международных отношений обозначается категорией *сотрудничество*.

При этом имеется в виду не только сотрудничество между государствами, но и взаимодействие отдельных его ведомств, а также органов местного самоуправления, коммерческих предприятий и неправительственных организаций, ведущих международную деятельность вне зависимости от своих правительств. В работе Д. Митрани уделяется меньше внимания международным связям неправительственных организаций, однако, указывается, что и отношения между обычными людьми могут быть отнесены к функциональным связям. О «функциональном сотрудничестве как условии преодоления конфликта» писал и Э. Хаас [14]. В этих работах авторы отдают себе отчет в том, что весь мир, опутанный плотной сетью функциональных связей, является политической ценностью, к реализации которой необходимо стремиться; в настоящее время сети функциональных связей в одних частях мира являются достаточно плотными, однако, другие его части практически не связаны такими отношениями между собой.

Эти части мира и получают название регионов. С точки зрения теории функционализма, регион – это группа стран, объединенных плотной системой функциональных связей. Данное определение отличается от других представлений о регионах, как минимум, с двух точек зрения. Во-первых, данное определение предполагает, что регионы создаются самими странами, входящими в регион, путем развития международного сотрудничества между этими странами. Во-вторых, данное определение предполагает значительную роль государства в процессе формирования региона. В самом деле, хотя регион не

возникает, если негосударственные участники международных отношений в нем не развивают функциональные связи между своими странами, именно на плечи государств региона ложится ответственность за формирование нормативно-правовой базы международных отношений, без которой развитие функциональных связей не представляется возможным.

Данная классификация определений региона предлагается Ф. Тассинари в его работе, посвященной Балтийскому региону [23]. По его мнению, представления политических лидеров и интеллектуальной элиты о происхождении современных регионов можно разделить именно по предлагаемому двум признакам. С одной стороны, различные представления о происхождении регионов имеют тенденцию к противопоставлению регионов, формирующихся «изнутри», по воле стран, входящих в регион, и регионов, формирующихся «извне», под влиянием факторов, географически расположенных за пределами региона. С другой стороны, противопоставляются также регионы, формирующиеся «сверху», благодаря межгосударственным соглашениям о сотрудничестве или противодействии внешней угрозе, и регионы, формирующиеся «снизу», то есть в представлениях людей о том, что данная группа стран образует регион, в том числе и в представлениях политических лидеров, и интеллектуальной элиты.

Так, если определение регионов, даваемое теорией функционализма, можно отнести к определениям, согласно которым регионы формируются сверху и изнутри, то теория реализма рассматривает регионы как группы стран, создаваемых сверху и извне, под влиянием внешних факторов. В частности, именно таким образом рассматривает регионы классическая работа по теории реализма, увидевшая свет через пять лет после публикации труда Д. Митрани; имеется в виду работа Г. Моргентау [21]. Как и для функционализма, целью классического реализма было описать идеальную модель международных отношений, исключаящую начало войны. Однако ключевым понятием реалистической модели стали не функциональные связи, но категория баланса сил. Поскольку классический реализм отталкивается от предположения, что государства обладают различной силой, то страны, обладающие меньшей силой, объединяются в коалиции, призванные противостоять давлению со стороны государства, обладающего большей силой.

Страны, объединенные в такие коалиции, и образуют регион, с точки зрения классического

реализма. В реализме регионы формируются сверху, поскольку только государства создают оборонные союзы, и извне, поскольку оборонные союзы создаются для противостояния внешней угрозе, географически расположенной за пределами региона. Ярким примером здесь является Североатлантический регион. Возникновение этого региона было обусловлено созданием НАТО – коалиции, направленной против внешней угрозы – Советского Союза. Однако, поскольку Устав ООН предполагает возможность создания лишь региональных оборонительных союзов, было объявлено, что НАТО является региональным оборонным союзом для Североатлантического региона. Ведь Устав ООН не дает определения региона, что открывает возможность для представления практически любой группы стран в качестве региона. Примеры региональных оборонных союзов периода «холодной войны» в Азиатско-Тихоокеанском регионе подтверждают этот вывод.

Однако эти оборонные союзы оказались недолговечными. Лишь НАТО смогла пережить окончание «холодной войны». Соответственно Североатлантический регион из всех регионов, созданных в годы «холодной войны» по рецептам, данным реалистами, сохранился до настоящего времени как неотъемлемый элемент геополитических представлений политических лидеров и интеллектуальных элит. Нестабильность оборонных союзов и созданных на их основе регионов обусловила рост популярности неолиберального определения региона. Как и определение, даваемое теорией функционализма, неолиберальное определение региона предполагает, что регионы создаются сверху и изнутри. Разница заключается лишь в том, что сторонники теории неолиберализма конкретизируют довольно расплывчатое понятие плотной сети функциональных связей, наличие которой ранее признавалось достаточным для того, чтобы говорить о существовании региона.

В самом деле функциональные связи существуют между любыми странами, однако, в отношении некоторых групп стран формируются представления о том, что данная группа образует регион, а в отношении других групп стран такие представления не формируются. Для объяснения этого противоречия теория неолиберализма вводит понятие эффекта переливания – категории, перекликающейся с марксистским понятием о переходе количества в качество [7]. Эффект переливания возникает тогда, когда непрерывно углубляющееся сотрудничество между государ-

ствами и негосударственными участниками международных отношений вынуждает государства идти на беспрецедентный шаг – на отказ от части своего суверенитета. Пути отказа государств от части своего суверенитета описывают две теории, опирающиеся на общую основу, обосновывая тем самым отнесение обеих этих теорий к неолиберализму. Первая из этих теорий получила название теории интеграции.

Популярность понятия интеграции в науке международных отношений непрерывно растет. В ряде случаев это понятие используют для того, чтобы подчеркнуть значимость сотрудничества между несколькими странами, в первую очередь, экономического сотрудничества. Например, говорят об интеграции между США, Канадой и Мексикой, хотя там речь об отказе от части суверенитета не идет: США являются одним из немногих государств современного мира, последовательно придерживающихся принципа сохранения полноты суверенитета над своей территорией исключительно в руках своего правительства. Противоположная ситуация наблюдается в Европе, где страны – участницы Европейского Союза делегируют часть своего суверенитета наднациональным институтам, которые вправе в пределах своих полномочий самостоятельно устанавливать нормы, действующие во всех странах ЕС. Впрочем, Евросоюз является уникальным интеграционным объединением, благодаря чему некоторые теоретики говорят не об интеграции, но об «европеизации» [13].

Вторая теория, описывающая способ делегирования государствами части своего суверенитета, не затрагивает напрямую процесс формирования регионов. Речь идет о теории транснационализма, сторонники которой в качестве примеров рассматривают, как правило, глобальные институты: транснациональные корпорации и транснациональные организации. Первые упоминаются в научной литературе, пожалуй, даже чаще, чем вторые, хотя их деятельность и не затрагивает суверенитет государств, в которых они работают. Так как транснациональные корпорации и извлекают выгоду из разницы в законодательстве различных стран, осуществляющих свой суверенитет на различных территориях, транснациональные корпорации не способны работать на территориях, где государственный суверенитет отсутствует в принципе. Этим объясняется низкая инвестиционная активность транснациональных корпораций, например, в Сомали. В гораздо большей степени суверенитет затрагивает деятельность транснациональных организаций.

В качестве примеров транснациональных организаций чаще всего называются международные судебные институты, например, Международный трибунал по бывшей Югославии [17]. Эти институты создаются государствами и ими же финансируются, однако, они сами инициируют рассмотрение тех или иных дел, сами выносят по ним решения и реализуют эти решения в конкретных действиях, независимо от позиции государств, создавших их. Таким образом, здесь также идет речь о делегировании части суверенитета международным институтам. Остается непонятным, почему в отношении институтов, которым государства делегируют часть своего суверенитета, и которые действуют на региональном уровне, используется категория интеграции, а в отношении таких же институтов, но действующих на глобальном уровне, используется категория транснационализма. Для целей же данной статьи важным является то, что интеграция, с точки зрения неолиберальной теории, является фактором формирования регионов.

Уникальность европейского опыта интеграции стала одним из аспектов критики теории неолиберализма сторонниками теории неореализма. В самом деле, даже если предположить, что Европейский Союз является самостоятельным участником международных отношений, с чем ряд сторонников теории неореализма не согласны, с учетом незначительного пока продвижения Евросоюза в направлении создания общей внешней политики, то все равно аналогов ему в других регионах мира не наблюдается. В других регионах, утверждают сторонники теории неореализма, создание региональных институтов сотрудничества, как правило, обусловливается деятельностью регионального «гегемона». Примером такого подхода может служить работа З. Бжезинского. Рассматривая перспективы роли Японии и Китая в международных отношениях в Азиатско-Тихоокеанском регионе и на глобальном уровне, он называет Японию «не региональной, а мировой державой», Китай же, напротив, характеризуется как «не мировая, но региональная держава» [1: с. 188–206].

Возможно, сегодня, пятнадцать лет спустя после написания этих строк, З. Бжезинский изменил бы собственные оценки роли Японии и Китая в международной политике, поменяв местами характеристики двух держав. Однако с точки зрения целей данной статьи, сравнительная оценка значения двух крупнейших тихоокеанских держав не имеет принципиального значения. Гораздо большее значение в данном контек-

сте приобретает само разделение держав на «мировые» и «региональные», которое представляется спорным. Это можно увидеть на примере оценки З. Бжезинским расстановки сил в Тихоокеанском регионе. Так, любая «региональная» держава в силу или амбиций собственной элиты, или с целью максимально укрепить свое влияние в регионе, использует ресурсы «своего» региона для того, чтобы превратиться в «мировую» державу. И напротив, любая «мировая» держава уделяет первостепенное значение именно «своему» региону. Таким образом, отделить «региональные» державы от «мировых» на практике не представляется возможным.

За группами стран, вышеобозначенными как «свои» регионы для крупных держав, в научной литературе закрепилось понятие «сфера интересов». С точки зрения теории неореализма, регионы формируются именно тогда, когда та или иная крупная держава объявляет этот регион своей сферой интересов. С точки зрения этой теории, регионы образуются сверху, по воле крупных держав. При этом они не обязательно должны быть географически расположены в данном регионе. Например, США, сферой интересов первостепенной важности для которых является Латинская Америка, сами не расположены в этом регионе. Благодаря этому возникают основания заявлять, что с точки зрения теории неореализма, регионы формируются извне, а не по инициативе самих стран региона. Тем более что, как было показано выше, интересы региональной державы и других стран региона противоречат друг другу: региональная держава заинтересована в использовании ресурсов региона не на развитие самого региона, но на приобретение статуса мировой державы.

Это противоречие зачастую приводит, если не к конфликтам между крупной державой и странами ее «сферы интересов», то к восприятию этой державы в качестве угрозы в этих странах. Таким образом, выводы теории неореализма не противоречат тем выводам, к которым приходят сторонники постпозитивистских теорий международных отношений, например, социального конструктивизма. Именно сторонники этой теории впервые обратили внимание на определения регионов, рассматривающие формирование регионов как процесс, идущий снизу, не по воле государств, но основывающийся на представлениях людей, в том числе политических лидеров и интеллектуальной элиты. Именно благодаря достижениям социального конструктивизма стало возможным появление новых теорий, объяс-

няющих происхождение регионов, в том числе теории секьюритизации. Создатели этой теории обратили внимание на то, что одни группы людей рассматривают то или иное явление в международных отношениях в качестве проблемы безопасности, а другие – нет [12].

Также они обратили внимание на то, что вопросы, относимые обществом к проблемам безопасности, становятся для этого общества более приоритетными по сравнению с другими вопросами. Политические лидеры, решающие вопросы, отнесенные к проблемам безопасности, могут использовать необычные методы для решения этих проблем, и использование ими таких методов, которое в иных случаях не нашло бы поддержки в обществе, в случаях, когда речь идет о безопасности, становится легитимным. На основании этих наблюдений было сформулировано определение секьюритизации: это – вид коммуникации, при котором источник коммуникации пытается представить тот или иной вопрос в качестве проблемы безопасности с целью легитимации использования им для решения этого вопроса необычных средств. Соответственно можно определить и обратный процесс – десекуритизацию, т. е. попытку доказать, что данная проблема не представляет угрозы, а использование необычных средств при ее решении нелегитимно [24].

На этих категориях основывается и определение региона, которое дают сторонники теории секьюритизации [11]. С их точки зрения, регионом является группа стран чьи политические лидеры, интеллектуальные элиты и большая часть общества рассматривают в качестве вызовов безопасности одни и те же явления международных отношений, одних и тех же участников международных отношений. Например, Европа является регионом, где в качестве наиболее серьезного вызова безопасности рассматривается крупномасштабная война между ведущими европейскими державами, аналогичная Первой и Второй мировым войнам. Соответственно отказ от части суверенитета европейскими государствами обусловлен не прагматическими соображениями и экономической выгодой, но стремлением предотвратить начало новой крупномасштабной войны в Европе. Эта теория рассматривает регионы в качестве групп стран, формирующихся изнутри: лидеры, элита и общество самих этих стран выбирают, что для них представляется угрозой, а что – нет.

Как и теория секьюритизации, теория глобализации рассматривает регионы в качестве групп

стран, формирующихся снизу – в представлениях политических лидеров, интеллектуальных элит, общества в целом. Однако теория глобализации обращает внимание, в первую очередь, на формирование регионов извне, в представлениях лидеров, элиты и общества государств, не относящихся к данному региону. В самом деле, часто можно услышать о российской внешней политике на постсоветском пространстве, на европейском направлении, на Ближнем Востоке, в Азиатско-Тихоокеанском регионе. При этом речь идет не о постсоветском пространстве, Европе, Азии, Африке и других регионах в том понимании, которым их наделяют сами жители этих регионов. Скорее речь идет об этих регионах в том понимании, которым их наделяет российская элита. Именно она определяет, рассматривать ли, например, российско-турецкие отношения в качестве элемента внешней политики России на европейском или на ближневосточном направлении.

Э. Гидденс увязывает формирование представлений о том, что мир состоит из регионов, с глобализацией, благодаря чему данная теория и получила название теории глобализации [2]. По его мнению, глобализация является одной из основных причин озабоченности политических лидеров, интеллектуальных элит и общества в целом непредсказуемостью и хаотичностью современных международных отношений. Его предположение созвучно выводу А. Вендта, согласно которому представления политических элит о хаотичности и непредсказуемости международных отношений и в самом деле приводят к тому, что международные отношения становятся непредсказуемыми и хаотичными [26]. Одновременно эта непредсказуемость и хаотичность международных отношений заставляет лидеров и элиты формировать представления о системах международных отношений, далеко не полный перечень которых мы находим, например, в работах К. Уолтца [25]. Одним из примеров здесь является представление о том, что мир состоит из регионов.

Таким образом, определения региона, которые предоставляет теория международных отношений, можно условно разделить на четыре группы. К первой группе относятся определения, предполагающие, что регионы формируются изнутри и сверху; такое определение дают теории функционализма и интеграции. Определения, относящиеся ко второй группе, предполагают, что регионы формируются извне и сверху, например, теории реализма и неореализма. В третью группу попадают определения регионов,

предполагающие, что они формируются изнутри и снизу; к такому выводу приходят сторонники теории секьюритизации. Наконец, теория глобализации образует четвертую группу; согласно этой теории, регионы формируются извне и снизу. Важно подчеркнуть, что различные определения регионов не описывают различные регионы, но любой регион можно исследовать с точки зрения любого из предложенных подходов. Эти определения характеризуют не различные регионы, но различные подходы к ним.

Точно так же, как у различных политических лидеров и представителей интеллектуальной элиты существуют разные ответы на вопрос о происхождении одного и того же региона, у них существуют и разные представления о том, из каких именно регионов состоит мир. Определить, какие именно представления о региональной структуре мира существуют внутри элиты того или иного государства, представляется возможным на основе анализа структуры внешнеполитического ведомства данного государства. Действительно, в структуре внешнеполитического ведомства большинства государств существуют отделы (в разных внешнеполитических ведомствах эти отделы имеют разные названия), отвечающие за взаимоотношения данного государства с определенным регионом мира. Так, в структуре Министерства иностранных дел Российской Федерации существуют так называемые региональные Департаменты, отвечающие за развитие отношений России с постсоветским пространством, Европой, Ближним Востоком и Африкой, Азией и, наконец, Америкой.

Можно сделать вывод, что в представлениях российской элиты мир состоит из пяти перечисленных регионов. Аналогичные институты созданы и в структуре Государственного департамента США, где они получили название Бюро. Если судить по названиям этих Бюро, то, с точки зрения американской элиты, мир состоит из шести регионов: западного полушария, Европы и Евразии, Ближнего Востока, Центральной и Южной Азии, Восточной Азии, а также Африки южнее Сахары. Таким образом, в представлениях российской элиты Казахстан и Пакистан принадлежат к разным регионам, а в представлениях американской элиты – к одному и тому же региону. Складывающаяся картина, отражающая представления различных элит о региональной структуре мира, становится еще более пестрой, если дополнить ее представлениями западно-европейской элиты, определенными на основе анализа структуры Генерального директората по

внешним сношениям Комиссии Европейских сообществ.

Более того, даже внутри одной элиты представления о региональной структуре мира изменяются с течением времени. Появляются новые регионы. Особенно значительные изменения в данном контексте произошли после окончания «холодной войны», когда разрушились регионы, ограниченные, с одной стороны, «железным занавесом» и появилась возможность говорить о формировании новых регионов, ранее разделенных «железным занавесом» пополам. В качестве примера здесь можно рассматривать и Азиатско-Тихоокеанский регион. Ведь об этом регионе в его современном понимании, т. е. как о регионе, включающем в себя и Россию, интеллектуальная элита стран Запада заговорила лишь в 1990-х годах. В числе первых работ, рассматривающих Азиатско-Тихоокеанский регион в таком ключе, следует отметить работы Д. Макдугалла [18]. В Европе в качестве примера такого региона следует назвать Балтийский регион, первые работы о международной политике в котором также появились в 1990-е годы [3].

Регионы меняют свои очертания. Одни страны включаются в тот или иной регион, другие – исключаются из него. В качестве одного из примеров здесь можно указать изменения в представлениях российской элиты о региональной структуре мира, произошедшие в 1990-е годы: в начале десятилетия российская элита рассматривала страны Балтии – Эстонию, Латвию и Литву – в качестве части постсоветского пространства. Однако к концу десятилетия успехи этих стран на пути в Европейский союз и НАТО заставили российскую элиту пересмотреть свое отношение к ним, и сегодня эти страны чаще всего рассматриваются в России в качестве европейских стран. Причем данное изменение прошло быстро и практически незаметно и для самой российской элиты, и для ее партнеров на Западе. Однако зачастую такие изменения требуют длительного времени: например, дискуссия о том, является ли Турция частью Европы или нет, ведется среди европейской элиты уже не один десяток лет [16].

Наконец, регионы исчезают из представлений политических лидеров и интеллектуальных элит о региональной структуре мира. Так, в немецкой геополитике в период между двумя мировыми войнами достаточно популярными были представления о «Mitteleuropa» – регионе, принадлежность к которому обуславливала уникальность геополитического положения Герма-

нии. Сегодня об этом регионе вспоминают только историки геополитической мысли, а в политической риторике или научной литературе, посвященной современному состоянию международных отношений, он не упоминается ни в Германии, ни за ее пределами. В прошлом десятилетии в аналогичном контексте европейская интеллектуальная элита рассматривала регион Запада [9]. В определенный момент у части европейской интеллектуальной элиты создалось впечатление, что противоречия между США и странами «старой» Европы зашли так далеко, что понятие «Запад» вскоре исчезнет из политической риторики.

Таким образом, современные представления политических лидеров и интеллектуальных элит о региональной структуре мира обладают теми же характеристиками, что и геополитические представления начала XX в., которые были проиллюстрированы на примере представлений Х. Маккиндера. В самом деле, с одной стороны, представления Х. Маккиндера о мире, состоящем из Хартленда и Римленда, частично объясняются его социализацией в британской среде, а частично – его собственными взглядами на проблемы британской внешней политики. С другой стороны, Х. Маккиндер настаивал на том, что его представления обусловлены объективными причинами физико-географического характера. Аналогично современные элиты, с одной стороны, настаивают на том, что их представления о региональной структуре мира основываются на объективных причинах, например, на том факте, что внутри группы стран наблюдается тесное сотрудничество, позволяющее говорить о наличии между ними взаимозависимости.

Как было показано выше, в число этих «объективных» причин включаются и создание группой стран оборонного союза, и экономическая и политическая интеграция внутри группы стран, и политика крупных держав, направленная на формирование своей сферы интересов, и общность представлений об наиболее серьезных вызовах безопасности. Соответственно, настаивая на применении различных подходов при формировании внешней политики в отношении различных регионов, элиты настаивают на том, что эти требования обусловлены объективными факторами. С другой стороны, различия между представлениями различных элит о региональной структуре мира, а также частое изменение этих представлений заставляют задумываться о том, не обусловлены ли эти представления в большей степени социализацией и политической конъюнктурой, чем объективными факторами. Это

и позволяет говорить об этих представлениях как о геополитических концепциях, характерных для конца XX – начала XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бжезинский, З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М.: Международные отношения, 1998. – 256 с.
2. Гидденс, Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.
3. Кивикари, У. Экономическое пространство Балтийского региона / У. Кивикари. – Хельсинки: Отава, 1996. – 156 с.
4. Клинтон, Б. Моя жизнь / Б. Клинтон. – М.: Альпина, 2005. – 1088 с.
5. Олбрайт, М. Религия и мировая политика / М. Олбрайт. – М.: Альпина, 2007. – 352 с.
6. Шредер, Г. Решения: моя жизнь в политике / Г. Шредер. – М.: Европа, 2007. – 552 с.
7. Alter, K.J. The European Union's Legal System and Domestic Policy: Spillover or Backlash? / K.J. Alter // International Organization, 2000. – Vol. 54, No. 3. – P. 489 – 518.
8. Blouet, B.W. The Imperial Vision of Halford McKinder / B.W. Blouet // The Geographical Journal, 2004. – Vol. 170, No. 4 (December). – P. 322–329.
9. Browning, C., Lehti M. (eds.) The Struggle for the West: A Divided / Contested Legacy / C. Browning, M. Lehti. – London: Routledge, 2009. – 256 p.
10. Bush, G.W. President's News Conference with Prime Minister Tony Blair of the United Kingdom / G.W. Bush. – Crawford, Texas. – April 6, 2002.
11. Buzan, B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security / B. Buzan, O. Wæver. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – XXVI + 564 p.
12. Buzan, B. Security: a New Framework for Analysis / B. Buzan, O. Wæver, J. de Wilde. – Boulder, London: Lynnie Rienner, 1998. – 239 p.
13. Featherstone, K. The Politics of Europeanization / K. Featherstone, C. Radaelli (eds.). – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 351 p.
14. Haas, E.B. Beyond the Nation-State: Functionalism and International Organization / E.B. Haas. – Stanford: Stanford University Press, 1964. – 595 p.
15. Havel, V. To the Castle and Back / V. Havel. – London: Portobello, 2007. – 383 p.
16. Hulsse, R. Turkey's Europeanness, European identity and the EU: Explorations beyond the Surface of the Enlargement-Discourse / R. Hulsse // Borders, Identities and Nationalism: Understanding the Relationship / Ed. by K.K. Khudoley and D.A. Lanko. – St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2004. – P. 82–98.
17. Keohan, R.O. Legalized Dispute Resolution: Interstate and Transnational / R.O. Keohane, A. Moravcsik, A.M. Slaughter // International Organization, 2000. – Vol. 54, No. 3 (Legalization and World Politics; Summer). – P. 457–488.
18. McDougall, D. International Politics of the New Asia Pacific / D. McDougall. – Boulder: Lynne Rienner, 1997. – 257 p.
19. McKinder, H. The Geographical Pivot of History / H. McKinder // The Geographical Journal, 1904. – Vol. 23, No. 4 (April). – P. 421–437.
20. Mitrany, D. A Working Peace System / D. Mitrany. – London, New York: Oxford University Press, 1943. – 56 p.
21. Morgenthau, H. J. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace / H. Morgenthau. – New York: Knopf, 1948. – 565 p.
22. O'Tuathail, G. Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space / G. O'Tuathail. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. – 328 p.
23. Tassinari, F. Mare Europaeum: Baltic Sea Region Security and Cooperation from Post-Wall to Post-Enlargement Europe / F. Tassinari. – Copenhagen: University of Copenhagen, 2004. – 343 p.
24. Wæver, O. Securitisation and Desecuritisation / O. Wæver // On Security / Ed. by R. D. Lipschutz. – New York: Columbia University Press, 1995. – P. 46–86.
25. Waltz, K.N. Theory of International Politics / K. Waltz. – New York: Random House, 1979. – 221 p.
26. Wendt, A. Anarchy Is What States Make of It / A. Wendt // International Organization, 1992.– No. 46. – P. 394–419.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Ю.А. Ламашева

Ламашева Юлия Александровна – старший преподаватель кафедры мировой экономики и внешнеэкономических связей Хабаровской государственной академии экономики и права.

Контактный адрес: yuliya_lamasheva@hotmail.com

Процесс международного сотрудничества в Северо-Восточной Азии (СВА) развивается в соответствии с рациональной моделью взаимодействия. Для перехода на более высокий уровень региональной интеграции необходимо развитие транснациональной идентичности в СВА. В процессе формирования региональной идентичности участвуют различные группы факторов, разделенных по методу STEEPLE-анализа на социальные, технологические, экономические, экологические, политические, правовые и этнические. В настоящее время сочетание действия этих факторов не благоприятствует формированию транснациональной идентичности в СВА.

Ключевые слова: международное сотрудничество, транснациональная идентичность, Азиатско-Тихоокеанский регион, Северо-Восточная Азия, региональная интеграция.

Дальний Восток географически и исторически представляет ворота России в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). Непосредственными соседями по региону являются страны Северо-Восточной Азии (СВА): Китай, Япония, Северная и Южная Корея. Сотрудничество российского Дальнего Востока с этими странами является важным фактором его экономического и культурного развития. Сотрудничество означает ситуацию, когда одни его участники регулируют свое поведение в соответствии с фактическими или ожидаемыми предпочтениями других, через процесс взаимной координации политик. Иначе говоря, сотрудничество подразумевает наличие общих целей, ожидание выгоды от ситуации, а также взаимный характер этих выгод.

До настоящего времени в международном сотрудничестве в СВА реализуется так называемая рациональная модель взаимодействия. Она основана на предпосылках индивидуализма, эгоцентризма и рационализма всех участников. Рационализм подразумевает возможность получения всей необходимой для принятий решений информации, эффективного анализа этой информации, а также исключительно разумного выбора наиболее выгодного варианта. В некоторой степени эти условия возможно соблюсти, однако, по мере укрепления сотрудничества в регионе должны возникнуть и развиваться поддерживающие (иррациональные) факторы взаимодействия: доверие, коллективное сознание, понимание общих интересов. Иными словами, транснациональная идентичность в перспективе может стимулировать развитие сотрудничества Дальнего Востока России со странами СВА, переведя его с

уровня рационального взаимодействия индивидуалистов на уровень коллективного участия в процессах принятия взаимовыгодных решений.

Транснациональная идентичность означает чувство принадлежности граждан государств одного региона к единому политическому, экономическому, социально-культурному пространству, понимание единства их прошлого, настоящего и будущего, а также видение единой цели развития региона. Это понятие является комплексным, так как представляет собой продукт междисциплинарных исследований.

Взаимосвязь между транснациональной идентичностью и международным сотрудничеством можно проиллюстрировать следующим образом. Национальная идентичность определяет национальные интересы, которые реализуются во внешней политике государства. Действия государства на мировой арене вызывают реакцию других государств, и они вступают во взаимодействие, которое может варьироваться от конфликта до сотрудничества. Сотрудничество на устойчивом уровне приводит к взаимозависимости, которая, в свою очередь, способствует формированию коллективной (транснациональной) идентичности. Транснациональная идентичность приводит к пересмотру некоторых положений национальной идентичности, вступающих в противоречие с реалиями международных отношений.

Для выявления причин, оказывающих влияние на формирование коллективной идентичности в СВА, в данной работе используется метод STEEPLE-анализа, выделяющий в этом процессе социальные (social), технологические (technological), экономические (economical), экологические

(environmental), политические (political), правовые (legal) и этнические (ethnic) факторы.

1. Социальные факторы

К этой группе факторов относятся базовые культурные ценности общества, уровень развития человеческого потенциала и показатели качества жизни.

Индекс развития человеческого потенциала составил в 2010 г. для Японии 0,884 (11 место в мире), для Республики Корея – 0,877 (12 место), Китая – 0,663 (89 место) [11]. При этом показатели Японии, Республики Корея и Китая снизились по сравнению с 2009 г. (0,960, 0,937 и 0,722 соответственно). Это объясняется снижением индекса ВВП как составляющей индекса развития человеческого потенциала в период мирового финансового кризиса. Однако важнее то, что разрыв между Японией и Кореей, с одной стороны, и Китаем – с другой, значителен. Разрыв объясняется не столько разницей в уровне ВВП или продолжительности жизни, сколько разницей в уровне образования. Из всех составляющих человеческого потенциала именно образование является определяющим для формирования идентичности – как национальной, так и транснациональной.

По показателю качества жизни 2009 г. из стран СВА лидирует Япония (23-е место в мире). Остальные страны отстают: Корея – на 32-м месте, Китай на 101-м [9]. При расчете этого комплексного индекса разрыв в уровнях развития возникает между Японией и Кореей – по показателю развития экономики. Китай отстает от Японии и Кореи по трем критериям: уровню свободы, безопасности, а также здравоохранения.

Особый интерес представляет анализ базовых культурных ценностей стран СВА. Так, по критериям Э. Холла, делящим культуры на «высокий» и «низкий» контекст, страны СВА как единая группа относятся к высококонтекстуальной культуре [3]. В культуре высокого контекста условия, в которых происходит коммуникация, играют не менее важную роль, чем произносимые слова, а знание культурного контекста имеет большее значение для понимания предмета разговора. Для формирования транснациональной идентичности низкоконтекстуальная культура является более предпочтительной, так как члены коллектива работают по сути в едином культурном контексте, где каждое слово понимается именно в том смысле, в котором оно было использовано. Высококонтекстуальная культура разделяет участников международного общения, поскольку используемые выражения не только

несут скрытую смысловую нагрузку одной культуры, но и дополнительно интерпретируются в рамках сложного контекста другой культуры.

Гирт Хофстеде учитывает пять критериев для описания культурных различий: социальная ориентация, отношение к власти, отношение к неопределенности, ориентация на достижение цели и временная ориентация. По результатам его исследований, страны СВА проявляют склонность к коллективизму. Теоретически можно предположить, что страны СВА будут более склонны к развитию сотрудничества через построение коллективной идентичности. Однако коллективизм в конфуцианских странах означает высокую степень преданности собственной семье, организации, местному сообществу, т. е. тому, что находится «внутри» собственного круга интересов. Страны «снаружи» скорее еще более выталкиваются на периферию коллективного сознания. Страны СВА также демонстрируют высокую степень уважения власти, т. е. соглашаются с решениями руководителей на основании того, что те стоят выше на иерархической лестнице. В условиях склонности к коллективизму это приводит к усилению национальной идентичности, однако, если государственные лидеры призывают свои народы к развитию взаимопонимания для укрепления сотрудничества и чувства регионального сообщества, то границы коллективизма могут быть расширены до пределов региона СВА.

Среди стран СВА только Китай отличается приятием неопределенности. Япония и Южная Корея в культурном плане выше ценят стабильность, не склонны к риску, предпочитают подождать, прежде чем действовать. В результате сотрудничество в СВА продолжает развиваться по рациональной модели, а формирование транснациональной идентичности затягивается. Регион СВА отличается долгосрочной временной ориентацией, и в сочетании с избеганием неопределенности это означает, что в случае сомнения в выгоды новых условий сотрудничества в долгосрочном плане лучше остаться на прежних позициях, т. е. даже в условиях.

При том, что страны СВА отличаются активным целевым поведением и официально провозглашают среди своих целей развитие сотрудничества в регионе, кажется парадоксальным, что, например, скандинавские страны с выраженным пассивным целевым поведением добились больших результатов в аналогичном процессе. Следует учитывать, однако, что модель рационального выбора подразумевает в первую

очередь преследование собственной выгоды даже в ущерб процессу сотрудничества. В условиях приоритета национальных интересов перед транснациональными активное целевое поведение скорее противодействует формированию коллективной идентичности в регионе [17].

По результатам исследований Ф. Тромпе-наарса и Ч. Хампден-Гернера, страны СВА склонны к партикуляризму, который подразумевает уделение внимания исключительной природе обстоятельств. Однако для соблюдения международных договоренностей безопаснее универсализм. Партикуляризм может способствовать сотрудничеству только в условиях существенной взаимной симпатии между странами региона.

Далее, культуры стран СВА относятся к «диффузным». В «диффузных» («рассеянных») культурах, если человека считают другом, это обеспечивает ему доступ в любую частную жизненную сферу. Для представителей азиатских стран установление дружеских отношений требует проверки временем, так как в итоге необходимо принять решение о допуске нового знакомого во все сферы своей жизни, или о сохранении дистанции. Нахождение во «внутреннем» круге в «диффузной» культуре, в свою очередь, налагает обязанность сохранения дружественных отношений в любой ситуации. Попытки разделить сферы отношений, например, на частное и общественное, приведут к взаимному разочарованию сторон. «Диффузным» культурам близок поэтому партикуляризм.

В странах СВА статус присваивается в зависимости от возраста, пола, принадлежности к определенному классу, образования и т. д., т. е. является аскриптивным (приписываемым). Аскриптивные культуры склонны к использованию стереотипов, которые, как известно, не всегда отвечают реальности. Приписывание определенных черт характера представителям других народов зачастую используется идеологией национализма, возвышающей одну нацию и принижающей другие [16].

Исследования Рональда Инглегарта, базирующиеся на данных Всемирного обзора ценностей 1985–2006 гг. [18], используют две категории: «традиционализм – рационализм» и «выживание – самовыражение». Традиционализм означает религиозность, склонность к почитанию государства, консерватизм в воспитании детей, а также чувство национальной гордости. Выживание символизирует материалистические ценности (например, поддержание общественного порядка, борьба с инфляцией) в противополож-

ность постматериалистическим ценностям (свобода и самовыражение личности, индивидуальное благосостояние, межличностное доверие, политическая активность, толерантность). Можно отметить движение в сторону традиционализма в Китае и Южной Корее, но для мира в целом это все же высокий уровень рационализма. По шкале «выживание – самовыражение» страны СВА находятся на территории «выживания», что не способствует формированию транснациональной идентичности. Наименее ориентирована на «выживание» Япония, несмотря на то, что вопросы экономического роста, дефляции и занятости, а также преодоления последствий стихийных бедствий являются для этой страны очень актуальными [4].

Таким образом, различия в уровнях человеческого развития и качества жизни не являются факторами, способствующими развитию взаимопонимания и чувства общей судьбы в регионе. Базовые культурные ценности, хотя и являются схожими для стран СВА, но их содержание в современных условиях (высокий контекст, коллективизм, дистанция власти, отрицательное отношение к неопределенности, ориентация на внутренние интересы, партикуляризм, диффузия сфер взаимоотношений, оценка по статусу, материалистические ценности) сдерживает развитие транснациональной идентичности.

2. Технологические факторы

К началу 2009 г. по данным индекса информационно-коммуникационных технологий из стран СВА высоким уровнем развития выделялась только Республика Корея, которая заняла 2-е место в мировом рейтинге. Даже Япония не попала в «десятку». По низкой стоимости корзины информационных услуг ни одна из стран СВА не вошла и в «двадцатку» [8].

Индекс сетевой готовности для этих стран также невысок. В 2009–2010 гг. Корея заняла 15-е, Япония – 21-е, а Китай – 37-е место по этому показателю. При этом Корея теряет свои позиции: в 2008–2009 гг. она была на 11-м месте, а в 2007–2008 гг. – на 9-м, одновременно продолжал снижаться и итоговый балл. То же происходит с Японией: в 2008–2009 гг. она занимала 19-е место. Китай, однако, повышает свои позиции: с 57-го места в 2007–2008 гг. он передвинулся на 20 строчек вверх [12]. Таким образом, высокие цены на услуги ИКТ обеспечивают не особенно активное пользование средствами связи и коммуникаций в этих странах, и технологические факторы играют ограниченную роль в развитии коллективной идентичности.

Общение между резидентами стран СВА происходит преимущественно через глобальные сети, а не через региональные сайты. Идея Северо-Восточной Азии (или региона Японского моря, как говорили, например, в Японии несколько лет назад) существует в основном в научных сообществах. Даже на английском языке затруднительно найти в поисковой системе карту СВА, что символизирует виртуальное отсутствие этого региона в Интернете.

3. Экономические факторы

К экономическим факторам, влияющим на развитие международного сотрудничества и транснациональной идентичности, можно отнести социально-экономические модели развития, торгово-экономическое сотрудничество, а также совместные усилия по решению глобальных проблем мировой экономики.

Социально-экономическая модель страны – это специфика экономических и социальных отношений в стране, отличающая ее от других стран схожего уровня развития. Согласно модели «летающих гусей», южнокорейская модель тяготеет к японской.

Корея использовала многие элементы японской социально-экономической модели. Как в Корее, так и в Японии в мерах по стимулированию научно-технического прогресса можно отметить схожую роль государства, выступавшего одним из основных факторов экономического роста, международной конкурентоспособности. Первоначально обе страны следовали стратегии заимствования зарубежного опыта и технологий. Затем происходил переход к селективной стратегии развития собственного научно-технического потенциала, для чего использовались субсидии, дешевые кредиты, различные налоговые и амортизационные льготы, государственные инвестиции.

Рекордно низкими были и показатели военных расходов в обеих странах, особенно в Японии, что частично связано с широким присутствием американских военных баз для обеспечения безопасности. Это позволило высвободить финансовые ресурсы для государственного регулирования экономического развития. Политически и экономически важным стал союз Кореи и Японии с США после Второй мировой войны, что содействовало привлечению инвестиций в экономику. Именно США стали основным торговым партнером этих стран, создав преференциальный рынок для продукции из Японии и Кореи.

Важным фактором является создание крупнейших финансово-промышленных групп, так как они способны поддерживать необходимый

уровень конкурентоспособности страны. Эти фирмы явились основными проводниками политики экспортной ориентации.

Схожа и внешнеэкономическая стратегия стран. Для обеих стран характерен постепенный переход от политики импортозамещения к политике экспортной ориентации. Для этих целей использовались как прямые государственные субсидии, так и льготы, и страхование государством экспортных операций. Конкуренция на внутреннем рынке повышала уровень конкурентоспособности крупных компаний при их выходе на внешний рынок. С другой стороны, обе страны использовали жесткий протекционизм для защиты своих рынков, развивающихся отраслей от иностранной продукции.

Обе страны практически лишены природных ресурсов, отсюда вытекает необходимость государства обеспечить энергетическую и продовольственную безопасность стран. Это достигается как с помощью диверсификации источников поставок сырья и продовольствия, так и с помощью внедрения энергосберегающих технологий, активного развития атомной энергетики и использования последних достижений НТР.

Кризисные явления в экономике Японии и Кореи в 1990-е гг. привели к необходимости либерализации в различных секторах экономики. Тем не менее до настоящего времени восточно-азиатская экономическая модель рассматривается как единая, отличная от американской и европейских моделей развития.

Экономическая политика послевоенного Китая неоднократно изменялась. Образование в 1949 г. КНР и установление социалистического строя обусловили проведение радикальных преобразований в экономической системе и в проведении политики ускоренной индустриализации. С конца 1970-х гг. реализуется новая социально-экономическая модель.

В современной китайской модели следует отметить наличие мощного государственного сектора, особенно сильны позиции государства в нефтяной отрасли, энергетике, металлургии. Многие государственные предприятия стали акционерными компаниями со 100 %-м государственным участием. В то же время существует и большой частный сектор в экономике. Значительный по масштабам внутренний рынок обеспечивает рост потребления и сбыт продукции национальных производителей. Однако заметна и экспортная ориентация страны. Китай уже занимает 1-е место в мире по стоимости экспорта, при этом в его структуре растет доля готовой

продукции и снижается доля сырья. Китай активно участвует и в международном движении капитала за счет развития свободных экономических зон. Особую роль играет китайская заграничная диаспора, инвестирующая в малый и средний бизнес в КНР. По размеру золотовалютных резервов Китай занимает 1-е место в мире. Экономика КНР отличается высокой степенью устойчивости к внешним шокам. В период мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. Китай показывал высокие темпы роста ВВП на фоне сокращения темпов роста в Японии и Республике Корея. Однако сохраняются и проблемы: демографическая, экологическая, равномерности регионального развития [1].

Хотя китайская экономическая модель наминает о «летающих гусях» в плане последовательности развития отраслей от трудоемких к капиталоемким и высокотехнологичным, она все же значительно отличается от моделей развития Японии и Республики Корея. Несмотря на лидерство в мировом экспорте и темпах прироста ВВП, качественная оценка экономики Китая, выраженная в индексах и рейтингах, невысока. По индексу глобальной конкурентоспособности в СВА лидирует Япония: в 2009 г. она занимала 8-е место в мире, в 2010 г. – 6-е место. Республика Корея и Китай от нее значительно отстают: Корея переместилась с 19-го на 22-е место, а Китай – с 29-го на 27-е [6]. По индексу процветания в 2010 г. позиции всех стран СВА были менее высокими. Япония оказалась на 18-м месте, Республика Корея – на 27-м, а Китай – на 58-м. У Китая, в частности, были подчеркнуты проблемы в сфере безопасности и личных свобод граждан. По мнению экспертов, слабым звеном для всех трех стран является социальный капитал [5].

Различия в обеспеченности ресурсами между Китаем, Кореей и Японией создают потенциал для развития торгового и инвестиционного сотрудничества в регионе, что и является основным стимулом для рациональной модели взаимодействия между странами СВА. В то же время, с точки зрения теорий международного разделения труда, на основе ресурсного потенциала Япония и Республика Корея не являются взаимодополняющими. В данном случае торгово-экономические отношения между ними развиваются на основе теорий эффекта масштаба и пересекающегося спроса.

Доля Китая и Республики Корея в экспорте Японии составляет 27 %, в импорте – 26 %. Доля Японии и Китая в экспорте Республики Корея – 28 %, в импорте – 32 %. Доля же Японии и Кореи

в экспорте Китая – 12 %, в импорте – 20 %. Взаимозависимость в торговле присутствует, однако она зависит от масштабов экономики: так, для Республики Корея она самая высокая, а для Китая – самая низкая.

Различия в уровне экономического развития выражаются и в действиях стран СВА на мировой арене. Так, Япония является крупнейшим в СВА донором официальной помощи развитию (16-е место в мире в 2010 г.), при этом крупнейшим получателем этой помощи является Китай [14]. Однако по показателю приверженности развитию, т.е. соответствию помощи интересам развивающихся стран, а не экономическим приоритетам стран-доноров, Япония (как и Корея) не попадают и в «двадцатку». Это значит, что помощь оказывается на определенных, выгодных для стран-доноров, условиях. Такая ситуация рано или поздно приводит к экономическим и политическим противоречиям между донорами и получателями помощи, что в итоге если и способствует сотрудничеству между ними, то к взаимопониманию и укреплению дружеских отношений не приводит [10].

4. Экологические факторы

По данным индекса устойчивого развития 2010 г., лучшие показатели среди стран СВА отмечались у Японии – 20-е место в мире в 2010 г., 21-е – 2008 г., 14-е – 2006 г. Республика Корея переместилась с 42-й позиции в 2006 г. на 94-ю в 2010 г. Китай с 94-й строчки в 2006 г. опустился на 121-ю 2010 г. При этом и балльная оценка для всех стран СВА ухудшилась за этот период [13]. Можно сделать вывод о том, что экологическая ситуация в СВА ухудшается.

Хотя охрана окружающей среды могла бы стать важным направлением развития международного сотрудничества в регионе, в настоящее время безусловный приоритет отдается экономическому сотрудничеству. Это объясняется сдвигом предпочтений в сторону материалистических ценностей «выживания» по критериям Инглегарта, или использованием рациональной модели экономического сотрудничества, в которую устойчивое развитие, как правило, не включается.

5. Политические факторы

К политическим факторам относятся политический режим в стране, а также институциональная основа международного сотрудничества.

Политические режимы в СВА разнообразны. По индексу демократии 2010 г. Республика Корея находится на 20-м месте в мире, Япония – на 22-м. Обе страны при этом попадают в список стран с полностью демократическим режимом.

В то же время Китай (на 136-м месте) отнесен к странам с авторитарным режимом правления. Наиболее низкие баллы выставлены Китаю по категориям «выборы и плюрализм», «политическое участие» и «гражданские свободы» [7]. Разные системы политических режимов способствуют эффективному взаимодействию в рамках многоуровневой системы международных институтов.

Процесс международного сотрудничества в СВА не сопровождался активным процессом институционализации и развитием общей правовой системы. Азиатские государства предпочли «открытый регионализм» и «открытую интеграцию». Интеграцию в СВА правомерно также называть «рыночной» интеграцией. В то время как выгода политической интеграции в Азии еще не полностью осознана, экономическая интеграция воспринимается как источник выгоды для всех участвующих в интеграции сторон. Институциональной основой многостороннего взаимодействия на межправительственном уровне являются договоренности в рамках АСЕАН+3, а также АТЭС. На двустороннем уровне между всеми странами осуществляется диалог, однако, его эффективность снижается из-за неразрешенных территориальных споров (острова Сенкаку между Японией и Китаем, острова Докдо (Такесима) – между Кореей и Японией), а также широкого спектра разногласий по поводу интерпретации истории Второй мировой войны.

Основной проблемой на пути развития всех видов сотрудничества – экономического, политического, культурного – была и остается проблема национализма во всех странах СВА.

В некоторой степени проблема политического диалога решается на субнациональном уровне, т. е. на уровне административных единиц стран СВА, а также городов-побратимов. Однако очевидно, что межправительственные контакты этот уровень заменить не может.

На глобальном уровне политическая активность стран СВА оценивается неоднозначно. Так, по данным глобального индекса миролюбия, Япония поднялась с 5-го места в 2007 г. на 3-е в 2010 г., т. е. она является одной из самых миролюбивых стран мира. Республика Корея за этот же период опустилась с 32-й позиции на 43-ю, а Китай – с 60-й на 80-ю. Иначе говоря, из стран СВА только Япония поддерживает имидж демократической и миролюбивой страны, а Республика Корея, и особенно Китай, все более ассоциируются с наращиванием военного потенциала и угрозой миру [2].

6. Правовые факторы

Правовые системы Китая, Японии и Кореи объединяют исторические аспекты их развития. Традиционная правовая система во всех трех странах формировалась под влиянием китайской культуры, которая отдавала приоритет гармоничным социальным связям, групповому единству, подчиненности личных интересов общим, а также эмоциональной сдержанности. Значение морально-нравственных установок стало сопоставимо со значением правовых норм. Так, согласно традиции, судебному разбирательству следует предпочесть примирение, полюбовное соглашение. Даже если споры все же рассматриваются судом, они в подавляющем большинстве завершаются примирением.

Первые элементы романо-германской правовой системы заимствовала Япония после буржуазной революции 1867–1868 гг. В 1880 г. были приняты уголовный и уголовно-процессуальный кодексы, во многом напоминавшие французские. Что касается частного права, то в Японии в целом преобладало германское влияние. Гражданский кодекс вступил в силу в 1898 г., а торговый – через год. Первая рецепция европейского права в Корею произошла через введение японского законодательства в период реформ конца XIX в. и японского колониального господства (1910–1945 гг.). В то же время в период японской оккупации корейское обычное право сохраняло роль главного правового источника в сфере семейных отношений и наследования.

В Китае процесс модернизации традиционного права начался с победой синхайской революции 1911 г. После провозглашения республики была проведена работа по созданию современных кодексов, основанных на лучших европейских образцах. Уже в 1912 г. принято первое современное Уголовное уложение, пересмотренное в 1928 г. и переименованное в Уголовный кодекс. Основанный преимущественно на германском и японском законодательствах, Гражданский кодекс, включающий и гражданское, и торговое право, вступил в силу в 1929–1931 гг., Гражданский процессуальный кодекс – 1932 г., Земельный кодекс – 1930 г. В результате этих работ китайское право (во всяком случае, внешне) европеизировалось и вошло в семью правовых систем, основанных на римском праве.

После Второй мировой войны на правовые системы Японии и Кореи оказало влияние американское право. Это проявилось, в частности, в Конституции Японии 1946 г., а также в реформе уголовно-процессуального права 1948 г. Амери-

канское влияние сказалось и в сфере экономики – были приняты закон о компаниях, анти-трестовское законодательство. В целом, однако, в Японии сохранилась прежняя кодификационная система. Ее основу составляют шесть существенно измененных кодексов, дополненных значительным массивом законов и иных нормативных актов, образующих систему источников, во многом напоминающую западноевропейскую.

Как результат деятельности американской военной администрации в 1945–1948 гг. и общей ориентации сеульского правительства на США, в послевоенный период правовая система Кореи заимствовала многие элементы американского права, особенно в административной, торговой, трудовой, уголовно-процессуальной сферах. После достижения независимости все японские кодексы и законы, ассоциировавшиеся с иноземным гнетом, были заменены на корейские, в частности, приняты собственные Уголовный кодекс (1953), Уголовно-процессуальный кодекс (1954), Гражданский кодекс (1958), Гражданский процессуальный кодекс (1960) и Торговый кодекс (1962). Тем не менее в наиболее важных отраслях и институтах южнокорейское право сохранило основные принципы и черты романо-германского права в том виде, в котором они были заимствованы через японское законодательство.

В результате победы в гражданской войне (1925–1949 гг.) Коммунистической партии, возглавляемой Мао Цзэдуном, Китай с 1 октября 1949 г. стал народной республикой. Были отменены все ранее изданные законы и декреты и упразднены старые суды. Началась рецепция социалистического права. После разрыва дружеских отношений с СССР в 1960 г. руководство КНР попыталось отойти от советской модели права как «ревизионистской». В период «культурной революции» 1964–1973 гг., сопровождавшейся военными действиями, массовыми репрессиями и погромами, вся система правопорядка была дезорганизована. Законодательство практически перестало применяться, в стране царил хаос. Начиная с 1979 г., в КНР происходит коренное изменение политического курса. Были заново или даже впервые в истории КНР кодифицированы основные отрасли права (в частности, в 1979 г. принят первый в КНР единый Уголовный кодекс и УПК, 1986 г. – «Общие положения гражданского права», в 1994 г. кодифицировано трудовое законодательство). В результате реформ в КНР сложилась система законодательства, сочетающая в себе как марксистские принципы советского (социалистического) права, так

и некоторые начала романо-германской правовой семьи (в экономической сфере).

Таким образом, правовые системы стран СВА базировались на общих морально-этических принципах до середины XIX в., затем – на романо-германской правовой системе до середины XX века. Однако после Второй мировой войны японская правовая система претерпела незначительные изменения, корейская – предприняла усилия по дистанцированию от японского права, а китайская претерпела неоднократные радикальные изменения. Невозможно поэтому говорить о единой «дальневосточной» или «северо-восточно-азиатской» правовой системе. Различия в национальных правовых системах осложняют процесс международного сотрудничества и не способствуют формированию транснациональной идентичности в регионе [15].

7. Этнические факторы

Существует мнение о том, что страны СВА являются однородными в этническом и культурном отношении. Действительно, 98,5 % населения Японии – это японцы, 0,5 % – корейцы, 0,4 % – китайцы и 0,6 % приходится на все остальные национальности. Корея исключительно гомогенна (не считая примерно 20 тыс. граждан китайского происхождения). В Китае 91,5 % населения – ханьцы, на остальные народности (их около 200) приходится 8,5 % [19].

Высокая этническая гомогенность населения и низкий уровень притока мигрантов с отличающимися культурными ценностями способствуют поддержанию националистических тенденций в каждой из стран СВА.

Китайский национализм опирается на различные идеологические основы, включая традиционную китайскую философию, американский прогрессивизм, марксизм и т. д. В течение нескольких десятилетий сильное влияние на китайский национализм оказывала национальная политика СССР. Официальная идеология КНР утверждает, что Китай – многонациональное государство, однако, действительность такова, что китайский национализм означает по сути доминирование ханьцев.

Окончание «холодной войны» привело к оживлению национализма во многих странах мира. В Китае снижение популярности коммунистической идеологии привело КПК к подчеркиванию своей роли как ведущей патриотической силы, чтобы найти новую основу для сохранения своей значимости. Однако национализм не монополизирован КПК. Многие образованные люди – социологи, писатели, представители гума-

нитарных наук – способствовали развитию националистического дискурса в 1990-х гг. С конца 1990-х годов китайское руководство стало пересматривать представления о своем месте в мире. При этом Пекин не отказывается от мирной конкуренции с США и попыток уравновесить американское лидерство с помощью наращивания собственной «мягкой власти», популяризируя привлекательные для определенной части мира собственные ценности. Создание собственной мощной, привлекательной и конкурентоспособной системы ценностей приведет, по мнению китайских стратегов, к решению противоречия между внешней открытостью и потребностями поддержания внутриполитического порядка в самом Китае.

Японский национализм имеет глубокие исторические корни. Он обусловлен особенностями этногенеза, географическим положением и спецификой производства в стране, всем ходом социального развития.

Поражение во Второй мировой войне и подписание осенью 1945 г. Акта о капитуляции ознаменовали начало новой эры в истории Японии. Оккупационные реформы способствовали американизации японских социокультурных ценностей, социально-политической мысли и привели к серьезным сдвигам в национальной идентичности японцев. Благодаря этому изменился и смысловой оттенок японского национализма: не отказавшись от амбиций регионального лидера, Япония во второй половине XX в. была вынуждена использовать иные в сравнении с эпохой 1930–1940-х годов средства расширения влияния в регионе. Официальный Токио стремился создать благоприятные условия для популяризации японской массовой культуры, налаживания масштабного гуманитарного сотрудничества с соседними странами с целью укрепления позиций Японии в региональных делах.

В 1980-е годы Япония укрепила свой экономический потенциал, что регулярно отмечалось средствами массовой информации. Это в определенной степени спровоцировало подъем национализма в стране, который охватил часть интеллектуальной элиты. Идеологами национализма воскрешаются теории «нихондзинрон» («теория о японцах») или «нихонбункарон» («теория о японской культуре»), служившие еще до эпохи Мэйдзи основой для пропаганды исключительности японской нации. В отношении Азии появился новый лозунг – «Возвращение в Азию, отдаление от Запада».

В перспективе возможны как переход к интернационализму, так и обострение национализ-

ма, вызванные демографическими проблемами. Япония – первая неевропейская страна, где, начиная с 1950-х годов, отмечается уровень рождаемости, недостаточный для компенсации естественной убыли.

Корейский национализм в значительной степени влияет на политическую и культурную жизнь Южной Кореи. Во время оккупации Японией национализм носил классовый характер, но в современной Корее (с 1990-х гг.) появился так называемый «новый национализм», который охватывает все классы, включая средний. Новый национализм является мощной политической силой с 2004 г. Он привел к национальному консенсусу по такому сложному вопросу, как участие Кореи в войне в Ираке, объединил нацию в выступлениях против Китая и Японии по территориальным вопросам. В результате в современной Южной Корее создалась ситуация, когда национализм является неизбежным составляющим любого «идеологического пакета».

Корейский национализм интересен тем, что он направлен против одной страны – Японии. Во-первых, японский колониальный режим был одним из самых жестоких во всей истории прошлого столетия. Решающую роль играло стремление превратить Корею в часть собственно Японии, полностью ассимилировав население страны. Во-вторых, корейский национализм формировался в кругах эмигрантской антиколониальной (т. е. антияпонской) интеллигенции.

Хотя экономические отношения между Японией и Южной Кореей развиваются успешно, и Япония была важнейшим источником помощи и технологий для южнокорейской модернизации, в военно-политической области уровень взаимного доверия остается невысоким.

Впрочем, современный уровень экономического развития страны заметно смягчает остроту политических и национальных вопросов. Кроме того, корейцы все больше путешествуют, все активнее общаются с иностранцами. Другим смягчающим фактором являются тесные связи между корейской элитой и США.

Подводя итоги, можно выделить следующие аспекты столкновения националистических настроений стран СВА в начале XXI в. Во-первых, это вопросы интерпретации исторических фактов. Камнем преткновения стали события первой половины XX в., в частности, действия Японии на территории Кореи и Китая. Япония не принесла извинений, которые показали бы достаточными для этих стран, поэтому историческая справедливость считается до сих пор невосста-

новленной. Во-вторых, между странами СВА существуют и территориальные проблемы. Япония и Южная Корея спорят по поводу островов Докдо (Такесима), Китай и Япония – по поводу островов Сенкаку. В-третьих, к этому добавляется спор между странами СВА об экономическом лидерстве в Азии. Стабильные японо-китайские отношения являются ключом к дальнейшей региональной интеграции в Азии. Китай и Япония – две крупнейшие экономики в регионе, и региональная экономическая интеграция будет зависеть от стремления обеих стран преодолеть историческое наследие Второй мировой войны.

Таким образом, STEERLE-анализ показал, что ни один из вышеперечисленных факторов формирования транснациональной идентичности в целях развития международного сотрудничества в СВА в настоящее время не используется достаточно эффективно. Существует региональное сходство базовых культурных ценностей, экономических моделей, правовых систем, отношения к интеграционным процессам и межэтническим отношениям, однако, в одних случаях это сходство сложилось исторически, но не имеет существенного влияния на современную ситуацию сотрудничества, а в других – противодействует интеграционным процессам (например, национализм). В результате еще неопределенное время коллективная идентичность в регионе не сможет сформироваться, и международное сотрудничество будет развиваться по рациональной экономической модели. Вместе с тем любое качественное изменение в факторах формирования транснациональной идентичности в регионе может дать шанс перехода на новый уровень международных отношений в СВА.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булатов, А. С. Мировая экономика / А.С. Булатов. – М.: Экономистъ, 2007. – 860 с.
2. Глобальный индекс миролюбия. [Электронный ресурс] / Global Peace Index. – Режим доступа: <http://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2010/06/2010-GPI-Results-and-Methodology-Report1.pdf>.
3. Гриффин Р. Международный бизнес : пер. с англ. / Р. Гриффин, М. Пастей ; под ред. А.Г. Медведева. – 4-е изд. – СПб.: Питер, 2006. – 1088 с.
4. Инглегарт, Р. Модернизация, культурные изменения и устойчивость традиционных ценностей : пер. с англ. / Р. Инглегарт, У. Бейкер // Теория и практика демократии. Избранные тексты ; под ред. В. Л. Иноземцева, Б. Г. Капустина. – М.: Ладомир, 2006. – С. 143 – 153.
5. Индекс глобального процветания [Электронный ресурс]. – The 2010 Legatum Global Prosperity Index. – Режим доступа: <http://www.prosperity.com/rankings.aspx>.
6. Индекс глобальной конкурентоспособности [Электронный ресурс] / The Global Competitiveness Report. – Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2010-11.pdf.
7. Индекс демократии [Электронный ресурс] / Democracy Index 2010: Democracy in Retreat. Режим доступа: http://graphics.eiu.com/PDF/Democracy_Index_2010_web.pdf.
8. Индекс ИКТ, стоимость корзины ИК услуг [Электронный ресурс] / Measuring the Information Society. – Режим доступа: http://www.itu.int/ITU-D/ict/publications/fidi/2010/Material/MIS_2010_without_annex_4-e.pdf.
9. Индекс качества жизни [Электронный ресурс] / 2009 Quality of Life Index. – Режим доступа: <http://www.ireland.com/il/qofl2009/>.
10. Индекс приверженности развитию [Электронный ресурс] / Commitment to Development Index. – Режим доступа: http://www.cgdev.org/section/initiatives/_active/cdi/inside.
11. Индекс развития человеческого потенциала [Электронный ресурс] / Доклад о развитии человека. – Режим доступа: http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2010_RU_Complete_reprint.pdf.
12. Индекс сетевой готовности [Электронный ресурс.] / Global Information Technology Report. – Режим доступа: <http://www.networkedreadiness.com/gitr/main/fullreport/index.html>.
13. Индекс устойчивого развития [Электронный ресурс] / Environmental Performance Index. – Режим доступа: <http://epi.yale.edu/Countries>.
14. Рейтинг экономической помощи [Электронный ресурс] / Development Aid at a Glance 2011: Statistics by Region – OECD. – Режим доступа: http://www.oecd.org/.../0,3746,en_2649_34447_2002187_1_1_1_1,00.html
15. Саидов, А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): учебник / А.Х. Саидов / под ред. В.А. Туманова. – М.: Юристъ, 2003. – 448 с.
16. Тромпенаарс, Ф. Национально-культурные различия в контексте глобального бизнеса : пер. с англ. Е.П. Самсонова / Ф. Тромпенаарс, Ч. Хампден-Тернер. – Мн.: ООО «Поппури», 2004. – 528 с.
17. Geert Hofstede Cultural Dimensions for International Business [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.geert-hofstede.com>.
18. World Values Survey [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.worldvaluessurvey.org>.
19. World Factbook [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cia.gov>.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ КАК АРЕНА СОПЕРНИЧЕСТВА ЗА СФЕРУ ВЛИЯНИЯ США И КИТАЯ

Я.В. Лексютина

Лексютина Яна Валерьевна – кандидат политических наук, доцент факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

Контактный адрес: lexyana@yandex.ru, lexyana@hotmail.com

Заданный Б. Обамой курс на «возвращение в Азию» обострил соперничество США и Китая в Юго-Восточной Азии. Оба государства преследуют цель расширения собственных сфер влияния в регионе и закрепления за собой главенства в происходящих региональных интеграционных процессах. Особой точкой соперничества США и Китая в Юго-Восточной Азии стало Южно-Китайское море.

Ключевые слова: американо-китайские отношения, внешняя политика США, Китай, Юго-Восточная Азия, АСЕАН, Южно-Китайское море.

Тезис о том, что современная геополитическая ситуация в мире характеризуется смещением центра мировой политики с Запада на Восток уже редко подвергается сомнению. По мере того, как Восточная Азия обретает все больший политический и экономический вес в международных отношениях, растет заинтересованность ведущих мировых держав в расширении собственных сфер влияния в этом регионе. Определяющее влияние в Восточной Азии вплоть до середины – конца 1990-х гг. оказывали США, привлекавшие государства региона своими политическими и экономическими ценностями и опиравшиеся, главным образом, на военное присутствие в регионе. Обусловленное окончанием «холодной войны» снижение значимости Восточной Азии в системе национальных интересов Вашингтона, сопровождавшееся сокращением американского военного контингента в регионе, вкупе с внешнеполитической и внешнеэкономической активностью китайского руководства в Восточной Азии привело к изменению регионального баланса сил. Политическое пространство, некогда находившееся под безраздельным господством США, оказалось заполненным другими мировыми акторами. В Юго-Восточной Азии вакуум присутствия крупной державы достаточно быстро удалось заполнить Китаю, значительно активизировавшему свою внешнюю политику на этом направлении с 1990-х гг.

Необходимость ведения войны с международным терроризмом, актуализированная событиями 11 сентября 2001 г., в значительной степени способствовала возвращению США в Юго-Восточную Азию как регион, характеризующийся широкой сетью террористических исламских

организаций. Носившая в годы президентства Дж. Буша-мл. преимущественно антитеррористическую направленность вовлеченность США в дела Юго-Восточной Азии при администрации Б. Обамы была расширена и приобрела многоаспектный характер. Назвав себя «первым Тихоокеанским президентом Америки», Б. Обама тем самым выделил Азиатско-Тихоокеанский регион в качестве приоритетного направления внешней политики своей администрации и задал курс на «возвращение в Азию».

Между тем на пути реализации курса на возвращение в Юго-Восточную Азию Вашингтон неизбежно сталкивается с соперничеством со стороны других мировых акторов и, прежде всего, со стороны Китая, стремительно набирающего обороты как регионального лидера Восточной Азии. Следует заметить, что это соперничество носит преимущественно латентный характер и принимает формы конкуренции за установление как можно более тесных двусторонних контактов с государствами региона, а также за право играть центральную роль в происходящих в регионе интеграционных процессах.

США: возвращение в Азию

Основой современной вовлеченности США в региональные дела Юго-Восточной Азии остается уже сложившаяся и не утратившая свою актуальность система военно-политических союзов. Из семи официальных союзников США пять находятся в Азиатско-Тихоокеанском регионе, два из которых – Таиланд и Филиппины – в Юго-Восточной Азии. В основе современных союзнических отношений США и Таиланда лежит солидный опыт совместных операций в ходе

Корейской войны, Вьетнамской войны, войны в Персидском заливе. Хотя США не имеют военных баз на территории Таиланда, однако, в 2004 г. Вашингтон получил полный доступ к тайским военно-воздушной базе Утапао и военно-морской – Саттахип, что органично вписывается в американскую стратегию в Юго-Восточной Азии «места, а не базы», предполагающую предпочтительность периодического использования южноазиатских баз для проведения операций и учений, а не содержание баз с постоянным воинским контингентом. В то же время нельзя не обратить внимание на два фактора, способных в перспективе ослабить американо-тайские союзнические отношения – это политическая нестабильность Таиланда и прогрессирующие отношения Таиланда с Китаем.

Следует отметить и некоторую нестабильность союзнических отношений США и Филиппин, связанную, прежде всего, с наличием на Филиппинах относительно многочисленной группы противников военного альянса с Вашингтоном. Так, в связи с решением филиппинского правительства не продлевать соглашение о размещении на территории страны американских военнослужащих Вашингтон был вынужден свернуть свои военные базы Субик-бей и Кларк-филд на Филиппинах к концу 1992 г. После некоторой антиамериканской паузы Филиппины инициировали в 1998 г. подписание двустороннего соглашения о временном пребывании вооруженных сил США на территории Филиппин, имеющего юридическую силу до настоящего момента. В соответствии с этим соглашением проводятся совместные военные учения на территории Филиппин, а американские военные корабли регулярно заходят в филиппинские порты.

Новый виток охлаждения американо-филиппинских отношений последовал вслед за решением Филиппин в июле 2004 г. вывести свой миротворческий контингент из Ирака в нарушение установленного графика вывода войск, что вызвало резкое недовольство Вашингтона. Определенные сомнения в надежности Филиппин как союзника Вашингтона в регионе вызывает четко проявившаяся в последние годы тенденция политического и экономического сближения Филиппин и Китая.

Отдельного упоминания заслуживают отношения США с Сингапуром, долговременным неформальным союзником Вашингтона. Между двумя государствами активно развиваются торгово-экономические связи. После того, как 1 января 2004 г. в силу вступило американо-

сингапурское соглашение о свободной торговле двусторонний внешнеторговый оборот стремительно возрос. В 2009 г. Сингапур стал одиннадцатым крупнейшим торговым партнером США в мире.

Помимо торговли, два государства объединяют обширные интересы в области безопасности. В соответствии с заключенным в 2000 г. соглашением о взаимном обеспечении снабжения и технических услуг вооруженным силам США получили возможность пользоваться сингапурскими базами ВМС Чанги для пополнения запасов, текущего ремонта и обслуживания американских судов, и ВВС Пайя Лебар для посадки американских самолетов. Американские ВМС осуществляют регулярные заходы в порт Сингапура. В июле 2005 г. США и Сингапур подписали рамочное стратегическое соглашение, которое формализовало двусторонние отношения в области безопасности и обороны по таким направлениям, как борьба с терроризмом, нераспространение ОМУ, совместные военные учения, политический диалог и оборонные технологии.

Помимо укрепления уже существующих региональных военно-политических союзов, американская политика «возвращения в Азию» включает в себя и формирование отношений близкого сотрудничества и партнерства с отдельными региональными государствами. В частности, администрация Б. Обамы значительно активизировала отношения с Индонезией и Вьетнамом.

Последовавшая вслед за терактами 11 сентября интенсификация контактов США с Индонезией, в основе которой первоначально лежала задача координации усилий по борьбе с международным терроризмом, привела к заключению 9 ноября 2010 г. Соглашения о всеобъемлющем сотрудничестве двух государств. В этом документе стороны выразили намерение наращивать сотрудничество в сферах безопасности, экономики, образования, науки и в военной сфере. В спектре национальных интересов США роль Индонезии определяется следующим: его непосредственной географической близостью к Малаккскому проливу; Индонезия – мусульманское демократическое государство, проводящее достаточно умеренную политику и пользующееся авторитетом в мусульманском мире; Индонезия – крупнейший член АСЕАН.

Наряду с Сингапуром и Индонезией, в качестве перспективного регионального партнера в Вашингтоне рассматривают Вьетнам. По оценкам США, Вьетнам может эволюционировать в

«державу средней величины» (middle power), способную оказывать значимое влияние в Юго-Восточной Азии. Немаловажную роль во внешнеполитических расчетах американского руководства играет двойственность отношений Вьетнама с Китаем, увеличение регионального влияния которого вызывает глубокую озабоченность в Ханое. Во время государственного визита во Вьетнам в июле 2010 г., совпавшего с 15-летием нормализации американо-вьетнамских дипломатических отношений, госсекретарь Х. Клинтон охарактеризовала развитие отношений с Вьетнамом в качестве составной части стратегии США по расширению своего присутствия в АТР и, в более узком смысле, в Юго-Восточной Азии [6]. К настоящему моменту американо-вьетнамские отношения успешно развиваются не только в сфере торгово-экономических отношений и инвестиций, но и в области обороны и безопасности. В частности, с 2008 г. США и Вьетнам проводят форумы в рамках диалога по политическим вопросам и вопросам в области обороны и безопасности, американские суда ВМС осуществляют регулярные заходы во вьетнамские порты.

В отличие от предыдущих американских администраций, которые отношения со странами Юго-Восточной Азии развивали преимущественно на двусторонней основе, Б. Обама предпринял шаги по расширению участия США и в многосторонних региональных механизмах и, прежде всего, в работе такой перспективной региональной организации, как АСЕАН. Возрастающая роль АСЕАН в региональных делах в сочетании с необходимостью для США закрепить свои позиции в происходящих интеграционных процессах в Юго-Восточной Азии заставили Вашингтон изменить внешнеполитическую линию как в отношении АСЕАН в целом, так и форума АСЕАН по вопросам региональной безопасности (АРФ), координирующего политику стран-участниц в области безопасности.

Предпосылки смены акцентов в определении Вашингтоном значимости АСЕАН и АРФ стали проявляться при администрации Дж. Буша-мл. и наиболее отчетливо отразились в деятельности администрации Б. Обамы. Х. Клинтон стала первым государственным секретарем США, нанесшим официальный визит в Секретариат АСЕАН в феврале 2009 г. Во многом символическим стало подписание США в июле 2009 г. основополагающего Балийского договора АСЕАН 1976 г. о дружбе и сотрудничестве, от присоединения к которому США длительное время воздержива-

лись. Наконец, был воплощен предложенный Дж. Бушем-мл., но так и нереализованный им план создания механизма регулярных саммитов лидеров государств диалогового партнерства США–АСЕАН.

Определенные изменения администрация Б. Обамы внесла в свою политику в отношении Мьянмы, жесткость и непримиримость которой служили постоянным источником раздражения в американо-асеановских отношениях с тех пор, как Мьянма в 1997 г. стала полноправным членом АСЕАН. В силу того, что обнародованная госдепартаментом США весной 2009 г. новая политика в отношении Мьянмы, предполагающая ведение диалога с представителями мьянмского военного режима при сохранении американских санкций, в большей степени соответствует подходу АСЕАН «конструктивного вовлечения» Мьянмы, это поможет снять некоторую напряженность в американо-асеановских отношениях.

Тем не менее следует признать, что нынешнее состояние диалогового партнерства США и АСЕАН на контрасте с получившими бурное развитие диалоговым партнерством АСЕАН и Китая и форматом АСЕАН+3 выглядит крайне ограниченным и ущербным. В силу того, что стремление Вашингтона сохранить свои позиции в Восточной Азии непосредственным образом сопряжено с необходимостью укрепления связей с АСЕАН и поиском собственного места в происходящих интеграционных региональных процессах, американской администрации предстоит нагнать упущенный момент и предпринять меры по сближению и интенсификации контактов с этой перспективной организацией.

Помимо тесного сотрудничества АСЕАН и Китая, озабоченность Вашингтона вызывает становление созданного в 2005 г. Восточно-Азиатского саммита как форума, способного заменить АТЭС, в которой за США традиционно закреплена ведущая роль. Успех идеи создания Восточно-Азиатского сообщества значительно усилит позиции Китая как регионального лидера. Вашингтон уже предпринял некоторые шаги по вхождению в формирующуюся интеграционную структуру. С 30 октября 2010 г. США стали полноправным участником Восточно-Азиатского саммита на регулярной основе.

Одновременно с попытками включиться и играть более активную роль в интеграционных региональных структурах, создаваемых под эгидой Китая, Вашингтон, по всей видимости, осу-

щественно усиливает усилия по созданию альтернативных интеграционных проектов, в которых США заняли бы значимое место. В качестве наиболее перспективной подобного рода интеграционной структуры может считаться соглашение о транстихоокеанском стратегическом экономическом партнерстве, участником которого сейчас являются Бруней, Сингапур, Новая Зеландия и Чили. Переговоры о присоединении к этому соглашению, предполагающему создание зоны свободной торговли, ведут США, Австралия, Малайзия, Перу и Вьетнам. Свою заинтересованность также демонстрируют Япония, Южная Корея, Канада и Тайвань. В Пекине активность Вашингтона по продвижению идеи транстихоокеанского стратегического экономического партнерства рассматривают как противоречащую инициативе Китая по созданию зоны свободной торговли в формате АСЕАН+3.

Столкнувшись с достаточно сильной конкуренцией со стороны Китая в торгово-экономической сфере, Вашингтон с 2002 г., когда Дж. Бушем-мл. было официально инициировано создание института асеановской инициативы, активизировал свою политику по упрочнению экономических связей с государствами Юго-Восточной Азии и АСЕАН в целом. Особая роль в достижении желаемой цели отводится созданию зон свободной торговли. Потенциальные партнеры США по соглашениям о создании зон свободной торговли должны удовлетворять двум базовым критериям: быть членом ВТО и заключить с США Рамочное соглашение о торговле и инвестициях (ТІFA). К настоящему моменту подобные рамочные соглашения США подписали с Брунеем, Камбоджей, Индонезией, Малайзией, Филиппинами, Сингапуром, Таиландом, Вьетнамом и АСЕАН. В 2004 г. была создана свободная экономическая зона между США и Сингапуром, с 2006 г. ведутся переговоры относительно создания свободной экономической зоны с Малайзией.

Усиление позиций Китая в Юго-Восточной Азии

С конца 1970-х гг. приоритетной задачей внешней политики Китая стало обеспечение благоприятных мирных внешних условий для проведения в стране экономической реформы. В первую очередь это касалось оптимизации обстановки в непосредственном окружении Китая. С ростом комплексной мощи Китая задача укрепления безопасности была в 1990-х гг. дополнена внешнеполитической установкой на обретение и

упрочнение своих позиций в роли регионального лидера в Восточной Азии. В этой связи в силу той роли, которую играет АСЕАН в регионе, китайское руководство в качестве внешнеполитической стратегии избрало укрепление связей с этой организацией, а первоочередной задачей – возглавить происходящие в регионе интеграционные процессы.

Первые официальные контакты Китая и АСЕАН состоялись в начале 1990-х гг. Первоначально взаимодействие концентрировалось на развитии торгово-экономических связей, а курс на создание атмосферы партнерства, добрососедства и взаимного доверия был взят Пекином несколько позднее. Со второй половины 1990-х гг. китайское руководство стало демонстрировать намерения расширить степень своего участия в различных многосторонних механизмах в рамках АСЕАН. В 1994 г. Китай вступил в организацию многостороннего диалога по вопросам безопасности АРФ, в 1997 г. стал участником объединения АСЕАН+1 и АСЕАН+3 (АСЕАН+КНР, Япония, Южная Корея).

Переломным моментом в отношениях АСЕАН и Китая стал финансово-экономический кризис 1997–1998 гг., нанесший особенно сильный ущерб экономикам Индонезии, Малайзии, Филиппин, Таиланда и Вьетнама. Китайское руководство, принявшее принципиально важное решение не допускать девальвации юаня и оказавшее существенную помощь ряду азиатских стран в преодолении последствий этого кризиса, обрело доверие и авторитет среди стран-участниц АСЕАН. Политика Китая на сближение и сотрудничество с АСЕАН получила одобрение и позитивную оценку среди стран-участниц. В 2003 г. между руководством Китая и АСЕАН была достигнута договоренность об установлении «стратегических партнерских отношений».

В ноябре 2001 г. Китай предложил инициативу создания зоны свободной торговли КНР – АСЕАН, способной стать, по оценкам китайского руководства, третьим по значению мировым рынком, наряду с общим рынком ЕС и НАФТА. Безусловно, созданию зоны свободной торговли китайское руководство придавало не только экономическое, но и политическое значение как закрепляющему за Китаем статус регионального лидера. Как только инициатива была одобрена странами-участницами, началась организация специализированных комитетов по сотрудничеству Китая и АСЕАН в конкретных областях.

Открытие зоны свободной торговли КНР – АСЕАН, охватившей 11 государств с населением

около 1,9 млрд. человек, состоялось 1 января 2010 г. Следует отметить, что уже на момент создания зоны свободной торговли доля Китая в товарообороте АСЕАН превышала доли других государств, в том числе и США [2]. Создание зоны свободной торговли, предполагающей как освобождение товаров от таможенных пошлин, так и расширение сотрудничества в сфере услуг и инвестиционных соглашений, придаст дополнительный импульс развитию китайско-асеановских торгово-экономических связей и будет способствовать их дальнейшей интенсификации. С точки зрения интересов Вашингтона создание зоны свободной торговли КНР – АСЕАН, как и любой зоны свободной торговли, являющейся дискриминационной по своей природе в отношении государств вне этой зоны, нанесет определенный урон экономическим интересам США в регионе. С известной долей озабоченности Вашингтон взирает и на тенденцию регионализации юаня, которая приводит к постепенному отказу от долларовых расчетов в Юго-Восточной Азии.

Помимо создания зоны свободной торговли, Пекин активно развивает сотрудничество и на субрегиональном уровне. Одной из наиболее успешных инициатив стал реализуемый Китаем, Камбоджой, Лаосом, Таиландом, Мьянмой и Вьетнамом проект сотрудничества в бассейне реки Меконг. При участии Китая реализуется проект строительства Трансазиатской железной дороги и открытия субрегионального железнодорожного сообщения. Пекин активно выступает за форсирование темпов строительства моста через реку Меконг, который создаст транспортный коридор между юго-западом Китая и странами Индокитая.

Неотъемлемой частью стратегии Китая по налаживанию связей со странами региона остается оказание помощи на цели содействия развитию ряда государств и предоставление льготных кредитов. Отсутствие обусловленности предоставления финансовой помощи Китаем жесткими требованиями политического характера и, прежде всего, таких как улучшение ситуации с правами человека, вызывает недовольство Вашингтона, заинтересованного в развитии демократических процессов и улучшении прав человека в странах региона. Так, в 2003 г. Китай предоставил Мьянме, в отношении которой США в том же году ввели экономические санкции на период пока в стране не будет восстановлена демократия, кредит в размере 200 млн. американских

долларов [7: р. 121]. А после введения Вашингтоном санкций на предоставление военной помощи Таиланду в ответ на произошедший военный переворот сентября 2006 г. Китай, со своей стороны, выделил Бангкоку 49 млн. американских долларов в виде военной помощи и подготовки военных кадров [4: р. 86].

Курс Пекина на развитие связей с любыми государствами вне зависимости от существующего там политического режима, проводимая китайскими властями политика невмешательства во внутренние дела государств в противовес американской политике насаждения демократических ценностей обуславливают выбор авторитарных режимов в пользу развития связей с Китаем. В силу этого до тех пор пока Вашингтон не откажется от своей мессианской идеи повсеместного распространения демократических ценностей и «экспорта» демократии, авторитарные режимы Юго-Восточной Азии будут находиться в сфере влияния Пекина.

В целом, в последнее время во внешней политике Китай все активнее прибегает к «мягкой силе». Китайскими властями предпринимаются меры по увеличению числа иностранных студентов из Юго-Восточной Азии в Китае и расширению в регионе географии и численности Институтов Конфуция, специализированных центров изучения китайского языка и культуры. Создание китайскими властями благоприятных условий для обучения студентов из Юго-Восточной Азии, в частности, упрощение процедуры получения китайских въездных виз и предоставление китайским правительством государственных стипендий, способствовали значительному росту числа студентов из Юго-Восточной Азии в Китае. Уже в 2009 г. в китайских вузах обучалось больше тайских и индонезийских студентов, чем, например, в США [7: р. 124].

Оценивая двусторонние связи Китая с государствами Юго-Восточной Азии, можно констатировать, что наиболее прочные связи у Китая сложились с Мьянмой, Камбоджей и Лаосом, самыми бедными государствами региона. Пекин – крупнейший источник экономической помощи этим государствам, при этом финансовые потоки направляются преимущественно в инфраструктурные и энергетические проекты. Особую значимость пекинское руководство придает развитию связей с Мьянмой как обеспечивающей Китай доступом к Индийскому океану и гарантирующей альтернативные проблемному Малаккскому проливу пути транспортировки в Ки-

тай энергоносителей. Поводом для глубокой озабоченности не только США, но и Индии служит предоставляемая Мьянме Китаем военная помощь, в том числе включающая модернизацию мьянмских ВМС. В частности, Китай участвовал в строительстве военно-морских баз на острове Хиангик и Больших Кокосовых островах, а также модернизации базы ВМС на архипелаге Мергуи.

Достаточно конструктивные отношения в последние годы складываются у Китая с такими основными внешнеатлантическими союзниками США, как Филиппинами и Таиландом. Таиланду, в отличие от других государств Юго-Восточной Азии, не обремененному территориальными спорами с Китаем, в целом удается достаточно активно развивать разноплановое сотрудничество с Пекином и при этом сохранять союзнические отношения с США, таким образом успешно реализуя традиционную для Бангкока внешнеполитическую линию на поддержание баланса внешних сил с целью обеспечения собственной независимости.

В то же время такие мусульманские государства Юго-Восточной Азии, как Сингапур и Малайзия, не проявляют особой заинтересованности в сближении с Китаем. Вьетнам и Сингапур, хотя и развивают разноплановые связи с Китаем, однако, в большей степени ориентированы на Вашингтон.

Противостояние США и Китая по проблеме Южно-Китайского моря

С приходом к власти администрации Б. Обамы особой точкой соперничества США и Китая в Юго-Восточной Азии стало Южно-Китайское море. Американско-китайский контекст проблемы Южно-Китайского моря включает в себя две составляющие – участвовавшие эпизоды противостояния американских и китайских судов в морском и воздушном пространстве Южно-Китайского моря; и активизацию усилий Вашингтона по включению в процесс урегулирования территориальных притязаний Китая и отдельных государств АСЕАН на ряд островов и акваторию Южно-Китайского моря.

8 марта 2009 г. в Южно-Китайском море произошел очередной крупный инцидент с участием китайских и американских морских судов. Преследование пятью китайскими кораблями американского океанографического судна ВМС США «Impressable» и создание помех его свободной навигации в акватории Южно-Китайского моря быстро стали достоянием мировой общественности и повлекли за собой чере-

ду взаимных обвинений и претензий американского и китайского руководств. Этот инцидент имел международный резонанс, вполне сопоставимый с последовавшим за событиями 1 апреля 2001 г., когда препятствование со стороны китайских истребителей полету американского разведывательного самолета EP-3 над Южно-Китайским морем закончилось столкновением самолетов и гибелью китайского летчика.

Препятствование со стороны китайских военно-воздушных и военно-морских сил воздушной и морской навигации американских судов в зоне Южно-Китайского моря уже стало определенной моделью поведения Пекина, обосновывающего правомерность своих действий положениями международного и национального законодательства в области морского права. Пекин квалифицирует навигацию американских судов как незаконную изыскательскую деятельность военных судов США в исключительной экономической зоне Китая, нарушающую положения Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и китайские законы. Вашингтон утверждает, что его морские и воздушные суда ведут «рутинную» деятельность в международных водах и расположенном над ними международном воздушном пространстве, на которые не распространяется суверенитет Китая, которым он наделен в пределах своих сухопутной территории, внутренних вод и 12-мильной зоны территориального моря и воздушного пространства над ними.

Следует обратить внимание на то, что хотя Конвенция 1982 г. дает возможность широкого толкования соответствующих норм и создает предпосылки для появления конфликтных ситуаций, их реальное возникновение в определенной мере зависит от уровня и характера отношений между государствами, от степени стратегического доверия между руководствами этих государств. По вопросу Южно-Китайского моря это недоверие проявляется в продолжающейся практике США сбора разведывательной информации в непосредственной близости от Китая и подозрениях Пекина относительно активности американских судов вблизи собственных государственных границ.

Стремительное увеличение комплексной мощи Китая и, прежде всего, усиление его военного потенциала, вызывает обеспокоенность американского руководства. Интерес Вашингтона к Южно-Китайскому морю и систематическое появление в этом районе американских морских и воздушных судов вполне закономерны в виду наличия сведений о строительстве на южном по-

бережье острова Хайнань крупной китайской военно-морской базы Юйлинь (Санья). По оценкам министерства обороны США, на этой военно-морской базе могут быть размещены торпедные и атомные подводные лодки с баллистическими ракетами на борту и передовые надводные боевые корабли. Эта база, имеющая подземные сооружения, способна обеспечить военно-морским силам НОАК непосредственный доступ к международным транспортным коммуникациям и может служить местом скрытого базирования китайских подводных лодок в Южно-Китайском море [5: р. 2]. До настоящего момента атомные подводные лодки Китая находились под командованием только Северного флота НОАК.

Создание военно-морской базы Юйлинь, наряду с расширением полевых аэродромов и военных укреплений Китая, на островах архипелага Спратли и одном из Парсельских островов, увеличением численности патрульных судов у побережья Вьетнама и Филиппин – все это проявления целенаправленной стратегии китайских властей по усилению военной мощи и увеличению масштабов военного присутствия в Южно-Китайском море, продиктованной необходимостью укрепить позиции Китая в споре о принадлежности ряда островов в акватории Южно-Китайского моря.

На настоящий момент Китай оспаривает не только принадлежность островов Спратли (китайское название островов – Наньша) и Парасельских островов (китайское название – Сиша), но и практически 80 % всей акватории Южно-Китайского моря. Реализация Пекином своих территориальных притязаний в этой части мира, по сути, приведет к превращению Южно-Китайского моря в «китайское озеро» для осуществления навигации, в акватории которого остальным государствам придется получать соответствующие разрешения от китайских властей.

Наряду с Китаем, сторонами длящихся уже не одно десятилетие споров о принадлежности Парасельских островов выступают Вьетнам и Тайвань, а островов Спратли – Вьетнам, Тайвань, Филиппины, Малайзия и Бруней. Современная структура осуществления фактического контроля сторонами конфликта над оспариваемыми островами выглядит следующим образом: Китай контролирует все Парасельские острова и располагает военными гарнизонами на 5 или 6 атоллах островов Спратли; в распоряжении Вьетнама военные гарнизоны на 21 острове архипелага Спратли; Филиппины контролируют 8 островов,

Малайзия – 3, а Тайвань – один остров архипелага Спратли [1: с. 85].

Значимость закрепления суверенитета над этими островами для китайских властей далеко выходит за рамки задачи завершения процесса присоединения некогда утраченных Китаем земель. Распространение суверенных прав на все эти острова позволило бы китайским властям также установить контроль над судоходством не только в пределах современных 12-мильных территориальных вод Китая, но и над вторым по значимости в мире международным морским путем, проходящим через акваторию Южно-Китайского моря. Ежегодно более половины мирового тоннажа торгового флота проходит через Южно-Китайское море по Малаккскому, Ломбокскому и Зондскому проливам. Морской путь через Малаккский пролив и далее по Южно-Китайскому морю чрезвычайно важен для Китая, Японии и Южной Кореи как стран, экономическое развитие которых в определяющей степени зависит от бесперебойных поставок минерального сырья и энергоресурсов с Ближнего Востока и Африки. Сохранение права свободной навигации в Южно-Китайском море – важный приоритет и для США как крупнейшей торговой державы и традиционного союзника Японии и Южной Кореи.

Обнаружение значительных запасов нефти и газа на континентальном шельфе островов Южно-Китайского моря способствовало интенсификации споров о принадлежности этих островов. Фактически на современном этапе содержательная сторона споров вокруг этих островов заключается в стремлении каждой стороны-участника этого узла территориальных притязаний закрепить за собой больший участок континентального шельфа.

Наиболее острые противоречия по этому вопросу связывают Китай и Вьетнам. В 1974 г. военно-морские силы Китая установили контроль над вьетнамскими островами Парасельского архипелага, а в 1988 г. при столкновении с вьетнамскими военно-морскими силами овладели рядом островов архипелага Спратли. Вооруженные столкновения происходили и с участием других вовлеченных в территориальные споры вокруг этих островов государств, особенно много вооруженных конфликтов произошло в Южно-Китайском море во второй половине 1990-х гг. между Китаем и Филиппинами. В последние годы сторонам-участникам споров в целом удается воздерживаться от применения военной силы для разрешения взаимных противоречий.

С конца 1990-х гг. достаточно агрессивная политика Китая в этом территориальном споре стала трансформироваться и приобретать новые, мирные, черты. В русле общей линии китайского руководства по нормализации и укреплению отношений со странами АСЕАН Пекин стал все активнее декларировать свою открытость для ведения переговоров по урегулированию разногласий в Южно-Китайском море на основе международного права и положений Конвенции ООН по морскому праву.

Примерно в это же время страны АСЕАН пытались разработать определенный кодекс поведения ассоциированных государств в Южно-Китайском море, призванный стабилизировать ситуацию в районе спорных акваторий путем регламентации деятельности в них вовлеченных сторон. В результате длительных, многолетних переговоров по вопросу спорных островов АСЕАН удалось в 2002 г. привлечь Китай к подписанию Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море, в которой стороны обязались решать свои территориальные и правовые споры исключительно мирными средствами путем дружественных консультаций и переговоров между непосредственно вовлеченными в эти споры суверенными государствами в соответствии с общепризнанными принципами международного права и Конвенцией ООН по морскому праву [13].

Вслед за подписанием Декларации о поведении сторон последовало пять лет относительно стабильной ситуации в Южно-Китайском море. Однако с 2007 г. Китай стал все активнее продвигать собственные интересы в Южно-Китайском море, что послужило причиной возникновения трений между заинтересованными сторонами и учащением различного рода инцидентов в акватории моря. Так, обстрел в июле 2007 г. китайскими военно-морскими силами осуществлявшего геологоразведку в районе островов Спратли вьетнамского судна повлек за собой сильнейший кризис в китайско-вьетнамских отношениях. Ситуацию обострили проведенные военно-морскими силами Китая военные маневры в районе Парасельских островов во второй половине ноября 2007 г.

В ноябре 2007 г. в китайских СМИ появилась информация относительно принятого Госсоветом Китая решения создать новую административную единицу острова Хайнань – уездный город Саньша с территориальной юрисдикцией над тремя архипелагами – Парасельским, Спратли и Чжунша (отмель МакКлесфилд-бэнк). Это известие повлекло возражения со стороны вьет-

намского внешнеполитического ведомства и массовые выступления протеста в Ханое и Хошимине.

В марте 2009 г. ситуацию вокруг Южно-Китайского моря дестабилизировали два события: принятие Манилой закона об основной морской линии государства, утвердившего юрисдикцию Филиппин над островом Хуаньянь и несколькими островами Спратли и омывающими их акваториями; а также посещение малазийского премьер-министра входящего в архипелаг Спратли рифа Даньвань, сопровождавшегося заявлением о суверенитете Малайзии над ним и прилегающей к нему акваторией. Эти действия, утверждающие права на спорные острова и акватории, вызвали публичные выражения недовольства и решительных протестов со стороны китайских и вьетнамских властей.

С 2001 г. Пекин в одностороннем порядке на ежегодной основе стал вводить сезонный запрет (с 16 мая по 1 августа) на ловлю рыбы в Южно-Китайском море севернее 12 параллели (район Парасельских островов) и, как следствие, осуществлять массовые задержания вьетнамских рыболовецких судов, ведущих добычу рыбы и морепродуктов в нарушение китайского запрета.

В январе 2010 г. Пекин обнародовал планы развития туризма на ряде Парасельских островов в контексте нового плана привлечения туристов на остров Хайнань. А в мае 2010 г. китайское сейсморазведочное судно начало сейсмические исследования в водах в районе острова Тритон Парасельского архипелага (китайское название – о. Чжунцзянь) и местах поисково-разведочных работ нефти и газа Вьетнама. В ответ вьетнамское правительство выразило официальный протест и потребовало немедленного прекращения работ.

На протяжении длительного времени США, не являющиеся стороной-участником территориальных споров в Южно-Китайском море, занимали по этому вопросу позицию стороннего наблюдателя. В середине 2010 г. дистанцирование Вашингтона от территориальных споров в Южно-Китайском море сменилось активизацией деятельности США на этом направлении. На 9-м форуме министров обороны стран Азиатско-Тихоокеанского региона Диалоге Шангри-ла в июне 2010 г. министр обороны США Р. Гейтс особо выделил Южно-Китайское море как сферу растущей озабоченности Вашингтона [8]. На 17-м региональном форуме АСЕАН по безопасности, состоявшемся в середине июля 2010 г. в Ханое, госсекретарь США Х. Клинтон по пред-

варительной договоренности с рядом стран АСЕАН подняла вопрос Южно-Китайского моря. Помимо отнесения к национальным интересам США свободы навигации, открытого доступа к азиатским морским коммуникациям и необходимость участников спора при предъявлении своих территориальных претензий придерживаться Конвенции ООН по морскому праву, Х. Клинтон предложила при урегулировании территориальных претензий в Южно-Китайском море использовать многосторонний подход и выразила готовность Вашингтона способствовать реализации этой инициативы.

Пекин, категорически выступающий против вовлечения в этот вопрос третьих сторон и отстаивающий принцип проведения переговоров по его урегулированию исключительно на двусторонней основе с каждой из сторон конфликта, расценил выступление Х. Клинтон как стремление США в очередной раз вмешаться в сугубо внутренние дела Китая и способствовать интернационализации территориальных споров в Южно-Китайском море. В выступлении Х. Клинтон китайские власти усмотрели стратегию США по расширению своего влияния в регионе путем дискредитации Китая среди соседних стран.

С середины 2010 г. Вашингтон стал активно продвигать идею переговоров по Южно-Китайскому морю в многостороннем формате и демонстрировать свою готовность принять непосредственное участие в этом процессе. Активизация деятельности Вашингтона по Южно-Китайскому вопросу может рассматриваться в качестве составной части политики «возвращения в Азию». Участие Вашингтона в процессе урегулирования территориальных споров в Южно-Китайском море будет способствовать укреплению союзнических отношений с Филиппинами, а также придаст дополнительный импульс наблюдающемуся в последние годы сближению США и Вьетнама. И в целом проблематика Южно-Китайского моря может стать важным мостом, способным связать США с АСЕАН, значение которой как сильной региональной структуры уже не подвергается сомнению.

Следовательно, наблюдающееся в Юго-Восточной Азии соперничество США и Китая за сферы влияния можно интерпретировать по-разному. С одной стороны, это соперничество можно рассматривать через призму «игры с ну-

левой суммой», когда расширение сферы влияния одного государства неизбежно приводит к ослаблению позиций другого государства в регионе. Такой подход приведет лишь к усилению двусторонних противоречий и возникновению потенциально опасных ситуаций в регионе. С другой стороны, если государства увидят во взаимном усилении региональных позиций новые возможности для двустороннего сотрудничества с целью противодействия многочисленным региональным вызовам, активизация политики США и Китая в Юго-Восточной Азии будет способствовать региональному миру и стабильности. На настоящий момент государства Юго-Восточной Азии достаточно положительно относятся к региональному соперничеству США и Китая как создающему ситуацию, когда оба государства уравнивают друг друга и устраняют угрозу доминирования одного государства в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кобелев, Е.В. Южно-Китайское море: тлеющий очаг конфликтов // АСЕАН в начале XXI в. Актуальные проблемы и перспективы / Е.В. Кобелев; под ред. Е.В. Кобелева, Г.М. Локшина, Н.П. Малегина. – М. : Форум, 2010. – 367 с.
2. ASEAN Trade by Selected Partner Country [Электронный ресурс] / Region, 2009. As of 15 July 2010. – Режим доступа: <http://www.aseansec.org/stat/Table19.pdf>.
3. Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea. 2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aseansec.org/13163.htm>.
4. Lum Th. Comparing Global Influence: China's and U.S. Diplomacy, Foreign Aid, Trade, and Investment in the Developing World. 2008. August 15. – 168 p. – Режим доступа: <http://www.fas.org/sgp/crs/row/RL34620.pdf>.
Military and Security Developments Involving the PRC 2010. – 74 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.defense.gov/pubs/pdfs/2010_CMPR_Final.pdf.
5. Remarks with Vietnam Deputy Prime Minister and Foreign Minister Pham Gia Khiem. 2010. July 22. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.state.gov/secretary/rm/2010/07/145034.htm>.
6. Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security Review Commission. 2010. November. – 316 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.uscc.gov/annual_report/2010/annual_report_full_10.pdf.
7. 1st Plenary Session “Strengthening Security Partnerships in the Asia-Pacific”, Dr. R.Gates. 2010, June 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iiss.org/conferences/the-shangri-la-dialogue/shangri-la-dialogue-2010/plenary-session-speeches/first-plenary-session/robert-gates>.

КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЯХ XX ВЕКА

И.С. Ланцова

Ланцова Ирина Сергеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета.

Контактный адрес: islanko@mail.ru

В статье анализируется место и роль Корейского полуострова в геополитических стратегиях таких государств, как Китай, Россия, США и Япония с конца XIX и до начала XXI вв. Рассматриваются геополитические причины раскола Кореи. Анализируются геополитические и геостратегические факторы развития международных отношений вокруг Корейского полуострова до и после окончания «холодной войны».

Ключевые слова: геополитика, геополитическая стратегия, Корейский полуостров, Россия, КНР, Япония, США, КНДР, Республика Корея, «холодная война», Корейская война.

Геополитика как самостоятельное направление в изучении международных отношений сформировалась лишь к концу XIX века, хотя представления о взаимосвязи политики и географического пространства появились еще в глубокой древности. Эти представления отражали тот факт, что внешняя политика государств на протяжении многих столетий и даже тысячелетий детерминировалась пространственно-географическими факторами. Так было и в Европе, и в Азии, в том числе и на Дальнем Востоке. Например, Китайская империя в периоды, когда ее внешняя политика основывалась на политической доктрине легизма, стремилась расширить свои пределы за счет соседних территорий, в частности и Корейского полуострова. Корея на протяжении длительного времени была объектом политического, экономического и цивилизационно-культурного влияния Китая. Позднее Корейский полуостров стал привлекать внимание и других государств, прежде всего, Японии и России.

Один из основоположников геополитики Ф. Ратцель выдвинул тезис о том, что каждое государство должно стремиться к расширению своих пределов до так называемых естественных границ, т. е. берегов морей и океанов, горных хребтов, больших рек. Это положение отразило, по сути дела, внешнеполитическую практику большинства государств тогдашнего мира. В том числе это касалось и Российской империи, которая продолжала свою территориальную экспансию достижения каких-либо естественных географических или политических препятствий. Во второй половине XIX века в России все большей популярностью стали пользоваться идеи об экспансии в азиатском направлении, прежде всего, на Дальний Восток. Так, историк и общественный деятель М.П. Погодин писал, что «...мы

должны обратить все свое внимание на Азию, которую упустили почти совсем из виду, хотя собственно она предназначена нам по преимуществу... нам принадлежит еще половина Азии, Китай, Япония, Тибет... мы должны распространить свои владения для разнесения по Азии европейского элемента» [4: с. 125].

Во второй половине XIX века важным направлением геополитической экспансии России стало юго-восточное. Если в предшествующие столетия границы раздвинулись в северо-восточном направлении, достигнув Чукотки, Камчатки, то, теперь в результате заключения пограничных договоров с Китаем, географических экспедиций под руководством Г.И. Невельского, рубежи российского государства вышли к берегам Японского моря, Южной Маньчжурии и Корейского полуострова. В 1861 г. между Россией и Кореей появилась общая граница. В 1884 г. был подписан договор о дружбе и торговле, что позволило эффективно развивать двустороннее сотрудничество.

В этот же период в Японской империи процессы политической и социально-экономической модернизации привели к серьезным изменениям во внешней политике. Основная цель новой внешней политики заключалась в создании сферы японского влияния в Восточной Азии. Важным стратегическим узлом должна была стать Корея – данный факт нашел отражение в риторике японских политиков. С одной стороны, Корейский полуостров они называли кинжалом, направленным в самое сердце Японской империи. С другой стороны, его планировали использовать в качестве своеобразного моста для обеспечения японского присутствия на материке.

Соперничество за влияние на Корейском полуострове стало одним из факторов начала

Русско-японской войны 1904–1905 гг. По мнению южнокорейского исследователя Пак Чонхё, в конце XIX в. среди части российской дипломатической элиты даже существовал особый проект разделения Кореи на сферы экономического влияния между Россией и Японией [5]. Однако эта идея не обрела статус официальной доктрины корейской политики царского правительства, более того, план раздела на экономические сферы влияния был отвергнут военным министерством и министерством иностранных дел. В ходе русско-японских совещаний по корейскому вопросу, состоявшихся в 1903 г., российская сторона стремилась сохранить все существующие договоры, предусматривающие независимость Кореи. Однако после поражения России в Русско-японской войне, Япония начала реализовывать свои колонизаторские планы относительно Кореи. В 1905 г. между Японией и Кореей (при тайном соглашении с США) был подписан «Договор о протекторате», а в 1910 г. – «Корейско-японский договор о соединении», который юридически закрепил аннексию Корейского полуострова Японией. Корея исчезла с политической карты мира. Интерес к Корее как к отдельному субъекту геополитических отношений со стороны России также исчез. Вновь такой интерес возник после победы Октябрьской революции 1917 года.

В первое десятилетие советской власти внешнюю политику Советского государства определяла идея мировой революции. В.И. Ленин считал, что колониальные владения имеют большое значение для развитого, или «финансового» капитала, который смог выжить только потому, что колонии снабжали его дешевым сырьем и предоставляли дополнительные рынки сбыта готовой продукции. В.И. Ленин развивал мысль, что этот экономический строй не смог бы выжить без колоний, вот почему национально-освободительное движение в этих регионах может ударить по самому чувствительному месту [3].

Корея находилась в колониальной зависимости от стремительно развивающейся Японии и представляла определенный интерес с точки зрения развертывания национально-освободительной борьбы. Более того, в Корее к 1920 г. сложились некоторые предпосылки для становления коммунистического движения. Они были связаны, прежде всего, с идеей национального самоопределения, провозглашенной большевиками, а

также с событиями 1919 г.¹. Как отмечают корейские исследователи, именно право наций на самоопределение в контексте колониальной зависимости Кореи было наиболее привлекательным в коммунистической доктрине. Утверждение, что «...аннексия есть нарушение самоопределения нации... быть против аннексий значит быть за право самоопределения» [3: с. 271], оказалось созвучно настроениям корейского народа. Другие положения, такие как классовая борьба или эмансипация рабочих, были чужды для традиционной Кореи. Американский политолог Д. Мак-Дональд отмечает, что до 1945 г. влияние западной политической культуры и философии на корейцев было поверхностным, а западная мысль являлась привлекательной в той мере, в которой она поддерживала стремление корейцев к свободе [12].

Коммунистическая партия Кореи была создана в 1925 г., в 1926 г. признана Коминтерном, но уже на VI Конгрессе Коминтерна, созванном в 1928 г., было принято решение о роспуске ККП. Почему же Коммунистическая партия Кореи существовала так недолго? С одной стороны, партия фактически не справлялась с возложенными на нее задачами, указания Коминтерна по созданию единого национального фронта в Корее выполнены не были. С другой стороны, внешняя политика Советского Союза с середины 20-х годов XX века стала приобретать более прагматический характер, произошел некоторый отход от идеи мировой революции в ее прежнем понимании, был провозглашен лозунг о построении социализма в отдельно взятой стране.

Если внешняя политика Советского Союза в значительной мере определялась концепцией мировой революции, то детерминанты внешней политики США были иными. Большинство американских политиков смотрело на «Соединенные Штаты как на избранную нацию, благословленную провидением на спасение погрязшего в грехах мира» [9: с. 78]. А.М. Шлезингер подчеркивает циклический характер американской внешней политики, выделяя экстравертную и интровертную фазы [9]. Для экстравертной фазы характерно преобладание идей «избранной нации», внешняя политика используется для продвижения американских демократических ценностей за рубеж. Начало XX века совпало с периодом экс-

¹ Первоапрельское движение – название национально-освободительного движения за освобождение Кореи от японского господства.

травертности, однако, даже в тот период Корея очень невысоко котировалась в американской внешней политике, особенно по сравнению со своими соседями – Китаем и Японией. Именно отсутствие сколько-нибудь значимых интересов в этой стране позволило Соединенным Штатам спокойно отнестись к аннексии Кореи Японией в 1910 г. Окончание Первой мировой войны было связано с наступлением интровертной фазы и возвращением к политике изоляционизма. Вплоть до начала Второй мировой войны и наступления очередной экстравертной фазы Корея как объект интереса внешней политики в США не рассматривалась, считаясь частью японской колониальной империи.

Таким образом, до Второй мировой войны Корейский полуостров не входил в сферу интересов ни Советского Союза, ни Соединенных Штатов. Изменения произошли в период Второй мировой войны. СССР был заинтересован, прежде всего, в разрешении европейских территориальных споров. Конкретных планов по поводу Дальнего Востока не было, поскольку, по мнению советских политиков, до приближения победы над Японией такой необходимости не существовало. США основные военные действия вели с Японией на Тихом океане, поэтому пристальное внимание было уделено именно этому региону, а также Дальнему Востоку.

Вторая мировая война вызвала подъем внешнеполитической активности США, которая пришла на смену изоляционизму. В этот же период начинается активное развитие американской геополитической мысли, связанное, прежде всего, с именем Н. Спайкмена. Он рассматривал геополитику как некий аналитический метод, с помощью которого возможно выработать наиболее эффективную стратегию внешней политики государства. На его идеи значительное влияние оказали труды Х. Маккиндера и А. Мэхэна, сама же концепция отражала геополитические интересы США в том виде, в каком их понимал Н. Спайкмен. Согласно воззрениям Х. Маккиндера, ключевой зоной всего мира являлся Хартленд, границы которого определялись зоной, недоступной судам морских держав. Н. Спайкмен доминантную роль отводил Римленду, включавшему в себя прибрежные государства Евразии. Именно там располагалась буферная зона конфликта между континентальными и морскими державами. Таким образом, в модели Н. Спайкмена противостояние между морской державой-гегемоном (США) и державой, доминирующей в хартленде (СССР), должно было

происходить в Римленде. Территория Корейского полуострова также располагалась в зоне этого «спорного пояса». Теория «Хартленда-Римленда» оказала существенное влияние на формирование внешнеполитического курса США, в том числе и в регионе Восточной Азии.

Уже в 1942 г. по поручению президента Ф.Д. Рузвельта Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ) подготовил глобальное изучение баз для «международных сил правопорядка» (International Police Force). Согласно докладу ОКНШ 570/2, весь земной шар был разделен на три зоны. Корея, так же как и страны Юго-Восточной Азии, Индокитай, восточный Китай и Япония, была отнесена к черной зоне, где США рассчитывали получить права участника как одна из великих держав, борющихся за мир. Более того, по мнению американского исследователя Б.Камингса, уже в начале осени 1943 года советский контроль над всей Кореей представлялся крайне нежелательным и рассматривался как вероятная угроза безопасности США в Тихоокеанском регионе [11]. В ходе Каирской конференции, которая проходила в ноябре 1943 г., впервые прозвучал тезис о необходимости опеки над Кореей в течение некоторого времени (до сорока лет), которая осуществлялась бы США, СССР, Великобританией и Китаем. В условиях существовавших тогда международных реалий Вашингтон получал возможность доминировать в такой системе опеки. На Тегеранской и Ялтинской конференциях корейский вопрос отдельно не был включен в повестку дня, однако, идея об опеке была согласована на неофициальном уровне.

Были ли опасения Соединенных Штатов о возможном контроле Советского Союза над Корейским полуостровом оправданными? Можно предположить, что к началу 1945 г. такая перспектива развития событий представлялась реальной. Вторая мировая война привела к изменению старого мирового порядка. Уже в 1943 г. явственно выделились два центра силы, которые в дальнейшем будут определять международную политику – СССР и США. Однако изменился не только мировой порядок, изменения коснулись и концепций, которые во многом определяли направление развития внешней политики этих государств.

В Советском Союзе происходит окончательный отход от идей экспорта мировой революции в духе Л. Троцкого, на первый план выступают непосредственные интересы Советского государства. Американский историк и политолог Р. Таккер отмечал, что «...Сталин создал такую

концепцию мировой революции, которая вытекала из роста могущества Советского Союза. Он полагал, что социалистические революции в первую очередь произойдут в странах, соседних с СССР» [6: с. 93].

Президент Рузвельт, «ученик Мэхэна и Вильсона», первоначально рассчитывал воплотить в жизнь вильсоновскую концепцию международной гармонии, так называемый «универсальный мировой порядок», который обеспечивал бы национальную безопасность путем создания международной организации. Однако уже к 1945 г. стало очевидно, что этот план не может быть реализован. Концепцию «четырех полицейских» сменяет концепция разделения на сферы влияния. Фактически в США происходит отход от идеалистических концепций, на смену им приходит то, что впоследствии Г. Моргентау назовет политическим реализмом, в основе которого лежат категории силы, власти, национального интереса. Корейский полуостров из-за своего географического расположения является важным геостратегическим районом в Северо-Восточной Азии (СВА), поэтому к концу Второй мировой войны он становится объектом интереса сначала со стороны США, а затем и Советского Союза.

Согласно договоренностям, достигнутым в процессе окончания Второй мировой войны, к северу от 38-й параллели Корейский полуостров был оккупирован советскими войсками, к югу – американскими. На севере административные функции находились в руках созданной на базе командования 25-й армии Первого Дальневосточного фронта советской гражданской администрации (СГА). На юге функции управления взяла на себя Американская военная администрация (АВА). СГА стремилась к созданию дружественного политического режима, опираясь на опыт, приобретенный в странах Восточной Европы. АВА фактически не предпринимала никаких активных реформаторских действий, так как все политико-административные изменения должны были начаться с введением международной опеки над полуостровом [7].

Постепенное нарастание напряженности между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции, развертывание «холодной войны» на международной арене, специфика внутриполитических процессов привели к созданию в 1948 г. на Корейском полуострове двух сепаратных государств – Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) и Республики Корея (РК). Данная ситуация во многом устраивала как СССР, так и США. К концу Второй мировой

войны они рассматривали территорию Кореи как важный геостратегический район в Северо-Восточной Азии. Доминирование одного государства на полуострове обеспечило бы его доминирование во всем регионе. В результате событий 1948 г. Советский Союз обеспечил себе буферную зону на дальневосточной границе, а Соединенные Штаты не допустили распространения советского влияния на всей территории полуострова.

Однако эта ситуация не устраивала корейцев как на Юге, так и на Севере. В обеих частях полуострова вновь созданные государственные органы рассматривались не как сепаратные, а как действующие по всей территории Кореи. Для Юга Корейского полуострова приоритетным направлением деятельности было решение внутренних проблем. Тем не менее президент Ли Сын Ман уже в начале июня 1946 г. публично призывал к экспедиции на север, чтобы «...вышвырнуть коммунистических бандитов» [11: с. 28]. На Севере, где к тому моменту уже были достигнуты определенные успехи во внутренних делах, внимание еще в большей степени концентрировалось на внешней политике. В марте 1949 г. Ким Ир Сен совершил визит в Советский Союз, в ходе которого между СССР и КНДР был подписан договор об экономическом и культурном сотрудничестве. Есть версия, которая подтверждается недавно опубликованными ранее секретными документами, что во время этого визита проходили консультации между Ким Ир Сеном и И. Сталиным по вопросу о подготовке нападения на юг [8].

По всей видимости, два основных фактора сыграли решающую роль в том, что И. Сталин согласился на план Ким Ир Сена. Первый фактор – победа Китайской революции и, как следствие, изменение баланса сил в Азии. Реакция США на события в Китае также обнадеживала: в результате предварительной дискуссии «было решено ... наложить вето на помощь гоминьдановцам» [2: с. 68]. Второй фактор – заявление госсекретаря Д. Ачесона от 12 января 1950 года о том, что периметр американской обороны проходит вдоль Алеутских островов к Японии и затем тянется к Филиппинским островам (т. е. Южная Корея и Тайвань исключались из этого периметра) [10]. Следует отметить, что в связи с американским присутствием в Европе военный конфликт за ее пределами был выгоден Советскому Союзу. Однако, по мнению американского исследователя Б. Камингса, исключение Кореи из периметра американской обороны в

Азии не означало, что полуостров потерял свое геостратегическое значение для США [11]. Вероятно, Д.Ачесон боялся спровоцировать лидеров Южной Кореи и Тайваня, нацеленных на возвращение «утраченных» территорий.

Корейская война стала первым вооруженным конфликтом периода «холодной войны». В ее основе лежали внутривосточные факторы, однако, региональные геополитические интересы СССР и США, а также КНР, серьезно влияли на ее ход. Корейская война оказала значительное воздействие как на всю международную систему в целом, так и на расстановку сил в СВА. До 1951 г. Восточная Азия в большей степени рассматривалась как периферийный геополитический регион, не оказывающий большого влияния на международную политику. После окончания Корейского конфликта стало очевидно, что стабильность мирового порядка во многом зависит и от ситуации в Азии. Корейская война не только закрепила раскол полуострова на Север и Юг, но и способствовала установлению биполярной системы в СВА.

Приход к власти коммунистов в Китае и Корейская война стали основополагающими факторами, повлиявшими на включение Республики Корея в систему американской обороны в Азии. В октябре 1953 г. был заключен Договор о взаимной обороне между Республикой Корея и Соединенными Штатами. Договор содержал два основных пункта: во-первых, стороны обязались прийти на помощь друг другу как в случае атаки на одну из сторон, так и вообще в ситуации любой атаки в регионе; во-вторых, на территории Республики Корея было предусмотрено размещение американских войск. Стратегическая значимость Республики Корея для национальных интересов США способствовала также усилению экономического сотрудничества между двумя странами. Таким образом, Республика Корея стала важным геополитическим партнером США в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Отношения между СССР и КНДР складывались в ином русле. Вплоть до Корейской войны внутренняя и внешняя политика Северной Кореи в значительной степени формировалась под влиянием Советского Союза. Фактическое отстранение СССР от прямого участия в корейском конфликте способствовало росту недоверия со стороны северокорейского руководства. Помимо этого, кампания по разоблачению культа личности И. Сталина угрожала стабильности власти Ким Ир Сена. Северокорейский руководитель начинает проводить политику, направленную на

концентрацию власти в собственных руках. Его действия оказались весьма эффективными, и уже с начала 1960-х гг. можно говорить о том, что политический курс КНДР становится вполне независимым как от СССР, так и от КНР. Так, 6 июля 1961 г. между СССР и КНДР был заключен Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи. Однако подписание 11 июля 1961 г. аналогичного договора с КНР² компенсировало сближение КНДР с Советским Союзом и позволяло Ким Ир Сену лавировать между двумя державами, играть на их противоречиях и получать военную и экономическую помощь и от СССР, и от КНР.

С 1953 года и вплоть до середины 1980-х годов ситуация вокруг Корейского полуострова определялась реалиями «холодной войны». Корейский полуостров представлял собой буфер между капиталистическим и коммунистическим блоком. Важность этого буфера была обусловлена, прежде всего, геостратегическими интересами США, СССР и КНР в этом регионе. Окончание «холодной войны», завершение глобального идеологического противостояния давало надежду на то, что изменения коснутся и Корейского полуострова. Однако этого не произошло: северокорейский режим продолжил свое существование, и одним из факторов его выживания стала практически полная самоизоляция страны от мирового сообщества. В 1990-е гг. и Россия, и Китай были заняты, прежде всего, внутривосточными проблемами. Но, в отличие от России, утратившей свое влияние на КНДР (договор 1961 г. не был продлен в 1995 г., новый договор был заключен лишь в 2000 г.), Китай продолжал сотрудничество с Северной Кореей. На юге Корейского полуострова сохранялось американское военное присутствие.

Представление о роли Корейского полуострова в современных международных отношениях получило развитие в знаменитой книге З. Бжезинского «Великая шахматная доска». На политической карте мира исследователь выделяет геостратегические действующие лица и геополитические центры, к последним он относит и Южную Корею. Согласно концепции З. Бжезинского, «геополитические центры – это государст-

² Следует отметить, что между двумя договорами имелась существенная разница: если договор между КНР и КНДР был бессрочным, то договор между СССР и КНДР был заключен на десять лет и при согласии сторон мог быть продлен на последующие 5-летние периоды.

ва, чье значение вытекает не из силы и мотивации, а скорее из их важнейшего местоположения и последствий их потенциальной уязвимости для действий со стороны геостратегических действующих лиц» [1: с. 55]. З. Бжезинский пишет о том, что любая перемена в статусе Южной Кореи в связи с объединением или из-за вовлечения ее в сферу китайского влияния приведет к изменению позиций США и, следовательно, Японии на Дальнем Востоке. Контроль над территорией РК приобретает все большую ценность и в связи с экономическими успехами последней. Действительно, в 1990-е гг. Соединенные Штаты играли важнейшую роль в событиях вокруг Корейского полуострова, принимали непосредственное участие в регулировании ядерных кризисов. В настоящее время Южная Корея является важнейшим стратегическим партнером США по ПРО ТВД (противоракетная оборона театра военных действий) в Восточной Азии.

На протяжении XX века геополитическая значимость Корейского полуострова претерпела существенную трансформацию. Если в конце XIX века Корея, будучи номинально в вассальной зависимости от Китайской империи, находилась на периферии международных отношений, то уже к началу XX века территория полуострова вошла в орбиту интересов Японии и России. Геополитическое значение Корейского полуострова значительно выросло после окончания Второй мировой войны. 38-я параллель была не просто линией, разделившей полуостров на две части, она, как Берлинская стена в Европе, стала символом раскола Восточной Азии на две системы: социалистическую и капиталистическую.

Через Корейский полуостров прошел один из фронтов начавшейся «холодной войны». Именно на Корейском полуострове обнаружилась опасность ее перерастания в прямую военную конфронтацию между двумя блоками. Корейская война, ставшая наиболее масштабным вооруженным конфликтом второй половины XX века, закрепила раскол Корейского полуострова. Северная Корея оказалась в центре геополитического соперничества своих коммунистических союзников – СССР и КНР. Это соперничество позволило северокорейскому режиму выйти из-под советского и китайского влияния и тем самым приобрести особый, не похожий на иные коммунистические режимы характер.

Изменения, произошедшие в мире в конце XX столетия, не сказались на статусе Корейского полуострова. Здесь сохранился политический раскол и военное противостояние. Более того, Корейский полуостров остается одной из наиболее проблемных зон во всей мировой политике, поэтому он находится в центре внимания ведущих государств современного мира, имеющих свои геостратегические интересы в Восточно-Азиатском регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бжезинский, З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М.: Междунар. отношения, 1998. – 256 с.
2. Воронцов, В.Б. Дело «Амерэйша». Политические столкновения в США по проблемам Китая / В.Б. Воронцов. – М.: Междунар. отношения, 1974. – 208 с.
3. Ленин, В.И. О праве наций на самоопределение / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. Т. 25. – М.: Политиздат, 1961. – С. 255–320.
4. Лукин, А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках / А.В. Лукин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 598 с.
5. Пак Чон Хё. Русско-японская война 1904–1905 гг. и Корея / Пак Чон Хё. – М.: Восточная литература РАН, 1997. – 278 с.
6. Таккер, Р. Трилогия о Сталине / Р. Таккер // Проблемы мира и социализма. – 1989. – № 3. – С. 91–96.
7. Тихомиров, В.Д. Корейская проблема и международные факторы (1945 – начало 80-х годов) / В.Д. Тихомиров; ред. А.В. Воронцов – М.: Вост. лит., 1998. – 280 с.
8. Торкунов, А.В. Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов / А.В. Торкунов. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. – 312 с.
9. Шлезингер-младший А.М. Циклы американской истории : пер. с англ. / А.М. Шлезингер-младший; заключит. ст. В.И. Терехова. – М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. – 688 с.
10. Acheson, D. Present at the Creation: My Years in the State Department / D. Acheson. – N.Y.: New American Library, 1970. – 798 p.
11. Child of Conflict. The Korean-American Relationship, 1943-1953 / Edited by Bruce Cumings – S-L.: University of Wash. Press, 1983. – 352 p.
12. McDonald, D.S. Wellsprings of Intervention: The United States and Korea / D.S. MacDonald // Asian Affairs. Vol. 9, No. 2 (November – December). – P. 104–128.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА В РАКУРСЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ

А.С. Ким

Ким Александр Сергеевич – доктор политических наук, профессор кафедры социологии, политологии и регионоведения Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск).

Контактный адрес: stosorok2005@yandex.ru

Статья посвящена теоретико-методологическому анализу этнополитической конфликтности на российском Дальнем Востоке в свете анализа опыта политики мультикультурализма, различных оценок ее эффективности и целесообразности ее реализации в России. Рассматриваются различные научные подходы к определению конфликтности этнической миграции. Обосновывается взаимосвязь этнополитической конфликтности на дальневосточных территориях с социально-экономическими противоречиями, феноменами формирующихся и старожильческих диаспор. Выявляются основные направления научно-обоснованной региональной национально-этнической политики и их роль в профилактике и мониторинге этнополитических конфликтов.

Ключевые слова: диаспора, миграция, мультикультурализм, мультикультуралистская политика, этнополитический конфликт, этнополитическая конфликтность, этнополитика.

Экстремистские выступления в Москве и некоторых других российских городах в декабре 2010 г. высветили огромный потенциал ненависти и агрессии, острейшие проблемы межкультурных и межэтнических противоречий. Как оказалось, за два постсоветских десятилетия выросло целое поколение, лишенное серьезного государственного и общественного внимания в вопросах воспитания патриотизма, межэтнической толерантности и духовной культуры. Обстоятельством, вызывающим особое беспокойство, является переплетение ксенофобии с социальным недовольством и падением доверия к власти. В молодежной среде возник опасный феномен этнонационалистического экстремизма, особенностью которого является враждебность, ксенофобия по отношению не только к представителям иммиграционных сообществ, но и всем «ненашим» (читай – «нерусским»), включая представителей старожильческих диаспор и автохтонных народов России. Этот феномен превращается в мощный ресурс экстремистских движений и группировок, которые широко используя электронные сети, канализируют его в массовые протестные настроения и действия, сопровождающиеся террором. Так, по данным интернет-опроса еженедельника «Аргументы и факты», проведенного в декабре 2010 г., 50 % опрошенных готовы выйти на Манежную площадь, чтобы принять участие в известных событиях в случае их повторения [14]. Соответствующая этнополитика, таким образом, реализуется на улицах российских городов.

Российский Дальний Восток традиционно позиционируется в глазах общественности и власти как регион наиболее спокойный с точки зрения национально-этнических и религиозных противоречий. В качестве главного аргумента выдвигается тезис об отсутствии явных, открытых столкновений между представителями различных этнических и конфессиональных групп. Между тем следует отметить, что данное обстоятельство не является поводом для самоуспокоения, особенно если рассматривать его в контексте общероссийской этнополитической напряженности. Это показывают данные опросов общественного мнения: 47 % граждан (ВЦИОМ) полагают, что за 2010 г. межнациональные отношения в стране только ухудшились; 32 % (ФОМ) считают, что многонациональность России скорее приносит больше вреда, чем пользы, а 24 % испытывают раздражение или неприязнь по отношению к представителям той или иной национальности; 56 % (Левада – центр) считают, что массовые кровопролитные столкновения на национальной почве возможны [17].

Цель настоящей статьи состоит в теоретико-методологическом обосновании этнополитической конфликтности Дальневосточного региона на основе анализа опыта политики мультикультурализма, различных оценок ее эффективности и целесообразности ее реализации в России. Под этнополитической конфликтностью понимается совокупность определенных факторов и переменных, которые способствуют формированию различных условий и обществен-

ных настроений, составляющих ресурс этнополитической мобилизации, и тем самым непосредственно приводящих к этнополитическим конфликтам.

26 июня 2006 г. Президентом Российской Федерации был подписан Указ № 637, утверждающий Государственную программу переселения соотечественников. Для ее реализации были выбраны 12 регионов, в том числе дальневосточные – Приморский и Хабаровский края, Амурская область [23]. В начале июля 2006 г. полномочный представитель Президента РФ в Дальневосточном Федеральном округе К. Исхаков обсудил с губернаторами Дальнего Востока реализацию Государственной программы. По предварительным расчетам, озвученным на этой встрече вышеупомянутые дальневосточные регионы смогут принять около 40 тыс. людей из стран СНГ. Из них только 13 тыс. – экономически активное население. Между тем, по мнению специалистов, участвовавших в 2006 г. в совещании по вопросам миграции в г. Благовещенске (административный центр Амурской области), массовое переселение наших соотечественников на Дальний Восток практически нереально [3]. И связано это вот с чем. Разработка предложений по программе была возложена на Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук в г. Хабаровске. Его сотрудники на основе произведенных расчетов полагают: «...чтобы рост ВВП в регионе был на уровне 3,8 % в год, население Дальнего Востока должно составлять порядка 11 миллионов. Сейчас у нас проживает 6,6 млн.» [3]. Как пояснила специалист этого института Е. Мотрич: «...все специалисты, в том числе и московские, которые обсуждали эту проблему, считают, что настолько увеличить население Дальнего Востока просто не реально. Наш институт подготовил предложения по этой программе, где указано, что сначала нужно предпринять целый комплекс мер по выравниванию условий проживания на Дальнем Востоке по отношению к центральному региону, а потом уже пытаться кого-то сюда переселять» [3].

Для закрепления мигрирующего населения необходимо, чтобы условия в Дальневосточном регионе были не просто равными с существующими в центральной части России, а значительно лучше. Реальная же ситуация такова, что доходы здесь гораздо ниже. К тому же надо учитывать, что людям нужна культурная жизнь, которую, к сожалению, дальневосточная инфраструктура не в состоянии дать на уровне центра России.

В этой связи вышеупомянутая исследователь Е. Мотрич задает вопрос: «... о чем можно говорить, если даже федеральная программа «Дальний Восток» не выполняется? Предполагается для переселенцев к 2007 г. создать 3 тыс. рабочих мест. Как это возможно за такой короткий срок? Жилья и детских садов не хватает даже коренному населению» [3].

Таким образом, этнополитическая конфликтогенность на дальневосточных территориях сопряжена с социально-экономическими противоречиями, которые могут возникнуть между старожильческим населением и переселяющимися русскоязычными мигрантами. Логика развития таких противоречий состоит в том, что миграция русскоязычного населения без соответствующей социально-экономической подготовленности принимающих властей неизбежно породит социально-конкурсные ситуации – приезжие начнут конкурировать с местным населением в области занятости, проживания и социального обеспечения. На фоне неблагоприятных экономических условий, сокращения возможностей в удовлетворении элементарных потребностей значительная часть мигрантов одновременно столкнется и с потерей своих прошлых статусных характеристик. Таким образом, у многих, приехавших на новое место, может сформироваться по отношению к новой среде негативное отношение. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что соотечественники из стран СНГ отличаются от дальневосточников и некоторыми социокультурными особенностями, обусловленными их длительным (нередко с момента рождения) проживанием не в российских регионах бывшего СССР. При этом значительная часть русскоязычного населения, будучи по происхождению нерусскими, длительное время находились в положении национальных меньшинств и «двойных диаспор» среди доминирующего населения бывших советских республик. Например, это значительный миграционный поток корейских диаспор из среднеазиатских стран СНГ, наблюдаемый в течение последних 20 лет в Приморском и Хабаровском краях.

В этой связи необходимо обратить особое внимание на скорейшее разрешение двух блоков проблем:

– гуманитарных, заключающихся в максимальном обеспечении переселенцев условиями для полноценной жизни на новом месте;

– стратегических, предполагающих достижение эффективных результатов от их включения в экономические, социальные, этнокультурные и иные общественные институты.

При этом со стороны государства должна проводиться научно продуманная политика расселения русскоязычных мигрантов исходя из учета их интересов и интересов принимающих территорий. На наш взгляд, учитывая принадлежность основной массы переселяющихся к русскому языку и российской культуре, возможен только один путь решения их проблем – интеграция. Главным условием интеграции является то, чтобы она была выгодна как для мигрирующих соотечественников, так и для местного населения. Кроме того, большое значение имеет формирование общественного мнения по вопросам реализации Государственной программы. Ведь местное население в районах проживания переселенцев должно быть согласно с их присутствием и толерантно относиться к их проблемам и субкультуре.

Между тем за все время действия программы в Хабаровский край, например, прибыло всего 179 человек: 87 участников и 92 членов их семей. Кроме того, в соответствии с Указом Президента от 12 января 2010 г. № 60, участниками программы стали 244 человека, не имеющие российского гражданства, но проживающие в России постоянно или временно на законных основаниях [18]. Таким образом, любые благие намерения могут разбиться о социально-экономическую нежизнеспособность программ переселения. И это обстоятельство имеет важное социально-политическое значение с точки зрения как освоения дальневосточных территорий, так и «подпитки», поддержания российского гражданского сообщества на этих территориях в противовес усиливающемуся давлению нелегальной миграции.

Что касается конфликтогенного потенциала этнической миграции в Дальневосточном регионе, то он заключается вовсе не в противоречиях между старожильческим населением и мигрантами среднеазиатских и закавказских этносов, хотя их присутствие ощутимо. Последнее не ведет к острым конфликтам вследствие нетрудоизбыточности региона, а также тем, что, кроме этих сфер, значительное число этнических мигрантов занято в строительстве и на непрестижных, низкооплачиваемых работах.

Следует иметь в виду и такое обстоятельство: на Дальнем Востоке практически не ощущается феномена титульного, коренного этноса, что обусловлено полиэтнично-миграционным составом его населения времен царской России и СССР составом его населения. Коренные этносы дальневосточных территорий (нанайцы, удэгейцы, орочи, эвены,

эвенки, чукчи и др.) в силу своей малочисленности и проживанием в труднодоступных районах традиционного природопользования не имеют значимых социально-экономических и политических позиций в регионе. Поэтому применительно к российскому Дальнему Востоку уместно говорить не об автохонном, а о старожильческом населении, которое вследствие этноассимиляционного происхождения (пусть и преимущественно на основе славянского субстрата) в известной степени обладает толерантными установками.

Однако определяющим фактором того, что этнополитическая конфликтогенность доминирует все-таки не в сфере отношений местного населения с мигрантами из стран СНГ, являются другие обстоятельства. Рассмотрим их подробнее.

Дело в том, что Дальневосточный регион всегда осознавался как российская территория. При всей разнородности мигрирующих сюда переселенцев, они были носителями различных региональных и этнокультурных вариантов российского общества. Естественно, привнося на территорию переселения свои традиции и обычаи, они создавали мозаичный дальневосточный социум. Тем не менее в этом социуме не противопоставлялись друг другу сообщества различных этносов. Более того, шел активный процесс ассимиляции русского, украинского, белорусского, мордовского, татарского и других российских этносов. Здесь сформировалась особая общность «людей порубежья», отличавшихся свободой от консервативных традиций и социальных условностей, этнокультурной и религиозной терпимостью. В противоположность европейцам, осваивавшим западные берега Тихого океана, российские переселенцы не изменяли своей общенациональной самоидентификации.

Таким образом, на Дальнем Востоке России уже в XIX в. стало складываться особое дальневосточное полиэтнокультурное пространство, которое основывалось на российской национально-государственной общности. В освоении региона для России заключался сакральный смысл пребывания переселенцев на его территории. Именно этот сверхсмысл является, на наш взгляд, идентификационной основой, интегрирующей российское дальневосточное полиэтнокультурное сообщество. Оно стремится сохранить свою идентичность всякий раз, когда возникает угроза этой сакральности.

Первый раз поводом для мобилизации идентичности стал известный вооруженный конфликт в 1969 г. на советско-китайской границе в районе острова Даманский, приведший к многолетней

пограничной напряженности и положивший начало возникновению различных политических мифов «о китайской угрозе». В следующий раз повод оказался мирным, однако, он не только не снял, а усилил «напряжение» российско-китайской границы. Речь идет об идущей уже второе десятилетие в приграничных регионах китайской торговой и трудовой миграции, которая трансформируется в диаспоральные процессы. Взаимодействие с представителями «чужой» конфуцианской цивилизации трактуется как угроза «российскости». Таким образом, этнополитическая конфликтогенность в условиях приграничного региона приобретает превращенную форму этнопограничной конфликтогенности.

Исторический опыт многовекового российско-китайского взаимодействия свидетельствует о том, что россияне и китайцы не поддаются взаимной ассимиляции. Современное общение российского и китайского населения демонстрирует невысокую степень совместимости, ограничиваясь деловыми контактами в сфере торговли, строительства, сельского хозяйства и образования. Тем более, что китайские диаспоры во всем мире характеризуются особой социокультурной устойчивостью, клановостью и достаточной изолированностью от принимающего общества. Китайцы резко выделяются своим внешним обликом и поведением от основной массы российского дальневосточного населения и это, по нашему мнению, создает в сочетании со значительной социокультурной дистанцией мощный социально-психологический барьер для развития устойчивых позитивных межэтнических контактов. Об этом свидетельствует происшедшее в сентябре 1999 г. массовое столкновение российских и китайских студентов, обучавшихся в Хабаровском государственном техническом университете (ныне ТОГУ). На территорию учебного заведения для устранения беспорядков были вызваны силы ОМОНа, приказом ректора были отчислены из университета наиболее активные их участники как с китайской, так и с российской стороны [11: с. 216].

В свете вышеизложенного целесообразно обратить внимание на признаки новой тенденции развития конфликтогенности китайских диаспор – «поворот к организованному противодействию крупных групп различным формам внешнего давления... Осознание причастности к мощному государству, способному их защитить, придает им уверенность в своих силах» [6: с. 92]. Так, в мае 2004 г. в Иркутске произошло массовое столкновение китайских гастарбайтеров с

силами патрульно-постовой службы и ОМОНа. Поводом послужило намерение сотрудников милиции проверить документы у одного из рабочих, который не подчинился их требованию. Конфликт получил широкий общественно-политический резонанс и был разрешен посредством переговоров генерального консула КНР в Хабаровске и руководства правоохранительных органов Иркутска [6: с. 93].

Мощная эскалация обсуждения китайской миграции деструктивно влияет на политическую культуру российско-китайских межстрановых отношений. Известный российский исследователь диаспоральных процессов В.И. Дятлов наглядно продемонстрировал эволюцию общественного мнения по этому поводу на примере иркутской прессы [8: с. 149]. Происходили изменения оценок – от первоначальной доброжелательности к настороженности и раскручиванию темы «китайской экспансии». Миф о «китайской угрозе» оказывает разрушительное воздействие на общественную атмосферу приграничных с Китаем дальневосточных и сибирских территорий, способствуя, в известном смысле, оттоку населения в западные регионы России. В этом смысле сильным потрясением для общественности Хабаровского края стала осуществленная к середине 2008 г. передача Китаю острова Тарабаров и части острова Уссурийский в районе г. Хабаровска.

В таких условиях антикитайские настроения получают мощный импульс, способствуя формированию негативного имиджа китайского государства. Именно поэтому китайское руководство, адекватно осознавая ситуацию в России, пытается выработать и внедрить в сознание россиян свой миф о «хорошей китайской миграции». Это вполне естественно для политического поведения государства. Однако необходимо учитывать, что миграционные мифы взаимосвязаны с глобальной внешнеэкономической стратегией Китая. В таком контексте очевиден ответ на вопрос о направленности и характере интеграции китайских мигрантов в российское общество [6: с. 91].

Между тем примеры регулярных электральных успехов западно-европейских националистических партий, стремительно завоевывающих влияние на волне мигрантофобии и шовинистических настроений должны рассматриваться и в контексте российских реалий. В порождаемой нелегальной миграцией конфликтогенной среде существует реальная угроза самопродвижения и институционализации экстремистских и маргинальных элементов в среде местного населения с последующей инкорпорацией в по-

литическую систему, что создает условия для перехода власти в стране на вполне законных и демократических основаниях к ультранационалистическим силам.

Аналогичный прогноз давался еще в 2005 г. Отделом политики российского еженедельника «Аргументы и факты» [9]. В связи с этим, на наш взгляд, уместно согласиться со следующим мнением, приведенным на страницах этого издания вскоре после серий межэтнических столкновений в Кондопоге, Самаре и Ростовской области осенью 2006 г. Известный российский политолог и философ А. Дугин считает, что «События в Кондопоге – результат отсутствия у государства этнической политики. Никто не говорит мигрантам: друзья, учитывайте местные традиции!... Никто не говорит сегодня русским, что азербайджанцы – наши братья, соратники по цивилизации, с которыми мы прожили много веков вместе» [21]. С такой позицией согласуются и опубликованные в 2007 г. в этом же еженедельнике высказывания В. Костикова о том, что придется: «...Учить мигрантов и их детей русскому языку, приобщать к русской культуре, делиться рабочими местами, социальными благами. В условиях нарастающего демографического кризиса у нас, похоже, другого выхода нет. А если это так, то власть должна дать населению ясный ответ, куда идет и какие цели преследует наша национальная политика» [13].

Таким образом, главной причиной торможения, если не блокирования процессов межэтнической интеграции является отсутствие научно продуманной миграционной стратегии как составной части государственной национально-этнической политики. На наш взгляд, одним из важнейших условий разработки коренного поворота этнополитики с учетом как западно-европейского опыта, так и специфики российских миграций, является рассмотрение этнополитических последствий этнической миграции не только в ракурсе конфликтогенности, но и в интеграционном (консенсусном) аспекте.

Сторонники интеграционного (консенсусного) подхода утверждают, что в условиях демографического кризиса, который в настоящее время переживает Россия, необходимый рост численности населения возможен лишь за счет масштабной иммиграции, которая позволит обеспечить трудовыми ресурсами национальную экономику. Иммигранты абсолютно необходимы и по той причине, что без их притока население страны будет не только стремительно сокращаться, но и стареть. При этом считается, что

граждане государств дальнего зарубежья должны иметь гораздо меньшую поддержку при переселении на территорию России. Так, Г.Ф. Габдрахманова пишет, что «Сегодня рассматривать российские миграции необходимо не только в связи с перемещением русскоязычного населения из постсоветских государств, особенностями сознания принимающего сообщества, но и в более широком контексте – с точки зрения неизбежности процессов давления со стороны «новых» этносов» [4: с. 119].

Целесообразно вспомнить, что осознание массового неконтролируемого притока мигрантов, проблем их интеграции впервые озаботило развитые западные страны в процессе «постколониальной» миграции. В 1970-е гг. в этих странах сформировалась концепция мультикультурализма. В ее основе содержится положение о том, что складывающиеся на основе иммигрантских общин диаспоры могут получить равные со старожильческим населением права во всех сферах общественной жизни, политическое признание этнокультурной идентичности при условии принятия базовых ценностей принимающего общества.

Однако постиндустриальная трансформация значительно снизила эффект мультикультуралистской политики, поскольку привела в действие два противоположных и в то же время взаимосвязанных процесса.

С одной стороны, деиндустриализация, вызванная революционным научно-техническим переворотом в экономической инфраструктуре западных обществ, привела к быстрому сокращению потребности промышленности в трудовых ресурсах, в результате чего сформировался так называемый андеркласс (по определению Г. Мюрдаля), состоявший из низкооплачиваемых работников сферы услуг, получателей пособий и т. п. Поскольку значительную часть андеркласса составили представители иммигрантов и образовавшихся диаспор, социальный разрыв между ними и местным населением приобрел характер этнического (а нередко и конфессионального) противостояния [12: с. 65–66].

Последнее обстоятельство дало основание обозначать такие категории населения термином «этнокласс». Автор термина, Т. Гурр характеризует этноклассы как этнокультурные меньшинства, которые специализируются на определенных видах социально-экономической деятельности, имеющей, как правило, низкий статус [25]. А.Р. Аклаев употребляет в этнополитическом контексте понятие «трудовые диаспоры», введенное в оборот М. Эсманом, для характеристи-

ки определенного вида так называемых этнодиспорных групп, образовавшихся в результате широкомасштабной миграции из развивающихся стран Азии и Африки (с преобладанием бедного и экономически избыточного населения) в индустриально развитые страны) [1: с. 91]. Представители формируемых трудовыми диаспорами этноклассов проживают, как правило, в геттоподобных изолированных районах, являющихся питательной почвой для роста этнической преступности и препятствующих их позитивному взаимодействию с местным населением.

С другой стороны, обусловленное мультикультуралистской моделью обеспечение экономических статусов и возможностей не на основе индивидуальности, а на основе этничности послужило основой проведения патерналистской социальной политики, которая в условиях сохранения в иммигрантской и диаспоральной среде традиционного типа семьи с большим количеством детей привела к резкому увеличению доли безработных и иждивенцев. Так, в США иммигранты, составлявшие к 2002 г. около 10 % населения, получали почти в 2 раза больше социальных пособий, чем коренные американцы, что не могло не вызвать недовольство последних [24: р. 68–70]. Во Франции самые высокие детские пособия в Европе – около 1000 евро – достаются семьям недавних иммигрантов из Азии и Африки, имеющим по пять-семь детей и запросто живущим на эти деньги без потребности работать [10].

В этой связи целесообразно согласиться с мнением А.Р. Аклаева о том, что «политика аффирмативного действия по отношению к меньшинствам часто приводит к «дискриминации наоборот» по отношению к правам большинства. Подобный эффект бумеранга приобретает растущее значение в этнической политике практически любого западного общества, которое пошло на уступки мультикультурализму, включая США, Великобританию, Францию и Германию» [1: с. 337]. В свете вышеизложенного возникает вопрос о том, насколько возможно использование позитивного потенциала мультикультурализма в условиях современной России, превратившейся в страну иммиграции.

По мнению Л.Р. Низамовой, этот потенциал в России еще недостаточно раскрыт, мало известен. Объем литературы, посвященной этой проблематике, весьма невелик. Мультикультурализм нередко наделяется негативными коннотациями и пристрастными преувеличениями. Например, он ассоциируется с категорически отрицаемой западной «политкорректностью»

или с «варварскими» обычаями меньшинств, противоречащих с либеральными ценностями развитых стран [16: с. 15]. Между тем в российской этнополитологии довольно распространена является точка зрения об актуальности мультикультуралистской модели для нашей страны. Так, Г.Ф. Габдрахманова считает, что «современные демографические процессы диктуют *принятие в России мультикультуральной интеграционной модели*» [4: с. 119]. Л.М. Дробужева полагает, что в России необходима институционализация этничности, проявляющаяся в системе этнического представительства, совершенствовании государственных институтов с целью реализации этнических интересов. Только в этом случае возможны межэтнический мир и согласие [7: с. 26–33]. Другой исследователь О.В. Щедрина поддерживает мультикультуралистскую модель доводами о том, что в российском обществе существуют для нее предпосылки, а так же тем, что новые формы взаимодействия с мигрантами необходимы с точки зрения дальнейшего позитивного развития межэтнических отношений. Она полагает, что мультикультуралистские предпосылки проявляются в самом существовании субъектов Российской Федерации, образованных по этнополитическому признаку [22: с. 67–65].

Р. Хакимов убежден, что в проблеме миграции выражается рост разнообразия интересов и предпочтений, за которым скрывается неизбежная эпоха культурного многообразия. Он полагает, что развитие экономики, культуры и международной политики с неизбежностью приводят к денационализации общественной жизни. Причем с развитием региональных экономик культурное многообразие будет только усиливаться. Именно поэтому России гораздо выгоднее связывать себя с многообразием чем с унификацией [20: с. 64]. Таким образом, в основе формирующейся консенсусной этнополитической парадигмы, признающей значимость мультикультуралистской модели для миграционной политики, находится тезис о том, что любое расширение межэтнического общения может рассматриваться как положительное явление, способствующее возникновению культур и утверждению интернационализированных образцов поведения [5: с. 176]. Следует отметить, что толерантное отношение к миграции высказывают и критики мультикультуралистской модели. Отличие лишь в том, что их оценка миграционных процессов акцентирует внимание на ценностях интеграции. Так, В. Воронков, демонстрируя противоречивость опыта советского мультикультурализма,

закрывающегося в его столкновении с принципом равенства индивидуальных возможностей (право «быть иным» порождает оправдание неравенства), призывает к деконструкции, демифологизации этнических и культурных границ [15: с. 40]. Аналогичную позицию занимает В.А. Тишков, который подчеркивает сходство, одинаковость на уровне групп и отдельного человека, которые чаще преобладают над различиями [19: с. 7]. По мнению известного российского этнолога, вызовы этнических меньшинств, этнонационализм способствуют исключению из процессов интеграции и участия в доминантной культуре. Он считает, что под культурным разнообразием следует понимать не только этническое разнообразие, но и палитру жизненных стилей, культурных ориентаций, культурных тенденций [15: с. 59].

На наш взгляд, западно-европейские и советские сюжеты, связанные с определенными негативными последствиями внедрения мультикультуралистских практик, не являются основанием отказа от мультикультуралистской модели. Вопрос лишь в способности ее творческого применения в специфических российских условиях. Позитивный (консенсусный) потенциал для преломления мультикультуралистской модели в современной России и особенно в Дальневосточном регионе заключается: 1) в наличии общего исторического прошлого большинства представителей иммиграционной волны и граждан России; 2) в доставшихся в наследство от СССР «...некоторых тактического порядка мультикультуралистских практик и ориентиров, впоследствии воспроизводившихся по инерции» [16: с. 17]; 3) в стратегически-партнерских отношениях, связывающих Россию со многими государствами СНГ, откуда происходят многие представители складывающихся диаспор (Организация стран участников Договора о коллективной безопасности). Главная задача состоит в использовании этого потенциала для разработки и реализации соответствующей консенсусной (позитивной) этнополитики. В принципе с этим положением согласуется и позиция президента РФ Д. Медведева, обозначенная 11 февраля 2011 г. в Уфе на заседании президиума Госсовета на тему сохранения межнационального мира. Одним из моментов такой позиции было признание того, что заявления о крахе мультикультуралистской политики в европейских странах (сделанные накануне президентом Франции Н. Саркози, а еще ранее премьер-министром Великобритании Д. Кэмероном и канцлером Германии А. Меркель) не означают отрицания необходимости по-

литики многокультурности в России с учетом ее исторически сложившейся полиэтничности и поликонфессиональности [17].

Несмотря на то что в Дальневосточном регионе России наблюдаются проявления всех основных тенденций этнополитической конфликтности миграционных процессов, имеющих место в постиндустриальных обществах, следует отметить, что наша страна только «в начале пути». Экспортно-сырьевой характер экономики и неразвитость наукоемких и высокотехнологичных производств обусловил преобладание временной трудовой миграции. Поэтому, в отличие от постиндустриальных стран, на российском Дальнем Востоке пока отсутствует социальный раскол между старожильческим населением и новыми диаспорами на основе разделения на класс работников интеллектуального производства высокодоходной продукции (конструкторские разработки, высокие технологии, программное обеспечение и т. п.) и так называемый «underclass». При этом очень часто иммигранты и представители диаспор занимаются теми же видами деятельности, что и местные жители – заняты в сфере услуг, торговле, мелком и среднем бизнесе. Вследствие этого значительная масса старожильческого населения не имеет высоких доходов, значительно превышающих доходы переселенцев. Нередко доходы иммигрантов и представителей диаспор, например, занятых в торговле, выше, чем у коренных россиян, занятых в социальной, производственной и жилищно-коммунальной сферах.

В отличие от западных обществ, где на основе приезда иммигрантов на постоянное место жительства сложились диаспоры, рожденные в принимающих странах их потомков, в Дальневосточном регионе отсутствует проблема взаимоотношений «старых» и «новых» граждан. Это обстоятельство не позволяет пока рассматривать формы взаимодействия основной массы иммигрантов со старожильческим населением как проявления гражданского конфликта. Данное взаимодействие не является конфликтным хотя бы по той причине, что пока в большинстве случаев иммиграционные сообщества – это не системные, а внесистемные элементы, они еще не стали так называемыми «этноклассами» социальной структуры современного российского общества. Они еще в достаточной степени не инкорпорировались в институты национально-государственного сообщества, их этнокультурное отличие не признано институтом гражданства.

Контрпродуктивное отношение значительной части населения, работодателей, представителей власти различных уровней к иммигрантам проявляется не в терминах конкуренции с представителями других национальностей, являющихся все же своими соотечественниками, местными, а в восприятии иммигрантов, как приехавших из-за границы чужестранцев, «незваных гостей», от которых исходит угроза преступных посягательств, варварства и разрушения. То есть представители миграционных потоков позиционируются скорее как внешняя, нежели внутренняя угроза. Это в известной степени сглаживает внутренние противоречия, консолидирует местное население на основе мобилизации гражданской идентичности.

Вместе с тем вышеизложенные обстоятельства свидетельствуют скорее о наличии «форы во времени», нежели о серьезном структурном преимуществе России в управлении миграционными процессами. Речь идет о том, что перед нашей страной стоит в принципе такая же задача, как и перед постиндустриальными странами – формирование механизма интеграции образующихся в результате транснациональной миграции диаспор путем включения их в процессы функционирования различных общественных институтов. Другой вопрос, что решение этой задачи имеет в российских условиях определенную специфику. Оно состоит в том, что главным условием коренного поворота как миграционной политики, так и всей этнополитики в целом, является реализация курса на реиндустриализацию страны на основе социально-экономической и технологической модернизации. Как показал опыт диаспоральных практик западных индустриальных обществ, включенность в производственные процессы способствовала успешной интеграции бывших мигрантов. При этом создавался мощный стимул для повышения личной конкурентоспособности, культурного уровня, для овладения новыми знаниями и навыками. Индустриальный труд способствовал тесным контактам с местным населением и иммигрантами, прибывшими из других стран. В постиндустриальной экономике этот адаптационный механизм был сломан [11: с. 66].

Постсоветская реиндустриализация современной России требует не только политической воли, но и колоссальных инвестиций, поскольку речь идет о масштабных проектах, связанных со строительством крупных предприятий, развитием транспортной инфраструктуры в условиях огромного территориального пространства и

природных богатств. При этом необходимо учитывать ситуацию глобального финансового кризиса, не обошедшего стороной и Россию. Так, глава РЖД В. Якунин во время своего пребывания в сентябре 2008 г. в Хабаровске высказался следующим образом по поводу возможности строительства второй колеи Байкало-Амурской магистрали (БАМа): «...Этот проект имеет право на существование. Но только в том случае, если мы получим подтверждение расчетов. И для столь масштабного строительства, безусловно, необходима поддержка государства» [2].

Немаловажно и то обстоятельство, что опыт всех без исключения развитых западных стран показывает, что неизменным политическим последствием публичной политики мультикультурализма по отношению к постоянно и в массовом масштабе возрастающему числу этнических мигрантов является рост этнической интолерантности и контрмобилизации членов доминирующих групп против несправедливого, по их мнению, материального обеспечения и политического доминирования меньшинств [1: с. 337]. Именно поэтому успех применения мультикультуралистской модели при реализации интеграционной (консенсусной) этнополитики в решающей степени зависит от правильного сочетания баланса индивидуальных и групповых прав в практике этнополитического менеджмента. В этой связи наиболее рациональной представляется позиция носителей либерального течения мультикультурализма (У. Кумлиса, Дж. Линц, А. Стефан). Они считают предметом консенсуса в полиэтническом обществе оптимальное сочетание базовых принципов либерализма (индивидуальных прав) и экономической безопасности государства (финансирование, не подрывающее госбюджет) с правовой защитой прав этнических групп (языковой плюрализм, защита титульных этносов, доступ к СМИ, признание особых этнических и конфессиональных практик).

Что касается управления конфликтогенностью в Дальневосточном регионе, то это вопрос соотношения местной специфики и общероссийских трендов, сочетания общего и особенного в проведении национально-этнической политики. Базовым элементом дальневосточной региональной этнополитики должно стать признание дальневосточников целостным полиэтничным русскоязычным сообществом, имеющим российскую гражданскую идентичность, и одновременно особую идентичность людей «порубежья», «форпоста России». Именно на таком признании должны формироваться: 1) комплекс мероприя-

тий по созданию не просто достойных, а более лучших, чем на «большой земле» условий жизни дальневосточников; 2) соответствующая миграционная и демографическая политика; 3) особый тип связей с общественностью, продвигающий ценности общероссийского гражданского патриотизма и толерантности к культурам стран АТР и ближнего зарубежья.

В то же время следует учитывать, что даже самые перспективные проекты с острой потребностью в миграционных ресурсах и мощными инвестиционными притоками должны всесторонне рассматриваться не только с экономической стороны, но и проходить этноконфликтологическую экспертизу. Самым главным с точки зрения этнополитического мониторинга будет выявление объективных тенденций в межэтнической и кросскультурной коммуникации, отслеживание общественных настроений. Отсюда должны следовать и выстраиваться соответствующие образовательные и воспитательные программы по формированию позитивной культуры межнационального общения. В практически-политическом плане особую значимость имеет разработка базовой концепции региональной этнополитики. При этом особого внимания заслуживает экспликация (прояснение) таких базовых терминов, как «этнос», «нация», «диаспора», «национальность», «национальные меньшинства», «толерантность», «национальная (или этно?) политика», «этническая община», «национально-культурная автономия», «федерализм», «национализм», «патриотизм», «этнополитический конфликт», «межнациональное согласие», ибо непроработанность понятийного аппарата, «расплывчатость» языка социальной коммуникации ведет и к «расплывчатой» политике. Все это в совокупности должно составить основы стратегии «глубокого» [11: с. 7, 77] предупреждения этнополитических конфликтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аклаев, А.Р.* Этнополитическая конфликтология. Анализ и менеджмент / А.Р. Аклаев. – М., 2008.
2. *Васильев, И.И.* БАМ «удвоить» можно... Если будет сильно нужно / И.И. Васильев // Аргументы и факты. Дальинформ. Региональное приложение. – 2008. – № 38.
3. *Владина, Т.* Переселение к чукчам в чумы? / Т. Владина // Аргументы и факты. Дальинформ. Региональное приложение для читателей Хабаровского края и Еврейской автономной области. – 2006. – № 27.
4. *Габдрахманова, Г.Ф.* Этничность и миграция: становление исследовательских подходов в отечественной этносоциологии / Г.Ф. Габдрахманов // Социологические исследования. – 2007. – № 1.
5. *Дмитриев, А.В.* Конфликтология / А.В. Дмитриев. – М., 2000.
6. *Дмитриев, В.А.* Этнические группы трудящихся – мигрантов и принимающее общество: взаимодействие, напряженность, конфликты / В.А. Дмитриев, Г.А. Пядухов // Социологические исследования. – 2006. – № 9.
7. *Дробижева, Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России / Л.М. Дробижева. – М., 2003.
8. *Дятлов, В.И.* Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске) / В.И. Дятлов. – М., 2000.
9. *Жгут Париж. Сгорит Москва?* // Аргументы и факты. – 2005. – № 45.
10. *Зотов, Г.* Увидеть Париж и сгореть / Г. Зотов // Аргументы и факты. – 2006. – № 44.
11. *Ким, А.С.* Этнополитическая конфликтология современных диаспор. – Хабаровск, 2011.
12. *Константинов, В.В.* Проблема интеграции мигрантов в принимающее общество в постиндустриальных странах и в России / В.В. Константинов, М.В. Зелев // Политические исследования. – 2007. – № 6.
13. *Костиков, В.* Нужно ли рядиться в русский кафтан? / В. Костиков // Аргументы и факты. – 2007. – № 13.
14. *Костиков, В.* Призрак бродит по Европе ... Какие опасности подстерегают Россию / В. Костиков // Аргументы и факты. – 2010. – № 51.
15. *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ* / под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. – М., 2002.
16. *Назимова, Л.Р.* Идеология и политика мультикультурализма: потенциал, особенности, значение для России / Л.Р. Назимова // Гражданское общество в многонациональных и поликонфессиональных регионах: материалы конф. – Казань, 2–3 июня 2004 г. – М., 2005.
17. *Россия – для кого?* // Аргументы и факты. – 2011. – № 7.
18. *Рудакова, Ю.* Мотальщицы не нужны / Ю. Рудакова // Аргументы и факты. Дальинформ. Региональное приложение. – 2011. – № 11.
19. *Тишков, В.А.* О культурном многообразии / В.А. Тишков // Этнографическое обозрение. – 2005. – № 1.
20. *Хакимов, Р.* Метаморфозы духа (к вопросу о тюрско-татарской цивилизации) / Р. Хакимов. – Казань, 2005.
21. *Цепляев, В.* Мир треснул. Почему человечество втягивается в воронку межрелигиозной и межэтнической вражды? / В. Цепляев // Аргументы и факты, 2006. – № 41.
22. *Щедрина, О.В.* Возможна ли мультикультуральная модель интеграции мигрантов в России / О.В. Щедрина // Социологические исследования. – 2004. – № 11.
23. *Щукин, Р.* Кем заселят Дальний Восток? / Р. Щукин // Аргументы и факты. Дальинформ. Региональное приложение. – 2006. – № 26.
24. *Buchanan, P.* The Death of the West: How Dying Population and Immigrant Invasion Imperil Our Country and Our Civilization / P. Buchanan. – N. Y., 2002.
25. *Gur, T.R.* Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical conflicts / T.R. Gur. – Washington, DC., 1993.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

РЕКУРРЕНТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ VS. БИЗНЕС-ДИСКУРСЕ (К ФОРУМУ АТЭС 2012 г. ВО ВЛАДИВОСТОКЕ)

Е.В. Терехова

Терехова Евгения Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Дальневосточного отделения РАН (г. Владивосток), докторант Института языкознания РАН (г. Москва).

Контактный адрес: evgeniavlad@gmail.com

В статье рассматриваются свойства рекуррентных конструкций (РК), их роль и важное значение в процессе коммуникации бизнес-партнёров на предстоящем 24-м форуме АТЭС во Владивостоке. Анализируется локализация рекуррентных конструкций в различного типа дискурсах, таких как деловой и политический, подчёркивается важность владения этими конструкциями как неотъемлемой частью понимания прагматической информации. Эти РК активно освоили английский газетный дискурс, ими охотно пользуются англоговорящие коммуниканты.

Ключевые слова: рекуррентные конструкции (РК), политический vs. бизнес-дискурс, форум АТЭС, мониторинг, идиоматизирование, метафоризация, переосмысление, значение, денотация, коннотация.

В данной статье рассматривается взаимосвязь лингвистического, экономического и политического факторов и их отношение к предстоящему саммиту АТЭС на Дальнем Востоке. Связующим звеном между ними выступают рекуррентные конструкции, идиоматические, переосмысленные и метафоризированные выражения, без знания которых трудно, порой невозможно общаться на таком высоком уровне. Двадцать четвертая ежегодная встреча лидеров государств АТЭС пройдет во Владивостоке с 1 по 8 сентября 2012 г. Саммит пройдет на острове, как было решено в 2007 г. президентом России Путиным. Это будет первый и единственный саммит Азиатско-Тихоокеанский форума экономического сотрудничества, проведение которого намечено в России. Существует всего несколько международных или региональных организаций, в которых бизнес-сектор играет центральную роль.

АТЭС был создан в 1989 г. Его возникновение было обусловлено желанием стран-основателей содействовать экономическому росту, стимулировать и укреплять торговлю, и повысить жизненный уровень в Азиатско-Тихоокеанском регионе. АТЭС начался со скромной программы отраслевых и торговых переговоров. На сегодняшний день в АТЭС входит 21 страна, включая все основные страны региона и наиболее динамично и быстро растущие страны мира: Австралия, Бруней, Вьетнам, Гонконг, Индоне-

зия, Канада, КНР, Республика Корея, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Папуа-Новая Гвинея, Перу, Россия, Сингапур, США, Таиланд, Тайвань, Филиппины, Чили, Япония. В 1997 г., после приема в АТЭС России, Вьетнама и Перу организация объявила десятилетний мораторий на приём новых членов.

Чтобы представители 21-й страны, прежде всего, люди бизнеса, а также дипломаты, политики и различные индивидуумы могли общаться между собой, необходим язык-посредник. Нет сомнений, что в такой роли выступит английский язык как общепринятый международный язык (*lingua-franca*), облегчая общение и помогая всем участникам достичь поставленной цели. Премьер-министр России В.В. Путин высказался об этом следующим образом: «...В России в сфере малого и среднего предпринимательства занято 17 % населения. Однако на пути его развития продолжают оставаться серьезные препятствия. Важным подспорьем в решении многих проблем является и международное сотрудничество, включая использование механизмов АТЭС. И, конечно, ясно, что бизнесменам, людям, обеспечивающим деловую активность, *надо облегчать возможность общаться между собой*» (выделено нами. Е.Т.) [6].

Позиционировав участие России как хозяйки предстоящего форума АТЭС, который пройдет на Дальнем Востоке России, подчеркнув

большую роль, отводимую общению людей бизнеса между собой на этом саммите, нам хотелось бы подчеркнуть возможности языка для такого общения. Живой разговорный язык находится в состоянии непрерывного изменения и развития, причем самым подвижным компонентом языковой системы является её словарный состав, включая рассматриваемые в данной статье рекуррентные конструкции. Под последними мы понимаем, прежде всего, фразеологические раздельнооформленные выражения, которые могут переосмыслиться в устойчивые и широко воспроизводимые средствами массовой информации конструкции. Умение правильно интерпретировать рекуррентные конструкции, средой обитания которых в значительной степени выступают политический и бизнес дискурсы, является своеобразным инструментом мониторинга происходящих важных событий обоих дискурсов.

Любые перемены в общественно-социальном развитии также неизбежно влекут за собой изменения в словаре. Особенно если они, эти перемены, имеют место в переходную эпоху, и ответная реакция языка, который реагирует на эти изменения, создавая в процессе новые слова и словосочетания, служит ярким тому доказательством. По справедливому замечанию В.В. Виноградова, «...причины появления новых слов и новых значений старых слов по большей части заключаются в изменениях общественной жизни, в развитии производства и других областей человеческой деятельности, а также в развитии мышления» [3].

Политический дискурс по определению не может быть в стороне от всех общественных процессов, происходящих в стране и мире. Как утверждает А.Н. Баранов, «...Лингвистический мониторинг политического дискурса предполагает постоянный анализ текстов средств массовой коммуникации для выявления состояния общественного сознания, изучения его динамики, когнитивного моделирования мышления политических субъектов (как отдельных политиков, так и целых партий и общественных движений)» [1].

Этим авторитетным учёным также высказывались гипотезы о наличии связи между переосмыслением устойчивых словосочетаний и кризисным состоянием сознания, с одной стороны, и проблемной ситуацией и поиском решений проблемы – с другой. На это прямо указывает когнитивная теория метафоры, согласно которой метафорическое осмысление действительности позволяет сформировать множество альтернатив разрешения проблемной ситуации или управле-

ния ею. Приведём пример. Причины, побудившие многих авторов медийных средств начать активно тиражировать словосочетание «*Ground zero*» – место взрыва двух башен Всемирного торгового центра после теракта/событий 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, находятся в политической плоскости. Кроме лежащей на поверхности причины создания этого словосочетания, которая заключалась в необходимости точной передачи и/или развития авторской мысли, узальной лексики или свободных словосочетаний для развёртывания дискурса могло быть недостаточно. Однако авторы конструкции «*Ground zero*», ставшей бестселлером, преследовали и иные цели.

1. Наложить табу на использование узальной лексики, чтобы не детализировать трагедию вербально и тем самым не беречь воспоминания населения Америки, особенно пострадавших в теракте людей, тем кошмарным событием.

2. Использовать политический приём дозирования информации, хотя доступ к ней на первых порах, в 2001 г., был открыт для всех. Однако пространство этого доступа приобрело постепенно контекстуально-ограниченный характер.

3. И, наконец, была найдена модель вербализации аналогичных событий, которая теперь могла позволить «стражам информационных врат» легко, если не переписывать историю, так интерпретировать и подавать её в том виде, который им был предпочтителен. Например, в 2008 г. во время президентской выборной кампании появились две аналогично смоделированные рекуррентные конструкции: *Watts' ground zero* и *1965's ground zero*. Неискушённому или молодому американцу трудно понять, о чём идёт речь, где и какое событие магнитуды террористического акта и разрушения двух башен Торгового центра в Нью-Йорке в 2001 г. произошло в 1965 году в Америке.

Ответ следует искать либо в топонимическом названии *Watts* – район компактно проживающего чернокожего населения Лос-Анджелеса, либо в дате – 1965 г. В тот год произошли самые мощные выступления негритянского населения в городе, эпицентром которого был указан район. Массовые беспорядки, перешедшие в открытые кровопролитные стычки с полицией, проходили в указанном году и районе в ответ на нежелание президента-демократа Л. Джонсона выполнить свои предсезонские обещания темнокожим жителям Америки. За что он и поплатился, проиграв на следующих выборах консерватору Р. Никсону, в то время как Губернатором Калифорнии стал также консерватор

Р. Рейган. По-видимому, кандидатам от демократической партии, идущим на смену консервативной Администрации Дж. Буша, не хотелось фокусировать внимание на событиях полувековой давности, выставляя свою партию в отрицательном свете как не сдержавшую свои предвыборные обещания. Отсюда и появление нового словосочетания, с помощью которого исторические события были каталогизированы, спрессованы до топонимической конструкции и использованы как инструмент мониторинга истории.

В 2008 г. появилось и новое рекуррентное словосочетание для передачи события, имевшего место всё в том же 1965 г.: «Charcoal Alley». Перевод этой рекуррентной конструкции как «*Угольный переулочек» невозможен, потому что в его основе лежит образ, который следует переосмыслить для получения правильной интерпретации этого словосочетания. Автор статьи, журналист Рик Перлштейн (Rick Perlstein) [9], прибегнул не к повседневной, узуальной лексике для описания события на 103 Улице (103rd Street) Лос-Анджелеса времён 1965 г., когда она была эпицентром применения силы, с человеческими жертвами, сожжёнными машинами и т. д. Она имела чёрный, обуглившийся вид, напоминающий древесный уголь. Журналист использовал конструкцию *Charcoal Alley* для названия именно этого отрезка указанной улицы, как мы полагаем, с определёнными целями: табуировать события 1965 г. в Лос-Анджелесе по морально-этическим соображениям, хотя другой его «скрытой повесткой» было также дозировать информацию, что не может не рассматриваться нами как определённое манипулирование и мониторинг общественного сознания.

В свете вышесказанного нам хотелось бы выдвинуть гипотезу о том, что устойчивые словосочетания, в нашем случае рекуррентные конструкции, оказываются очень удобным механизмом двойного назначения. С одной стороны, они являются объектом лингвистического изучения и описания, а с другой – в силу своего уникального статуса – близости к сфере мышления, сознания и переосмысления, они представляют собой тонко настроенный инструмент мониторинга общественного сознания. По утверждению Джона Гамперца (John Gumperz), любые языковые различия могут быть превращены в социальные различия, а языковые различия и общественное неравенство – две стороны одной медали. «Эти различия играют важную положительную роль, указывают на наличие информации, создают и поддерживают тонкие границы власти, занимае-

мого положения/статуса и профессиональной специализации, которые составляют общественное устройство нашей жизни в обществе. Подобные предположения, по существу, являются фундаментом для реализации коммуникативных стратегий, используемых «стражами ворот – *gate keepers*» [7] (Перевод наш. Е.Т.).

Приведём пример: *ambulance chaser* – эта конструкция ничего общего со словосочетанием «скорая помощь» не имеет. Здесь произошло переосмысление номинативного компонента *chaser*, значения которого 1-й – преследователь; 2-й – бегун; 3-й – морской охотник, в результате чего вся конструкция терминологизировалась на основе первого значения этого слова: «адвокат, навязывающий свои услуги людям, пострадавшим от аварий (адвокат-стервятник, преследующий своими услугами пострадавших при аварии людей)». Ни в каком другом значении эта конструкция, став термином, больше не употребляется. С одной стороны, это свидетельствует о сближении норм делового общения, их некоторой стандартизации, с другой – представляет угрозу непонимания одной стороной другую, если причиной непонимания является межкультурная коммуникация и неадекватное прочтение идиоматических конструкций в процессе общения партнёров. Один из путей преодоления данной проблемы – включать в словари делового общения рекуррентные конструкции и фразеологические единицы, относимые к сфере «бизнес и управление», «денежные отношения», «покупка и продажа», «экономические и производственные отношения» и др.

Главной целью делового общения целесообразно считать *реализацию стремления индивида или группы индивидов, принадлежащих одному социальному институту, изменить в определённую ими сторону ситуацию, данную в событийном аспекте дискурса, установить качественно новые отношения между участниками данного общения, которые должны обладать культурной, коммуникативной и прагматической компетенциями, необходимыми для нормального общения в сфере бизнеса*. Деловой и политический дискурсы имеют определённую специфику, которая отличает их от других типов дискурса, например, научного. Она заключается в том, что функции *сообщения* и *воздействия* сосуществуют, поэтому используемые в них лексика и конструкции чаще всего аксиологичны, иными словами, имеют положительную или отрицательную оценочность. Следует также подчеркнуть и тот факт, что функция воздействия говорящего на

собеседника позволяет этим типам дискурса ещё более расширить выбор лексических средств для достижения необходимого эффекта: могут использоваться эмоционально-оценочные и экспрессивно-образные средства, в том числе рекуррентные конструкции [10].

Когда речь идёт о бизнес-дискурсе, то проблема оптимизации совместной деловой деятельности, по убеждению З.И. Гурьевой, может быть найдена в деловом общении через такие деловые тексты, которые являются носителями лингвистических характеристик, отличающих их от других видов текстов (художественные, научные и др.). Эти тексты содержат ряд национально-культурных черт, делающих их уникальными «лингво-представителями» национально-культурных и коммуникативных традиций другого народа [4].

Приведём пример: «And so back to the UK. We still have budget deficits and national debts *that would make the Japanese blush*. We have tax rises ahead, whoever is in power. And in our housing market *we're still the proud owners* of one of the few global *bubbles that have not properly burst*. And my admittedly *cloudy crystal ball* is showing more disappointments that relief into 2010 and 2011» [11].

Имплицитность текста британского варианта бизнес-дискурса находит своё отражение в выборе средств сравнения, которыми автор передаёт размер дефицита бюджета и долга страны: «У нас по-прежнему дефицит бюджета и национальный долг таковы, что они даже японца заставят покраснеть от стыда *that would make Japanese blush*». Здесь нет статистики, но есть сравнение-импликатура, подчёркивающая, по авторскому замыслу, глубину падения Великобритании, которая располагает таким долгом и дефицитом, что краска стыда пробьётся сквозь кожу невозмутимого японца, представителя азиатской расы, иными словами, жёлтой расы, кожа которых, по имплицитно передаваемому мнению автора, с трудом поддаётся покраснению в результате эмоциональных потрясений. В этом примере просматривается и вторая импликатура: исторически считается, что на лицах представителей этой расы, особенно японцев, в силу их национально-культурных традиций и воспитания, редко проявляются какие-либо эмоции или чувства – это считается грубым, некультурным и противоречит их морально-этическим ценностям. Стрелы имплицитности второго примера направлены уже против самих англичан, что также считается вполне уместным и культурологически обоснованным для этой нации: «А на

нашем рынке жилья мы по-прежнему ощущаем себя гордыми обладателями (*we're still the proud owners*) одного из нескольких пузырей вселенского масштаба, который ещё не до конца лопнул (*bubbles that have not properly burst*)».

Американский вариант английского языка создаёт свой бизнес-дискурс, который, с одной стороны, отражает национально-культурную тенденцию американского общества к уважению индивидуальности и права личного выбора каждого индивидуума. В нашем примере это в полной мере относится к автору делового текста-диалога. С другой стороны, американский тип общения характеризуется большей степенью неофициальности, оригинальностью композиции, стиля и лексических средств. Многие исследователи полагают, что такое общение свидетельствует об определённом снижении дистанционности, категоричности и стилистического регистра в целом, что коммуникация приобретает стилистический вульгарный характер часто с использованием табуированной лексики при речевом взаимодействии партнеров бизнес коммуникации. Например: With the word “depression” on some people’s lips, says Caroline Waxler, author of “*Stocking Up on Sin*”, “the more lowbrow the vice, the better it will do.” *Condom sales* will rise, she predicts. (Indeed, Durex sales have soared in Europe). Local casinos will do better than travel destinations such as Las Vegas. And we’ll all become *Joe Six-Pack*. At Rick’s, where *happy hours* have been extended, the current mantra is *affordability and escape*. “Just look!” says one customer, a tax accountant, surveying a packed room. “I don’t see any recession here.” [8].

Автор-адресант американского варианта текста в бизнес-дискурсе выбрала формат диалога общения со своим читателем-адресатом, этот приём, в отличие от формата британского монолога, делает процесс коммуникации неофициальным, открытым, оживлённым, чему в немалой степени способствуют выбранная тема и лексико-стилистические средства её вербализации. Но при этом стилистически занижены и тема, и лексика, например, рекуррентная конструкция с глагольным ядром, вынесенная в заголовок текста, “*Stocking Up on Sin*”, дословно *делать запасы на грехах; значения глагола to stock up on; 1 – запастись; 2 – затариться; 3 – сделать запасы. Дословно конструкция переводится «*Затариться на грехах». Третье значение глагола, послужившее основой для идиоматизации всей конструкции, допускает окончательную интерпретацию «Делать ставку на низменные страсти». В тексте

активно используются рекуррентные конструкции, когда речь заходит о выходе из кризиса путём запуска одного специфического механизма – увеличения потребления алкоголя, например, (1) *Joe Six-Pack*, маркированное слово – антропоним, дословно *Джо-шесть-бутылок-за-присест. Имя собственное Джо становится именем нарицательным (ср. в русском языке «Иван-дурак», *Joe* на русском языке Иван). Оно служит основой идиоматизирования всей конструкции, становится именем нарицательным, означая человека склонного к выпивке, с не самым высоким интеллектом, который может выпить блок из шести банок/бутылок пива одним махом; или конструкция (2) *happy hours*, дословно *счастливые часы. Так, в США повсеместно называется время скидок в американских пивных заведениях, как правило, после окончания рабочего дня, с 5 часов вечера. Это словосочетание можно по этой причине причислить к рекуррентным конструкциям вследствие идиоматизирования слова *happy* в конструкции *happy hours*. Третье словосочетание в предложении «*Condom sales will rise* – увеличение продаж противозачаточных средств как результат роста сексуальной активности населения – принадлежит табуированному слою лексики. Вывод, который делает автор бизнес-текста: «*the more lowbrow the vice, the better it will do* – чем примитивнее и ниже пороки, тем лучше они приживаются». Лексико-грамматическое сравнение-повтор «*the more... the better*» не является рекуррентной конструкцией, но, тем не менее, придаёт свойство рекуррентности рассматриваемому тексту как грамматический повтор, рекуррентность. Адресанту вторит счастливый адресат, посетитель до отказа заполненной пивной: «Да где вы здесь увидели экономический кризис? Я его не вижу». Цель автора бизнес-дискурса достигнута: функции сообщения и воздействия сработали не без помощи стилистических экспрессивно-образных средств, в том числе с помощью рекуррентных конструкций бизнес-дискурса и рекуррентности текста.

По сравнению с англоязычными (британским и американским вариантами бизнес-дискурса) русские деловые тексты обычно подчёркнуто неэмоциональны и неэкспрессивны. Они характеризуются повышенной категоричностью, эксплицитным характером воздействия на адресата, более стандартизованы (клишированы) в плане выбора композиционных средств, отдают предпочтение пассивным конструкциям. Приведём пример: «Одним из способов решения проблемы очередей в присутственных местах стало

внедрение электронных очередей. Эксперты отмечают, что эта услуга только развивается, и поэтому даёт сбои. Так, одна молодая мама, попробовавшая встать в очередь в детский сад, жалуется: «Мы в очереди были якобы третьими. Я успела обрадоваться. Захожу позже – наш порядковый номер уже седьмой». В электронной комиссии смену номеров объясняют регистрацией льготников, переменой способа отображения места в очереди, а также тем, что сайт требует доработки» [5]. Анализ бизнес-текста показателен в том отношении, что написан он типичным для русского языка деловым клишированным языком, например, «эксперты *отмечают*; смену номеров *объясняют*» – это неопределённо-личные предложения, пассивные конструкции, стилистически нейтральная с характерными канцелярскими штампами лексика, полное отсутствие идиоматической лексики или рекуррентных конструкций.

Однако в современных условиях формирования рынка русская бизнес-коммуникация нивелируется под определённым лингвокультурологическим «прессом» со стороны западных образцов, о чем свидетельствует проникновение в современную русскую деловую культуру таких исконно английских речевых жанров с характерными для них стилиобразующими особенностями, как электронные сообщения (e-mail и sms, you-tube), сетевое общение, блоги и т. д. Например, «*the Putin bargain*», дословно *путинская сделка – это обратный перевод, поскольку словосочетание изначально появилось на русском языке как «инициатива Путина» и было переведено на английский для англоговорящего адресата как «*the Putin bargain*». Или «*to build up the team and economic institutions*» – создавать команду и экономические учреждения – лексический выбор при переводе этого словосочетания на английский также учитывает специфику адресата.

Было принято считать, что язык деловой коммуникации как и научный дискурс не предполагает наличия эмоциональной лексики, что язык делового общения буквален, не метафоричен и что деловые люди в процессе своего общения не используют идиоматические выражения, рекуррентные конструкции и другие выразительные средства языка. Тем не менее общение экономически взаимозависимых партнёров, принадлежащих различным национально-культурным сообществам, привело к взаимопроникновению эмоциональной компоненты в их общение, способствуя «перетеканию» эмоций и маркированной идиоматической лексики и конструкций в

деловую речь. Идиоматичность речи в этом плане предполагает «осложненность способа выражения содержания – осложненность не в смысле максимального усложнения языковых форм как таковых, а «концентрированности» выражения и сложности понимания» [2]. Образность речи субъекта, желающего косвенно выразить свои чувства, заставляет адресата думать логически, больше размышлять, чтобы понять смысл произнесённого. В речи деловых партнёров обнаруживается имплицитная информация, которую адресант часто заключает в общеизвестных метафорических высказываниях.

Отличительной и значимой особенностью метафоры является её способность формировать и вербализовать новые понятия в тех подсистемах языка, где установка на образность не является ведущей, в том числе в деловом дискурсе. В этом качестве метафору можно назвать концептуальной, иными словами, создающей концепты – вербализованные понятия. В деловой коммуникации отмечается тенденция увеличения как концептуальных метафор, так и рекуррентных конструкций. Так, понимание деловой активности и у англоговорящего бизнесмена, и его русскоязычного партнёра в лингвокультурологическом плане нивелируется: и тот, и другой используют в контексте ведения бизнеса лексические обороты военной или спортивной тематики, что позволяет сделать вывод об использовании ими метафорической модели «война». Например: идиома *battle of the brands* – конкуренция/борьба существующих на рынке торговых марок или брендов; *bury the hatchet*, дословно *зарыть топор войны, т. е. сойти с тропы войны, прекратить войну (заимствование из словаря коренных народов Америки индейцев, которое правильное передать словом «томагавк»). Небезынтересно отметить появление на их базе новых идиом “*a hatchet man*” и “*a hatchet woman*”, «человек, выполняющий грязную работу по поручению компании; журналист, не останавливающийся перед подтасовкой фактов; и агрессивный беспринципный политик». Происходит подобное в силу того, что в современном бизнесе чаще всего представитель другой стороны как конкурент ассоциируется с противником, с которым надо всегда быть начеку, чтобы он не застал врасплох, выстраивать стратегию, придерживаться определённой тактики и т. д.

Таким образом, особенности бизнес-дискурса проявляются при его сопоставлении с другими, тесно связанными с ним типами дискурса, с политическим – их объединяет манипулятивность, научным – они обладают общими свойствами, например, объективность, информативность, логичность и насыщенность специальной терминологией. Бизнес-дискурс характеризуется употреблением идиоматической лексики, стилистических экспрессивных средств вплоть до табуированных, а также рекуррентными конструкциями. Последние встречаются в бизнес-медиа, печатных и электронных СМИ, спецификой которых является деловая тематика, хотя их чаще можно встретить в политическом дискурсе. Умение понимать и правильно интерпретировать эти идиоматические конструкции облегчит участникам форума АТЭС общение между собой, а также будет способствовать улучшению делового климата и установлению партнёрских взаимоотношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов, А.Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга / А.Н. Баранов // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие, отв. ред. д-р филол. наук проф. М.Н. Володина [Электронный ресурс]. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text12/09.htm>.
2. Баранов, А.Н. Идиоматичность и идиомы / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1996. – № 5. – С. 51–64.
3. Виноградов, В.В. Вопросы изучения словосочетаний (на материале русского языка) / В.В. Виноградов // Избранные труды: Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 231–253.
4. Гурьева, З.И. Бизнес-текст как явление культуры / З.И. Гурьева // Язык. Этнос. Сознание: материалы международного науч. конф. (24–25 апреля 2003 г.). В 2 т. Т. 2. – Майкоп: АГУ, 2003. – С. 38–46.
5. Кошкина, А. Время, деньги / А. Кошкина, Л. Маврина, Д. Евдокимова // Новые Известия. – 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newizv.ru/news/2011-02-02/140371>.
6. Путин, В.В. Россия – АТЭС: Проблемы и перспективы сотрудничества / В.В. Путин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://putin.viperson.ru/wind.php?ID=277835&soch=1>.
7. Gumperz, J.J. Discourse Strategies / J.J. Gumperz // Cambridge University Press, 1982. – 240 p.
8. Newsweek. – 2008. – November, 3. – 12 p.
9. Peristein, R. Special edition / R. Peristein // Newsweek. – 2008. – November, 17. – 25 p.
10. Political Discourse in the Media. Cross-cultural perspectives / Edited by Anita Fetzer and Gerda Eva Lauerbach. – John Benjamins. – Vol. 160. – 2007. – 393 p.
11. The Spectator. – 2009. – December, 19/26. – 56 p.

КЛЮЧЕВЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

А.С. Иванников

Иванников Артем Сергеевич – аспирант кафедры истории Благовещенского государственного педагогического университета.

Контактный адрес: apelsin64@yandex.ru

В данной статье дается краткий обзор обстановки, сложившейся к моменту подписания Соглашения о государственной границе между СССР и КНР на её восточной части (1991 г.), завершившего длительные переговоры, рассматривается процесс проведения демаркационных работ, в ходе которого граница получила чёткое обозначение на местности почти на всем протяжении ее восточной части.

Ключевые слова: государственная граница, демаркация, делимитация, пограничные консультации.

Формирование государственной границы – длительный и сложный процесс, связанный как с приобретением, так и с потерей каких-то территорий. В истории любого государства вопрос о границах всегда являлся ключевым – история формирования границы между Россией и Китаем не является исключением. Для подготовки Соглашения о государственной границе между СССР и КНР на ее восточной части, подписанного 16 мая 1991 г. в Кремле министрами иностранных дел СССР и КНР А.А. Бессмертных и Цянь Цичэнем, потребовалось почти 30 лет переговоров, начиная с пограничных консультаций 1964 г. и переговоров 1969–1978 гг. и заканчивая переговорами 1987–1991 гг.

В период после окончания Второй мировой войны до 1960-х годов вопрос о демаркации не поднимался в качестве темы для официальных межправительственных переговоров. О существовании «спорных районов» стало известно лишь в результате обмена картами на пекинских консультациях по уточнению советско-китайской границы на отдельных ее участках в 1964 г. Китайская сторона официально заявила о неправомерности заключенных между царской Россией и Китаем договоров и насильственном отторжении 1540 тыс. кв. км земель. Из них якобы «отторгнутыми» по Айгуньскому договору считаются свыше 600 тыс. км², по Пекинскому – 400 тыс., по Чугучакскому – свыше 440 тыс. и по Петербургскому – более 70 тыс. км² [4: с. 197]. По словам китайцев, их территориальные претензии к Советскому Союзу могли бы составить 1575 тыс. км², но из них Китай реально претендует лишь на 35 тыс. км², уступая и не требуя возврата остальных 1540 км² [8: с. 65–66]. Пре-

тензии Мао Цзэдуна на «более чем миллион квадратных километров», впервые высказанные им в беседе с делегацией социалистической партии Японии 10 июля 1964 г., являлись «тактическим ходом» («блефом») [3: с. 129], основной целью которого было «...оказать давление на российскую сторону, поставив ее перед суровым выбором: или результативное завершение шедших тогда переговоров о границе, или пугающая перспектива в будущем "получить к оплате" счет на полтора миллиона квадратных километров» [3: с. 120].

Китайской стороной был также развит тезис о том, что Советская Россия в первые годы своего существования, отказываясь от всех договоров, заключенных в прошлом царской Россией и Китаем, тем самым якобы признала «неправомерный» характер договоров о границе между двумя странами. Требование признать советской стороной тезис о «неправомерности» пограничных договоров и зафиксировать его в новом договоре о границе было одним из важнейших элементов китайской позиции в ходе данных консультаций. Достижение китайцами своей цели означало бы признание за китайской стороной права выступать в будущем за пересмотр границы, т. е. признать существование территориальной проблемы между Россией и Китаем.

В ходе консультаций впервые в двустороннем порядке был согласован принцип определения линии границы на пограничных реках: на судоходных – по середине главного фарватера, на несудоходных – по середине реки или ее главного русла, что соответствовало нормам международного права и внутреннему законодательству СССР (в частности Положению об охране государственной границы от 5 августа 1960 г.) [8: с. 76].

В результате работы делегаций к августу 1964 г. была предварительно уточнена и согласована линия границы на ее Восточной части общей протяженностью 4200 км, за исключением участка при слиянии рек Амур и Уссури, где китайская сторона настаивала на передаче КНР островов Тарабаров и Большой Уссурийский, а советская делегация отстаивала прохождение границы в соответствии с договорными документами по протоколу Казакевича. По оценкам японского ученого А. Ивасита, позиция российской стороны в решении данного вопроса была заметно ослаблена принятием принципа главного фарватера при демаркации речных границ [7: с. 149].

В итоге, несмотря на подготовку трех проектов соглашений с описанием прохождения границы (№ 1 – по участку от стыка границ МНР, СССР и КНР до верховьев р. Аргунь – парафирован на уровне рабочей группы; № 2 – по рр. Аргунь, Амур и Уссури (за исключением участка при слиянии рек Амур и Уссури); № 3 – по участку от устья р. Тур до точки стыка границ КНР, СССР и КНДР [4: с. 203]) и отработку карт с делимитированной линией границы, общий протокол не был подписан, а в работе делегаций сделан перерыв, поскольку, не достигая с Советским Союзом соглашения по проблеме границы, Китай мог сохранять определенное давление на СССР, поддерживать определенный уровень напряженности в китайско-советских отношениях и, таким образом, продолжать сохранять СССР в числе вероятных противников, угрожающих национальной безопасности Китая.

Наиболее продолжительными по времени и наименее результативными стали советско-китайские пограничные переговоры 1969–1978 гг., непосредственным поводом для начала которых стали вооруженные конфликты в марте 1969 г. на острове Даманский на р. Уссури и в августе того же года в районе Жаланашколь (Казахстан). Одной из основных причин этих событий можно считать отсутствие договорного оформления линии границы в 1964 г., хотя на консультациях она была в рабочем порядке согласована почти на всем протяжении Восточной части, а на судоходных реках Амур и Уссури была обозначена на картах посередине главного фарватера (о. Даманский находился по китайскую сторону от линии середины главного фарватера). До официального утверждения в виде договора граница должна была оставаться на прежнем месте и охраняться по ранее существующей линии, однако, китайская сторона игнорировала этот принцип и рассматривала согласованную, но не утвержден-

ную линию границы как решение вопроса. Советские пограничники охраняли остров и после 1964 г. как советскую территорию, а китайское руководство считало Даманский своим, что и привело к вооруженному конфликту (плановому удару китайских войск «по провокациям Советской Армии» [10: с. 117]) в марте 1969 г.

События на границе вынудили обе стороны вновь сесть за стол переговоров. Обстановка не уменьшавшейся напряженности и конфронтации в отношениях между СССР и КНР диктовала необходимость советско-китайской встречи на высоком уровне для решения вопроса о дальнейших перспективах во взаимоотношениях двух стран. Такая встреча состоялась по инициативе советской стороны и получила название «встреча в аэропорту» [8: с. 95].

Так, 3 сентября 1969 г. скончался вьетнамский лидер Хо Ши Мин, в связи с чем на церемонию похорон в Ханой должен был прибыть премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай. Советское правительство поручило Председателю Совета Министров СССР А.Н. Косыгину, 6 сентября направляющемуся во Вьетнам, провести с ним встречу, однако, Чжоу Эньлай прилетел в Ханой 4 сентября и в тот же день вернулся в Пекин. Тогда китайской стороне было передано пожелание главы советского правительства при возвращении на родину сделать остановку в Пекине для встречи с китайскими руководителями. Согласие китайской стороны было получено, когда самолет А.Н. Косыгина уже находился в Дели, а 10 сентября в Ташкенте глава Правительства СССР получил сообщение, что премьер Госсовета КНР готов к встрече.

Встреча состоялась в аэропорту Пекина 11 сентября, куда встречать А.Н. Косыгина прибыли Чжоу Эньлай и заместитель премьера Госсовета КНР Ли Синьнянь. В целом данная встреча оказалась результативной – оба премьера действительно стремились отвести советско-китайские отношения от опасной грани прямой конфронтации, что, прежде всего, заключалось в нормализации ситуации в районе общей границы. При этом их главная заслуга состоит в достижении договоренности о том, что обе стороны сядут за стол пограничных переговоров.

Однако в ходе начавшихся 20 октября 1969 г. переговоров, китайская сторона препятствовала практическому рассмотрению пограничных вопросов, настаивая на выполнении советской стороной предварительных условий, изложенных в «Документе МИД КНР» от 8 октября 1969 г. [4: с. 205]:

– «подтвердить, что договоры о нынешней китайско-советской границе являются неравноправными договорами»...

– «до всестороннего разрешения путем мирных переговоров вопроса о китайско-советской границе сохранять статус-кво на границе, избегать вооруженных конфликтов и вывести из соприкосновения вооруженные силы китайской и советской сторон, которые должны покинуть или не входить во все спорные районы на китайско-советской границе, т. е. районы, где обозначения линии границы у обеих сторон не совпадают согласно картам, обмененным на китайско-советских переговорах о границе в 1964 г.» [4: с. 205].

Не достигнув конкретных результатов в деле пограничного урегулирования, переговоры были прерваны в 1978 г. («предлогом для их временного прекращения послужило советское военное вторжение в Афганистан» [1: с. 480]) и возобновлены только 9 февраля 1987 года. В этот раз китайская сторона не требовала возвращения территорий, «отторгнутых» царской Россией у Китая путем навязывания «неравноправных договоров». Глава китайской делегации, заместитель министра иностранных дел КНР Цянь Цицзэн указал, что «речь идет лишь о разрешении спорных вопросов по границе, возникших в силу того, что царская Россия и СССР по различным причинам вышли за линию границы, предусмотренную договорами» [4: с. 207].

В мае 1989 г. состоялась советско-китайская встреча на высшем уровне, ставшая первой встречей лидеров двух стран после 30-летнего перерыва. По итогам визита М.С. Горбачева в КНР было подготовлено совместное коммюнике, отдельный пункт в котором был посвящен пограничному урегулированию. В соответствии с этим обе стороны выступали за то, чтобы пограничные вопросы между Советским Союзом и Китаем разрешались справедливо и рационально, согласно общепринятым нормам международного права в духе равноправных консультаций, взаимного понимания и взаимной уступчивости. Стороны также договорились интенсифицировать рассмотрение пока не согласованных участков советско-китайской границы [8: с. 205].

В ходе пограничных переговоров 1987–1991 гг. были достигнуты договоренности о прохождении линии государственной границы на большинстве участков [8: с. 282]. 16 мая 1991 г. было подписано Соглашение о государственной границе между СССР и КНР на её восточной части [16].

Однако обстоятельства сложились таким образом, что переговоры велись и соглашение было

подписано с КНР одним государством – СССР, а ратификация соглашения, после которой оно вступило в законную силу, производилось Российской Федерацией. После распада Советского Союза вследствие «экономической и политической нестабильности» [1: с. 489] продолжателем осуществления прав и выполнения его обязательств по международным договорам стала Россия. 13 февраля 1992 г. соглашение было ратифицировано Верховным Советом Российской Федерации (170 депутатов – «за», 6 – «воздержались», «против» – нет), а 25 февраля – Постоянным комитетом ВСНП [9: с. 172]. При обмене 16 марта 1992 г. ратификационными грамотами, подписанными со стороны России президентом Б.Н. Ельциным, было констатировано, что Россия приняла на себя в полном объеме предусмотренные в соглашении права и обязанности.

В соответствии с соглашением от 16 мая 1991 г. впервые на основе прежних русско-китайских договоров о границе и в соответствии с нормами современного международного права была уточнена и обозначена линия российско-китайской границы практически на 99 % всего протяжения ее восточной части.

Этап демаркационных работ, в результате которых граница получила четкое обозначение на местности почти на всем протяжении ее восточной части, начался с 1992 г. Работа по демаркации велась совместной российско-китайской демаркационной комиссией.

Российская делегация в Совместной российско-китайской демаркационной комиссии была сформирована в соответствии с постановлением правительства России от 10 августа 1992 г. № 568-10 [9: с. 172]. В ее состав, помимо представителей МИД, Минобороны, ФПС и Главного штаба ВМФ, «...в качестве полноправных членов были включены заместители глав администраций всех пяти приграничных территорий» [9: с. 172] – Приморского (заместитель губернатора В.А. Стегний) и Хабаровского (В.М. Тевелевич) краев, Читинской (первый заместитель главы администрации В.Е. Ломако) и Амурской областей, Еврейской автономной области (заместитель главы администрации В.С. Гуревич). Руководителем российской делегации являлся Г.В. Киреев, заместителями главы делегации были: Ю.А. Архаров (представитель МИД, китаевед, основной разработчик демаркационных документов), А.Г. Рыженко (представитель Минобороны, военный топограф), Б.А. Фомин (представитель ФПС). Членами делегации были: В.В. Постнов (МИД, юрист-международник),

Н.А. Голуб (МО, военный картограф), Г.А. Ружицкий (МО, военный топограф), Н.А. Неупокоев (МО, военный топограф), А.Ф. Шебалин (МО, военный топограф), С.И. Сергеев (ФПС), В.В. Андреев (МО, военный топограф), Ю.А. Евсиенков, Г.А. Ванюков (Главный штаб ВМФ, гидрограф). Переводческой работой в составе делегации занимались А.А. Иллюк, И.В. Кочергин, Д.Я. Палецкий, С.Ю. Пальтов. Ответственные секретари делегации – С.Н. Губарев, И.Н. Логвинова, А.Ю. Шманевский, технические секретари – Н.Н. Середина (Коротеева), Н.С. Соколова (Антипина) [8, с. 314–322]. Китайскую делегацию по одному-два года возглавляли Сунь Линь, Сюй Гуаньцзянь, Чэнь Шицю, Инь Юйбяо (директора Договорно-правового департамента МИД КНР). Они руководили делегацией лишь на сессиях комиссии, проводившейся раз в год. Повседневное руководство делегацией, участие в рабочих встречах Комиссии (3–4 в год) было обязанностью заместителей главы делегации – Ли Цинъюаня и Ма Яоу [8: с. 331–332].

Правовой основой деятельности Демаркационной комиссии являлись Соглашение от 16 мая 1991 г., Положение о Совместной российско-китайской демаркационной комиссии от 8 июля 1992 г., восемь документов, регламентирующих деятельность комиссии, утвержденные в июле и сентябре 1992 г. [13], а также конкретные договоренности, зафиксированные в совместных протоколах сессий и рабочих встреч комиссии.

Основными формами работы Демаркационной комиссии являлись сессии и рабочие встречи. За восемь лет стороны провели 8 сессий и 23 рабочих встречи. На сессиях или рабочих встречах проводились пленарные заседания и заседания рабочих групп. В случае необходимости созывались узкие встречи руководителей делегаций с участием специалистов по тому или иному вопросу, либо встречи глав делегаций [8: с. 333].

По Соглашению от 16 мая 1991 г. в задачу демаркационной комиссии входило: установление на местности точного положения линии государственной границы согласно статье 2 Соглашения, включая определение принятых за линию государственной границы середины главного фарватера, середины реки или ее главного рукава и в соответствии с этим принадлежности островов на пограничных реках. На нее же возлагалась задача определения линии водораздела на участках, где государственная граница проходит по водоразделу. Комиссия должна была обозначить линию государственной границы пограничными знаками, создать подробную демарка-

ционную карту, подготовить и издать документы демаркации, а также решить различные конкретные вопросы, связанные с выполнением всех этих задач.

Всю границу разделили на соответствующие участки, создали рабочие группы демаркационной комиссии – 10 совместных демаркационных рабочих групп, 4 гидрографические группы на реках Амур и Уссури, 1 совместная гидрографическая группа на реке Аргунь.

В 1988 г., в преддверии демаркации, военными ведомствами двух стран была произведена совместная аэрофотосъемка приграничной полосы на основе совместно выработанных технических требований. Китайская сторона, самолеты которой базировались в Хайларе, отвечала за участок от точки Восточного стыка госграниц России, Китая и Монголии до устья реки Буря, российская сторона (Черновицкая эскадрилья, г. Хабаровск) – от устья р. Буря до точки стыка госграниц России, Китая и КНДР. В течение полевого сезона 1991 г. подразделения Иркутского, Благовещенского и Партизанского топогеодезических отрядов выполнили дешифрирование аэроснимков, на основе которых Иркутский аэрофототопографический отряд создал карту на свою часть границы. Китайская сторона аналогичным образом создала демаркационную рабочую карту Восточной части границы на свою ее часть.

С учетом значительной протяженности границы, сложности физико-географических условий и большого объема демаркационных работ вся линия границы была разделена на 10 демаркируемых участков. Для проведения гидрографических работ пограничные реки Амур и Уссури были поделены на четыре участка. Каждая из сторон отвечала за два участка. Кроме того, на отдельных участках границы были сформированы специальные команды по прорубке пограничных просек на сухопутных участках границы южнее озера Ханка и по ликвидации инженерных сооружений, оказавшихся на линии или за линией госграницы. Рабочая группа по установке буев на озере Ханка была образована российской стороной. В течение нескольких лет эти трудоемкие работы были в основном выполнены.

21 февраля 1996 г. Президент РФ Б.Н. Ельцин подписал распоряжение № 77-рп «О мерах по завершению демаркационных работ на восточном участке российско-китайской границы» [14: с. 2366–2367]. Этим распоряжением российской делегации в российско-китайской демаркационной комиссии было предписано завершить

работы в соответствии с соглашением без серьезных отклонений от установленных сроков, а главам приграничных территорий предписывалось оказывать этой работе всемерное содействие и вести активную разъяснительную работу среди населения о необходимости демаркации. К середине 1997 г. демаркационные работы в основном были выполнены.

За период с начала демаркации до 1997 г. включительно на восточной части российско-китайской границы от Монголии до реки Туманная поставлены 1184 столба: на российской стороне железобетонные или керамзитобетонные, на китайской – гранитные. Такая работа проведена впервые в истории. В Забайкалье столбы стоят через каждые 1,5–3 км, а в Приморье, где рельеф извилистый, – в ряде мест через 300–500 метров. Были прорублены сотни километров лесных просек, демонтированы десятки старых инженерных сооружений. Проведены гидрографические измерения на всем протяжении пограничных участков рек Амура и Уссури (поскольку в соответствии с данным Соглашением и нормами современного международного права по материалам гидрографических измерений определяются главный фарватер (особенно на островных участках) и середина главного фарватера, которая и будет принята за линию границы; в зависимости от этого определяется принадлежность островов на реках), установлены буи на акватории пограничного озера Ханка, сделаны геодезические привязки пограничных объектов, описано прохождение границы [2: с. 60–61].

Во время очередного визита в КНР Б.Н. Ельцина в ноябре 1997 г. были подписаны заключительные документы о демаркации российско-китайской границы на ее восточном участке [9: с. 174].

В 1998–1999 гг. совместная российско-китайская демаркационная комиссия по итогам демаркационных работ составляла следующие демаркационные документы: протокол-описание линии российско-китайской границы на ее восточной части; карту в масштабе 1:50000 с изображением линии государственной границы и пограничных знаков; таблицу принадлежности островов и отмелей; заключительный протокол о работе демаркационной комиссии [13].

После издания этих демаркационных документов, проходившая в Москве 25 марта – 8 апреля 1999 г. заключительная сессия Совместной российско-китайской демаркационной комиссии рассмотрела и окончательно согласовала все документы по демаркации на восточной и западной

частях государственной границы между Россией и Китаем. Главы обеих делегаций, посол по особым поручениям Г.В. Киреев и китайский посол Инь Юйбяо – сопредседатели Совместной демаркационной комиссии, парафировали основополагающие демаркационные документы – протоколы-описания границы на ее восточной и западной частях и карты границы между РФ и КНР [17: с. 57–58].

Однако проблема пограничного размежевания между Россией и Китаем не была снята после подписания данных документов. По-прежнему остались не разграниченными острова Большой Уссурийский и Тарабаров на Амуре и Большой на Аргуни.

Причина противоречий по острову Большой заключается в том, что Россия и Китай по-разному называют одну и ту же реку. Российская сторона считает, что Аргунь раздваивается на два русла, которые огибают остров с севера и юга. Остров между двумя рукавами и есть Большой, а значит, граница проходит по меньшему руслу Аргуни, которое огибает остров с юга. В доказательство прохождения границы по южному руслу Аргуни российская сторона приводит документ 1911 г.

По мнению Китая, то, что в России называют южным руслом Аргуни, на деле является меньшим руслом реки Хайлар, которая течет со стороны Китая, раздваивается и впадает в Аргунь. Соответственно, по мнению китайцев, граница должна проходить по «настоящей» Аргуни, т. е. по северному основному руслу. В таком варианте остров Большой должен принадлежать Китаю.

Второй проблемный участок – у Хабаровска, также расположен в месте слияния двух рек – впадения Уссури в Амур. Острова лежат в треугольнике суши, который образуют две сливающиеся реки и соединяющая их к юго-западу от островов протока Казакевича.

Российская позиция заключается в том, что если смотреть со стороны верховья рек, граница должна от реки Амур выходить на протоку Казакевича и огибать острова с юга. Затем из протоки выходить на Уссури и по течению Уссури направляться снова в Амур в том месте, где Уссури впадает в Амур – т. е. огибать треугольник суши с юга. В доказательство своей правоты Россия приводит условия Пекинского дополнительного договора 1860 г. [12: с. 255–258] и линию расстановки пограничных столбов по Уссури 1861 г., согласно которым именно так граница и проходила.

Китайская сторона соглашалась, что по договорам XIX века граница так и проходила, но в возражение приводила нормы современного права, по которым, в том числе и по российскому закону «О государственной границе» (ст. 5 п. 2 в) [6], разграничение должно идти по главному фарватеру реки. Следовательно, линия границы должна не огибать треугольник суши с юга, а идти, как и главный фарватер, вдоль северной границы островов. По логике китайцев, если по протоке Казакевича судоходство невозможно, значит, и границу с южной стороны проводить нельзя. Подписанный в сентябре 1994 г. протокол «О плавании судов из реки Уссури (Усулицзян) в реку Амур (Хэйлунцзян) мимо города Хабаровска и обратно» [11: с. 278–280], предоставляли право всем китайским судам, включая военные, «беспрепятственно осуществлять плавание» в Амур мимо Хабаровска, фактически поддержал позицию китайской стороны [9: с. 183].

Однако водная государственная граница между Россией и Китаем по реке Амур до места ее слияния с рекой Уссури первоначально была определена Айгунским договором 1858 года и подтверждена первой статьей Пекинского дополнительного договора от 2 (14) ноября 1860 г., в которой говорится следующее: «С сих пор Восточная граница между государствами, начиная от слияния рек Шилки и Аргуни, пойдет вниз по течению реки Амура до места слияния сей последней реки с рекою Уссури...» [12: с. 256].

К Пекинскому договору 1860 г. прилагалась карта, составленная во исполнение 9-й статьи Тяньцзиньского трактата от 1 (13) июня 1858 г. [12: с. 253–255], в которой предусматривалось, что неопределенные части границ между Китаем и Россией должны быть исследованы на местах доверенными лицами от обоих Правительств, а заключенные ими условия о граничной черте должны составить дополнительную статью к настоящему трактату.

На данной карте стоят подписи уполномоченных Российского и Дайцинского государств, скрепленные государственными печатями двух империй: российской сургучной гербовой печатью с двуглавым орлом и китайской большой квадратной печатью с иероглифами внутри квадрата.

В тексте Пекинского договора нет прямого указания на государственную принадлежность островов по Амуру, Уссури и другим рекам на восточном участке границы между Россией и Китаем. Однако в соответствии со статьей 1-й Пекинского договора и во исполнение статьи 9-й

Тяньцзиньского трактата была утверждена составленная карта, на которой граничная линия показана красной чертой. Она была проведена по правому берегу реки Амур, левому берегу рек Уссури и Сунгача. Следовательно, острова, большие и малые, на речных участках границы, находящиеся от красной черты, обозначающей граничную линию, на север по Амуру, на восток по Уссури и Сунгаче, принадлежат России. Таким образом, основным документом, юридически удостоверяющим государственную принадлежность островов на пограничных реках Амур, Уссури и Сунгача, служит вышеупомянутая карта, являющаяся составной частью договора и подписанная 4 (16) июня 1861 г. на русском военном посту Турий Рог, на западном берегу озера Ханка, полномочными комиссарами двух государств.

Тем не менее, согласно статье 3 Соглашения между СССР и КНР о советско-китайской государственной границе на ее Восточной части 1991 г., российская и китайская сторона «согласились в соответствии со статьей 1 настоящего Соглашения продолжить переговоры для разрешения вопросов о прохождении линии государственной границы между СССР и КНР на ее Восточной части от седьмой пограничной точки до восьмой пограничной точки и от десятой пограничной точки до одиннадцатой пограничной точки» [16]. Десятая пограничная точка расположена на середине главного фарватера реки Амур (у истока протоки Казакевича), а одиннадцатая пограничная точка расположена на середине главного фарватера реки Уссури (в ее устье).

Указанные участки, оставшиеся несогласованными в рамках соглашения от 16 мая 1991 г., были уточнены во время государственного визита президента России В.В.Путина в Китай, где 14 октября 2004 г. было подписано дополнительное соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской границе на ее восточной части [15: с. 7]. Кроме того, в Пекине были подписаны Протокол между правительствами РФ и КНР о плавании российских и китайских судов в акватории, примыкающей к островам Тарабаров и Большой Уссурийский, Протокол к межправительственному соглашению о совместном приграничном использовании островов и Меморандум правительств РФ и КНР о применимости действующих соглашений к новым делимитационным участкам российско-китайской государственной границы [15]. В соответствии с данным соглашением Китаю отошло 337 квадратных километров

российской территории (часть о. Большой на р. Аргунь, большая часть архипелага островов в районе г. Хабаровска, в том числе о. Тарабаров и часть о. Большой Уссурийский). 20 мая 2005 г. Государственная дума Российской Федерации ратифицировала Дополнительное соглашение между РФ и КНР о российско-китайской границе на ее Восточной части от 14 октября 2004 г. [18: с. 9].

Итак, граница была уточнена во взаимных интересах и обрела устойчивость, все пограничные вопросы были решены своевременно и на взаимоприемлемых условиях. Кроме того, китайское руководство дезавуировало антисоветские высказывания и действия Мао Цзэдуна в отношении нашей страны, а также опубликовало материалы, подтверждающие, что события на Даманском были спровоцированы по приказу Мао Цзэдуна [5: с.507], что свидетельствует о серьезном, взвешенном и искреннем стремлении руководства КНР решить вопросы о границе. В настоящее время у сторон отсутствуют какие-либо территориальные претензии друг к другу, устранены основания для взаимной неудовлетворенности и положены основы добрососедства и дружбы двух великих государств, имеющих общую границу по Амуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воскресенский, А.Д.* Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний / А.Д. Воскресенский. – М.: Муравей, 2004. – 600 с.
2. *Галенович, Ю. М.* Россия и Китай в XX веке: граница / Ю.М. Галенович. – М.: Изограф, 2001. – 336 с.
3. *Гончаров, С.Н.* О «территориальных претензиях» и «неравноправных договорах» в российско-китайских отношениях: мифы и реальность / С.Н. Гончаров, Даньхуэй Ли // Проблемы Дальнего Востока. – 2004. – № 4. – С. 117–130.
4. *Границы Китая: история формирования* / под общ. ред. В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 470 с.
5. *Заикина, Г.А.* Единая стратегия экономического развития – императив времени. Обсуждение в президиуме РАН / Г.А. Заикина // Вестник Российской Академии Наук. – 2005. – Т. 75. – № 6. – С. 506–511.
6. Закон РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.femida.info/11/fzogrrf002.htm>.
7. *Ивасита, А.* 4000 километров проблем. Российско-китайская граница / А. Ивасита. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. – 336 с.
8. *Киреев, Г.В.* Россия – Китай. Неизвестные страницы пограничных переговоров / Г.В. Киреев. – М.: РосСПЭН, 2006. – 416 с.
9. *Ларин, В.Л.* Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI в.) / В.Л. Ларин. – М.: Восток-Запад, 2005. – 390 с.
10. *Ли, Д.* Некоторые вопросы китайско-советских отношений в 1960-е годы / Д. Ли // Проблемы Дальнего Востока. – 2005. – № 1. – С. 104–119.
11. Протокол между правительством РФ и правительством КНР о плавании судов из реки Уссури (Усулицзын) в реку Амур (Хэйлунцзын) мимо города Хабаровска и обратно // Сборник российско-китайских договоров. 1949–1999. – М.: Терра-Спорт, 1999. – С. 278–280.
12. *Прохоров, А.* К вопросу о советско-китайской границе / А. Прохоров. – М.: Международные отношения, 1975. – 288 с.
13. Сборник российско-китайских договоров. 1949–1999. – М.: Терра-Спорт, 1999. – 496 с.
14. Собрание законодательства Российской Федерации. – М.: Юридическая литература. – 1996. – № 10.
15. Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Проблемы Дальнего Востока. – 2004. – № 6. – С. 6–12.
16. Соглашение между СССР и КНР о советско-китайской государственной границе на ее Восточной части // Сборник российско-китайских договоров. 1949–1999. – М.: Терра-Спорт, 1999. – С. 117–125.
17. *Ткаченко, Б.И.* Восточная граница между Россией и Китаем в договорах и соглашениях XVII–XX веков / Б.И. Ткаченко; ДВО РАН. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. – 159 с.
18. *Ткаченко, Б.И.* МИД России разъясняет / Б.И. Ткаченко // Дальневосточный ученый. – 2005. – 27 июля.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ КИТАЯ

*А.А. Пиотрович
Су Да*

Пиотрович Алексей Анатольевич – доктор технических наук, доцент, заведующий кафедрой строительного производства Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Су Да – аспирант кафедры строительного производства Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Контактный адрес: piotrovich@festu.khv.ru

В статье приводятся сведения о развитии железнодорожного строительства в Китае, на основе которых выделяются четыре его этапа. Анализируются такие характеристики процесса строительства железных дорог, как статус и интенсивность. Дается характеристика участников железнодорожного строительства, его объемов до образования КНР и в последующий период. Выстраивается динамика протяженности сети железных дорог Китая.

Ключевые слова: железные дороги Китая, строительство, характеристика исторических периодов, объемы, участники, динамика развития.

Железные дороги являются важной производительной силой в системе транспорта всего мира. С момента возникновения и до настоящего времени железные дороги играют ведущую роль в процессе развития человеческого общества.

В 1825 г. в Англии железная дорога соединила два города Англии – Стоктон и Дарлингтон и стала первой в мире железной дорогой общего пользования.

В Китае первая железная дорога появилась почти через полвека, в 1876 г. Эта была узкоколейная (ширина колеи – 762 мм, погонный вес

рельсов 13 кг/м) железная дорога, получившая название «Усун». Так, 15-тонный паровоз Pioneer перевозил составы небольших пассажирских и грузовых вагонов со скоростью 24–32 км/ч. Владельцем являлась английская компания «И Хэ Ян Хан». С этого момента началась история строительства железных дорог на территории одного из древнейших государств мира [3].

Во многих странах железные дороги появились раньше Китая. Ход возникновения железных дорог во всем мире представлен в табл. 1.

Таблица 1

Сроки начала работы железных дорог в разных странах мира

Страна	Начало эксплуатации первой железной дороги, год	Страна	Начало эксплуатации первой железной дороги, год
Англия	1825	Италия	1839
США	1830	Швейцария	1844
Франция	1832	Испания	1848
Бельгия	1835	Бразилия	1851
Германия	1835	Индия	1853
Канада	1836	Австралия	1854
Россия	1837	Египет	1855
Австрия	1838	Япония	1872
Голландия	1839	Китай	1876

Самостоятельно китайцы построили свою железную дорогу «Тансю» в 1881 г. в провинции Хэбэй между Таншань и Сюэчжуан для перевозки угля. Длина этой железной дороги составила 10 км. Строители применили легкий рельс весом 15 кг/м и стандартную колею шириной 1435 мм. Это событие символизирует начало собственно китайского железнодорожного строительства. Однако вследствие отсталого общественного строя строительство железных дорог в Китае того времени стало главным способом и средством для получения экономических и политических выгод для многих иностранных государств. Прежде всего, это были Англия, Франция, Германия, Россия и позднее – Япония.

Важными вехами в становлении и развитии железных дорог Китая являются различные этапы его истории, такие как правление последней императорской династии, пребывание у власти правительств Бэйян и Гоминьдан, создание КНР, дореформенная эпоха, период реформ Дэн Сяо Пина, включая современность.

Важными характеристиками при рассмотрении исторических особенностей развития железных дорог Китая являются такие, как *статус* и *интенсивность строительства*.

Статус характеризуется отношением правительства к управлению и развитию железных дорог в конкретном экономическом и политическом устройстве государства. По этому признаку история железнодорожного строительства Китая подразделяется на четыре этапа (рис. 1).

➤ Первый этап – образование и принятие нового понятия «железная дорога», последующее осознание правительством необходимости обладания властью в управлении строительством железных дорог Китая и работой железнодорожного транспорта (1876 – 1912 гг.);

➤ Второй этап – развитие сети железных дорог в условиях междоусобиц, оккупации и антияпонской войны (1912 – 1949 гг.);

➤ Третий этап – строительство железных дорог в больших масштабах для реконструкции инфраструктуры государства (1949 – 1978 гг.);

➤ Четвертый этап – модернизация экономики, совершенствование сети железных дорог, повышение скоростей движения, применение высоких технологий и повышение темпов развития (1978 г. – по настоящее время).

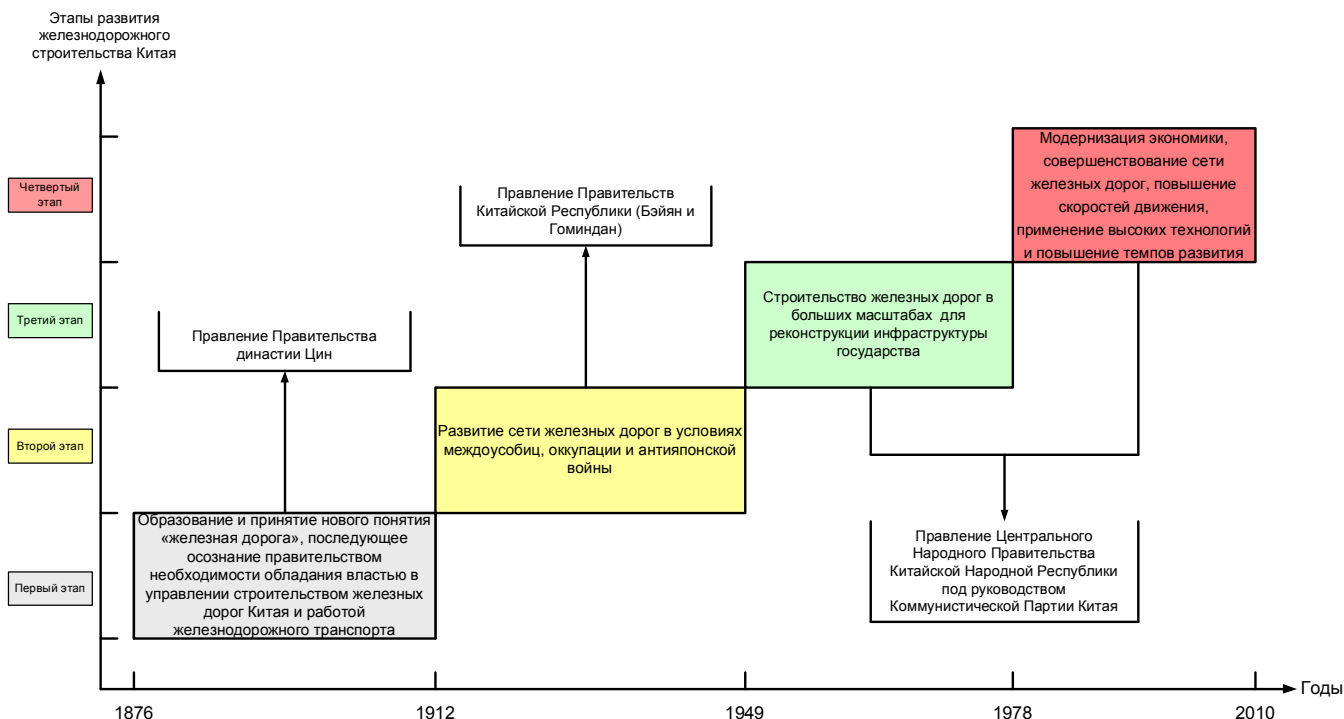

Рис. 1. Этапы развития железнодорожного строительства Китая

На первом этапе правительство династии Цин так и не приняло нового транспорта, развитие которого стало результатом мирового научно-технического прогресса. Для него железная дорога и поезд являлись «чудищами, которые беспокоили их умерших предков». Поэтому в области железнодорожного строительства Китай сильно отставал от Европы и азиатских стран. Кроме того, в этот период правительство не имело экономических возможностей для строительства железных дорог, поэтому железнодорожный транспорт казался ему лишней обузой.

После поражения в Первой китайско-японской войне 1894–1895 гг. правительство династии Цин осознало роль железных дорог и необходимость железнодорожного строительства для укрепления национальной экономики и политической власти. С другой стороны, после войны императорское правительство было настолько слабым, что было вынуждено обратиться к великим державам за помощью в строительстве железных дорог в Китае в обмен на привилегии. В частности, такие, как концессии вдоль железнодорожных линий.

К 1911 г. общая длина всех железных дорог на территории Китая составила 9137 км [3]. На большинстве линий использовалась стандартная рельсовая колея (1 435 мм). Из-за отсутствия цельной транспортной политики дороги не были объединены в единую государственную сеть и располагались нерационально с точки зрения интересов народного хозяйства. Территориально сеть железных дорог была разделена на две части линией Шаньхайгуань, проходящей по контуру Великой Китайской стены. Эти части показаны на рис. 2 и представляют собой собственно Китай и северо-восточную часть страны, Маньчжурию, объединявшую северо-восточные провинции.

Следует подчеркнуть, что Россия на рубеже XIX–XX веков активно участвовала в железнодорожном строительстве на территории Китая, построив Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД) протяженностью более 2 500 км. Рельсовая колея этой дороги имела российский стандарт ширины (1 524 мм).

Выбор КВЖД в качестве связующего звена между Забайкальским и Уссурийским участками Транссиба (1513 км) и рекордные сроки ее постройки (1897–1903 гг.) диктовались не столько трудностями в строительстве первоначального варианта прохождения магистрали по Амурскому участку, сколько острой необходимостью

срочного создания железнодорожного выхода к военно-морским базам России – Владивостоку, Порт-Артуру (Люй-шунь) и порту Дальний (Дальнянь-Вань). В состав КВЖД в то время, помимо северного направления, входила тысячекилометровая (1 014 км) линия Харбин – Дальний, именовавшаяся Южно-Маньчжурской железной дорогой, а резиденция наместника царя на Дальнем Востоке находилась не во Владивостоке, а именно в Дальнем, крайнем форпосте империи на Тихом океане [2]. После поражения России в Русско-японской войне колея КВЖД была переширена на стандарт 1 435 мм.

В 1912 г. правление династии Цин закончилось. С образованием Китайской республики начался новый исторический период, характеризующийся междоусобицами различных милитаристских группировок, гражданской войной, японской оккупацией и антияпонской войной. Железнодорожное строительство на этом этапе развивалось в особых условиях.

С 1912 г. по 1927 г. в период правительства Бэйян было построено 3 946,7 км железных дорог, в том числе 3 836,2 км Китаем и 110,5 км Японией.

С 1928 г. к руководству в Китае пришло правительство Гоминьдан. Железные дороги строились в ходе гражданской войны с милитаристскими группировками и вооруженными силами Коммунистической партии Китая, боев с японской армией, образовавшей в Маньчжурии государство Маньчжоу-Го, а также кратковременной войны СССР с Японией в 1945 г.

В этих условиях до образования КНР (1949 г.) на территории Китая было построено 13 156,4 км железных дорог, в которые входят 7 737,5 км железных дорог, возведенных правительством Гоминьдан, и 5 418,9 км – Японией. Основным объемом железных дорог, построенных японцами в период 1932–1945 гг., приходится на территорию Маньчжурии (рис. 2). В центральной части страны ими было построено 925,3 км в ходе антияпонской войны 1937–1945 гг.

На общую протяженность железнодорожной сети Китая повлияло то обстоятельство, что военные строители японской армии разбирали старые железные дороги для постройки новых, а китайская армия разбирала и эвакуировала некоторые железные дороги в оборонительных целях. Общая длина разобранных японской и гоминьдановской армиями железных дорог составляла около 3600 км.

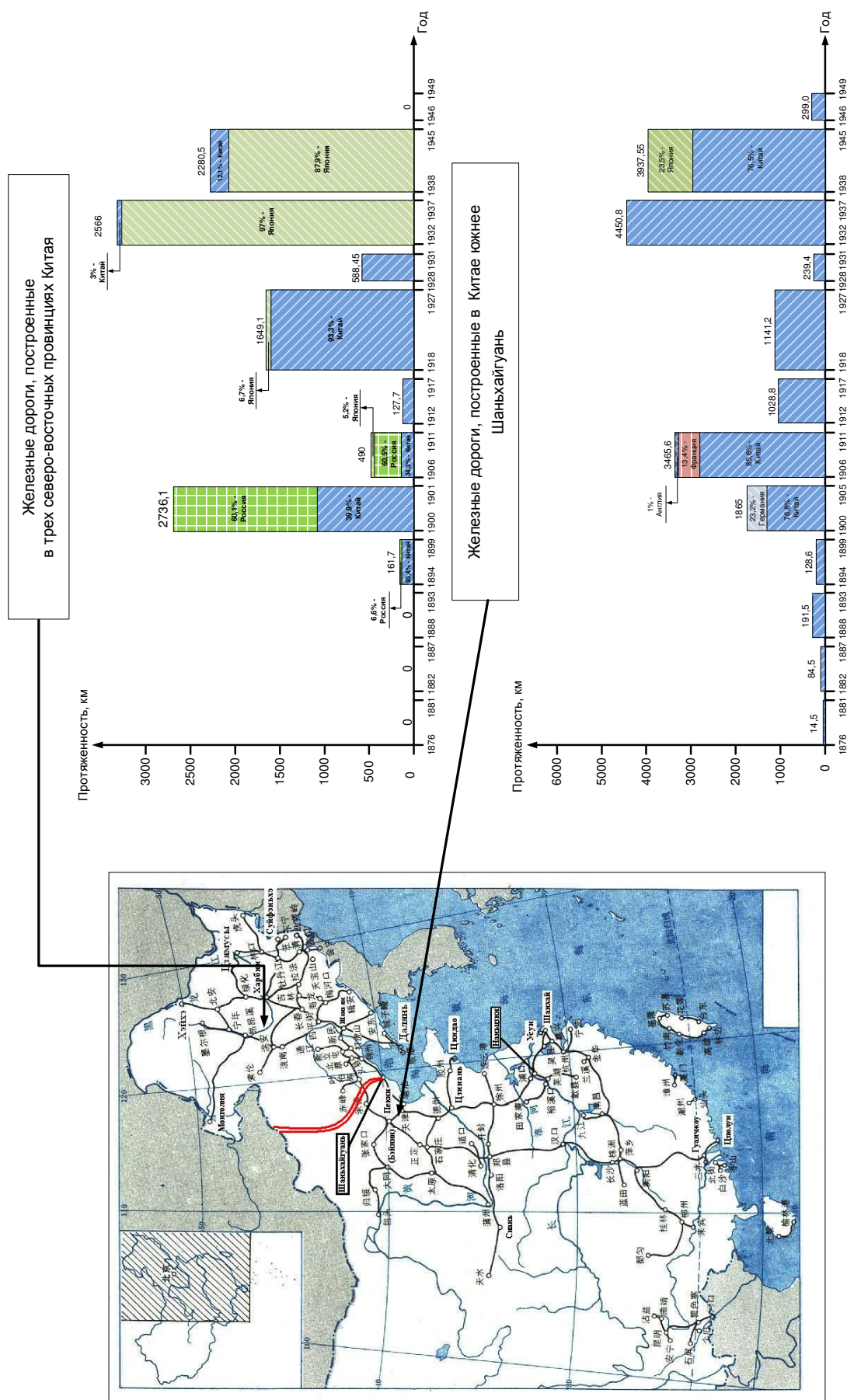

Рис. 2. Объемы и участники железнодорожного строительства в Китае до образования КНР

Кроме того, после победы над Японией, в период 1945–1949 гг. силами Красной армии в северо-восточных провинциях Китая с железных дорог было снято верхнее строение пути длиной около 1 500 км [3]. Рельсы, шпалы, строительные материалы и оборудование были вывезены в СССР для восстановления собственных железных дорог.

В итоге в конце 1949 г. в континентальной части Китая осталось около 22 600 километров железных дорог. В условиях революционных событий и войн часть железнодорожных линий была разрушена и требовала восстановления, поэтому длина работающих железных дорог составила 21 810 км [3].

Новый этап развития строительства железных дорог начался после провозглашения Китайской Народной Республики (1949–1978 гг.). Преодолевая послевоенные трудности, политические и экономические проблемы, КНР интенсивно строила железные дороги. В течение этого периода китайское правительство заложило фундамент для дальнейшего железнодорожного строительства.

В 1978 г., с началом полномасштабной модернизации китайского общества, начался новый этап железнодорожного строительства. Прогресс в области строительства железных дорог в этот период характеризовался следующими достижениями:

- осуществлена электрификация железных дорог;
- проведено шестиэтапное увеличение скорости движения – от 40 до 160 км/ч;
- в сложнейших горных условиях построена железная дорога в Тибете (впервые для Китая – на вечной мерзлоте);
- появился высокоскоростной поезд со скоростью 350 км/ч.

В 2002 г. общая протяженность китайских железных дорог достигла 72 000 км, по сравнению с 1978 годом она возросла на 39,1 % [4].

К концу 2008 г. общая протяженность железных дорог Китая составила 79 тыс. км. По этому показателю Китай вышел на третье место в мире. Правительство четко осознает важную роль транспортной системы в развитии государства и сохранении стабильности общества, где главную роль играют железные дороги.

В области строительства железных дорог китайское правительство следует курсу перспективного планирования, что должно стимулировать дальнейшее развитие всей экономики. Так, 27 ноября 2008 г. Министерство железных дорог КНР объявило о внесении поправок в разработанный в 2004 г. «План создания железнодорожной сети на средний и длительный период» [1]. Согласно новым проектам в 2009 г. в строительство железных дорог планировалось вложить триллион юаней, а в 2010 г. – дополнительно триллион в прокладку новых железнодорожных магистралей

Спустя год, в конце 2009 г. общая протяженность железных дорог Китая достигла 86 000 км. Таким образом, общая протяженность железных дорог стала в 4 раза больше, чем в 1949 г. В целом по этому показателю Китай занял второе место во всем мире [4].

По последним данным к концу 2010 г. общая протяженность китайских железных дорог составила 91 000 км, что позволило сохранить занимаемое второе место в мире по общей протяженности железных дорог. Согласно текущим планам строительства железных дорог, к концу 2011 г. общая их протяженность достигнет 99 000 км, в том числе 13 000 км высокоскоростных железных дорог [5].

Динамика развития сети железных дорог Китая характеризуется таким показателем, как *интенсивность* железнодорожного строительства (рис. 3). Этот показатель был рассчитан для каждого этапа развития по следующему выражению:

$$I = L_c / (t_{кон.} - t_{нач.}),$$

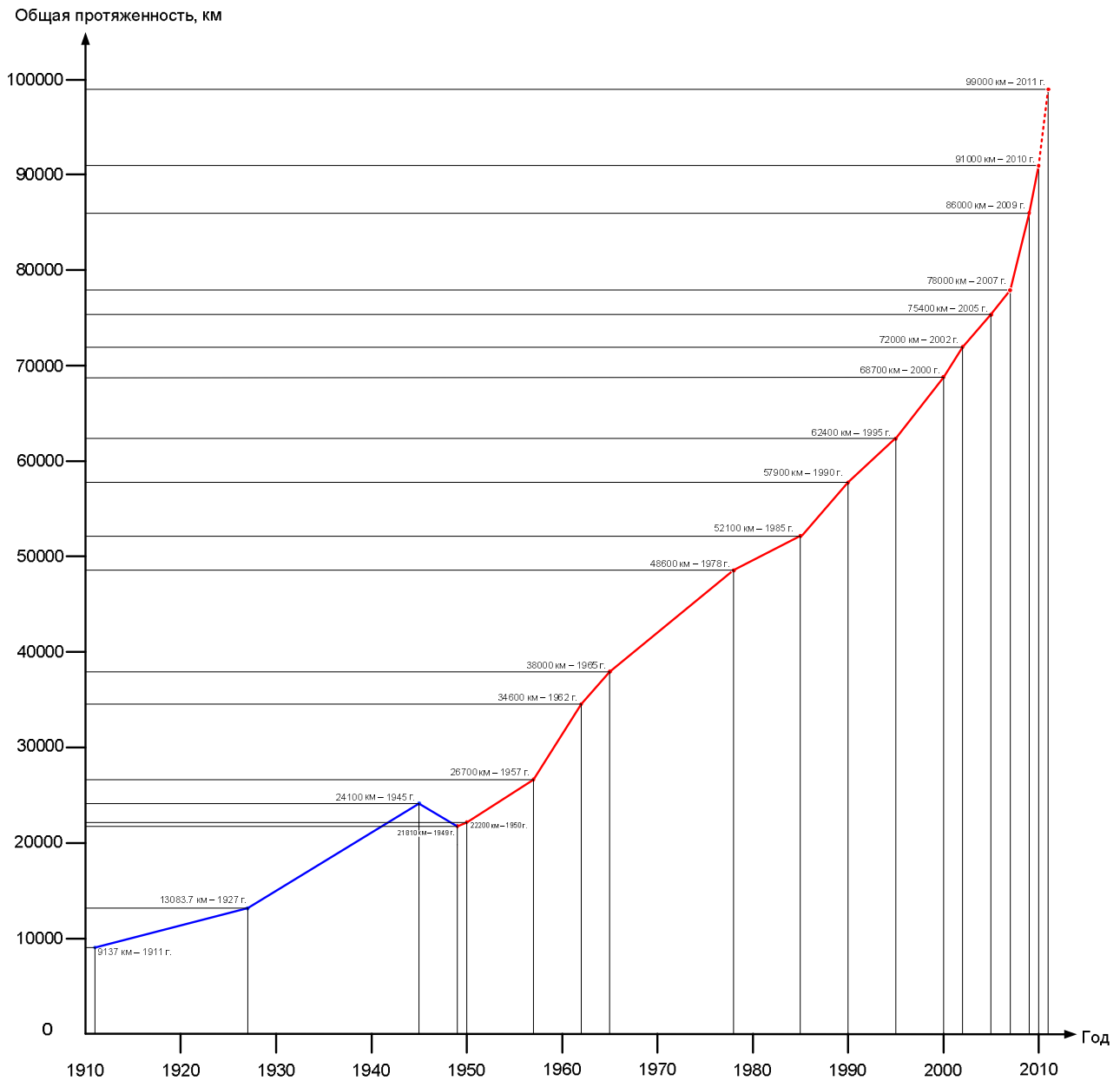
где I – интенсивность железнодорожного строительства в определенный период, км/год; L_c – общая длина железных дорог, построенных в определенный период, км; $t_{кон.}$ и $t_{нач.}$ – годы окончания и начала периода.

После расчета получена поэтапная интенсивность строительства железных дорог с их возникновения на территории Китая до настоящего времени (табл. 2).

Таблица 2

Интенсивность железнодорожного строительства в Китае

Номер этапа	L_c , км	$t_{нач.}$, год	$t_{кон.}$, год	$t_{кон.} - t_{нач.}$, лет	I , км/год
1	9 137,2	1876	1912	36	253,8
2	13 156,4	1912	1949	38	346,2
3	23 662	1949	1978	29	815,9
4	48 538	1978	2010	33	1 470,8

Выноска диаграммы:

- Общая протяженность построенных железных дорог до создания Китайской Народной Республики (1911-1949 г.)
- Общая протяженность построенных железных дорог после создания Китайской Народной Республики (1949-2010 г.)
- - - Общая протяженность построено-планируемых железных дорог после создания Китайской Народной Республики (2010-2011 г.)

Рис 3. Динамика протяженности сети железных дорог Китая (1911–2010 г.)

Данные табл. 2 характеризуют постоянный рост интенсивности железнодорожного строительства в Китае с момента его начала до настоящего времени.

На основе обработки данных различных источников [3–5] была построена диаграмма хода развития железных дорог в Китае, показанная на рис. 3. Эта диаграмма также иллюстрирует нарастающую динамику железнодорожного строительства в стране.

Таким образом, на сегодняшний день китайские железные дороги стали важнейшим инфраструктурным компонентом всей национальной экономики. Развитие страны в большой степени зависит от их успешной эксплуатации, эффективности функционирования и конкурентоспособности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Тяньи. Небывало быстрое развитие строительства железных дорог в Китае. Жэньминь хуабao (人民画报), 27 июля 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chinapictorial.com.cn/ru/se/txt>.
2. Пиотрович, А.А. Теория и практика комплексной реконструкции транспортной сети Дальневосточного региона: монография / А.А. Пиотрович. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2003.
3. 金士宣, 徐文述. 中国铁路发展史(1876-1949). 北京: 中国铁道出版社, 1986 – 530 页.
4. 中国河北铁路网: 铁路营业里程 60 年增长近四倍. – 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.raildoor.com/hb/html/c22/2009-09/829.htm>.
5. 中国新闻网. 统计局:中国铁路营业里程世界第二 高铁排榜首. 北京, 2011.年 3 月 4 日. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.163.com/11/0304/15/6UAGM3LM00014JB6.html>.

КАЧЕСТВО ТРАНСПОРТНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

И.В. Демьянович

Демьянович Ирина Васильевна – кандидат экономических наук, докторант Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Контактный адрес: irina18091@yandex.ru

В статье рассматривается современное состояние железных дорог Дальневосточного региона с учётом его особенностей. Определены показатели качества транспортной обеспеченности региона железнодорожным транспортом. Изложены основные направления взаимодействия ОАО «РЖД» с субъектами Дальневосточного федерального округа, проведена оценка заинтересованности ОАО «РЖД» в экономике региона с использованием математического моделирования.

Ключевые слова: управление качеством, региональная политика, транспортные услуги, качество транспортного обеспечения, железные дороги, Дальний Восток.

Актуальной проблемой для России становится управление качеством и услуг в регионе, решение которой определяется не только количеством и эффективностью проводимых социально-экономических реформ, но и системным и программно-целевым подходом. Одной из системных проблем реализации конкурентных преимуществ РФ на мировом рынке является несоответствие российской транспортной системы сложившимся условиям мирового рынка транспортных услуг [1].

Теоретической и практической основой исследования послужили научные труды отечественных и зарубежных ученых по проблемам управления и повышения качества транспортных услуг, нормативные документы по изучаемой проблеме, информационно-статистические данные, характеризующие развитие транспорта региона.

Дальневосточный регион имеет определенные географические преимущества для расширения внешнеэкономического сотрудничества (ВЭС) со странами АТР. В то же время по оценкам экспертов торговый оборот между Европой и Азией составляет 600 млрд. долларов в год, из которых лишь 1 % обеспечивается транспортной инфраструктурой Российской Федерации. Исходя из этого в условиях развития экономических реформ региональное руководство стремится изменить многие социально-экономические факторы жизнедеятельности региона, которые формируют качество жизни населения.

На функционирование транспортной системы России значительное влияние оказывает исторически сложившаяся неоднородность социально-экономического пространства. Необходимо отметить, что на конкурентоспособность российской экономики влияют: территориальный

фактор из-за больших транспортных расходов; значительные затраты на создание транспортной инфраструктуры; сильные различия в условиях жизни населения центра и различных регионов страны (в настоящее время по величине среднедушевого производства валового регионального продукта и среднедушевым реальным доходам населения субъекты Российской Федерации различаются более, чем в 20 раз) значительно затрудняют проведение единой транспортной политики и создают угрозу нарушения национального единства и целостности страны.

Существует тесная взаимосвязь между развитием транспортной системы и пространственным распределением экономической активности, при этом надежная устойчиво развивающаяся транспортная система является инструментом, который способен внести существенный вклад в исправление экономического и социального неравенства в развитии регионов.

Железнодорожный транспорт в регионе – основной вид магистрального транспорта, обеспечивающий межрайонные перевозки массовых грузов. При общей протяженности железнодорожной сети 8073 км. Дальневосточный федеральный округ имеет самую низкую среди экономических районов России плотность железных дорог [2].

На территории региона расположены только две широтные железнодорожные магистрали – Транссибирская и Байкало-Амурская [3]. Меридиональное направление имеют однопутная Сахалинская железная дорога и однопутные линии между Байкало-Амурской магистралью (БАМ) и Транссибом: Бамовская–Тында (сейчас она продолжена на север до Беркакита и Томмота в Якутии) в Амурской области, Известковая–Чегдомын

и Волочаевка–Комсомольск-на-Амуре в Хабаровском крае. Транссибирская магистраль (протяжённость в регионе – более 2 тыс. км) проходит по территории наиболее заселенной части юга региона через его основные города, связывая их кратчайшим путем с центральными районами страны, давая выход на морское побережье. Для работы Транссиба изначально важной была высокая доля транзитных грузов. С начала 1990-х годов их количество существенно снизилось.

В Дальневосточном округе железные дороги обслуживаются филиалами ОАО «Дальневосточная железная дорога (РЖД)» (6 795,5 км или 84,2 % их протяженности в округе, включая Сахалинскую область), Забайкальской железной дорогой (1 249,6 км или 15,5 %), Восточно-сибирской железной дорогой (279 км или 0,3 %), которые имеют свои особенности.

Эксплуатационная длина железнодорожных путей дальневосточной магистрали составляет почти 6,8 тыс. км, которая связывает пять субъектов Федерации в единую экономическую систему – в зону влияния входят Приморский и Хабаровский края, Амурская область, Еврейская автономная область, Сахалинская область и Республика Саха (Якутия). Дальневосточная дорога занимает одно из ведущих мест в перевозках экспортно-импортных грузов. Наличие в Дальневосточном регионе прямого железнодорожного выхода к крупным морским портам Тихоокеанского побережья, таких как Ванино, Находка, Восточный, Владивосток и Посыет, а также к сухопутным пограничным переходам Гродеково – Суйфэньхэ и Хасан – Туманган, создает благоприятные условия для увеличения объемов международных перевозок.

Дальневосточная железная дорога с 2003 по 2010 гг. работы в составе ОАО «РЖД» полностью обеспечивала потребности экономики региона в перевозках грузов и пассажиров (объемы отправления грузов выросли на 28,5 %, грузооборот – на 38,6 %, пассажирооборот – на 3,8 %). За 10 лет объемы погрузки увеличились в 1,9 раза, грузооборот – в 2,7 раза, пассажирооборот – на 14 %. Также в кризисный период в 2009 г. наблюдался существенный прирост объема перевозок в порты Дальнего Востока по сравнению с 2008 г., например, в июне – 35 %, июле – 53 %, августе – 64 %.

В Дальневосточном регионе в результате реализации стратегических программ развития железнодорожного транспорта в последнее время произошла переориентация грузов на восточный полигон, например, Дальневосточная и Забайкальская железные дороги демонстрируют

беспрецедентный рост, так как погрузка в направлении дальневосточных портов возросла на 28–30 %.

Чрезвычайно важно в связи с этим завершение работ по Кузнецовскому тоннелю, развитию инфраструктуры железнодорожного транспорта и, безусловно, важно сотрудничество с руководителями и аппаратами в регионах.

В 2010 г. в состав ДВЖД вошла Сахалинская железная дорога (СахЖД), которая имеет свою специфику работы: во-первых, грузовая работа очень сильно зависит от приёма грузов с материковой части; во-вторых, осуществляется переустройство инфраструктуры (железнодорожной колеи) на общесетевые стандарты. В результате наблюдается положительная динамика по улучшению таких качественных показателей, как производительность локомотива, участковая и техническая скорость, пробег локомотива, вес поезда, сокращено время движения пассажирских поездов (например, поезд «Сахалин» (Южно-Сахалинск – Ноглики) уменьшил время в пути на час), сократилось время работы локомотивных и поездных бригад. Данные улучшения в работе дороги стали возможны за счёт увеличения скоростей поездов после капитального ремонта пути ряда перегонов, а также искусственных сооружений.

Уровень транспортного обслуживания народного хозяйства, населения зависит от многих факторов: протяженности сети, пропускной и провозной способности, природно-климатических факторов и др. Кроме того, освоение месторождений придает вопросам развития транспортной инфраструктуры Дальневосточного региона первоочередное значение. Оценим обеспеченность региона железнодорожными путями сообщения.

Как показали ранее проведенные исследования, в обеспечении транспортной доступности Дальневосточного региона имеются территориальные диспропорции (табл. 1 приводится по: [6]).

Наибольшая плотность железных дорог наблюдается в Еврейской автономной области, в Приморском крае, Сахалинской и Амурской областях. Низкую плотность железных дорог имеет Хабаровский край и Республика Саха (Якутия). Наиболее загруженными направлениями железных дорог округа являются участки Главной Сибирской магистрали от Сковородино до Уссурийска, где густота движения составляет 65–68 млн. ткм/км, в том числе в грузовом направлении 56–58 млн. ткм/км.

Таблица 1

**Размещение сети железных дорог на территории Дальневосточного федерального округа
(данные на 1 января 2009 г.)**

Субъект РФ	Протяженность железных дорог, км	Процент от общей протяженности железных дорог ДФО	Плотность железных дорог, км / 10 тыс. км ²
Республика Саха	165,1	2,05	0,54
Приморский край	1 557,2	19,29	94,5
Хабаровский край	2 098,8	26,0	33,3
Амурская область	2 934,0	36,64	81,1
Еврейская автономная область	513	6,35	142,1
Сахалинская область	804,9	9,97	92,4
Итого по округу	8073	100	13,1

Как показывают исследования профессора Р.Г. Леонтьева, неравномерность транспортной сети региона объясняется существованием нескольких факторов [4]: во-первых, из-за слабой освоенности территории экономика региона ориентируется в основном на горнодобывающую, лесную и рыбную отрасли; во-вторых, регион удален от основных производящих и потребляющих центров страны, что недавно приводило к образованию массовых, непрерывно растущих грузопотоков; в-третьих, обусловленная географическим положением близость к странам АТР порождает устойчивый спрос этих стран на сырьё, запасы которого сосредоточены на Дальнем Востоке и сопредельных районах Сибири; в-четвертых, для транспортных систем характерны большая капиталоемкость их сооружений и относительно высокая стоимость средств передвижения и др.

В целом Дальневосточный район имеет низкую транспортную обеспеченность, развитие которого требует инвестиций из федерального и региональных бюджетов, частного бизнеса, в том числе и инвестиций самого ОАО «РЖД». Необходимо отметить, что инвестиции в транспортную инфраструктуру имеют длительные сроки окупаемости, и дают более чем трехкратный мультипликативный эффект для валового внутреннего продукта (ВВП).

Основные стратегические документы, определяющие направления развития транспорта на долгосрочную перспективу: «Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года», «Стратегия развития железнодорожного транспорта на период до 2030 года», ФЦП «Развитие транспортной системы России (2010–2015)» и др.

Так, максимальный вариант реализации Стратегии предусматривает инвестиции в развитие магистрального железнодорожного транспорта Дальневосточного региона более 1,5 трилл. руб., 28 % из этих средств будет направлено на развитие существующих объектов железнодорожного транспорта, а 72 % – на строительство новых линий.

В настоящее время эксплуатационная длина железнодорожных линий в Дальневосточном регионе составляет 8073 км. Реализация Стратегии развития железнодорожного транспорта позволит увеличить эксплуатационную длину железнодорожных линий на 6764 км (до 14 837 км), т. е. сеть железных дорог Дальнего Востока будет сопоставима с японской (18,5 тыс. км) и превосходить австралийскую (9,5 тыс. км). В результате густота железнодорожной сети будет выше почти на 85 %, что позволит создать транспортные условия для опережающего роста экономики Дальнего Востока [2].

Ключевым моментом в стратегии развития железнодорожного транспорта является взаимодействие с регионами. Например, в 2008 г. инвестиционные вложения ОАО «РЖД», связанные с реализацией проектов в Хабаровском крае, составляют 8,9 млрд. рублей, что в два раза больше, чем в 2007 г. Между ОАО «РЖД» и Правительством Хабаровского края подписано соглашение о взаимодействии и сотрудничестве на 2009–2011 гг., которое направлено на качественное удовлетворение потребностей в железнодорожных перевозках организаций и населения края, сбалансированности интересов субъекта РФ и ОАО «РЖД» в производственной, финансовой, инвестиционной и других сферах деятельности. Согласно соглашению ОАО «РЖД» берет на себя обязательство в 2009–2011 гг. вложить в железнодорожную инфраструктуру края более 10 млрд. рублей. Правительство края намерено оказывать содействие РЖД по включению проекта стратегического развития БАМа в Федеральную целевую программу «Развитие транспортной системы России 2010–2015 гг.» с учетом перспективного роста грузовых перевозок по Северному широтному ходу при поэтапной реализации «Стратегии развития железнодорожного транспорта в РФ до 2030 г.» за счет средств федерального бюджета (табл. 2).

Таблица 2

Объекты железнодорожного строительства в Дальневосточном регионе

Территория	Объекты строительства
Хабаровский край	Реконструкция участка Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань
	Кузнецовский тоннель
	Вторая очередь мостового перехода через р. Амур у Хабаровска
	Реконструкция станций Хабаровск-2, Вяземская и т. д.
Приморский край	Реконструкция Владивостокского и Кипарисовского тоннелей
	Железная дорога Новочугуевка – бухта Рудная – пристань-бухта Ольга – Находка-Восточная
	Подходы к Транскорейской магистрали – участок Барановский – Хасан
	Скоростное пассажирское движение по маршруту Владивосток – Артем (аэропорт) – Уссурийск
Сахалинская область	Реконструкция колеи СахЖД на общероссийский стандарт
	Участок Шахтерск–Ильинское (добыча угля)
Амурская область	Железнодорожная линия Шимановская – Гарь – Февральск (277 км)
	Железнодорожная ветка Тыгда – Зeya (105 км)
	Железнодорожная ветка от станции Улак в Зейском районе к Эльгинскому месторождению угля Республики Саха (Якутия)
Республика Саха (Якутия)	Беркакит–Томмот–Якутск

Перспектива устойчивого развития железнодорожного транспорта как инфраструктуры социально-экономического развития Дальнего Востока связана с разработкой месторождений полезных ископаемых.

В настоящее время в ОАО «РЖД» действует трехуровневая система взаимодействия с субъектами Российской Федерации: 1) Генеральное соглашение, закрепляющее основные направления сотрудничества ОАО «РЖД» и региона; 2) среднесрочные программы по реализации Генерального соглашения; 3) договоры по видам деятельности (о транспортном обслуживании, о совместных инвестиционных проектах и др.) [5]. Строительство и реконструкция объектов железнодорожной инфраструктуры относится к числу приоритетных направлений сотрудничества ОАО «РЖД» с субъектами РФ.

Главная цель эффективности взаимодействия ОАО «РЖД» с субъектами Российской Федерации состоит в планомерном развитии транспортных услуг в регионах, эффективном развитии инфраструктуры ОАО, создании благоприятной инфраструктуры рынка [7]. Научно обоснованные математические модели позволяют учитывать эффективность взаимодействия ОАО «РЖД» с субъектами РФ. По мнению автора, интегральный показатель объективной заинтересованности Z должен представлять собой следующее выражение:

$$Z(B, T, O, W) = \lambda_1 B + \lambda_2 T + \lambda_3 O + \lambda_4 W,$$

где B – доля отчислений ОАО «РЖД» в бюджете

региона; T – доля транспортной составляющей в цене товара региона; O – доля от объема размещенных на территории региона заказов; W – относительная численность работников ОАО «РЖД» среди всего трудоспособного населения региона; $\lambda_1, \lambda_2, \lambda_3, \lambda_4$ – весовые коэффициенты, отражающие степень влияния соответствующего фактора на объективную заинтересованность.

Чем выше степень участия ОАО «РЖД» в экономике региона, тем ближе показатель заинтересованности к 1,0. Оценочную шкалу можно представить следующим образом: дружественные – 1; скорее дружественные – 0,75; нейтральные – 0,5; скорее недружественные – 0,25; недружественные – 0.

Апробируем данную модель на основе данных статистической отчетности за 2008–2009 гг. по Дальневосточному региону (табл. 3).

Таблица 3

Интегральный показатель объективной заинтересованности взаимодействия ОАО «РЖД» с субъектами Дальневосточного федерального округа

Регион	2008 г.	2009 г.	Динамика (+, –)
Хабаровский край	0,231	0,238	+ 0,007
Приморский край	0,196	0,202	+ 0,006
Амурская область	0,198	0,208	+ 0,01

Так, ДВЖД в 2009 г. перечислила в бюджеты Дальневосточного региона более 6,5 млрд. руб.: на Хабаровский край пришлось 38 %, Приморский край – 26 %, Амурскую область – 30 %, Еврейскую АО – 4 %, Республику Саха – 2 %.

По данным Национальной логистической компании доля издержек на транспортировку составляет в цене товара в среднем от 10 до 30 %, в то время как в Евросоюзе доля транспортных издержек – 8–9 %, с учетом перевозки грузов из Азии. На Дальнем Востоке транспортная составляющая цены всех товаров и услуг составляет 25 %, в то время как в среднем по стране – 12 %.

Относительная численность работников филиала ОАО «РЖД» в зоне обслуживания ДВЖД составляет – 0,15 или 15 %.

Оценивая полученные показатели (табл. 3), можно сделать вывод, что в исследуемых регионах показатель объективной заинтересованности пропадает в зону «скорее недружественные». Это позволяет говорить о том, что повышение качества транспортной обеспеченности оказывает влияние на экономику региона достаточно медленно.

Отметим, что развитие транспортной сети региона зависит от эффективности работы строительного комплекса железнодорожного транспорта. Все, что связано со строительством железных

дорог, связано с безопасностью движения. Кроме того, строительство железных дорог способствует занятости населения, происходит поддержка экономики за счет потребления топлива и строительных материалов, что в свою очередь является толчком для освоения новых месторождений и развития новых производств (табл. 4).

В общем объеме работ, км, 128,1 % приходится на долю строительства новых железных дорог и 71,9 % связано с увеличением пропускных способностей существующих железнодорожных линий. По минимальному варианту стоимость строительства новых железнодорожных линий составляет 812, 5 млрд. руб., по максимальному варианту – 1 220 млрд. руб.

Главным инструментом, определяющим развитие железнодорожной инфраструктуры Дальневосточного региона в среднесрочной и долгосрочной перспективе, является реализация Стратегии развития железнодорожного транспорта до 2030 г. За период с 2006 по 2009 гг. в развитие и усиление Северного широтного хода дороги ОАО «РЖД» вложено 12,9 млрд. руб., что позволило реализовать комплекс инвестиционных проектов, направленных на частичное усиление пропускных и перерабатывающих способностей этого направления.

Таблица 4

Цель строительства железнодорожных линий в Дальневосточном округе

Наименование объекта	Цель строительства
Томмот – Кердем – Якутск (Нижний Бестях)	Обеспечение стабильного завоза грузов и создание опорной транспортной сети
Селихин – Сергеевка	Обеспечение национальной безопасности (создание параллельного хода Транссибирской железнодорожной магистрали), освоение малообжитых территорий и развитие подходов к новым портовым мощностям
Сукпай – Самарга	Освоение малообжитых территорий и развитие подходов к новым портовым мощностям
Тыгда – Зея	Обеспечение устойчивого транспортного сообщения с г. Зея и создание инфраструктурных условий социально-экономического развития района
Селихин – Ныш	Создание бесперебойного железнодорожного сообщения между материковой частью России и островом Сахалин
Лена – Непа – Ленск	Создание опорной сети для освоения нефтегазоконденсатных месторождений и лесных ресурсов
Якутск – Кангалассы	Освоение Кангаласского месторождения угля
Улак – Эльга	Освоение Эльгинского месторождения каменного угля
Хани – Олёкминск	Освоение месторождения железной руды
Правая Лена – Якутск	Обеспечение устойчивого северного завоза и связи с г. Якутском, создание опорной транспортной сети
Биробиджан – Ленинск	Создание нового пограничного перехода с Китаем
Обход Кузнецовского тоннеля	Увеличение пропускных способностей направления Комсомольск – Советская Гавань в связи с ростом грузопотока в порт Ванино
Новочугуевка – бухта Ольга – Рудная пристань	Развитие подходов к новым портовым сооружениям на тихоокеанском побережье и освоение месторождений

Необходимо отметить, что «Стратегия 2030» направлена на устранение к 2016 г. инфраструктурных ограничений экономического роста на Транссибирской магистрали.

Предварительная стоимость реализации проекта «БАМ-2» составляет 448 млрд. руб., в том числе 380 млрд. руб. будет вложено в инфраструктуру. Данные крупные инвестиции необходимы:

– во-первых, в связи с ростом грузопотока на БАМе для обеспечения пропускных и провозных способностей. Например, по направлению Тайшет–Тында–Комсомольск-на-Амуре объем перевозок в грузовом направлении составляет порядка 12 млн. тонн в год, и резерва пропускной способности здесь нет. Это вызвано закрытием отдельных пунктов в период спада перевозок в 90-х гг. XX в., наличием участков, где нарушены межремонтные сроки, имеются дефекты земляного полотна, верхнего строения пути и искусственных сооружений. Стратегия развития железнодорожного транспорта РФ до 2030 г. предполагает увеличение объемов перевозок на БАМе в 2–3 раза за счет роста промышленного производства, строительства железнодорожной линии на Якутск, освоения ряда месторождений и развития Ванино-Советскогаванского транспортного узла;

– во-вторых, для поддержания конкурентоспособности российской транспортной сети, так как основным конкурентом в железнодорожных перевозках для ОАО «РЖД» является Китайская железная дорога, где интенсивно развивается транспортная инфраструктура в целом. Так, правительство Китая планирует за 2011–2015 гг. инвестировать в строительство новых железных дорог 3,5 триллиона юаней, также в ближайшие 5 лет правительство страны ежегодно будет вкладывать порядка 700 миллиардов юаней (105,18 миллиарда долларов) в прокладку новых железнодорожных магистралей и сооружение необходимой для их функционирования инфраструктуры. К 2015 г., согласно прогнозу министерства финансов Китая, общая протяженность железных дорог по стране составит 120 тыс. км, из них 30 тыс. км будут проложены в 2011–2015 гг.

На основании проведенного исследования сформулируем следующие выводы:

1. Надежная устойчивая развивающаяся транспортная система является инструментом

для экономического и социального развития Дальневосточного региона, но для региона характерна самая низкая плотность железных дорог – 1,3 км / 1 тыс. км².

2. Неравномерность транспортной сети объясняется наличием следующих важных факторов: экономика региона ориентирована на такие отрасли, как горнодобывающую, лесную и рыбную; для транспортных систем характерна большая капиталоемкость их сооружения.

3. Ключевым моментом развития железнодорожного транспорта является взаимодействие с регионами. Рассчитанный интегральный показатель объективной заинтересованности взаимодействия ОАО «РЖД» и субъектами ДФО показал низкий уровень заинтересованности от 0,196 (по Амурской области) до 0,238 (в Хабаровском крае).

4. Повышение качества транспортной обеспеченности региона связано с реализацией инвестиционных проектов в рамках осуществления федеральных целевых программ на долгосрочную и среднесрочную перспективу и, в первую очередь, зависит от объема фактического финансирования как из федерального, так и регионального бюджетов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демьянович, И.В. Принципы регионального управления качеством на железнодорожном транспорте / И.В. Демьянович, Р.Г. Леонтьев // Вестник Тихоокеанского университета. – 2009. – № 4. – С.151–158.
2. Лapidус, Б.М. Роль железнодорожного транспорта в развитии Дальневосточного региона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dvforum.ru/doklads/ks4_Lapidus.aspx.
3. Лapidус, Б.М. Регионалистика: учеб. пособие / Б.М. Лapidус, Ф.С. Пехтерев, Е.М. Махлин. – М: УМК МПС России, 2010. – 376 с.
4. Леонтьев, Р.Г. Транспорт, энергетика и природопользование Дальнего Востока: аспект устойчивого развития / Р.Г. Леонтьев, А.А. Стрельник // Транспорт: Наука, техника, управление. – 2000. – № 4. – С. 8–15.
5. Ребец, В.И. Взаимодействие ОАО «РЖД» с субъектами Российской Федерации / В.И. Ребец // Железнодорожный транспорт. – 2010. – № 6. – С. 43.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008: Стат. сб. / Росстат. – М., 2008. – 999 с.
7. Сай, В.М. Моделирование экономической оценки эффективности взаимодействия ОАО «Российские железные дороги» с субъектами Российской Федерации : монография / В.М. Сай, С.В. Шутюк. – М.: ВИНТИ РАН, 2006. – 138 с.

**УПРАВЛЕНЕЦ ГОСУДАРСТВЕННОГО МАСШТАБА:
К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ФЕДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА ГВОЗДЕВСКОГО**

О.П. Еланцева

Еланцева Ольга Павловна – доктор исторических наук, профессор Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Контактный адрес: nbibl@dvgu.ru

Данная статья посвящена Ф.А. Гвоздевскому – одному из талантливых руководителей в области нового железнодорожного строительства в центре нашей страны и Дальнем Востоке. Особенно ярко качества управленца государственного масштаба проявились в дни Великой Отечественной войны, 70-летие начала которой приходится на 2011 г.

Ключевые слова: Дальний Восток, железнодорожное строительство, Великая Отечественная война, тыл, Ф.А. Гвоздевский.

В 2011 г. исполняется 110 лет со дня рождения Ф.А. Гвоздевского, отдавшего много сил для реализации государственной транспортной политики нашей страны, в том числе на Дальнем Востоке. Он возглавлял БАМтранспроект Наркомата путей сообщения и БАМпроект Наркомата внутренних дел, был начальником строительства ряда стратегически важных железнодорожных линий в СССР и Монгольской народной республике, начальником Главного управления железнодорожного строительства МВД СССР.

Федор Алексеевич – выходец из рабочей семьи, начал трудовую биографию с тринадцати лет, поступив в кузнечно-слесарную мастерскую в г. Калаче в качестве молотобойца-кузнеца. С железнодорожным транспортом был связан с 1917 г., учился в Московском институте инженеров транспорта (МИИТе): в 1924–1927 гг. – на рабочем факультете, а в 1927–1932 гг. – на строительном факультете. Вуз окончил с красным дипломом и отличной характеристикой.

Для становления высококлассного специалиста – транспортного строителя Ф.А. Гвоздевского, выросшего до руководителя государственного масштаба, важнейшую роль сыграло совмещение им учебы в МИИТе с активной практической деятельностью. В автобиографии от 6 августа 1940 г. Федор Алексеевич отмечал: «...В мае 1930 г. поступил в качестве младшего техника, а потом техника в отдел технических изысканий железнодорожных линий при управлении строительства Саратов – Миллерово. В 1930–1931 учебном году по приказу НКПС с 4-го курса МИИТа направлен в должности инженера для ликвидации прорыва по сооружению новых железных дорог оборонного значения (Росмосдор, Запжелдорстрой). В марте 1931 г.

назначен начальником первой дистанции первого строительного участка железнодорожной линии Рославль – Унеча ЗЖДС и начальником изыскательской партии там же. В сентябре 1931 г. назначен начальником изыскательской партии Северо-Кавказской экспедиции ЦУСТРОЯ НКПС. По окончании МИИТа в начале 1932 г. был командирован в качестве заместителя начальника полевой группы по изысканию и проектированию Транскавказской перевальной электрической железной дороги» [7].

Как видим, трудовая деятельность Федора Алексеевича, совмещаемая с учебой, год от года становилась разнообразнее и ответственнее: она проходила в разных коллективах, на различных участках, в разном качестве – десятника, техника, инженера. Неизменно соблюдалось главное требование – подчинение будущей специальности: изыскания, проектирование и строительство железных дорог. Ф.А. Гвоздевский настойчиво совершенствовал знания и приобретал опыт в области избранной профессии, успешно проходил нелегкую практическую школу начинающего руководителя-производственника, оттачивал организаторские навыки и умения. У него отсутствовали нерешительность и страх при реализации сложнейших производственных заданий; вместе с тем всегда была исключительная целеустремленность. Приведем следующий пример. В упомянутой выше биографии Ф.А. Гвоздевский лаконично фиксирует, что в 1935–1938 гг. являлся начальником изысканий в системе Союзтранспроекта НКПС при Киевской конторе по изысканиям и проектированию железнодорожных линий шести титулов, в том числе по узлу ст. Кондрашевская с подходами. Из сохранившихся документов узнаём об обвинении Федора

Алексеевича в дезорганизации строительства указанной деповской станции [2]. Гвоздевский считал, что место для станции изыскано неверно и упорно настаивал на поиске нового варианта ее расположения. Его действия были восприняты как дезорганизация производства и послужили основанием для увольнения. В течение года Ф.А. Гвоздевский с невероятной целеустремленностью добивался комиссии наркомата путей сообщения. Был обвинен в краже секретных документов; ареста удалось избежать случайно. Борьба инженера-одиночки с НКПС закончилась отменой решения комиссии наркомата, назначением другой комиссии, с участием НКВД, и консервацией строительства.

После такого необычного начала самостоятельной трудовой деятельности Федор Алексеевич стал быстро подниматься по служебным ступенькам: был инженером, начальником изыскательской партии и руководителем целой экспедиции, а с 1938 г. в возрасте 37 лет возглавил БАМпроект, организацию, которая, опираясь на базу, созданную предшественниками, серьезную государственную поддержку и личный вклад Ф.А. Гвоздевского, стала на рубеже 1930–1940-х годов самой сильной и самой мощной проектно-изыскательской организацией в масштабах всего СССР. В географически разбросанном районе изысканий БАМпроект имел свыше 100 таежных, перевалочных, прирельсовых и других баз; в его двадцати экспедициях трудились 1 865 инженеров и техников, 625 человек административно-хозяйственного персонала и 5 750 рабочих. Можно представить, сколько непростых организационных, кадровых, технических и технологических вопросов приходилось решать Ф.А. Гвоздевскому.

Впечатляют результаты производственной деятельности БАМпроекта: с 1937 г. по 1942 г. выполнено почти 53 200 км рекогносцировочных, 10 890 км предварительных и 3 615 км окончательных изысканий. Аэросъемка охватила 261 000 км², наземная топографическая – 2 850 км², инженерно-геологическая съемка – 84 750 км; бурением и шурфованием прошли 206 600 м. Под началом Ф.А. Гвоздевского по материалам изысканий и проектирования был разработан и в 1945 г. издан типографским способом сводный проект Байкало-Амурской магистрали от Тайшета до Советской Гавани. Общее протяжение главного пути составило 4 341 км, из которого 43 % пролегал по мерзлым грунтам, 21 % – по марям и болотам. Серьезное препятствие представляли реки Ангара, Лена, Киренга, Верхняя

Ангара, Витим, Алекма, Зея, Нора, Буряя, Селемджа, Амгунь, Тумнин, Амур и т. д. Специалисты запроектировали 1 761 малый мост (25 064 м), 238 средних мостов (11 013 м), 133 больших моста (27 544 м), тоннели, виадуки, подпорные стенки и др.

Талант и ответственность Ф.А. Гвоздевского как руководителя государственного масштаба ярко проявились в годы Великой Отечественной войны. На протяжении всех военных лет он являлся заместителем начальника ГУЛЖДС НКВД СССР и начальником конторы по изысканиям и проектированию БАМ (БАМпроекта). В июле 1941 г. по решению Государственного комитета обороны (ГКО) к его должностным обязанностям добавилась должность начальника 13-го строительного управления НКВД СССР по возведению оборонительных рубежей на Северо-Западном, Западном и Калининском фронтах на участках Валдай – Осташков (280 км), Чагода – Кобожя (49 км); с февраля 1942 г. по май 1943 г. Ф.А. Гвоздевский руководил управлением южных и северных ИТЛ и последовательно возглавлял строительство железнодорожных линий Саратов – Сталинград, Саратов – Вольск, Панышино – Калач Донской (район Сталинграда) и отвечал за восстановление железнодорожной линии Котлубань – Сталинград с выходом на паромную переправу [8].

Обстановка была чрезвычайно напряженной. Так, 17 марта 1942 г. ГКО утвердил проект строительства рокадной дороги Сталинград – Саратов. Основные работы предполагалось выполнить летом. Только для сооружения участка от Иловли до Петрова Вала требовалось переместить свыше двух миллионов кубометров грунта, построить десятки мостов и водопропускных труб, уложить свыше 150 км главных и станционных путей. Летом 1942 г., когда обстановка на фронтах осложнилась (враг рвался к Волге), ГКО установил более жесткий срок открытия движения Саратов – Сталинград – 1 октября, а 6 июля поступило предписание сократить время строительства участка Иловля – Петров Вал еще на месяц. Через две недели бои шли уже на территории области. Был дан новый приказ: обеспечить ввод участка 10 августа.

Инженер А.Д. Жигин вспоминал, что Ф.А. Гвоздевский на ходу вносил коррективы в профиль трассы, отдавая приказы «закрыть», «пересыпать». Эти требования означали: если невозможно за сутки закончить строительство моста или трубы на суходоле, то нужно прекратить их постройку, взамен немедленно отсыпать

земляную насыпь и форсировать укладку рельсового пути [3]. Он оперативно принимал решения, под свою ответственность изменял технические нормы. Все силы, интеллект организационного и технического руководства Ф.А. Гвоздевского были подчинены главной цели: быстрейшему обеспечению пропуска по возводимой железной дороге армейских тылов и эвакуации эшелонов с людьми и имуществом, подвижного состава, скопившегося у Сталинграда. Задание выполнили досрочно. 7 августа 1942 г. по рельсовым путям Петров Вал – Иловля пошли грузы для защитников Сталинграда, а с полей сражений по ним эвакуировали скопившиеся в междуречье Дона и Волги эшелоны. За полтора месяца было выведено более 300 паровозов и 17 тыс. вагонов, подавляющая их часть шла загруженной различными ценностями [1].

В мае 1943 г. Государственный комитет обороны принял решение о скоростном сооружении второго железнодорожного выхода к Тихоокеанскому побережью СССР – линии от Комсомольска до Советской Гавани со сроком открытия движения поездов 1 августа 1945 г. В соответствии с приказом НКВД СССР за № 00894 от 26 мая 1943 г. его начальником назначен Ф.А. Гвоздевский, при непосредственном участии которого в течение короткого времени подготовлены основополагающие документы: постановления ГКО от 21 мая 1943 г. «О строительстве железнодорожной линии Комсомольск – Советская Гавань» и от 2 августа 1943 г. «О мероприятиях по обеспечению строительства железнодорожной линии Комсомольск – Советская Гавань», «Технические условия на проектирование и строительство первой очереди железнодорожной линии Комсомольск – Советская Гавань (Строительство № 500 НКВД СССР)», «Директивный график организации строительных работ железнодорожной линии Комсомольск – Советская Гавань» и пояснительная записка к нему, письма в адрес партийных руководителей Хабаровского и Приморского краев [6] и многие другие.

Начинающееся строительство отличалось чрезвычайной сложностью. Дорогу необходимо было проложить в кратчайшие сроки в безлюдных, неосвоенных районах, не имеющих путей сообщения, преодолев пять горных перевалов через Сихотэ-Алинь, в условиях острейшего дефицита строительных материалов, материально-технического снабжения, человеческих ресурсов. Территориальные рамки изыскательских и строительных работ включали около 500 км, а вместе с вспомогательными – гораздо больше.

Управленец Федор Алексеевич Гвоздевский вместе с командой единомышленников удачно определил очередность задач. В их числе следует назвать создание инфраструктуры строительных и иных подразделений, способных сохранить работоспособность людей в тяжелых климатических и производственных условиях; глубокий завоз грузов на самые отдаленные участки трассы; налаживание неразрывной взаимосвязи изыскатель – проектировщик – строитель; создание атмосферы государственного подхода всех и каждого к реализации задачи ГКО и т. д.

Документы раскрывают высокий динамизм поиска начальником «пятисотки» наиболее оптимальных решений, при неукоснительном соблюдении конечного срока строительства, определенного ГКО, – 1 августа 1945 г. К примеру, по плану 1943 г. строительство должны были вести два треста-лагеря: Восточный (от Совгавани к Комсомольску) и Нижне-Амурский (от Комсомольска к Совгавани). Учитывая острую производственную необходимость, Ф.А. Гвоздевский настоял на создании в мае 1944 г. Перевального треста-лагеря в границах центрального участка трассы [13]. Данная производственная единица функционировала всего 16 месяцев, полностью выполнив возложенные на нее задачи. Тщательно продуманная организационная структура строительства от основного управленческого аппарата «пятисотки» до колонны и бригады отличалась подвижностью, изменчивостью в угоду производственным делам. По разным причинам претерпевал изменения Директивный график строительных работ. Менялись производственные объекты. Известно категорическое требование постановления Государственного комитета обороны не строить тоннель через Сихотэ-Алинь. Однако тщательная проработка десятков разных вариантов убедила Федора Алексеевича в целесообразности строительства 400-метрового тоннеля, что и было сделано по согласованию с ГУЛЖДС НКВД.

Как опытный руководитель, Ф.А. Гвоздевский выходил к управленцам главного аппарата «пятисотки» с яркими и мобилизующими разъяснениями значения и особенностей строительства рельсового пути, а 15 августа 1943 г. подписал обращение к изыскателям и проектировщикам, текст которого, отпечатанный в типографии и сведенный в десятистраничную книжцу карманного формата с пометой «Для служебного пользования», дошел до самых отдаленных адресатов и всегда находился при них. Федор Алексеевич писал: «...Инженеры и проектиров-

щики, вы сейчас стоите на ответственнейшем посту обороны нашей Родины. Каждый сэкономленный вами куб земли, тонна металла, цемента, каждые сутки напряженной работы – все это удары по врагу, все это ускоряет разгром немецкого фашизма и приближает освобождение Родины от наглых разбойников» [4: с. 2]. Далее следовал краткий обзор важнейших производственных установок. Таким образом, люди получили деловой документ для руководства работами и проявления своей инициативы.

Большую часть рабочего времени Ф.А. Гвоздевский проводил на стройке. Те, кто вместе с ним возводил дорогу Комсомольск – Совгавань, отмечали: «...Гвоздевский был всегда впереди, а все остальные шли за ним ... Он много сделал для нашей страны... (сотрудница управления «пятисотки» Е.З. Вайниток)»; «...Интересная, колоритная личность. Редкое сочетание толкового инженера, прекрасного руководителя и талантливое организатора...» (инженер Л.В. Зубарев); «...Его дальновидность, целеустремленность и решительность, умение брать на себя ответственность со свойственной ему огромной энергией были направлены на быстрейший пропуск движения поездов ... Гвоздевский осуществлял всеобъемлющее организационное и техническое руководство...» (инженер А.И. Картус). Инженер А.Е. Иоффе подчеркивал, что Федор Алексеевич «...себя не жалел: всегда был собранным, готовым, если надо для дела, ехать куда-то на ночь глядя, не спать сутками, шагать пешком по только что отсыпанному полотну, чтобы все видеть собственными глазами и обо всем знать не из отчетов и рапортчек» [12: с. 117].

В течение 1943–1945 гг. он несколько раз провел фронтальные проверки всей трассы. На некоторых участках строительства от Комсомольска до Тихоокеанского побережья бывал трижды-четырежды. Часто выезжал вместе с ответственными партийными и советскими работниками, представителями из ГУЛЖДС НКВД, Дальневосточной железной дороги, военными специалистами. Такая форма работы с руководителями разных ведомств и структур позволяла улучшать возводимую дорогу. В результате таких поездок появились предложения главного инженера ГУЛЖДС НКВД о всемерном сокращении на трассе кривых радиуса 200–250 м; требование ДВЖД об открытии дополнительных остановочных пунктов и пожелание НКПС и ДВЖД об изменении тяговых плеч и в связи с этим – более широком развитии деповских станций Мули и Тумнин; предложение ГУЛЖДС НКВД и ДВЖД об увеличении нормы жилой

площади, коэффициента семейности и обеспеченности штатов жильем [5] и многие другие.

Как-то Ф.А. Гвоздевский проехал по всей трассе строительства вместе с В.И. Прядко, первым начальником дороги Комсомольск – Советская Гавань. Они обнаружили отсутствие некоторых контрольных пунктов, пескосушилок, депо, электростанций, столь необходимых для нормального функционирования дороги. Через несколько дней, выступая на производственном совещании, Федор Алексеевич убеждал подчиненных: «Управление эксплуатации дороги является нашим контролером, и мы ему должны всемерно помочь в его делах. Эксплуатация новостройки – дело очень тяжелое и сложное», а это значит, что надо «...управлению дороги оказывать всякое содействие и дорогу всемерно достраивать» [11].

Форсированная укладка пути имела не только положительные, но и отрицательные стороны. Не скрывая их, Федор Алексеевич учил подходить к возникающим трудностям по-государственному. Одно из его выступлений сохранила стенограмма партактива «пятисотки» (май 1945 г.). Он, в частности, признавал: «...По перегонам Людю – Акур и Акур – Тумнин ездить сейчас совершенно нельзя. Можно ездить, но на руках таскать вагоны или [тянуть их] мотовозами. На этих перегонах были выполнены минимальные путеукладочные работы. Когда наступила весна, она предъявила свои права, все откосы стали обрушиваться, и этим вызвана пробка. На этом участке следует исполнить земработы порядка 160 тыс. кубометров, и тогда перегоны Людю – Акур – Тумнин будут в порядке и поезда будут ходить беспрепятственно ... К этому делу должен быть трезвый государственный подход, основанный на том, что раз столкнулся с таким фактом, что зима нас немного подвела, и весна нам сказала, что мы ездить не можем, то мы должны принять меры к тому, чтобы поезда ходили...» [10].

Рабочий день Федора Алексеевича на трассе начинался рано утром и продолжался до позднего вечера. Окружавшие его люди, в том числе инженер А.Е. Иоффе, единодушно отмечали крутой нрав Федора Алексеевича, его жесткую требовательность к себе и подчиненным. «Строг был Гвоздевский с подчиненными, строг и требователен нещадно. Особенно это касалось ближайшего его окружения и среднего руководящего звена. Появившись на трассе, ... он щедро отваливал выговоры, понижал в должностях, грозился перевести на общие работы, а то и отдать под суд. Не терпел беспорядка, расхлябанности, неопределенности» [12: с. 117.]. О весьма характерном случае рассказывал инженер Л.В. Зуба-

рев: «...Когда одна из выемок была добрана до проекта, откосы почти обезврежены, начальство наметило день укладки рельс. За двое суток до торжественного дня прошел сильный ночной дождь, вызвавший обвал 20000 кубометров грунта. Вся работа насмарку, но приезжает Ф.А. Гвоздецкий: "Знать ничего не знаю, сегодня мне обещали проезд по дну выемки". Пришлось срочно разравнивать глыбы и пронести на руках джип с генералом (потом он все-таки вылез). Обязательство выполнено» [1].

Обращают на себя внимание и другие черты характера Федора Алексеевича, отмеченные его современниками – уважение и доверие к людям, забота о них. Этого же он требовал от своих коллег. Известно, что население «пятисотки» составляло свыше 90 тыс. человек – вольнаемные, заключенные, директивники, трудпереселенцы, мобилизованные немцы, служащие автобатарьонов. До сведения сослуживцев Федор Алексеевич доводил позицию НКВД СССР относительно людей. «При моем отъезде сюда (на «пятисотку») Народный комиссар товарищ Берия так мне сказал: «Если хочешь, чтобы все было в порядке, не забывай о людях ни на минуту, чтобы они были накормлены, напоены, жили в тепле и тогда справитесь с поставленными задачами» [9]. О важности сохранения хорошего физического состояния людей говорил «опыт строек Саратов – Сталинград, когда, – напоминал Ф.А. Гвоздецкий, – большие производственные успехи были совершенно сметены и запачканы тем, что лагерь был доведен до развала в тот момент, когда строительство пришло к финалу, когда шло последнее мускульное напряжение, чтобы производственное задание выполнить в срок». Учитывая колоссальные объемы проделанной работы по обустройству людей на строительстве дороги Комсомольск – Совгавань, Ф.А. Гвоздецкий недоумевал: «...Как можно мириться с такими непорядками, когда мы живем в водном районе, воды хоть отбавляй, а на колонне нет воды; живем в лесном районе, а на колонне нет дров. Приходишь на колонну. Выходит начальник колонны и все время только и отвечает: "Слушаюсь, товарищ генерал". Когда уйдешь, то он об этом забыл и продолжает свои плохие дела». Ф.А. Гвоздецкий разъяснял участникам партактива: «...Какая бы статья у заключенного ни была, какой бы он ни был преступник, но раз он попал в лагерь, потрудитесь ухаживать за ним так, чтобы он был здоров и работал, чтобы он давал пользу государству...» [9].

При содействии Ф.А. Гвоздецкого на строительстве была введена практика: передовикам день работы засчитывался за три. В 1945 г. невероятно трудное и сложное задание Государственного комитета обороны было выполнено. Поезда по линии Комсомольск – Советская Гавань пошли на 10 дней раньше намеченного срока. Тысячи строителей «пятисотки» получили освобождение.

Итак, управленец государственного масштаба Федор Алексеевич Гвоздецкий прошел основательную теоретическую и практическую школу профессионального становления. Он накопил широкие познания в области железнодорожных изысканий, проектирования и строительства; обладал нешаблонным, творческим подходом к реализации поставленных задач; не подменяя подчиненных, внимательно вникал в производственные, кадровые, организационные, снабженческие вопросы порученного ему строительства.

Слова и действия Ф.А. Гвоздецкого опирались на его неоспоримые достоинства: ум, талант, волю, высокую работоспособность, инициативу, организаторскую хватку, бесстрашие брать на себя ответственность за разработанные и принятые решения.

Его отличало не просто руководство реализацией того или иного ответственного и сложного государственного задания, а обязательно успешное руководство, когда за лидером шел инженерно-технический и управленческий состав и шли рядовые, десятки тысяч людей, шли к Победе.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Архив Приморского государственного объединенного краеведческого музея им. В.К. Арсеньева (АПГОКМ). – Ф. 28. – Оп. 1. – Д.18. – Л. 23.
2. АПГОКМ. – Ф. 28. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 33.
3. АПГОКМ. – Ф. 28. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 44.
4. *Гвоздецкий, Ф.А.* Изыскателям и проектировщикам строительства № 500 / Ф.А. Гвоздецкий. – Комсомольск-на-Амуре, 1943. – 10 с.
5. Государственный архив Приморского края (ГАПК). – Ф. П-68. – Оп. 4. – Д. 62. – Л. 22-об.
6. ГАПК. – Ф. П-68. – Оп.4. – Д. 377-а. – Л. 1–20, 32–35.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 7523. – Оп. 7. – Д. 275. – Л. 196, 197.
8. ГАРФ. – Ф.7523. – Оп. 7. – Д. 275. – Л. 203.
9. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). – Ф. П-1165. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 92, 93.
10. ГАХК. – Ф. П-1165. – Оп.1. – Д.107. – Л. 96.
11. ГАХК. – Ф. П-1165. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 97.
12. *Иоффе, С.А.* Северные поезда: семейная хроника, дневник, стихи из дневника / С.А. Иоффе. – Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1986. – 432 с.
13. Отдел специальных фондов информационного центра УВД Хабаровского края. – Ф. 27. – Оп. 1. – Д. 91. – Л. 1.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВ ВОСТОКОВЕДОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

С.А. Баубекова

Баубекова Светлана Альбертовна – главный библиотекарь Института научной информации – фундаментальной библиотеки Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Контактный адрес: light_bau@mail.ru, svetbau@yandex.ru

В статье рассматривается специфику организации и деятельности отделов и отделений Императорского общества востоковедения (ИОВ) и Общества русских ориенталистов (ОРО). Особенный интерес представляет роль их библиотек в развитии науки, образования и книжной культуры Дальнего Востока России.

Ключевые слова: научные общества, вопросы востоковедения, деятельность научных обществ, Императорское общество востоковедения, Общество русских ориенталистов.

Процесс освоения дальневосточных рубежей и изучение восточных языков, экономики, политики и культуры стран Востока связаны с активизацией деятельности Императорской академии наук, способствовавшей организации различных научных учреждений. Общества востоковедов на Дальнем Востоке России появляются в начале XX века. Знакомство с научными исследованиями историков – О.А. Масло, М.А. Павловской, Н.В. Хисамутдиновой и других, которые рассматривали отдельные страницы становления и деятельности этих обществ, убеждает в актуальности изучения особенностей развития отечественной и зарубежной ориенталистики.

В истории развития Дальнего Востока большое значение имеет деятельность Императорского общества востоковедения, организованного в Санкт-Петербурге и находившегося под покровительством Великого князя Михаила Николаевича. Устав этого учреждения был утвержден министром финансов 29 февраля 1900 г., а затем, в связи с динамикой деятельности ИОВ, был изменен 12 февраля 1911 г. и дополнен 15 января 1916 г. [18: с. 3].

Главной отличительной особенностью Императорского общества востоковедения являлась широкая сфера влияния его отделений на развитие востоковедного направления в науке, образовании и культуре Дальнего Востока. В 1903 г. в нем работало около десяти отделений, в том числе: Благовещенское, Владивостокское, Порт-Артурское. Этим отделениям приходилось сталкиваться с очень существенными проблемами, вызванными различными обстоятельствами. Так, Русско-японская война 1904–1905 гг. помешала открытию русско-китайской школы в Благовещенске. Она же привела к закрытию Владивостокского, Порт-Артурского и других отделений.

Те же военные вопросы активизировали деятельность Харбинского отделения ИОВ, которое создавалось в процессе преодоления специфических трудностей и противоречий. Его развитию способствовали предложения и работа штаба Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи [14: с. 62]. Первые собрания членов-учредителей этого общества состоялись в 1906 г., но их инициатива не получила поддержки среди общественности, потому что учредители ставили перед собой узкую задачу – изучение одной лишь Монголии. Не сработал и проект открытия в Харбине Восточного клуба с целью исследования политической, культурной, социальной, экономической жизни стран Дальнего Востока и популяризации русского языка среди народов Китая, Кореи и Японии.

В течение двух лет шел процесс осознания поставленных перед обществом задач и перспектив функционирования. И только в июле 1908 г. при участии председателя Общества востоковедения, генерал-лейтенанта А.К. Шведова, генерала М.Н. Чичагова и других видных деятелей местной общественности было учреждено Харбинское отделение ИОВ. Созданию в Харбине научного общества способствовало понимание необходимости постоянного общения, взаимопомощи и поддержки друг друга в среде ориенталистов с целью служения государственным интересам России на Дальнем Востоке. Его почетным председателем был избран генерал-майор Д.М. Хорват, председателем – начальник штаба Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи, полковник Н. Г. Володченко. Успешная деятельность общества напрямую связывалась с научными и культурно-просветительскими интересами его членов, с их уровнем знания традиций, обычаев, культуры наро-

дов Востока и владения восточными языками. Харбинское отделение определило основные направления научно-исследовательского изучения китайской и японской колонизации, добычи полезных ископаемых, исправление ошибок в трудах о Дальнем Востоке, повышения уровня народного образования в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, сбор рукописных карт и изучение Монголии на основании архивных документов (в частности, исследователей интересовавший вопрос о задолженностях монгольских князей) и др. [16: с. 117–118].

Недоразумением, по оценке современников, было открытие в Харбине другого общества востоковедного направления – Общества русских ориенталистов. Необходимо отметить, что инициаторами его учреждения и активными общественными деятелями были выпускники Восточного института. В 1908 г. на первом собрании пекинских и тянь-цзинских восточников, окончивших восточный факультет Санкт-Петербургского университета и Восточный институт во Владивостоке [7: с. 272], А.Н. Петров высказал идею формирования и развития организации, способной объединить русских ориенталистов. В Петербурге данное заявление вызвало некоторое недоумение. В ответ на заявление учредителей ОРО, пожелавших иметь его центр в Петербурге, поступило предложение от организаторов Императорского общества востоковедения о слиянии востоковедов и ориенталистов в одно общество. В отказе на это предложение было высказано сомнение в активности деятелей ИОВ, а в позиции членов Общества русских ориенталистов выражалась тенденция развития местных отделов и отделений ОРО. В Пекине между востоковедами также возникли разногласия. Таким образом, появились первые предпосылки разобщения ориенталистов на почве практического и теоретического изучения Китая, Кореи, Японии, а это, в свою очередь, способствовало выработке различных концепций решения экономических и политических проблем Дальнего Востока.

По нашему убеждению, существование двух одинаковых обществ, уставы которых практически ничем не отличались друг от друга, могло стать основанием для конфронтации. Разработка одних и тех же вопросов Харбинского отделения императорского общества востоковедения и общества русских ориенталистов приводила, с одной стороны, к распылению кадрового, организационного и интеллектуального потенциала востоковедов, а с другой – формировала конкуренцию. Так случилось при организации музей-

ного направления работы. Кроме того, существование в Харбине нескольких библиотек, богатых материалами по Дальнему Востоку, повлияло на решение членов Совета Харбинского отделения ИОВ, отказавшихся от составления в Харбине своей библиотеки. Интерес к организации музея и библиотеки Обществом русских ориенталистов некоторым образом успокаивал востоковедов ИОВ и давал возможность приложить знания в иных сферах деятельности. В том же 1908 г. в Санкт-Петербурге состоялся Совет общества востоковедения, на котором отметили интересные доклады по проблемам российско-китайских таможенных отношений, представленные из Харбинского отделения П.С. Тищенко, Н.П. Штейнфельдом. В процессе обсуждения их докладов были высказаны рекомендации «...продолжить исследование вопроса о Сунгарийских таможенных и вообще всего, что касается деятельности русских в Северной Маньчжурии» [13: с. 16]. В дальнейшем разработке этого направления способствовали и иные обстоятельства. В связи с проведением Китайской Восточной железной дороги сформировались новые условия экономического развития Дальнего Востока, которые необходимо было учесть при подписании нового торгово-экономического договора между Россией и Китаем. Так как срок действия предыдущего заканчивался в 1911 г., существенные предложения востоковедов Харбинского Отделения ИОВ к проекту нового договора были внесены своевременно [13: с. 35–37].

Среди основных форм деятельности Императорского общества востоковедения следует отметить, во-первых, организацию особых отделов и комиссий, специализирующихся в конкретном направлении научного изучения экономики, политики и культуры стран Востока, а во-вторых, подготовку и чтение рефератов и докладов на Международных конгрессах и Всероссийских съездах, общих собраниях общества и его филиалов.

Высокий уровень Императорского общества востоковедения создавался его людьми – почетными, действительными членами и сотрудниками. На Дальнем Востоке особенно хорошо был известен Алексей Матвеевич Позднеев – директор Восточного института во Владивостоке (1899–1903), доктор монгольской и калмыцкой словесности, Тайный советник, Член Совета Министров Народного Просвещения, почетный член Практической Восточной Академии в Петрограде, Королевского Нидерландского Географического Общества в Амстердаме, Приамур-

ского комитета православного миссионерского общества во Владивостоке и Восточно-Сибирского комитета православного миссионерского общества в Иркутске [1]. Учитывая многонациональность и различия вероисповеданий народов России, А.М. Позднеев в ряде докладов предлагал пути организации народного самоуправления каждой отдельной местности, с целью укрепления государства «мирным, дружественным и благомыслящим строем» [2: л. 2]. Особое политическое значение дальневосточной школы в России и Маньчжурии он видел в систематическом развитии образовательных программ изучения русского языка, русской культуры, истории, географии, а также организации среднего технического образования. По его мнению, учебно-методическая база народного образования являлась самой неразработанной, что было причиной безграмотности [3: л. 22-об.]. С целью активизации культурного воздействия российского государства на десятиллионное китайское население Маньчжурии и решения проблем качественного и количественного обеспечения образовательного процесса учебниками, при Попечителе учебного округа Дальнего Востока, была создана особая переводческая и издательская Комиссия.

Совет общества востоковедения высоко ценил труды и учебные пособия, составленные преподавателями Практической восточной академии в Санкт-Петербурге и Восточного института во Владивостоке. Особой популярностью пользовались учебники, словари, хрестоматии, методики преподавания восточных языков профессоров-братьев – А.М. Позднеева «Калмыцкая хрестоматия для чтения в старших классах калмыцких народных школ», «Калмыцко-русский словарь»; Д.М. Позднеева «Японская историческая хрестоматия», «Программа изучения японского языка» [15: с. 13–17]; научные «Труды Японского Отдела», «Известия Общества востоковедения» и др. Убедившись в востребованности трудов А.М. Позднеева, издательство Императорского общества востоковедения переиздавало и рассылало по заявкам с мест необходимые хрестоматии для чтений в старших классах калмыцких народных школ, учебную литературу на калмыцком языке («Калмыцкий букварь», «Рассказы из русской истории»); на монгольском языке («Начальное обучение о вселенной», «Начальные уроки Естествознания», «Краткие рассказы о русском государстве, его жителях и их промыслах») [13: с. 16–17] и др.

Итак, профессор А.М. Позднеев заботился не только о грамотности учеников, не менее

важным средством подъема национальных школ и общего уровня образования россиян он считал повышение интеллектуального, профессионального и научного уровня учителей [4]. Вот почему он ратовал за открытие Учительского института во Владивостоке. Действовавший в начале XX в. Хабаровский учительский институт не смог обеспечить школы юга Дальнего Востока необходимым количеством учителей. Эта проблема решилась положительно только в 1921 г. с учреждением Педагогического института им. Ушинского во Владивостоке.

Другой существенной формой работы Императорского общества востоковедения являлась издательская деятельность его отделений, которая всесторонне освещала плодотворность научных исследований их деятелей. В случае, если же отдел или отделение общества не имели возможности опубликовать свои труды, их представляли в центральных изданиях в виде обзоров и отчетов. Например, сохранившиеся обзоры дают представление о функционировании действительных членов и сотрудников Благовещенского отделения Императорского общества востоковедения, основанного 14 марта 1903 г. Они выступали с докладами на общественных собраниях, чем вносили вклад в решение таких важных проблем Амурской области, как торговля, промышленность, сельское хозяйство, врачебно-санитарная часть, народное образование.

С точки зрения разнообразия форм работы интересен опыт Порт-Артурского отделения Императорского общества востоковедения. Его торгово-промышленный отдел учреждал русские торгово-промышленные фирмы, выставки, музеи азиатских и российских товаров. Цель была одна: развитие экономики и международных отношений России с сопредельными странами Востока, особенно на территории Маньчжурии, Монголии, Китая. Научно-культурный отдел Порт-Артурского отделения ИОВ открывал коммерческие школы в восточных странах, способствовал развитию преподавания русского языка, переводу учебников по разным отраслям знания с иностранных языков на восточные языки, осуществлял подготовку специалистов в России для стран Востока [17: с. 8].

В процессе развития русско-японских отношений Общество русских ориенталистов пыталось наладить контакт с Русско-Японской ассоциацией в Токио. На обращение к ее почетному председателю, вместо просимых сведений об Ассоциации (устав и пр.) получило официальный документ, смысл которого сводился к вопросу:

«А вы кто такие будете?» [6: с. 256]. В результате дальнейшей переписки, И. А. Добролювский прочел доклад на заседании Совета ОРО, которое состоялось 29 января 1910 г. и познакомил присутствовавших с проектом реорганизации Русско-Японской ассоциацией в Токио, проектом учреждения Русско-Японского общества в Петербурге, и попытками членов местной русско-японской колонии привлечь сторонников аналогичной организации в Харбине [8: с. 217]. Инициативу открытия Русско-Японского общества (РЯО) в Харбине проявили действительные члены Общества русских ориенталистов – И.А. Добролювский, Н.К. Новиков, И.И. Петелин и др. [11: с. 155]. С целью культурного сближения русского и японского народов были организованы курсы русского языка для японцев и японского языка для русских, устраивались публичные лекции по японоведению и экономическим вопросам. Интерес к деятельности этого общества заметно возрастал, поэтому 25 августа 1910 г. было учреждено его отделение в Дальнем. В это же время готовился проект открытия отдела Русско-Японского общества в Москве. К тому времени был издан устав общества на русском и японском языках в количестве 2000 экз. для широкого распространения [9: с. 147].

Активная деятельность Общества русских ориенталистов в Маньчжурии была замечена и высоко оценена в Санкт-Петербурге. В 1911 г. это общественное учреждение было принято под покровительство Великой княгини Милицы Николаевны, а Государственная типография включила его в число учреждений, которым высылались все издания Государственной думы (стенографические отчеты и приложения к ним с указателями, доклады бюджетной комиссии, обзоры деятельности комиссий и отделов, проекты законов, принятые Государственной думой в I сессию 1907–1908 гг.) [10: с. 206]. Такая практика позволила библиотеке ОРО быстро пополняться новыми научными изданиями из различных общественных учреждений и организаций. В Харбине она представляла собой уникальное собрание сочинений по Востоку на русском, французском, английском, китайском, маньчжурском и других языках [7: с. 277]. Научно-практическая деятельность Общества русских ориенталистов активно отражалась в журнале «Вестник Азии», который распространялся не только в России, но и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

В обмен на выпуски «Вестника Азии» в эту библиотеку поступали издания разных научных

обществ, например, публикации японского общества То-а-добунь-кай, посвященные описанию Китая в торгово-промышленном отношении, Амурского общества (Кокуро-кю-кай) и др. [9: с. 145]. В результате налаженной переписки Почетного председателя общества Императорского Российского посланника в Пекине И.Я. Коростовца с Генеральным инспектором Императорских Китайских таможен в библиотеку ОРО присылались все издания таможен. А.В. Гребенщиковым в качестве даров были переданы ценные, редкие книги и рукописи на маньчжурском языке. Следует отметить и других дарителей, например, Д.М. Позднеева, А.Т. Бельченко, А.Ю. фон-Ландезена, М.А. Соковнина, М.А. Полумордвинова [8: с. 220] и др. Традиция дарить книги и книжные коллекции способствовала формированию уникальных фондов российских библиотек на рубеже XIX–XX вв.

Так, в год открытия Приамурского отдела Императорского общества востоковедения (1912) в его библиотеку поступили журналы из различных научных организаций, среди них – «Китай и Япония», «Вестник Азии», «Вестник Русско-Английской Палаты» [12: с. 10–11] и др. Книги систематизировались по отделам (история, география, этнография, антропология, религиоведение, торговля и промышленность, научные исследования Азиатско-Тихоокеанского региона). Картину плодотворной деятельности этого общественного учреждения в Хабаровске представляли «Записки Приамурского Отдела», издававшиеся под руководством Почетного члена Императорского общества востоковедения, Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти. Он не препятствовал опубликованию в научных сборниках исследований членов Общества русских ориенталистов.

Рассматривая научно-просветительские общества Дальнего Востока, следует отметить, что большую конкуренцию им составляли тайные политические общества в Китае и Японии, которые стремились сблизить народы этих стран, обладающие общей древней восточной культурой и цивилизацией. Ревностно организуя преграды русскому влиянию на Востоке, китайские и японские общества старались согласовать конфуцианские начала государственности с выработанными европейской наукой принципами, ввели в свою программу изучение технических и общеобразовательных наук по европейскому образцу. Слушатель Восточного Института, капитан Н.Д. Кузьмин во время специальных командировок в страны Азиатско-Тихоокеанского ре-

гиона наблюдал процесс формирования и развития духовных связей общественной деятельности Китая и Японии. Он обратил внимание на желание со стороны Китая войти в союз с Японией, а со стороны Японии заметил стремление «завладеть умственным движением» в Китае [5: л. 8]. В этом контексте следует отметить конструктивную научную работу востоковедов России, направивших все свои силы на оживление российско-японских и российско-китайских отношений. Например, труды профессоров Восточного Института, общественных деятелей Общества русских ориенталистов (Е.Г. Спальвина, Г.В. Подставина, Г.Ц. Цыбикова, П.П. Шмидта и др.) до сих пор представляют интерес в среде специалистов, изучающих страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Не меньшее значение имеют исследования членов Императорского общества востоковедения А.М. Позднеева, Д.М. Позднеева, А.Г. Рудакова и др.

Один из мощнейших востоковедных центров России формировался во Владивостоке профессорами Восточного института. Научные общества оказывали значительное влияние на развитие важнейших направлений научного изучения Дальнего Востока. Организованные Императорским обществом востоковедения дальневосточные отделы и отделения регулировали развитие региональной науки, образования и книжной культуры в России и странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Оппонентами их общественных деятелей выступали члены Общества русских ориенталистов, Русско-Японского общества и др. Наиболее значимой формой работы являлось распространение востоковедных знаний. Поэтому активная деятельность востоковедов в начале XX века на Дальнем Востоке России способствовала формированию и развитию трех библиотек восточных исследований – Восточного института во Владивостоке, Приамурского отдела Императорского общества востоковедения в Хабаровске и Общества русских ориенталистов в Харбине. Труды востоковедов на-

чала XX столетия активно используются преподавателями и студентами в учебном процессе и научных исследованиях XXI века.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Архив Востоковедов. Институт восточных рукописей Российской академии наук (АВИВРРАН). – Ф. 44. – Оп. 1.
2. АВИВРРАН. – Ф. 44. – Оп. 3. – Д. 13. – Л. 2.
3. АВИВРРАН. – Ф. 44. – Оп. 1. – Д. 83. – Л. 24.
4. АВИВРРАН. – Ф. 44. – Оп. 1. – Д. 84. – Л. 3.
5. АВИВРРАН. – Ф. 44. – Оп. 1. – Д. 250. – Л. 10.
6. *Веревкин, И.* Заметки об изучении Азии / И. Веревкин // Вестник Азии. – 1910. – № 3. – С. 248–278.
7. *Веревкин, И.* Краткий очерк возникновения и деятельности Общества Русских Ориенталистов / И. Веревкин // Вестник Азии. – 1909. – № 1. – С. 272–278.
8. В Обществе русских ориенталистов / ред. И.А. Добролюбовский // Вестник Азии. – 1910. – № 4. – С. 216–221.
9. В Обществе русских ориенталистов / ред. Н.К. Новиков // Вестник Азии. – 1910. – № 6. – С. 144–147.
10. В Обществе русских ориенталистов / ред. А.П. Болбан // Вестник Азии. – 1911. – № 9. – С. 206.
11. В Русско-Японском обществе. Харбин / ред. Н.К. Новиков // Вестник Азии. – 1910. – № 5. – С. 155–157.
12. Записки Приамурского отдела Императорского Общества Востоковедения // Отчет о деятельности Приамурского отдела Императорского общества востоковедения за 1912–1913 гг. – Б. м., Б. г. – 35 с.
13. Императорское Общество Востоковедения. Обзор Деятельности Общества и Практической Восточной Академии за 1909–1910 гг. / Императорское общество востоковедения. – СПб., 1910. – 64 с.
14. Обзор деятельности Общества Востоковедения за 1900 по 1907 гг. Справочные и руководящие сведения. Отчеты. Курсы Востоковедения / Императорское Общество Востоковедения. – СПб., 1907. – 84 с.
15. Обзор деятельности Общества Востоковедения за 1907 по 1908 гг. / Императорское Общество Востоковедения. – СПб., 1908. – 77 с.
16. Сведения о деятельности Общества / отв. ред. Д.М. Позднеев // Вестник Императорского общества востоковедения. – 1916. – № 8. – С. 117–132.
17. Справочные сведения / Состоящее под Августейшим покровительством Его Императорского Высочества великого князя Михаила Николаевича Общества востоковедения. – СПб., 1903. – 63 с.
18. Устав, положения и инструкции Императорского Общества Востоковедения. – Пг., 1917. – 60 с.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО РАЗВИТИЮ ВОСТОКОВЕДЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

О.А. Трубич

Трубич Ольга Анатольевна – аспирант Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Контактный адрес: trubich@mail.ru

В статье рассматривается актуальность формирования востоковедческого образования на Российском Дальнем Востоке в конце XIX в. Внимание фокусируется на значении открытия Восточного института как инструмента государственной политики в решении внешнеполитических задач. Автор выделяет предпосылки открытия Института, раскрывает значение восточных языков с целью формирования у будущих востоковедов коммуникативных компетенций, необходимых для ведения международного диалога.

Ключевые слова: государственная политика, высшее образование, Дальний Восток, Восточный институт, Азиатско-Тихоокеанский регион.

События, развернувшиеся во второй половине XIX в. в восточно-азиатской части Российской империи и в прилегающих к ней государствах, побудили правительство России предпринять конкретные шаги по усилению здесь своего влияния. Сделать это было сложно. Вот что писал С.Ю. Витте: «В то время, в сущности говоря, было очень мало лиц, которые бы вообще знали, что такое Китай, имели бы ясное представление о географическом положении Китая, Кореи, Японии, о соотношении всех этих стран; вообще в отношении Китая наше общество и даже высшие государственные деятели были полные невежды...» [1: с. 58]. Порой в русском обществе рассматривали Китай как совершенно «мёртвое государство», а студентов, учившихся на восточном факультете, – людьми умственно ограниченными, обрекающими себя на бесполезную работу [12: л. 41].

Итак, России требовались специалисты, знающие китайский, японский, корейский языки, культуру, быт, особенности политико-экономических систем Китая, Японии, Кореи. Единственному в стране восточному факультету Санкт-Петербургского университета сделать это было не по силам из-за большой удалённости вуза от региона и из-за несколько иных задач преподавания восточных языков.

Первоначально предполагалось в одном из городов Дальнего Востока открыть лицей с семью гимназическими и тремя специальными классами. Позже, в 1893 г. министерство народного просвещения выступило с предложением об обосновании специального Института. Встал вопрос о его местоположении. Рассматривались

три варианта: на территории Китая – Да-лянь-вань, на территории России – Владивосток и Иркутск. Однако Да-лянь-вань как города ещё не существовало, а его строительство должно было начаться через два-три года после принятия решения об открытии Института [13: л. 146]. Соллидный экономический и культурный сибирский город Иркутск находился на значительном расстоянии от Дальневосточного региона России, от Японии, Кореи, Китая и, следовательно, не мог быстро и эффективно реагировать на требования внешнеполитической ситуации и нужды государственных интересов России. В качестве главного центра реализации политики в области востоковедческого образования на востоке Российской империи выступил активно развивающийся международный морской город-порт – Владивосток, занимавший выгодное геополитическое положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе. А.М. Позднеев, будущий директор Института, находясь в командировке во Владивостоке в 1898 г., так охарактеризовал его: «...Владивосток в некоторых своих кварталах имел вид совершенно азиатского города, где среди массы корейцев, японцев, китайцев совершенно не было видно русского человека» [11: л. 29-об]. Присутствие иностранцев в городе давало студентам возможность общаться с представителями азиатских стран, совершенствовать навыки разговорной речи, узнавать особенности быта, культуры, экономики. Вместе с тем комплектование будущего вуза учащими и учащимися могло встретить серьёзные трудности из-за низкого образовательного уровня в Приамурском крае: средний радиус действия одного учебного заведения

здесь составлял 3 182 кв. версты, что в 15,3 раза больше, чем в центральных районах России. Все-го же на рубеже XIX – XX столетий на огромнейший край приходилось только 24 средних общеобразовательных школы [9: с. 21].

Для разработки Положения и штатного расписания формирующегося Института в феврале 1898 г. была образована специальная комиссия из представителей двух министерств: министерства народного просвещения (в том числе от факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета) и министерства финансов. В протоколах заседаний комиссии отражена её принципиальная позиция: новый вуз должен готовить «не второстепенных исполнителей, не толмачей и переводчиков, а образованных представителей Российского государства для дальнейшего развития дальневосточной окраины» [16: л. 28]. Министр финансов С.Ю. Витте, владея информацией об особенностях отечественного и зарубежного дальневосточного региона, считал, что приложение сил выпускников нового учебного заведения применимо в различных областях – дипломатической, административной, торгово-промышленной. Например, по мере сооружения Китайско-Восточной железной дороги возрастёт настоятельная потребность в специалистах, знающих не только иностранные языки, а также экономические условия и правовые отношения соседних восточных государств [14: л. 88-об].

Комиссия пришла к выводу о ежегодном увеличении числа учащихся в Восточном институте. Предполагалось, что количество студентов и сторонних слушателей, принимаемых на первый курс, не превысит 60 человек. Они должны были принадлежать к «...христианским вероисповеданиям и иметь не менее 17 лет от род...»; среди документов, предъявляемых при поступлении в Институт, специально оговаривалось свидетельство о безукоризненном поведении. Ко всем учащимся в Восточном институте предъявлялись серьёзные требования, зафиксированные в Инструкции в дополнение к Положению об Институте: «Свободно предназначая себя к высокому служению в русских административных и торгово-промышленных учреждениях, – служению, особливо ответственному пред Отечеством в силу своего международного характера, должны прежде всего воспитать самих себя так, чтобы впоследствии высоко держать на Востоке русское знамя и блюсти интересы своего Отечества» [4: с. 26].

Не менее важным вопросом, определявшим уровень реализации государственной политики

по развитию востоковедческого образования на Дальнем Востоке, являлся комплекс изучаемых предметов в новом вузе. В данном случае восточные языки выступали важным инструментом познания культуры, экономики и мировоззрения населения Японии, Китая, Кореи; они становились средством межнационального общения; на них возлагалась задача достижения согласованности в созидательной деятельности государств [15: л. 3]. В Положении об Институте комиссия включила регламент практического преподавания: четырёхлетнее обучение, общее для всех студентов в первый год, а, со второго курса (учебного периода) начиналась специализация по четырём отделениям – китайско-японскому, китайско-корейскому, китайско-монгольскому и китайско-маньчжурскому; 14 предметов стали обязательными для всех отделений. В это число входило богословие, общий курс географии и этнографии Китая, Кореи, Японии с анализом их политического устройства и религиозного быта, новейшая история (XIX в.), международное право, основы государственного права и судопроизводства, счетоводство, товароведение и др.

В группу специальных предметов преподавания попали на китайско-японском отделении – японский язык и обзор политического устройства и торгово-промышленной деятельности современной Японии; на китайско-корейском – корейский язык и обзор политического устройства и торгово-промышленной деятельности современной Кореи; на китайско-монгольском – монгольский язык и обзор политического и экономического строя Монголии, с выяснением значения для него ламаизма, и обзор торгово-промышленной деятельности этой страны; на китайско-маньчжурском – маньчжурский язык и обзор политического и экономического строя и торгово-промышленной деятельности современной Маньчжурии.

Министр народного просвещения передал документы комиссии на рассмотрение в Государственный совет. 21 апреля 1899 г. объединённые департаменты Государственной экономики законов и 10 мая 1899 г. общее собрание вынесли решение: «Проекты Положения и штата Восточного института поднести к высочайшему его Императорского величества утверждению и, по воследовании оно, ввести в действие с 1 июля 1899 г.». 24 мая 1899 г. царь Николай II утвердил учреждение во Владивостоке Восточного института, поставив резолюцию «Быть по сему». Как справедливо совсем недавно заметил известный востоковед В.Л. Ларин, «...с основа-

нием Института опоздали» и «Русско-японской войны могло бы и не быть, создай царь Николай II Восточный институт во Владивостоке лет на 10 раньше» [10].

Майские (1899г.) решения Государственного совета и императора определили первые финансовые расходы Российского государства на новый вуз. На его содержание предполагалось внести в 1899 г. – 35 500 руб., в 1900 г. – 77 600 руб., в 1901 г. – 94 100 руб., начиная с 1902 г., – по 95 600 руб. ежегодно. Другая статья расходов из государственного казначейства, направляемая на окончание постройки здания Института, только в 1899 г. составляла 89 000 руб. Ещё 25 000 руб. в ближайшие 1,5 года давалось на первоначальное обустройство Института мебелью и учебными пособиями. Таким образом, государственными решениями Институту определялось свыше 400 000 руб. – сумма весьма значительная, но не покрывающая всех расходов.

Хорошо известна прямая зависимость учебно-воспитательного процесса и научных исследований вуза, тем более молодого вуза, от библиотечно-информационного обеспечения. Библиотека института, имевшая в 1900 г. около 6 тыс. томов, в 1920 г. насчитывала 120 тыс. книг и журналов на китайском, корейском, японском, монгольском, маньчжурском, европейских и других языках. Сказывалось очень заинтересованное отношение к библиотеке преподавателей и, конечно, государственные ассигнования.

Государственные структуры России поддерживали идею создания при Институте специальной типографии, имевшей богатейший набор шрифтов. Они же санкционировали издание «Известий Восточного института». Это открывало новую эру в российском востоковедении, привлекало пристальное внимание европейских и азиатских ориенталистов. Государственные ассигнования на издание «Известий Восточного института» в размере 3000 руб. стали поступать только с 1902 г. Но эти деньги оказывались недостаточными и восполнялись из специальных средств Института. Финансирование библиотеки с 1899 г. по 1907 г. составили почти 43 000 руб. или в среднем в год около 5300 руб., требовалось же ежегодно от 8000 до 10 000 руб. [7: с. 88]. Когда директор обратился к министру народного просвещения с ходатайством дополнительных ассигнований на библиотеку и «Известия», то получил ответ о признании их «ещё не своевременными». Заметим попутно, что о нуждах вуза знали высокие персоны: Великий князь Константин Константинович посетил Восточный инсти-

тут в 1909 г., «...не оставив без внимания даже самых отдалённых помещений библиотеки и ознакомившись с научными трудами преподавателей Института за три года, как в отдельных отисках, так и в томах «Известий Восточного института» [6: с. 26]. В том же году в Институте и его подразделениях побывал министр финансов, статс-секретарь В.Н. Коковцев, а в марте 1911 г. Институт был удостоен внимания Приамурского генерал-губернатора, шталмейстера Двора Его Императорского Величества Н.Л. Гондатти. Он интересовался нуждами вуза. Среди них было заявлено о необходимости дополнительных ассигнований на издание «Известий Восточного института» и библиотеку, в том числе на введение должности штатного помощника библиотекаря Института. После этих визитов активного содействия увеличению ассигнований не последовало. В январе 1912 г. новые документы по финансированию Института были переданы Приамурскому генерал-губернатору для решения вопроса в министерстве народного просвещения [8: с. 65]. Судя по сохранившимся архивам, расходы на библиотеку и «Известия Восточного института» в течение 1912 г. не только не увеличились, а даже снизились и составили менее 3 500 руб. Таким образом, данный пример показывает, что далеко не всегда государство могло оказывать самому восточному вузу России требуемую финансовую поддержку.

Ярко выраженный государственный статус носил вопрос комплектования профессорско-преподавательского корпуса в Восточном институте. На основании п. 10 Положения директор Института назначался высочайшим указом Правительствующего Сената из лиц, получивших специальное образование на китайско-маньчжурско-монгольском разряде факультета восточных языков императорского Санкт-Петербургского университета и имеющих учёную степень по одному из предметов, преподаваемых в вузе. Требованиям на должность директора Восточного института соответствовала кандидатура Алексея Матвеевича Позднеева, доктора калмыцкой и монгольской словесности, профессора и практически единственного в России специалиста по маньчжурскому языку. В университете он прошёл школу не только преподавателя, но и организатора. Указом царя Николая II от 24 июня 1899 г. А.М. Позднеев был утверждён первым руководителем нового вуза.

Государственная заинтересованность в укреплении Восточного института профессорами раскрыта в п. 15–17, 56–57 и др. положения.

Профессора этого вуза утверждались в должностях высочайшими распоряжениями по представлению министра народного просвещения. Преподаватели коммерческих и юридических наук назначались Приамурским генерал-губернатором.

Костяк преподавательского состава Восточного института был сформирован по инициативе А.М. Позднеева и при активной государственной поддержке. Во Владивосток были приглашены выпускники восточного факультета Санкт-Петербургского университета, которых хорошо знал А.М. Позднеев и которые за государственный счёт в конце 1890-х годов получили длительные зарубежные научные командировки: китаисты П.П. Шмидт и А.В. Рудаков, японист Е.Г. Спальвин, кореевед Г.В. Подставин. В 1899–1900 гг. они начали преподавать в Восточном институте. В 1901 г. приступил к работе ещё один востоковед – Н.В. Кюнер. Ему поручили читать курсы истории, этнографии, географии и культуры стран Дальнего Востока. В 1902 г. на должность лектора тибетского языка и словесности был принят выпускник Санкт-Петербургского университета Г.Ц. Цыбиков. Преподавателями института стали выпускники этого же университета, читавшие курсы по юридическим и коммерческим наукам: профессор юридических наук Н.П. Таберию, магистр политической экономики и статистики Н.И. Кохановский, кандидат коммерческих наук Н.Н. Дмитриев.

К концу первого десятилетия в профессорско-преподавательский коллектив Восточного института влились его лучшие выпускники: с 1 июля 1907 г. – китаист, маньчжуровед и этнограф А.В. Гребенщиков; с 1 января 1908 г. – японист В.М. Мендрин; с 1 августа 1907 г. к преподавательской деятельности по английскому языку был оставлен П.К. Гольденштедт [17: IV]. Однако выпускникам, да и преподавателям Восточного института было очень сложно получить учёную степень и звание. По Положению они обязаны были выдержать экзамен за курс факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, который обладал монополией на «раздачу» учёных степеней даже по тем дисциплинам, кафедр которых в нём не было. Кроме того, если для Восточного института обязательным было знание двух языков, то для университета уже трёх.

Реальные достижения Восточного института в подготовке квалифицированных востоковедов-практиков наглядно раскрывают данные первых

пяти выпусков Восточного института: 60 студентов получили аттестаты и 25 офицеров – свидетельства. Из 85 выпускников 45 чел. показали отличные успехи, в том числе 26 чел. были награждены золотыми и серебряными медалями и почётными отзывами.

Но ещё ярче практическая польза выпускников и студентов Восточного института проявилась в годы Русско-японской войны (1904–1905 гг.). Уже в первые дни тяжёлого испытания институт не только заявил «...о готовности принести свои знания, свои молодые силы на алтарь великого служения Царю и Отечеству», но и направил людей в действующую армию и флот. Из 125 студентов, офицеров и вольнослушателей, учившихся в Восточном институте в январе 1904 г., немедленно в свои части выехали 34 офицера-слушателя; в распоряжение военных направлен весь выпуск IV курса. Показательно, что студенты пошли в армию и флот, не будучи к тому обязаны воинской повинностью; они руководствовались сознанием нравственного долга перед Отечеством.

Потребности армии и флота в переводчиках восточных языков оставались большими, поэтому в течение 1904 г. по рекомендации руководства Института в воинские подразделения были откомандированы студенты и слушатели III и даже II курсов. Итак, молодые люди, изучившие лишь часть вузовских дисциплин, попали на войну. Они занимались переводами документов, помогали офицерам организовать разведку в тылу японских войск.

Лестные отзывы о деятельности питомцев Восточного института поступали непосредственно с мест военных событий. Например, начальник Посьетского отряда сообщал, что к штабу вверенного ему отряда прибыл студент III курса Николай Успенский, который «выказал большое усердие и редкий такт, благодаря которому был не только хорошим переводчиком, но и прекрасным разведчиком, умеющим выяснять истинное настроение крайне скрытных по натуре местных жителей». Российский военный комиссар Мукденской провинции высоко отзывался о студенте III курса Павле Меньшикове, грамотно выполнявшем обязанности переводчика китайского языка для надобностей Полевого управления почт и телеграфов. Студент Пётр Тищенко заслужил похвалу за хорошее исполнение обязанности переводчика восточных языков, в том числе за переводы официальных бумаг и прошений на китайском языке. Питомцы Института были удостоены государственных наград. Например,

Евгений Лебедев, находившийся всю осаду в Порт-Артуре, за исполнение обязанности переводчика японского языка был удостоен по Высочайшему повелению, помимо орденских наград, диплома I степени; Анатолий Занковский и Георгий Ящинский были награждены серебряными медалями с надписью «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте [2: л. 21]. К тому же, А. Занковский приказом Наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке за мужество и самоотверженность, проявленные при перевязке и уходе за ранеными в бою, был награждён знаком отличия Военного Ордена четвёртой степени [3: л. 30]. Подобных фактов много. В этой связи профессор А.В. Рудаков отмечал: «...Самую главную заслугу на поприще удовлетворения общегосударственных нужд составляет деятельность студентов во время Русско-японской войны, когда всего лишь на пятом году своего существования Институт оказался в состоянии дать армии и флоту до 40 переводчиков» [5: с. 27].

В соответствии с целью Института – подготовкой обучавшихся в нём лиц к службе в административных и торгово-промышленных учреждениях – послевузовская деятельность выпускников проходила в различных организациях и учреждениях: в банках, почтамтах, управлениях железных дорог, торговых и военных ведомствах, администрациях разных уровней и в дипломатических миссиях.

Таким образом, благодаря государственной политике на Дальнем Востоке Российской империи сформировалось востоковедческое высшее учебное заведение, на которое возлагалось решение важных задач. Восточный институт успешно выполнял свою созидательную функцию, оказывая содействие официальным властям в мирное и в военное время. Ценность востоковедческого образования для государства состояла в том, что его сущность и направленность рассматривались в качестве одного из инструментов проведения государственной политики. Исходя из комплексного изучения стран АТР, Восточный институт являлся базой для координации региональной политики страны в целом.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. *Bumte, C.Ю.* Избранные воспоминания 1849–1911 гг. / С.Ю. Витте. – М.: Мысль, 1995. – 327 с.
2. Государственный архив Приморского края (ГАПК). – Ф. 115. – Оп. 1. – Д. 378. – Л. 21.
3. ГАПК. – Ф. 115. – Оп. 1. – Д. 378. – Л. 30.
4. Известия Восточного института. – Владивосток, 1900. – Т. II. – Вып. 4. – 518 с.
5. Известия Восточного института. – Владивосток, 1907. – Т. XIV. – Приложение 3. – 137 с.
6. Известия Восточного института. – Владивосток, 1910. – 11-й год издания. – Приложение 2. – 208 с.
7. Известия Восточного института. – Владивосток, 1913. – 12-й год издания. – Приложение 2. – 1913. – 304 с.
8. Известия Восточного института. – Владивосток, 1914. – 13-й год издания. – Приложение 2. – 400 с.
9. О первом на Дальнем... // *Alma mater* (Вестник высшей школы). – 2000. – № 8. – С. 21–25.
10. *Ощенко, В.* Почему в ДВФУ не предусмотрено востоковедение? [Электронный ресурс] / В. Ощенко. – Режим доступа: [http:// ptr-vlad.ru/news/ptrnews/](http://ptr-vlad.ru/news/ptrnews/).
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 560. – Оп. 28. – Д. 813. – Л. 29-об.
12. РГИА. – Ф. 560. – Оп. 28. – Д. 813. – Л. 41.
13. РГИА. – Ф. 560. – Оп. 28. – Д. 813. – Л. 146.
14. РГИА. – Ф. 565. – Оп. 8. – Д. 29365. – Л. 88-об.
15. РГИА. – Ф. 740. – Оп. 44. – Д. 57. – Л. 3.
16. РГИА. – Ф. 740. – Оп. 44. – Д. 57. – Л. 28.
17. Справочная книжка по Восточному институту в г. Владивостоке. – Владивосток, 1909. – 43 с.

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СЧАСТЬЕ

*О.А. Любичкая
О.А. Чипизубова*

Любичкая Ольга Андреевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Чипизубова Ольга Анатольевна – выпускница кафедры психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения 2010 г.

Контактный адрес: lyubitskaya07@mail.ru

В статье анализируется значимость исследования профессионального счастья для изучения ценностно-смысловых аспектов профессиональной деятельности. Используя психосемантические методы, авторы раскрывают субъективный опыт переживаний дальневосточников, связанный с профессиональным счастьем.

Ключевые слова: профессиональное счастье, психосемантический метод, профессиональная деятельность, ситуации переживания профессионального счастья, факторы, влияющие на профессиональное счастье.

Проблема счастья имеет длительную историю изучения в философии и этике. Однако интерес психологов к проблеме счастья появился сравнительно недавно. Необходимо заметить, что в настоящее время отсутствует единая психологическая теория счастья. Также в полной мере не решена проблема объективации субъективного переживания счастья и представлений о нём. На уровне обыденного сознания существует некая эталонная система представлений о счастье, которая детерминирована психологическими характеристиками возраста, ценностными установками и принадлежностью к определенной культуре и этносу.

В ряде исследований понятие «счастье» рассматривают в контексте профессиональной деятельности, а конструкт «профессиональное счастье» используется Ю.П. Поваренковым при описании выделенной им подструктуры профессиональной идентичности личности профессионала. Исследователь рассматривает профессиональное счастье как высшее проявление профессиональной идентичности специалиста [12]. Необходимо при этом заметить, что категория профессионального счастья не раскрывается Ю.П. Поваренковым.

В настоящее время остается открытым практически весь спектр вопросов, связанных с профессиональным счастьем: категориальное пространство имплицитных представлений и научный статус понятия, взаимосвязь с особенностями труда и организационными факторами и т. д.

На наш взгляд, профессиональное счастье относится к важной составляющей в системе

«личность–профессия» и может быть рассмотрено как значимый личностный фактор профессиональной истории человека, один из критериев удовлетворенности трудом и профессиональной успешности. Изучение психологического содержания профессионального счастья позволит расширить и углубить как проблему счастья в целом, так и роль ценностно-смысловых аспектов профессиональной деятельности.

С целью теоретического обоснования значимости понятия «профессиональное счастье» для описания ценностно-смысловых аспектов профессиональной деятельности были проведены:

1) междисциплинарный анализ феномена «счастье» (определено значение понятий «счастье» и «профессиональное счастье» в русском языке, раскрыты психологические аспекты исследований счастья);

2) научно-категориальный анализ понятий, наиболее тесно связанных с исследуемым феноменом («профессия», «профессионализм», «профессиональное самосознание», «профессиональное самоопределение» и «профессиональная идентичность»);

3) изучение основных детерминант профессионального счастья.

Проведенный *междисциплинарный анализ* позволяет рассматривать счастье как феномен, который характеризует удовлетворенность и осмысленность жизнедеятельности человека, доминирование позитивного эмоционального состояния, положительное отношение к себе и окружающему миру.

Научно-категориальный анализ понятий, которые наиболее тесно связаны с профессиональным счастьем, позволил сделать выводы, которые важны для психологического понимания исследуемого феномена:

1. Профессия задает содержательные характеристики профессионального счастья, обеспечивая единство профессиональной деятельности и профессиональной общности.

2. Важными для понимания профессионального счастья являются современные концепции профессионализма. Наибольшая связь профессионального счастья обнаруживается, по мнению авторов, с подструктурой профессиональной направленности (Э.Ф. Зеер [6], Л.М. Митина [8, 10]); подструктурами профессиональной идентичности (Ю.П. Поваренков [12]); подсистемой профессионализма личности (А.А. Деркач, В.Г. Заыкин, А.К. Маркова [5]).

3. Если рассматривать профессиональное самоопределение как проектирование и строительство трудового и в целом жизненного пути, то профессиональное счастье – ценностно-смысловая основа этого строительства.

4. По своему смысловому содержанию профессиональная идентичность шире, чем профессиональное счастье, поскольку оно является высшим проявлением профессиональной идентичности личности (Ю.П. Поваренков [12]).

Анализ литературы позволил выделить **основные детерминанты профессионального счастья**, которые важны для психологического понимания исследуемого феномена: субъективная значимость труда, внешняя и внутренняя оценка эффективности профессиональной деятельности.

Проведенный теоретический анализ позволил дать рабочее определение понятию «профессиональное счастье». Под профессиональным счастьем мы понимаем переживание специалистом своей ценности как представителя определенной профессиональной группы, которое определяет систему отношений личности к профессиональному делу, субъектам совместной деятельности и к себе как профессионалу.

Мы предполагаем, что изучение профессионального счастья может иметь не только теоретическую, но и практическую значимость. Поскольку в психологии труда отсутствуют специальные работы, посвященные рассматриваемой категории, возникает задача эмпирического изучения профессионального счастья.

Организация и методы исследования

В современной психологии труда намечается тенденция выхода за пределы узкотехнологического понимания профессиональной деятельности в сферу психологии сознания. Идея существования профессионально опосредованных образов мира и подходы к реконструкции, возникающей в профессиональной деятельности системы значений, категорий, установок, разработана исследователями в рамках психосемантического направления [1–3, 13–14 и др.].

Следует отметить, что в инструментарии психолога отсутствуют психометрические процедуры, направленные на изучение профессионального счастья. Учитывая глубоко личностный характер изучаемого феномена, логично обращение к субъективному опыту переживаний, связанному с профессиональным счастьем. В реконструкции субъективного опыта перспективен психосемантический метод исследования. Основным методом экспериментальной психосемантики является построение субъективных семантических пространств, являющихся модельным представлением категориальных структур индивидуального сознания.

Обоснованность выбора психосемантических методик объясняется тем, что качественный анализ полученных ассоциаций: 1) позволит изучить субъективный опыт переживаний, связанный с исследуемым феноменом; 2) открывает возможность рассмотрения психологических особенностей представлений о профессиональном счастье в языковых конструктах, характерных для определенной профессиональной группы.

В эмпирическом исследовании в качестве испытуемых выступили дальневосточники, представители двух профессиональных групп:

1) 35 специалистов Дальневосточной железной дороги (работники вагонных и локомотивных депо, дистанций пути и дистанций сигнализации и связи).

2) 30 преподавателей высшей школы (Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Дальневосточный юридический институт МВД РФ, Дальневосточный институт международного бизнеса).

Процедура эмпирического исследования состояла из двух этапов.

1-й этап. Изучение представлений специалистов разнотипных профессий о профессиональном счастье.

В целях выявления категориальной структуры представлений дальневосточников о профес-

сиональном счастье был использован ассоциативный эксперимент и свободное описание ситуаций, в которых испытуемые переживали профессиональное счастье. С целью изучения имплицитных представлений респондентов о факторах, влияющих на профессиональное счастье, использовалось свободное описание этих факторов. Результаты ассоциативного эксперимента и метода свободного описания были обработаны методом контент-анализа отдельно по каждой профессиональной группе. Обоснованность отнесения ответов испытуемых к определенным категориям и подкатегориям обеспечивалась использованием метода экспертных оценок.

2-й этап. Сравнительный анализ представлений специалистов разнотипных профессий о профессиональном счастье.

Сравнительный анализ категориальных структур представлений о профессиональном счастье, ситуациях переживания профессионального счастья, факторах, влияющих на профессионального счастья, двух профессиональных групп осуществлялся с помощью критерия ϕ^* -угловое преобразование Фишера.

Анализ и интерпретация полученных данных

По результатам контент-анализа полученных ассоциаций было определено содержание категориального пространства, отражающего имплицитные *представления дальневосточников о профессиональном счастье*: удовлетворенность трудом, профессиональная квалификация и компетентность, личностное и профессиональное развитие, моральный фактор, материальный фактор, социальный статус, профессиональная помощь, потребности безопасности и защиты, отношения с сотрудниками, с руководством, потребителями услуг и подчиненными, значимость профессиональной деятельности, специфика профессиональной деятельности, условия труда, оценка результатов труда, достижение цели.

По результатам проведенного сравнительного анализа категориальных структур *представлений о профессиональном счастье* двух профессиональных групп с использованием критерия ϕ^* -угловое преобразование Фишера были выявлены значимые статистические различия (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ категориальных структур представлений о профессиональном счастье специалистов железнодорожного транспорта и преподавателей высшей школы

Категория	Процентная доля		ϕ^* -критерий Фишера	Уровень значимости
	Железнодорожники	Преподаватели		
Личностное и профессиональное развитие	4,7	19,5	3,29	$p \leq 0,01$
Социальный статус	3,8	–	2,7	$p \leq 0,01$
Специфика профессиональной деятельности	0,9	8	2,64	$p \leq 0,01$
Отношения с подчиненными	1,9	–	1,91	$p \leq 0,05$
Отношения с сотрудниками	11,3	4,6	1,75	$p \leq 0,05$
Удовлетворенность трудом	27,4	18,4	1,48	–
Оценка результатов труда	0,9	0	1,31	–
Отношения с потребителями услуг	0,9	3,4	1,24	–
Отношения с руководством	8,5	1,1	1,18	–
Профессиональная квалификация и компетентность	5,7	10,3	1,17	–
Достижение цели	3,8	2,3	0,6	–
Потребности безопасности и защиты	5,7	6,9	0,34	–
Материальный фактор	9,4	8	0,33	–
Моральный фактор	8,5	9,2	0,16	–
Значимость профессиональной деятельности	3,8	3,4	0,14	–
Профессиональная помощь	0,9	1,1	0,13	–
Условия труда	1,9	3,4	0,04	–
Итого:	100	100		

Согласно результатам исследования (табл. 1), у преподавателей высшей школы, в отличие от специалистов железнодорожного транспорта, профессиональное счастье в большей степени ассоциируется с личностным и профессиональным развитием ($p \leq 0,01$). Категория «Личностное и профессиональное развитие» объединила следующие ответы преподавателей: «профессиональный рост», «возможность самореализации», «возможность открытия для себя нового, интересного», «постоянная работа над собой», «новые формы работы» и др. Необходимо заметить, что Л.М. Митина, характеризуя педагогическую направленность, выделяет три её составляющие: 1) направленность на студента, ведущим мотивом которой является забота о максимальной самоактуализации его индивидуальности; 2) направленность на себя, выступающая как потребность в профессиональном самосовершенствовании; 3) направленность на более глубокое овладение учебным предметом [11].

Представления о профессиональной счастье преподавателей вузов в большей степени связаны со спецификой профессиональной деятельности, чем работников железнодорожного транспорта ($p \leq 0,01$). Подкатегория «Специфика профессиональной деятельности» объединила такие ответы педагогов, как «научная деятельность», «публикации научных статей», «публикации монографий», «интересная публикация, ожидание выхода её в свет» и др.

Полученные данные свидетельствуют о том, что у специалистов железнодорожного транспорта профессиональное счастье в большей степени ассоциируется с позитивными взаимоотношениями в коллективе, чем у преподавателей ($p \leq 0,05$). Согласно результатам исследования, в структуре представлений о профессиональном счастье специалистов железнодорожного транспорта категория «Отношения с сотрудниками» занимает второй ранговый номер по частоте упоминания. Эта категория представлена следующими ассоциациями железнодорожников: «хорошие отношения с сотрудниками», «профессионалы, с которыми приятно общаться», «прекрасные отношения с сотрудниками», «уважение со стороны коллег», «сплоченный коллектив, отсутствие разногласий в процессе работы», «признание коллектива», «взаимопонимание с коллегами», «отсутствие конфликтных ситуаций» и др.

В качестве различий в представлениях можно рассматривать отсутствие ассоциаций преподавателей на понятие-стимул «профессиональное

счастье» по таким категориям, как «Социальный статус», «Отношения с подчиненными», «Оценка результатов труда».

По результатам контент-анализа выделено **три вида ситуаций переживания профессионального счастья**, которые связаны с (1) профессиональной деятельностью; (2) профессиональным взаимодействием; (3) переживанием профессиональной значимости. Категория «Ситуации, связанные с профессиональной деятельностью» представлена подкатегориями: «Профессиональная компетентность», «Профессиональное развитие», «Продвижение по службе», «Ценностное отношение к профессиональной деятельности», «Условия, которые организация предоставляет для реализации внепрофессиональных целей», «Улучшение условий труда». Категория «Ситуации, связанные с профессиональным взаимодействием» включает подкатегории: «Профессиональная помощь», «Отношения с потребителями услуг», «Отношения с сотрудниками», «Отношения с руководством», «Отношения с подчиненными». Категория «Ситуации, связанные с переживанием профессиональной значимости» представлена подкатегориями: «Моральное и материальное стимулирование» и «Повышение самооценки».

По результатам сравнительного анализа категориальных структур представлений о ситуациях переживания профессионального счастья двух профессиональных групп с помощью критерия F^* -угловое преобразование Фишера были выявлены статически достоверные различия (табл. 2).

Полученные данные (табл. 2) свидетельствуют о том, что по категории «Ситуации, связанные с профессиональной деятельностью» не выявлено значимых статистических различий в представлениях двух групп. Необходимо при этом отметить, что железнодорожники чаще, чем преподаватели упоминали ситуации переживания профессионального счастья, связанные с профессиональной деятельностью.

В рамках категории «Ситуации, связанные с профессиональной деятельностью» статистически достоверных различий в представлениях преподавателей и железнодорожников не выявлено по подкатегории «Профессиональная компетентность». Необходимо при этом заметить, что ответы, включенные нами в эту категорию, отражают объективные и субъективные критерии эффективности деятельности сравниваемых профессиональных групп.

Таблица 2

**Сравнительный анализ категориальных структур представлений
о ситуациях переживания профессионального счастья специалистов
железнодорожного транспорта и преподавателей высшей школы**

Категория	Подкатегория	Процентная доля		Ф*-критерий Фишера	Уровень значимо- сти
		Железно- дорожники	Препо- даватели		
Ситуации, свя- занные с про- фессиональной деятельностью	Продвижение по службе	9,4	5,1	0,86	–
	Профессиональная компетентность	28,2	30,5	0,26	–
	Профессиональное развитие	9,4	3,4	1,31	–
	Улучшение условий труда	1,9	–	1,44	–
	Ценностное отношение к профессиональной деятельности	3,8	–	2,03	$p \leq 0,05$
	Условия, которые организация предоставляет для реализации внепрофессиональных целей	5,7	–	2,27	$p \leq 0,05$
Итого по категории:		58,4	39	1,40	–
Ситуации, свя- занные с про- фессиональным взаимодействием	Профессиональная помощь	1,9	3,4	0,48	–
	Отношения с потребителями услуг	3,8	45,7	5,78	$p \leq 0,01$
	Отношения с подчиненными	1,9	–	1,44	–
	Отношения с руководством	3,8	–	2,03	$p \leq 0,05$
	Отношения с сотрудниками	9,4	3,4	1,31	–
Итого по категории:		20,8	52,5	3,56	$p \leq 0,01$
Ситуации, свя- занные с пере- живанием про- фессиональной значимости	Моральное и материальное стимулирование	17,0	5,1	2,04	$p \leq 0,05$
	Повышение самооценки	3,8	3,4	0,10	–
Итого по категории:		20,8	8,5	0,63	–

Так, подкатегория «Профессиональная компетентность» представлена следующими ответами специалистов железнодорожного транспорта: «своевременное обнаружение брака, который может привести к крушению поезда», «осознание своих ошибок в процессе работы и умение их исправить», «предотвращение крушения поезда и признание заслуг администрацией», «успешное выполнение новых интересных задач», «выполнение работы по вводу в эксплуатацию нового оборудования» и т. д.

В подкатегорию «Профессиональная компетентность» включены такие ответы преподавателей, как «защита диссертации», «подтверждение профессионализма (качественное проведение лекции, семинара)», «получение диплома кандидата наук», «получение аттестата ваковского доцента», «написание 24 рабочих программ с четкой выстроенной структурой», «когда мой оппо-

нент – знаменитый доктор – наук сообщил, что ему очень понравилась диссертация», «качественное проведение лекции, по завершению которой прозвучали аплодисменты студентов», «когда участники тренинга говорят, что встреча со мной перевернула их жизнь» и др.

Представления преподавателей высшей школы о ситуациях переживания профессионального счастья, в отличие от специалистов железнодорожного транспорта, в большей степени связаны с профессиональным взаимодействием ($p \leq 0,01$).

В рамках категории «Ситуации, связанные с профессиональным взаимодействием» наиболее значимые статистические различия выявлены по подкатегории «Отношения с потребителями услуг» ($p \leq 0,01$). Анализ процентных долей показал, что преподаватели чаще, чем железнодорожники, упоминали ситуации, связанные с

взаимодействием с потребителями услуг. Полученные данные можно объяснить отсутствием непосредственных контактов у специалистов железнодорожного транспорта с потребителями услуг. Необходимо заметить, что ситуации переживания профессионального счастья, связанные с взаимодействием со студентами, упоминались преподавателями чаще, чем взаимоотношения с коллегами по работе.

Ситуации переживания профессионального счастья, связанные с взаимодействием с потребителями услуг, описывались преподавателями через:

– *получение положительной обратной связи от студентов* («положительная обратная связь от студентов по поводу проведенных занятий», «благодарность студентов», «интерес студентов к преподаваемой дисциплине, который сохранялся после окончания педагогического влияния», «понимание, благодарность студентов», «уважение студентов к моему предмету» и др.);

– *позитивные отношения со студентами* («получение удовлетворения от заинтересованного общения со студентами», «доверительные отношения со студентами», «радость за студентов, их удовлетворенность студенческой жизнью»);

– *достижения студентов, подтверждающие профессиональную компетентность преподавателя* («студенты группы 731 заняли 1-е место на региональной олимпиаде в 2007 г.», «блестящая защита дипломных работ моих студентов», «100 %-я готовность студентов», «когда мои замечания и пожелания получают воплощение в качественных курсовых работах», «студенты достигли высоких результатов, заняли призовые места на конкурсах», «победа и участие студентов в научных конференциях», «удовлетворение от ответов студентов на экзаменах, семинарах, защитах дипломных работ, сдачи государственных экзаменов», «когда о моих студентах важные для меня люди отзывались как о профессионалах, и отмечали в этом мою заслугу» и др.).

Статистически значимые различия в представлениях двух групп не выявлены по подкатегории «Профессиональная помощь». Этот эмпирический факт говорит о том, что взаимопомощь и взаимовыручка являются значимыми составляющими профессиональной деятельности как преподавателей вузов, так и специалистов железнодорожного транспорта.

Согласно полученным данным преподаватели при описании ситуаций переживания профессионального счастья, в отличие от работников железнодорожного транспорта, не упоминали

взаимодействие с руководством и подчиненными. Это можно объяснить спецификой профессиональной деятельности преподавателя, поскольку большую часть своего рабочего времени педагог взаимодействует с потребителями услуг (студентами).

Статистически достоверных различий в представлениях двух профессиональных групп не выявлено по категории «Ситуации, связанные с переживанием профессиональной значимости». Анализ процентных долей по данной категории свидетельствует о том, что ситуации, связанные с переживанием профессиональной значимости, в большей степени ассоциируются с представлениями о профессиональном счастье у железнодорожников, чем у преподавателей.

Статистически значимые различия в рамках категории «Ситуации, связанные с переживанием профессиональной значимости» выявлены по подкатегории «Моральное и материальное стимулирование» ($p \leq 0,05$). В структуре представлений специалистов железнодорожного транспорта эта подкатегория имеет больший процентный вес, чем у преподавателей. Различия в представлениях двух профессиональных групп по данной подкатегории можно объяснить более развитой системой стимулирования в ОАО «РЖД» (награждение почетными грамотами, выплата премий, получение материальных поощрений, путевки в дома отдыха).

По результатам проведенного контент-анализа выявлены **факторы, влияющие на профессиональное счастье**: удовлетворенность трудом, компетентность, личностно-деловые качества, ценностное отношение к профессии, профессиональное самоопределение, социальный статус, моральный фактор, эмоциональный фактор, фактор «потребностей безопасности и защиты». Выделены составляющие удовлетворенности трудом, влияющие на профессиональное счастье: заработная плата, отношения с сотрудниками, руководством и потребителями услуг, условиями труда, возможности продвижения по службе и профессионального роста, условия для реализации внепрофессиональных целей. Фактор личностно-деловых качеств представлен коммуникативными, морально-нравственными, волевыми, деловыми качествами и творческими способностями.

Сравнительный анализ категориальных структур **представлений о факторах, влияющих на профессиональное счастье**, двух профессиональных групп с помощью критерия χ^2 -угловое преобразование Фишера позволил выявить достоверные различия (табл. 3).

Таблица 3

Сравнительный анализ категориальных структур представлений о факторах, влияющих на профессиональное счастье специалистов железнодорожного транспорта и преподавателей высшей школы

Категория	Подкатегория	Процентная доля		Ф*-критерий Фишера	Уровень значимости
		Железнодорожники	Преподаватели		
Фактор удовлетворенности трудом	Удовлетворенность заработной платой	18,9	9,5	1,91	$p \leq 0,05$
	Удовлетворенность отношениями с сотрудниками	17,9	16,8	0,20	–
	Удовлетворенность отношениями с руководством	10,4	2,1	2,56	$p \leq 0,01$
	Удовлетворенность условиями труда	10,4	6,3	1,05	–
	Удовлетворенность возможностью продвижения по службе	5,7	3,2	0,85	–
	Удовлетворенность возможностью профессионального роста	–	11,6	4,86	$p \leq 0,01$
	Удовлетворенность отношениями с потребителями услуг	–	5,3	3,25	$p \leq 0,01$
	Удовлетворенность условиями для реализации внепрофессиональных целей	0,9	–	1,33	–
Итого по категории:		64,2	54,8	1,36	–
Фактор личностно-деловых качеств	Деловые качества	–	3,2	2,52	$p \leq 0,01$
	Творческие способности	–	2,1	2,03	$p \leq 0,05$
	Волевые качества	0,9	2,1	0,70	–
	Морально-нравственные качества	3,8	–	2,74	$p \leq 0,01$
	Коммуникативные качества	0,9	1,1	0,14	–
Итого по категории:		5,6	8,5	0,58	–
Моральный фактор		3,8	7,4	1,11	–
Фактор ценностного отношения к профессии		6,6	7,4	0,21	–
Эмоциональный фактор		0,9	6,3	2,21	$p \leq 0,05$
Фактор компетентности		8,5	5,3	0,88	–
Фактор потребностей безопасности и защиты		3,8	5,3	0,51	–
Фактор профессионального самоопределения		3,8	4,2	0,14	–
Социальный статус		2,8	1,1	0,88	–
Итого:		100	100		

Полученные данные (табл. 3) позволяют говорить о том, что представления преподавателей вузов о факторах, влияющих на профессиональное счастье, в большей степени связаны с эмоциональным фактором, в отличие от железнодорожников ($p \leq 0,05$). Выявленные различия можно объяснить тем, что в профессиональной деятельности педагога, основанной на взаимодействии со студентами, необходима эмоциональная чуткость, отзывчивость, подвижность, артистизм. Л.М. Митина указывает на то, что в ус-

пешном преподавателе сочетаются способность к адекватному эмоциональному реагированию в нестандартной ситуации, способность ценить, правильно понимать, искренне принимать переживания окружающих, умение экспрессивно выражать свои собственные переживания [9].

Статистически значимых различий в представлениях двух групп не выявлено по фактору удовлетворенности трудом. Необходимо при этом заметить, что для специалистов железнодорожного транспорта более характерно, чем для

педагогов высшей школы, рассматривать удовлетворенность трудом в качестве фактора, влияющего на профессиональное счастье.

Согласно полученным результатам, удовлетворенность заработной платой ($p \leq 0,05$) и отношениями с руководством ($p \leq 0,01$) в большей степени ассоциируется с факторами, влияющими на профессиональное счастье, у специалистов железнодорожного транспорта, чем у преподавателей вузов.

Необходимо заметить, что в качестве различий можно рассматривать отсутствие у железнодорожников ответов, связанных с удовлетворенностью возможностью профессионального роста и отношениями с потребителями услуг. Ответы по первой обозначенной составляющей удовлетворенности трудом у педагогов не являются случайными, поскольку высокие требования предъявляются к кругозору, эрудиции преподавателя, его эмпатийным свойствам, рефлексии, личностным качествам. Факторы, влияющие на профессиональное счастье, не ассоциируются у железнодорожников с удовлетворенностью отношениями с потребителями услуг ввиду отсутствия непосредственных контактов с ними.

Цветоассоциативный эксперимент использован нами в качестве дополнительной методики с целью конкретизации имплицитных представлений дальневосточников о профессиональном счастье. Респондентам предъявлялся классический перечень восьми цветов Люшера: синий, зеленый, красный, желтый, фиолетовый, коричневый, черный, серый. Перед испытуемыми ставилась задача выбрать цвет, который ассоциируется у них с понятием «профессиональное счастье». Следует отметить, что каждый цвет можно расшифровать как некий текст, характеризующий изучаемые образы в их психологическом смысле, а также в значениях, сформированных в русской языковой культуре. Качественный анализ цветоассоциативных выборов на стимул «профессиональное счастье» проводился на основе значений цветов, предложенных Дж. Купером [7], М. Люшером [4], М.О. Суриной [15].

Сравнительный анализ процентных долей выборов двух профессиональных групп по каждому цвету осуществлялся с использованием критерия Φ^* -угловое преобразование Фишера. Согласно полученным данным статистически значимых различий в цветоассоциативных выборах двух групп на стимул «профессиональное счастье» не было выявлено.

Лидирующими по количеству ассоциаций оказались зеленый, желтый, красный и синий

цвета. Зеленый цвет как символ надежды, радости, весны, юности, уверенности, преуспевания характеризует исследуемую категорию с точки зрения роста, процветания и новых перспектив, самоутверждения, признания. Желтый цвет позволяет рассматривать профессиональное счастье как символ ожидания, оптимизма, стремление к изменению. Красный цвет характеризует исследуемый феномен со стороны деятельности, активности и движения. Синий цвет символизирует стремление к согласию, доверию, пониманию, отсутствию конфликтов.

Необходимо заметить, что цвета, несущие негативную смысловую нагрузку: черный (агрессия, враждебное отношение, негативизм); серый (нетворческое начало, траур, депрессия, унижение); коричневый (болезненное состояние, слабость, усталость) не были выбраны дальневосточниками в качестве символов профессионального счастья.

Заключение

Обобщение результатов теоретического анализа и эмпирического исследования позволило сформулировать следующие выводы.

1. Психосемантические методы исследования позволяют изучить субъективный опыт переживаний, связанный с профессиональным счастьем, и открывают возможность рассмотрения психологических особенностей представлений о профессиональном счастье в языковых конструктах, характерных для специалистов разнотипных профессий.

2. Значимое влияние на формирование представлений специалистов о профессиональном счастье оказывают особенности сферы деятельности:

– представления железнодорожников в большей степени связаны с ценностным отношением к деятельности. Специалисты железнодорожного транспорта относятся к профессиям типа «человек – техника», в которых доминируют субъект – объектные взаимодействия, а трудовая деятельность состоит в преобразовании предметного мира;

– представления преподавателей высшей школы в большей степени связаны с ценностным отношением к субъектам образовательного процесса. Преподаватели вузов относятся к профессиям типа «человек – человек», в которых ведущими являются субъект – субъектные отношения, а в качестве предмета преобразования выступают процессы человеческих отношений.

3. Значимое влияние на формирование представлений специалистов о профессиональном

счастье оказывают внутренние факторы: значимость профессиональной деятельности, ценностное отношение к себе как профессионалу и к субъектам совместной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артемьева, Е.Ю.* Изучение структуры субъективного опыта в условиях неопределенных инструкций / Е.Ю. Артемьева, Г.А. Урунтаева // Мышление, общение, опыт: межвуз. темат. сб. / под ред. Ю. К. Корнилова. – Ярославль : Ярославский гос. ун-т, 1983. – С. 108–118.
2. *Артемьева, Е.Ю.* Описание структур субъективного опыта: контекст и задачи / Е.Ю. Артемьева, Ю.К. Стрелков, В.П. Серкин // Мышление, общение, опыт: межвузов. темат. сб. / под ред. Ю.К. Корнилова. – Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 1983. – С. 99–107.
3. *Артемьева, Е.Ю.* Психосемантические методы описания профессии / Е.Ю. Артемьева, Ю.Г. Вяткин // Вопросы психологии. – 1986. – № 3. – С. 127–133.
4. *Бажин, Е.Ф.* Цветовой тест отношений: метод. рекомендации / Е.Ф. Бажин, А.М. Эткинд. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. – 17 с.
5. *Деркач, А.А.* Психология развития профессионала / А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин, А.К. Маркова. – М.: РАГС, 2000. – 125 с.
6. *Зеер, Э.Ф.* Личностно-ориентированное профессиональное образование / Э.Ф. Зеер. – Екатеринбург: Изд-во УГПУ, 1998. – 126 с.
7. *Купер, Дж.* Энциклопедия символов / Дж. Купер. – М.: Золотой век, 1995. – 402 с.
8. *Митина, Л.М.* Проблемы профессиональной социализации личности : монография / Л.М. Митина, Р.Л. Кричевский ; под ред. Л.М. Митиной. – Кемерово, 1996. – 159 с.
9. *Митина, Л.М.* Профессиональное развитие и здоровье педагога: проблемы и пути решения / Л.М. Митина // Вестник образования России, 2005. – № 8 – С. 33–49.
10. *Митина, Л.М.* Психология развития конкурентно-способной личности / Л.М. Митина. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 2002. – 400 с.
11. *Митина, Л.М.* Учитель как личность и профессионал (психологические проблемы) / Л.М. Митина. – М.: Дело, 1994. – 216 с.
12. *Поваренков, Ю.П.* Психологическое содержание профессионального становления человека / Ю.П. Поваренков. – М.: Изд-во УРАО, 2002. – 160 с.
13. *Серкин, В.П.* Образ мира и образ жизни / В.П. Серкин. – Магадан: Изд-во СМУ, 2005. – 331 с.
14. *Серкин, В.П.* Структура и функции образа мира в практической деятельности: дис. ... д-ра. психол. наук / В.П. Серкин. – М., 2005. – 356 с.
15. *Сурина, М.О.* Цвет и символ в искусстве, дизайне и архитектуре / М.О. Сурина. – М.: АртТ, 2003. – 288 с.

ЗДОРОВЬЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

С.С. Халикова

Халикова Светлана Сергеевна – аспирант Дальневосточной академии государственной службы (г. Хабаровск).

Контактный адрес: halikovas@yandex.ru

В статье рассматривается актуальность проблемы состояния здоровья студентов и ее влияние на геополитическую ситуацию на Дальнем Востоке. Проводится анализ востребованности критерия здоровья работодателями при приеме на вакантную должность, а также уровень самосохранительного поведения студентов. Представленный в статье эмпирический материал основывается на исследованиях, проведенных на выборке студентов вузов Хабаровского края.

Ключевые слова: здоровье, студенты, молодежь, региональные факторы, социальная политика, миграция, рынок труда, самосохранительное поведение.

Проблема здоровья населения является как общенациональным, так и региональным приоритетом в социальной политике. В последнее время здоровье населения в российском обществе становится не только медико-биологической, но и социальной категорией, детерминирующей воспроизводство и качество его человеческого потенциала.

Студенческая молодежь заслуживает особого внимания в данном контексте. Во-первых, студенты представляют не только потенциал трудовых ресурсов общества, но и его высококвалифицированный компонент, в значительной мере управленческий. Во-вторых, молодежь является популяционным ресурсом, плохое состояние здоровья которого отрицательно отразится и на последующих поколениях.

В условиях специфики Дальневосточного региона, обусловленных суровыми природно-климатическими условиями жизнедеятельности, неблагоприятной экологической обстановкой, низким качеством питания, неразвитостью инфраструктуры спорта и физкультуры, здоровье студенческой молодежи является и геополитическим фактором для национальной безопасности России.

Количество населения в регионе постоянно снижается. Отмечается высокая смертность, особенно связанная с онкологическими заболеваниями и заболеваниями сердца, низкая рождаемость. Процент рожденных здоровых детей с каждым годом уменьшается, здоровье детей и подростков ухудшается в процессе учебы и в итоге к моменту окончания школы лишь 10 % детей можно считать здоровыми [5: с. 15]. Поэтому проблема сохранения и укрепления здоровья детей и молодых людей является одной из

приоритетных в социальной политике государства. Выявление региональных факторов и социальных причин является важнейшей социальной, управленческой задачей всех ветвей власти региона, структур, занимающихся проблемой здоровья населения.

Ситуацию с сокращением населения усугубляет процесс непрекращающейся миграции. Дальневосточные территории чаще покидают «качественное» (в профессиональном, деятельностном смысле) население.

Результаты исследования, проведенного в 2010 г. на выборке студентов вузов Хабаровского края (n = 297, тип выборочной совокупности – квотный по характеристике курса), подтверждают нежелание жить и работать на территории края выпускников вузов, лишь 56,8 % планируют здесь остаться для дальнейшего проживания, почти пятая часть опрошенных еще не определились, что не исключает вероятность их отъезда на постоянное место жительства за пределы региона [10].

Основными причинами, по которым молодежь собирается покинуть территорию края, являются низкий уровень заработной платы (37,2 %), отсутствие жилья (32,6 %), затруднения с трудоустройством, которое бы соответствовало их требованиям и притязаниям (30,8), а также экологические проблемы края (24,4 %) и неблагоприятная обстановка для состояния здоровья (12,8). Некоторые респонденты особо обратили внимание на качество воды, употребление которой, по их мнению, неблагоприятно сказывается на состоянии здоровья и климатические условия, которые также не способствуют его укреплению [10] (рис. 1).

Ответы студентов отражают основные проблемы региона, связанные природно-климатическими условиями, экологической обстановкой, часто случающимися пожарами, неразвитостью социальной инфраструктуры и здравоохранения, низкими доходами населения и более низким уровнем жизни, чем в западных регионах России. Для трети студентов побудительным мотивом к миграции с региона является сохранение своего здоровья (31 %).

Большинство из тех, кто планирует остаться для дальнейшего проживания в Хабаровском крае, являются его коренными жителями (40,1 %), почти треть опрошенных считают, что в крае достаточно много возможностей для его

дальнейшей карьеры (32,4 %), многие обосновывают свое решение наличием собственного жилья (26,6 %), полностью устраивают возможности края лишь пятую часть респондентов (18 %), 13,5 % считают, что смена места жительства может негативно сказаться на здоровье, а к местным условиям организм уже адаптирован.

Результатом отрицательных демографических показателей и миграционных потоков является снижение численности трудоспособного населения. И хотя такая ситуация наблюдается по всей стране, в Дальневосточном округе эта проблема стоит особенно остро [9: с. 101] (табл. 1).

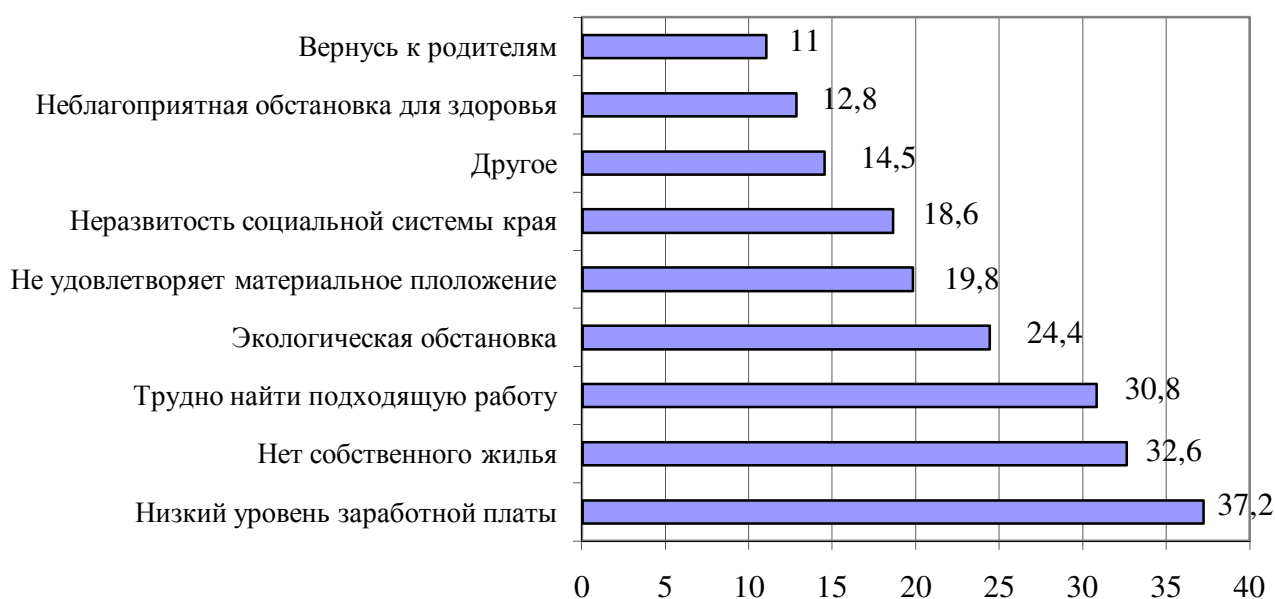

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Укажите причину, по которой вы не планируете оставаться жить и работать на территории Хабаровского края» (процент от числа опрошенных)

Таблица 1

Изменение численности трудоспособного населения Российской Федерации по Федеральным округам, тыс. человек

Федеральный округ	Годы		
	2001–2005	2006–2010	2011–2015
Российская Федерация	2 190	-3 911	-6 443
Центральный округ	382,5	-1 100	-1 646
Северо-Западный округ	44,6	-600	-797
Южный округ	588,8	-140	-599
Приволжский округ	641,7	-741	-1 418
Уральский округ	259,6	-394	-601
Сибирский округ	311	-622	-1 014
Дальневосточный округ	-38,2	-314	-368

Постоянно возрастающий темп жизни, современный образовательный уровень, условия труда и все возрастающая напряженность умственной деятельности требуют от специалиста не только соответствующей квалификации, высокого образовательного и культурного уровня, но и крепкого здоровья, хорошей физической и функциональной подготовленности, высоких моральных и волевых качеств. Охрана здоровья студентов считается одной из важнейших социальных задач общества. Успешная подготовка высококвалифицированных кадров тесно связана с укреплением и охраной здоровья, повышением работоспособности студенческой молодежи.

Студенты представляют количественно крупную группу в социальной структуре населения и наиболее активную часть молодежи региона. В социально-экономическом плане студенчество следует рассматривать в первую очередь как резерв корпуса специалистов, работников умственного труда большинства профессий.

Современный рынок труда и образовательных услуг характеризуется совокупностью динамических связей между его участниками. Рынок образовательных услуг стремится выпускать конкурентоспособных специалистов, которые соответствуют требованиям современного рынка труда, который в свою очередь также заинтересован получать подходящие по всем параметрам кадры.

Молодые люди, закончив высшее учебное заведение, становятся непосредственными участниками рынка труда. К этому моменту они обладают определенным человеческим капиталом, который, по мнению Г.Беккера, включает нормы, ценности, знания, умения, опыт человека, а также его здоровье, которое является определенным ресурсом [3]. Здоровье занимает одну из важных составляющих человеческого капитала. По мнению большинства студентов (65,3 %), здоровье занимает высокое место среди других составляющих, среднее – 27,6 % и лишь 2 % ставят его на низкие позиции [10].

Первые шаги к будущему профессионализму работника начинаются с его обучения профессии. Подчеркивая связь здоровья с будущей профессиональной деятельностью, Б.Г. Акчуринов отмечает, что физическое здоровье отражает такую степень физического развития студента, его двигательных навыков и умений, которая позволяет наиболее полно реализовывать свои творческие возможности [1: с. 6]. Физическое здоровье является не просто желательным качеством будущего специалиста, а необходимым элементом

его личностной структуры, важным условием построения и развития общественных отношений. Классическое и достаточно емкое определение здоровья как физического, психического и социального благополучия нуждается в коррекции, когда речь заходит о здоровье профессиональном. На первый план в трактовке здоровья в этом случае выходят показатели (элементы) психофизического сопряжения, обеспечивающие взаимодействие биологической составляющей и социально-технической среды. При этом одни авторы обращают внимание на то, что здоровье является «наиболее важным» из аспектов профессионализма, другие, что оно отражается в «психофизической готовности специалиста» и состоит из следующих компонентов: достаточной профессиональной работоспособности; наличия необходимых резервов физических и функциональных возможностей организма для своевременной адаптации к быстро меняющимся условиям производственной и внешней среды, объему и интенсивности труда; способности к полному восстановлению в заданном лимите времени; присутствия мотивации в достижении цели [11: с. 66–67].

В современных условиях высшая школа, выпуская на рынок труда будущих работников, формулирует основные профессиональные компетенции, соответствующие запросам работодателей и требованиям современного рынка труда. По мнению Н.Т. Штерца, к ключевым компетенциям выпускника относятся: физическое и нравственное здоровье; активная жизненная позиция; целеполагание и деятельность в этом направлении; формирование умения находить оптимальные варианты решения проблем в нестандартной ситуации; самоконтроль и самообразование; формирование самодостаточной личности [13].

Из данной структуры компетенций видно, что здоровье будущих работников является значимым фактором при формировании будущего профессионального корпуса специалистов. Но исследователи, занимающиеся проблемами трудоустройства выпускников, утверждают, что работодатели не всегда учитывают данный показатель.

Так, например, специалисты независимого рейтингового агентства «Рейтер», проведя исследование в 23 крупных городах России, выяснили, на основе каких критериев работодатели делают свой выбор. Работодатели, как правило, используют три основных критерия при найме на работу молодых специалистов из числа выпускников вузов [7].

Прежде всего, они смотрят на специализацию образования молодого специалиста. Несмотря на всю важность личностных качеств, в первую очередь, необходимы специальные знания для занятия определенной должности. Критерий «специальность выпускника вуза» используют при найме на работу более 70 % работодателей.

Второе место занимает опыт делового общения с кандидатом. Необходимо сначала пригласить и понять, как человек будет чувствовать себя в коллективе, многие члены которого значительно старше его. Поэтому данный критерий используют более половины опрошенных работодателей.

Репутация вуза, его общественная значимость тоже накладывает свой отпечаток на выбор работодателей (47,5 %). Другими критериями, которые используются работодателями для отбора молодых специалистов, являются наличие хороших рекомендаций со стороны вуза, уровень запросов выпускника, средний балл диплома и просьба родственников, друзей и знакомых.

Результаты исследования показали, что работодатели стараются использовать более понятные и объективные критерии при найме молодых специалистов. Прежде всего, они оценивают собственные потребности в сотрудниках, имеющих образование по конкретной специальности, а после – общаются с молодыми кандидатами перед их трудоустройством, отбирая выпускников более известных и популярных вузов. Таким образом, результаты данного исследования не включают показатель состояния здоровья молодых специалистов, отдавая предпочтения при выборе кандидатур лишь профессиональным знаниям и умениям.

Согласно исследованию «Приоритеты современного работодателя», проведенного Ю. Дмитриевой, требования работодателей к выпускникам вузов выглядят следующим образом: 1) опыт работы (86,6 %); 2) наличие высшего образования (80,4 %); 3) наличие нужных связей (70,5 %); 4) знания и трудовые навыки (60,4 %); 5) мотивация к дальнейшему обучению (57,4%) [4: с. 58]. В идеале нанимаемый выпускник вуза – это специалист с некоторым опытом работы и нужными связями. На момент приема его рабочие качества имеют второстепенное значение, но в дальнейшем встает задача его доучивания или переучивания.

Таким образом, согласно проведенным исследованиям, состояние здоровья выпускников, претендующих на рабочие места, работодателями практически не учитываются. Тем не менее,

рассматривая личностные качества и компетенции, которые выделяют работодатели как нежелательные у претендентов на рабочие места, следует отметить вредные привычки [2].

Существует и другая структура предъявляемых требований к будущим работникам, которая предполагает в своем составе обязательное наличие характеристик здоровья. Так, например, П.Е. Щеглов, Н.Ш. Никитина предлагают свою структуру критериев отбора выпускников работодателями [14: с. 48]. С точки зрения работодателя, выпускники должны обладать: практическими и теоретическими знаниями и навыками; развитыми профессиональными качествами, необходимыми для выполняемой ими работы (инициативность, организационные способности и т. д.); высокой работоспособностью, что предполагает наличие крепкого здоровья и высокой физической выносливости.

Такие ученые, как О.С. Кузьмич, С.Ю. Рошин, анализируя влияние здоровья на предложение труда, указывают на прямую зависимость между работой и состоянием здоровья: хорошее здоровье положительно влияет на заработки и занятость, а плохое соответственно отрицательно [8: с. 36].

Существующие исследования и мнения по поводу значимости критерия здоровья при трудоустройстве позволяют сделать вывод, что действительно современный темп жизни, современные производства и технологии требуют от работника не только профессионализма, но и крепкого здоровья, ведения здорового образа жизни. Однако постоянно сокращающееся количество трудоспособного населения не всегда позволяет нам иметь выбор кандидатов на замещение вакантных должностей. В условиях Дальнего Востока, где большинство потенциальных работников готовы при первой же возможности покинуть регион, и уезжают, как правило, люди молодые, образованные, здоровые, эта проблема стоит особенно остро. Поэтому рассматривать здоровье в качестве значимого критерия при приеме на работу в региональных условиях не приходится.

Третью студентов все же считает, что работодатель обязательно обращает внимание на состояние здоровья потенциального работника. Около половины опрошенных студентов согласны с тем, что работодатель обращает внимание на данный факт (49,7 %), но не является значимым, решающим. И лишь 6,1 % указывают на то, что работодатели не обращают внимание на данный показатель [10].

Сами же студенты в большинстве своем считают, что здоровье является значимым критерием при приеме на работу (69 %). Меньше всего

в этом уверены студенты пятого курса – будущие выпускники (62,7 %), но среди них и больше тех, кто затруднился ответить (рис. 2).

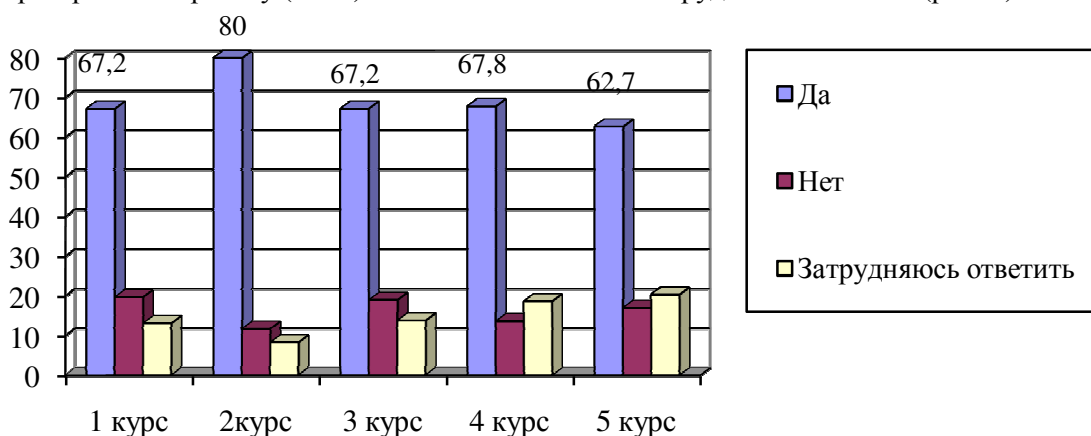

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, является ли значимым критерием здоровье при приеме на работу?» (процент от числа опрошенных)

Результаты исследований показывают, что студенты, понимая негативное влияние объективных факторов, влияющих на состояние здоровья, его важность для трудоустройства, не стараются сохранить его. Говорить о низком уровне самосохранительного поведения нам позволяет исследование, проведенное среди студентов вузов Хабаровского края (ТОГУ, ДВАГС, ДВГУ; $n = 646$; тип выборочной совокупности – квотный в разрезе четырех характеристик: пол, курс, специальность, форма обучения), согласно которому отмечается активное табакокурение, употребление алкоголя и наркотиков студентами, а также низкая двигательная активность и нерациональный образ жизни [6].

Основной причиной, препятствующей самосохранительному поведению, направленному на заботу, поддержание и укрепление здоровья, студенты выделяют слабую силу воли (28,4 %). И девушки, и юноши поставили этот фактор на первое место (34,8 % и 23,3 % соответственно). На отсутствие времени ссылается пятая часть студентов, девушки чаще (26,1 %), чем юноши (16,3 %) указывают именно эту причину. А уверенность в том, что никакие заботы не гарантируют хорошего здоровья, доминирует среди юношей (20,9 %). Достаточно популярным явился ответ о нежелании ни в чем себя ограничивать (12,5 %), отсутствие соответствующих условий (8,0 %). Незначительное количество студентов отмечают, что необходимости в заботе о здоровье нет, так как они и так здоровы (5,6 %). Вообще не задумывался об этом почти каждый десятый студент мужского пола (9,3 %), выражая

этим полное безразличие к состоянию своего здоровья.

Несмотря на очевидность того, что курение приносит вред здоровью, около трети от общего числа опрошенных курят. Курят и юноши, и девушки как на первых, так и на выпускных курсах. Показатель интенсивности курения (количество выкуриваемых сигарет в день) показывает, что в целом у студентов преобладает неинтенсивное курение (до 10 сигарет в день) – 63,1 %, к группе активно курящих относятся 4 % (более 20 сигарет).

Наряду с проблемой табакокурения, следует отметить и другую серьезную проблему – рост употребления молодежью алкогольных напитков. Вообще не пьют никакие алкогольные напитки лишь 8,8 % студентов. Самым часто употребляемым алкогольным напитком является пиво, его употребляют больше половины студенческой молодежи. Крепкие напитки (водка, коньяк) тоже не остаются без внимания студентов, их употребляют около половины юношей и треть девушек.

Еще один показатель здорового образа жизни – физическая активность. Во-первых, спорт и физкультура представляют социально-позитивные виды досуга, обеспечивающие активную социализацию молодежи и способные удовлетворять целый ряд ее социальных потребностей: в саморазвитии, в общении со сверстниками, в личном самоутверждении и уважении со стороны окружающих. Во-вторых, систематические занятия спортом и физической культурой являются признанным ключом к укреплению здоровья, профилактике заболеваний, снижают общую заболеваемость молодежи.

В России среднестатистический студент занимается спортом около 0,6 часа в день, а регулярные занятия спортом характерны для четверти студентов [14: с. 54]. В Хабаровском крае студенты не отстают от общероссийских показателей: каждый день занимаются физическими упражнениями 16,6 % респондентов, еще 52,7 % делают это 1–3 раза в неделю, никогда – 9,5 %. Но активность студентов в данном направлении, скорее всего, связана с тем, что физическая культура предусмотрена в учебных планах всех специальностей [6].

При учебной загруженности студентов полноценный отдых является необходимым условием хорошего здоровья. Правильно организованный отдых является залогом хорошего самочувствия. Результаты исследования показывают, что большинство студентов предпочитают не активный отдых (занятия спортом, плавание, прогулки), а общение с друзьями (78 %). Около половины студентов проводят свободное время за компьютером, в Интернете (46,8 %); почти треть – предпочитают смотреть телевизор (28,1 %); более 40 % – ничего не делают, спят, лежат [10].

Уверенность молодых людей в правильности своего поведения приводит к отсутствию заинтересованности в получении какой-либо информации. На вопрос: «Нужна ли вам информация для улучшения своего здоровья?» – утвердительно ответили лишь 32,8 %. Из них меньше интересуются юноши подобного рода информацией (27,6 %), чем девушки (39,9 %). Наибольшую заинтересованность проявляют студенты 3–4-го курсов (39,9 %) [6].

Анализ результатов исследований студенческой молодежи позволяет сделать следующие выводы: определяя здоровье как необходимое условие жизни и успешного трудоустройства, студенты редко подкрепляют это своим поведением. Можно отметить недостаток волевых качеств будущих специалистов в плане физического саморазвития и сохранения своего здоровья; безответственное отношение к своему здоровью, а значит, и к будущим поколениям; значительная часть студентов не владеет знаниями и методами здоровьесбережения, и, к сожалению, не стремятся их получить; существуют объективные и организационные условия снижения показателей здоровья (низкий уровень жизни, отсутствие возможности заниматься физической культурой и спортом, недостаток времени, увеличение интенсивности учебного процесса).

Студенты составляют основной корпус будущих профессиональных работников, являются популяционным ресурсом, поэтому от того со-

хранится ли этот потенциал региона зависит будущее развитие данной территории. Реформирование системы отечественного образования обуславливает необходимость целенаправленного формирования у молодежи ценностей и мотивов здорового образа жизни, сохранения и укрепления ее здоровья в процессе обучения и досуга. Для дальнейшего благополучного развития Дальневосточного региона, сохранения трудоспособного населения, остановки «утечки» молодых кадров необходимо проводить миграционную политику, направленную на сохранение населения в регионе, и активно развивать привычку здорового образа жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акчурина, Б.Г. Проблемы организации деятельности высшей школы по формированию физического здоровья студентов: автореф. дис ... д-ра пед. наук / Б.Г. Акчурина. – Уфа, 1996. – 32 с.
2. Алтухов, В. Исследование проблем и перспектив трудоустройства выпускников вузов на современном рынке труда: вузы и работодатели / В. Алтухов, А. Серебряков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.teletesting.ru>.
3. Беккер, Г. Человеческий капитал / Г. Беккер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.libertarium.ru>.
4. Дмитриева, Ю. Условия трудоустройства выпускников вузов на рынке труда / Ю. Дмитриева // Кадровик. Кадровый менеджмент. – 2008. – № 8. – С. 45–63.
5. Журавлева, И.А. Отношение к здоровью индивида и общества / И.В. Журавлева; Ин-т социологии РАН. – М.: Наука, 2006. – 265 с.
6. Здоровье студентов: социологическое исследование / рук. Н.М. Байков; исполн. С.С. Халикова. – Хабаровск: ДВАГС, 2009. – 42 с.
7. Критерии трудоустройства работодателей России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.reuters.com.ru>.
8. Кузьмич, О.С. Лучше ли быть здоровым? Экономическая отдача от здоровья в России / О.С. Кузьмич, С.Ю. Рошин // Экономический журнал ВШЭ. – 2008. – № 1. – С. 29–55.
9. Назарова, И.Б. Здоровье занятого населения: монография / И.Б. Назарова. – М.: МАКС Пресс, 2007. – 526 с.
10. Отношение студентов к здоровью: социологическое исследование / рук. А.М. Шкуркин; исполн. С.С. Халикова. – Хабаровск: ДВАГС, 2010. – 35 с.
11. Чумаков, Б.Н. Профессионализм и соматическое здоровье / Б.Н. Чумаков // Организация и методика учебного процесса, физкультурно-оздоровительной и спортивной работы: матер. междунар. конф. Ч. 2. – М.: МГУ, 2000. – С. 64–69.
12. Шереги, Ф.Э. Социология образования: прикладной аспект / Ф.Э. Шереги, В.Г. Харчев, В.В. Сериков. – М.: Юрист, 1997. – 432 с.
13. Штерц, Н.Т. Формирование ключевых компетенций выпускника / Н.Т. Штерц [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.elabugacity.ru>.
14. Щеглов, П.Е. Качество высшего образования. Риски при подготовке специалистов / П.Е. Щеглов, Н.Ш. Никитина // Университетское управление: практики и анализ. – 2003. – № 1 (24). – С. 46–59.

РАЦИОНАЛЬНОЕ И ЭФФЕКТИВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЕСОВ: ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ АСПЕКТ

Д.А. Стренаков

Стренаков Дмитрий Александрович – соискатель кафедры государственно-правовых дисциплин Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: strenakov@mail.ru

На основе анализа четырех лет работы лесной отрасли, в условиях нового Лесного кодекса РФ, можно сделать вывод о неэффективном использовании лесов. На примере Дальнего Востока в статье представлены предложения по внесению изменений в законопроекты федерального и краевого уровня, что, по мнению автора, устранит ряд недостатков.

Ключевые слова: государство, лесное законодательство, лесное хозяйство, управление, лесопользование, нарушение лесного законодательства.

В настоящее время, по мнению А.Ю. Ярошенко, А.Ф. Комарова, М.Л. Крейндин, М.И. Поротникова, лесное законодательство не создает стимулов к бережному лесопользованию, лучшему возобновлению лесных ресурсов и препятствует ему [1: с. 79–81]. Работа по развитию лесного хозяйства парализуется бюрократическими требованиями, связанными с планированием, размещением заказов на выполнение лесных работ, отчетностью и контролем.

После принятия Лесного кодекса в 2006 г. система управления лесами в России претерпела кардинальные изменения. Закон предусматривает передачу управления лесами на региональный уровень, однако, закрепляет за федеральными службами финансовые и нормативно-правовые рычаги воздействия. Бесправная ответственность на местах и противоречивость законодательной базы усложняют итак нелегкую ситуацию в лесном хозяйстве России.

В настоящее время к полномочиям субъектов РФ отнесено их участие в осуществлении прав владения пользования и распоряжения лесным фондом на своей территории. Но, поскольку статьей 8 Лесного кодекса лесной фонд признан федеральной собственностью, то у регионов возникает закономерный вопрос, как они могут участвовать во владении, пользовании и распоряжении не принадлежащим им лесным фондом. Как уже говорилось выше, данный вопрос, по нашему мнению, разрешен, но с нарушениями конституционных норм (ст. 9, 72) и норм гражданского законодательства (ст. 214 ГК РФ), что требует более четкого разграничения прав собственности на лесной фонд.

Федеральные органы исполнительной власти по предметам совместного ведения могут передавать органам исполнительной власти

субъектов Российской Федерации осуществление части своих полномочий, и наоборот. Рассмотрим полномочия Российской Федерации и ее субъектов в области использования лесов. Разработка и принятие федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, контроль за их соблюдением. Субъекты Федерации разрабатывают и принимают законы и иные нормативные правовые акты для своей территории (ст. 2 ЛКРФ). В настоящее время эти особенности никак не учитываются. Опыт же регионального законотворчества в целях совершенствования федерального лесного законодательства вообще не анализируется и не применяется.

Это положение, считаем, должно быть пересмотрено, участие субъектов РФ в законотворческом процессе окажет положительное влияние на качество нормативных актов, позволит учесть региональные особенности, так как это было в Основах лесного законодательства РФ от 1993 г. (ст. 3).

На местах (в лесу) отсутствует «единый хозяин», с которого можно требовать обеспечения качества работ, результативности хозяйствования и контроля за использованием лесов, у которого должны быть сконцентрированы все полномочия и средства для проведения достойного баланса и порядка в лесах РФ. Хозяином до реформирования были лесхозы. По действующему законодательству на место лесхозов вывели краевые государственные учреждения (КГУ «лесничества», не наделив их правами, полномочиями и средствами. Считаем необходимым, наделить КГУ «лесничества» полномочиями, присущими хозяйствующему субъекту, и возложить соответствующие функции ранее выполняемыми лесхозами (за исключением коммерчес-

кой деятельности), а также рассмотреть и нормативно закрепить расширение функций: по содействию решению проблем дорожной инфраструктуры на землях лесного фонда с долевым финансированием из бюджетов РФ и субъектов РФ и по заказам арендаторов, иных лиц, использующих леса.

Необходимо выделить следующие специфические и уникальные функции, свойственные только лесному хозяйству: охрана лесов от пожаров; защита их от вредителей, болезней и промышленных загрязнений; лесовосстановление и лесоразведение; организация лесопользования [2: с. 3–5]. Названные функции носят первичный, главенствующий характер, определяющий объективную необходимость самостоятельного функционирования лесного хозяйства. Однако и такие функции, как экономическая и правовая защищенность лесов, управление особо охраняемыми лесными территориями, финансовое, научно-техническое и кадровое обеспечение, хотя и имеют общие черты с другими отраслями, но отличаются специфичностью, свойственной только лесному хозяйству. Специалиста лесного хозяйства нельзя заменить каким-либо другим специалистом, нужна специальная подготовка.

При присоединении лесного хозяйства к лесной промышленности и сельскому хозяйству, как это имело место во время неудавшихся реорганизаций, функции первого неизбежно отходили на задний план, что, как правило, приносило ущерб лесному хозяйству.

Органы управления лесным хозяйством на региональном уровне не должны находиться в двойном подчинении. Практика показала, что данная система не эффективна и трансформируется в бездейственную, бюрократическую иерархию специалистов отписываться.

Вопросами охраны, защиты лесного фонда и воспроизводства лесов должна заниматься самостоятельная структура, Министерство лесного хозяйства, как это было до 1991 г [3: с. 8-9].

Для оперативного управления краевыми государственными автономными учреждениями (КГАУ), по нашему мнению, целесообразно, согласно географического положения, подведомственного имущества, разграничения зон ответственности провести слияние следующим образом (на примере Хабаровского края):

- КГАУ «Мухенское лесное хозяйство» и КГАУ «Нанайское лесное хозяйство» и КГУ «Хабаровское специализированное семеноводческое лесное хозяйство» с предварительным изменением типа последнего;

- КГАУ «Падалинское лесное хозяйство» и КГАУ «Уктурское лесное хозяйство»;

- КГАУ «Северное лесное хозяйство» и КГАУ «Советское лесное хозяйство»;

- КГАУ «Амгунское лесное хозяйство» и КГАУ «Кербинское лесное хозяйство» и КГАУ «Ургальское лесное хозяйство».

Провести лесоустроительные и землеустроительные работы в бывших сельхозлесах. Присвоить статус землям лесного фонда, землям, ранее находившихся в ведении сельскохозяйственных организаций.

По мнению автора, данные работы целесообразно поручить филиалам ФГУП «Рослесинфорг», «Дальлеспроект». В свою очередь федеральному агентству лесного хозяйства необходимо выделить соответствующие субвенции, должным образом проконтролировать.

Подводя итог, обозначим проблемы:

- сформировавшаяся система управления первоочередными функциями на всех уровнях вывела контрольные, опустив фундаментальные вопросы использования, охраны и защиты лесного фонда, а также воспроизводства лесов;

- отсутствует межведомственное взаимодействие;

- функции по рациональному и не истощительному использованию лесов, их охране, защите и воспроизводству возложены на регионы, не являющиеся собственниками лесов;

- распорядительные и контрольные функции сконцентрированы на федеральном уровне;

- отсутствует должная федеральная поддержка субъектов РФ.

Для решения обозначенных проблем необходимо в порядке законодательной инициативы, руководствуясь накопленной практикой в виде 4 лет работы в условиях нового Лесного кодекса РФ, а также в связи с принятием изменений в него, в 2009–2010 годах разработать и внести установленным порядком законопроекты федерального и краевого уровня.

1. Отнесение с 01.01.2010 г. к полномочиям лесничих краевых государственных учреждений в области лесного хозяйства функций государственного лесного контроля и надзора носит рамочный характер. Оставаясь за рамками государственной гражданской службы, лесничие не вправе осуществлять самостоятельно производство по делам о привлечении виновных к административной ответственности. Необходимые полномочия по осуществлению административного производства им не переданы.

Внесением соответствующих поправок в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях планируется устранить данный пробел (юридический казус).

Наделение лесничих полномочиями по осуществлению государственного лесного контроля и надзора повлечет внесение в IV квартале текущего года изменений в краевые нормативные правовые акты, такие как:

– постановление Правительства Хабаровского края № 135-пр «Об утверждении порядка деятельности лесничих на территории Хабаровского края»;

– постановление Правительства Хабаровского края от 04.04.2007 № 69-пр «Об утверждении образца удостоверений государственных инспекторов Хабаровского края и порядка их выдачи».

Потребуется внесение изменений в Уставы краевых государственных учреждений в области лесного хозяйства.

2. На федеральном уровне установить допустимые нормы заготовки и сбора, находящихся на лесных землях пищевых и недревесных лесных ресурсов гражданами для собственных нужд, либо способ их определения. Предоставленные ч. 4 ст. 33 ЛК РФ полномочия субъектов РФ по установлению порядка заготовки и сбора гражданами недревесных лесных ресурсов для собственных нужд недостаточны.

Управлением лесами Хабаровского края прорабатывается вопрос о включении соответствующей нормы в проект изменений в некоторые акты лесного законодательства Российской Федерации.

3. Разработать и утвердить перечень документов, свидетельствующих о добросовестности приобретателя заготовленной древесины, так как в настоящий момент нет четкого перечня документов, в достаточной степени информирующих всех участников оборота и контролирующие организации о добросовестности получения права на товар лицом, владеющим лесопродукцией.

Действующее законодательство РФ и сложившаяся судебная практика относят процедуры по документальному оформлению актов хозяйственной деятельности, о которых идет речь, к

мерам ограничения гражданских прав, в том числе свободы перемещения товаров и услуг на территории РФ. Такого рода меры, согласно ст. 8 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, могут вводиться только федеральным законом. Установление такого перечня является актом гражданского законодательства.

Поэтому, согласно ст. 71 Конституции РФ, принять его может только орган государственной власти РФ.

4. В связи с принятием целого ряда поправок в ст. 33 ЛК РФ целесообразно внести изменения в ст. 1 закона Хабаровского края от 26 декабря 2007 г. № 176 «Об исключительных случаях заготовки древесины на основании договора купли-продажи лесных насаждений на территории Хабаровского края». В частности, планируется исключить пункт 4 как не соответствующий статье 29 ЛК РФ. Дополнить статью 1 пунктом 4 нового содержания в части порядка заготовки елей и (или) деревьев других хвойных пород для новогодних праздников.

На наш взгляд, следует пересмотреть распорядительные и контрольные функции федерального уровня в пользу субъектов РФ, так как, не зная специфики региона, невозможно эффективно управлять и развивать его, необходимо оставлять средства за пользование лесными ресурсами на местах. Иначе такой уникальный ресурс, как лес, исчерпается. Важно понимать, что леса являются государственной собственностью, и оно должно быть заинтересовано в ее приумножении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Поротников, М.И.* Административно-правовая организация механизма управления лесозаготовками на Дальнем Востоке России: дис. ... канд. юрид. наук / М.И. Поротников. – Хабаровск, 2003 – 180 с.

2. *Починков, С.* Чего не знают авторы нового Лесного кодекса, или как реформировать лесной сектор экономики? / С. Починков // Лесная газета. – 2007. – 10 февраля. – № 4. – С. 8.

3. *Шершунов, В.* Нам нужен единый орган управления лесами / В. Шершунов // Лесная газета. – 2002. – 19 марта. – № 7. – С. 3.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРОИЗВОДСТВОМ И СБЫТОМ ПИЩЕВОЙ ПРОДУКЦИИ, НЕ ОТВЕЧАЮЩЕЙ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ, В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ

Е.В. Чурилова

Чурилова Елена Викторовна – аспирантка кафедры уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Контактный адрес: evchurilova@mail.ru

Автор статьи рассматривает некоторые проблемы, возникающие на первоначальном этапе расследования преступлений, связанных с производством и сбытом пищевой продукции, не отвечающей требованиям безопасности, без решения которых невозможно обеспечить эффективную борьбу с преступностью в этом направлении. Как показывает практика, в процессе расследования обозначенных преступлений в Дальневосточном регионе работники следствия нередко испытывают определенные трудности.

Ключевые слова: Дальневосточный регион, недоброкачественные продукты питания, сбыт, производство, первоначальный этап расследования преступлений, процесс, пищевая продукция.

Происходящие в России социально-экономические преобразования выдвигают на передний план задачу создания гарантий для защиты прав и законных интересов граждан от преступных посягательств [2: с. 3]. К сожалению, правоохранительные органы не всегда должным образом справляются с поставленной задачей. Несовершенство законодательной базы, недостаточная организованность и плохая материально-техническая оснащенность правоохранительной системы, слабая подготовка специалистов для органов внутренних дел являются препятствием для повышения качества работы как правоохранительной системы в целом, так и органов предварительного следствия в частности.

Проблемы первоначального этапа расследования всегда привлекали внимание ученых-юристов и практических работников правоохранительных органов. И это не случайно. От того, как организована работа в данный период, от правильного выбора, квалифицированного и своевременного выполнения необходимых следственных и иных процессуальных действий во многом зависит успех дальнейшего расследования и всего производства по уголовному делу [3: с. 393–398].

В начале XXI столетия во всем мире повысился интерес к проблеме продовольственной безопасности. Под безопасностью пищевых продуктов понимается в законодательстве как состояние обоснованной уверенности в том, что пищевые продукты при обычных условиях их использования не являются вредными и не представляют опасности для здоровья нынешнего и будущих поколений (ст. 1 Федерального закона

«О качестве и безопасности пищевых продуктов»). Так, П.Т. Бурдуков и Р.З. Саетгалиев отмечают, что «...в настоящее время под продовольственной безопасностью понимается доступ всех людей в любое время к продовольствию, необходимому для здоровой и активной жизни. При достижении продовольственной безопасности продукты питания имеются в достаточном количестве, их поставки являются сравнительно стабильными и каждый нуждающийся человек может получить продовольствие. Соответственно под национальной продовольственной безопасностью понимается такое положение, при котором все члены общества фактически пользуются правом на достаточное питание или продовольственные ресурсы и в принципе имеется необходимое количество продовольствия» [6: с. 5].

В статье 25 Всеобщей декларации прав человека говорится: «Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния самого и его семьи». Это неотъемлемые права, которые составляют важнейшую компоненту демократических свобод, либерализации экономики и социальной сферы.

Тем не менее в государстве возникла группа взаимосвязанных проблем, ставшая в последние годы многогранной и общегосударственной, касающаяся каждого человека.

Одной из досадных проблем является возрастающий с каждым годом уровень криминализации большинства сегментов потребительского

рынка в сфере пищевой промышленности. Осложняет ситуацию тот факт, что государственная статистика не отражает истинного положения дел. Фиксируется в основном вред, причиненный жизни и здоровью человека от случайного отравления алкоголем, но практически нигде не учитываются факты причинения вреда жизни и здоровью от употребления некачественных, фальсифицированных продуктов питания (колбаса, молочные продукты, консервы и т. д.), лекарственных средств, биологически активных добавок, товаров народного потребления. Более того, реальная картина причиняемого жизни и здоровью ущерба от некачественных продуктов и товаров вряд ли когда-либо может быть получена, и в частности потому, что граждане просто не обращаются в медучреждения, а статистика учитывает лишь те случаи, когда наступает серьезная угроза жизни и здоровью и когда без помощи медицины не обойтись.

В изученных нами уголовных делах в Дальневосточном регионе подавляющее большинство случаев противоправных действий приходится на долю организации производства фальсифицированной алкогольной продукции, тем не менее, имеются случаи организации производства некачественных рыбных деликатесов, мясной продукции, расфасовки чая, кофе в кустарных условиях. В соответствии с Федеральным законом от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» производство продукции в кустарных условиях (не заводским способом), признается некачественной и опасной для жизни и здоровья, не подлежит реализации, уничтожается или утилизируется, даже если не исключен случай того, что по показателям продукция может соответствовать всем нормам [16].

Исторически сложилось, что малые народности Дальнего Востока занимаются рыболовством и животноводством. Используя данное обстоятельство, заинтересованные лица приобретают сырье. Способы приобретения разнообразны: незаконный вылов рыбы; скупка икры у местного населения, имеющего лицензии на отлов рыбы; покупка мяса у граждан, занимающихся животноводством и т. п. В подготовленном помещении, обычно для этих целей используются частные дома, гаражи или иные производственные помещения, происходит переработка сырья, расфасовка в маркированные коробки или банки и закатка продукции. Этикетки похищаются на предприятиях, приобретаются у лиц, их похитивших, а также изготавливаются на копировальном или полиграфическом оборудовании.

Значительно облегчает подготовку и совершение преступлений, связанных с производством либо сбытом пищевой продукции, не отвечающей требованиям безопасности, связь с работниками предприятий-изготовителей, осуществляющими производство тех или иных товаров на законных основаниях (например, с работниками рыбообрабатывающих заводов, мясоперерабатывающих комбинатов и т. д.). Наблюдаются случаи приобретения на рынке товара по низким ценам (оптом), как правило, низкокачественного, с истекающим или истекшим сроком годности, переработка его, реализация и сбыт как высококачественного.

В процессе расследования преступлений, связанных с производством, либо сбытом пищевой продукции, не отвечающей требованиям безопасности, работники следствия испытывают серьезные трудности, особенно если перед совершением этого противоправного деяния была проведена тщательная подготовка и продуманы способы сокрытия преступления, способствовавшие созданию благоприятных условий для криминального противодействия ходу расследования. Эти обстоятельства, во-первых, существенно влияют на своевременное выявление, раскрытие и расследование, во-вторых, сопровождаются значительными трудностями и, в-третьих, требуют эффективного применения следственных и оперативно-розыскных действий, профессионального использования имеющихся сил, средств, методов, приемов и методик. Однако многие следователи и оперативные сотрудники зачастую бывают недостаточно осведомлены об особенностях противодействия расследования преступлений рассматриваемого вида и возможностях его преодоления [1: с. 79].

«Противодействие выявлению преступлению – это активная умышленная деятельность лица или лиц, подготавливающих, совершивших или совершающих преступление, направленное на то, чтобы последнее не было обнаружено или раскрыто» [5: с. 128–140]. Сокрытие преступления препятствует решению одной из задач расследования – раскрытию преступления, т. е. установлению характера, содержания криминального события и виновных лиц [12: с. 51].

Совершая преступления, связанные с производством либо сбытом пищевой продукции, не отвечающей требованиям безопасности, субъекты противоправных действий принимают предупредительные меры, позволяющие скрыть преступление и избежать предусмотренной уголовной ответственности. К таким мерам относятся

искажение бухгалтерской отчетности, дача взяток представителям органов власти, в различные контролирующие органы предоставляются документы для придания видимости доброкачественности продукции и др.

При производстве фальсифицированной пищевой продукции преступники принимают меры максимального внешнего сходства товара к легальной продукции. Для этих целей приобретается полиграфия, оборудование, упаковки и т. д.

Например, в ходе внеплановой проверки, сотрудниками оперативного отдела управления Россельхознадзора по Приморскому краю на территории Первомайского района г. Владивостока выявлено четыре контейнера, в трех из которых обнаружено свыше 50 различных видов мясной продукции общим весом более 40 тонн, а в четвертом – располагался фасовочный цех.

Большая часть продукции имела просроченные сроки годности, при визуальном осмотре установлено, что мясопродукты обладают «несвойственным доброкачественным продуктам цветом и запахом».

В одном из контейнеров вместе с куриным мясом сомнительного качества и неизвестного происхождения обнаружены фирменные пакеты и сертификат соответствия одной из приморских птицефабрик [4: с. 7].

Наиболее ухищренными способами противодействуют выявлению преступлений лица, организующие преступное производство. По нашему мнению, термин «преступное производство» применим в тех случаях, когда производится полностью запрещенная продукция, при этом лица, участвующие в производстве и сбыте криминальной продукции, осведомлены о противоправности своих действий. Такое производство представляет особую общественную опасность и по основным параметрам содержит в себе признаки организованной группы, а в ряде случаев и организованного сообщества.

Так, 7 сентября 2010 г. крупную партию контрафактной лососевой икры обнаружили в Магаданской области. Как предварительно выяснили магаданские оперативники, на севере Ольского района области, вдали от населенных пунктов, развернулось целое мини-предприятие по незаконной добыче красной икры. Место было выбрано весьма удачно в верховье реки Яма, как раз возле мест нереста лосося.

В рамках операции «Барьер», осуществленной силами оперативников УБЭП, ФСБ, ОМОН сотрудников территориального управления Росрыболовства у браконьеров было изъято более

1 тонны лососевой икры. Выпотрошенной рыбы не нашли, так как браконьеры попросту не утруждали себя ее заготовкой, выбрасывая рыбу после извлечения икры в реку.

Браконьерская база состояла из нескольких участков, была тщательно замаскирована и неплохо оснащена: сети, контейнеры, запасы соли, моторная лодка для лова рыбы и даже вездеход для вывоза икры на реализацию. Добытую икру охлаждали в озере неподалеку. Кроме того, на территории базы действовало разделение труда: добычей лосося занимались мужчины, женщины обрабатывали икру. Всего в «рабочем коллективе» было около десятка человек, все жители области.

Найденная икра была изъята, бесхозное имущество уничтожено, а материалы по факту нарушения направили в Ольский РОВД для возбуждения уголовного дела. Установлено, что ущерб от незаконной деятельности составил около 3,3 млн. рублей [9].

Лица, организующие преступное производство, для противодействия выявлению преступления распределяют обязанности каждого участника, при этом всей информацией о преступной деятельности обладает только руководитель, остальные сведениями, необходимыми для выполнения своей роли. Предусматривается план поведения на предварительном следствии в случае разоблачения, выделяются денежные средства на взятки сотрудникам правоохранительных органов, приглашаются высококлассные адвокаты.

Потребление фальсифицированной пищевой продукции может привести к возникновению общественно-опасных последствий, так как в процессе ее производства не соблюдаются технические условия изготовления продуктов питания, правила пожарной и санитарной безопасности, нанимаются рабочие из числа гастарбайтеров, отсутствует какая-либо бухгалтерская документация (ведутся только черновые записи о количестве отпускаемого товара), продукция перевозится к месту сбыта нелегально, в различных тайниках, сбывается только за наличный расчет.

Так, сотрудниками Россельхознадзора по Амурской области при проведении оперативных мероприятий по пресечению незаконной добычи, транспортировки и реализации продукции водных биологических ресурсов задержана партия икры кетовой в количестве 2 тысячи 968 литров, перевозимой из Хабаровского края в город Свободный Амурской области. Документов, подтверждающих качество и безопасность продукции (качественное удостоверение, сертификат

соответствия, ветеринарное свидетельство), не предоставлено [4: с. 7].

Неудовлетворительное состояние практики борьбы с обозначенными преступлениями, включающей преодоление противодействия их расследованию, усугубляется еще и тем, что по данному направлению работы недостаточно используется помощь граждан, готовых сотрудничать с органами внутренних дел как гласно, так и на конфиденциальной основе [11: с. 86].

Еще одной проблемой первоначального этапа расследования преступлений, связанных с производством либо сбытом опасной для жизни и здоровья потребителей пищевой продукции, является отсутствие должного взаимодействия как внутри системы правоохранительных органов, так и с другими государственными ведомствами, осуществляющими контроль качества пищевой продукции, что негативно влияет на эффективность борьбы с преступлениями данной категории. Все это приводит к существенному росту числа лиц, не привлеченных к ответственности за совершенные преступления, необоснованному отказу в возбуждении уголовных дел либо их прекращению на стадии предварительного расследования. Не секрет, что с каждым годом преступность существенно изменяет свое качество в сторону организованности и коррумпированности. Для подготовки, совершения и сокрытия преступлений используются достижения научных и технических средств [8: с. 55]. Подобное положение дел требует от государства адекватных мер в сфере борьбы с преступностью, активного и эффективного использования инструментария оперативно-розыскной деятельности. Единство целей и общность задач осуществления ОРМ и уголовного процесса обуславливают успешное расследование рассматриваемых преступлений. Однако сближение, эффективность этих правоохранительных инструментов заключается не только в единстве, но и в специфике: следователь и органы, осуществляющие ОРМ, обладают специфическими, только им присущими средствами раскрытия и расследования производства либо сбыта опасной для жизни и здоровья потребителей, пищевой продукции.

Неоценимую помощь в ходе расследования обозначенных преступлений оказывают специалисты-криминалисты. Экспертно-криминалистическая служба является важным звеном в обеспечении объективности расследования преступлений, связанных с производством либо сбытом недоброкачественной пищевой продукции. Однако успешное использование специальных зна-

ний в расследовании рассматриваемых преступлений возможно только тогда, когда следователи работают в тесном контакте с экспертно-криминалистическими подразделениями и специалистами контрольно-надзорных служб (например, Роспотребнадзор, Россельхознадзор и т. д.). Большое значение в этом плане имеет получение и изучение специальной литературы, нормативных документов и использование содержащихся в них данных при расследовании рассматриваемых преступлений.

Также специалисты могут дать консультацию в отношении особенностей технологии изготовления и признаков товара – продукта криминальной деятельности. Кроме того, следователь может получить сведения о произведенных ранее проверках, содержании материалов этих проверок и месте нахождения недоброкачественной пищевой продукции на интересующих следствии объектах.

Как показывает практика, нередко следователи испытывают затруднения при планировании начального этапа расследования производства либо сбыта опасных для жизни и здоровья потребителей пищевых продуктов. Дело в том, что в этот период следователю необходимо учитывать ситуационные факторы и обусловленные ими, «привязанные» к ним типовые схемы и программы действий, так как процесс расследования преступлений [13: с. 38], связанных с производством либо сбытом пищевой продукции, не отвечающей требованиям безопасности, в различных ситуациях может развиваться в различных направлениях.

Например, в одних случаях, процесс расследования будет идти в ситуации от данных об объекте, на котором производится обозначенная пищевая продукция к точкам сбыта, от субъектов производства к их соучастникам.

В другой ситуации – от данных о месте сбыта и участвующих в этом лицах к объекту и субъектам производства и другим звеньям преступной цепочки.

В третьих случаях – от обстоятельства и результатов задержания с поличным сбытчика обозначенной пищевой продукции, осмотра и изъятия товара к другим участникам и звеньям преступной цепочки.

Итак, в ситуации, связанной с задержанием с поличным сбытчиков криминальных продуктов, система тактической операции может включать следующие элементы:

- обнаружение, осмотр, изъятие товара;
- сбор данных о личности задержанного, место его жительства, работы, отдыха, наличие

транспортных средств, дач, гаражей и других объектов, в которых могут находиться имеющие значение для дела документы, предметы, вещества, деньги и другие объекты;

- производство обысков в указанных местах;
- сбор данных о связях задержанного и имеющие к ним отношение объекты (квартиры, гаражи и т. д.), производство там следственных осмотров и обысков;

- задержание и допрос соучастников задержанного, допрос иных выявленных лиц;

- назначение судебных экспертиз для исследования обнаруженных материальных следов, предметов, вещей, веществ, документов.

Когда же операция развивается в ситуации, зависящей от данных об объектах производства недоброкачественной пищевой продукции (предприятий общепита, квартир, гаражей и т. д.) или сбыта товаров (магазины, киоски, рынки и т. д.), элементами ее могут быть:

- сбор установочных данных на объект и лиц, имеющих к нему отношение;

- организация скрытного оперативного наблюдения за объектом с документированием фактов, имеющих значение;

- оперативное выявление и допрос покупателей, изъятие, осмотр и обеспечение предварительного, а затем судебно-экспертного исследования изъятых у них продукции;

- организация и производство обследований, осмотр, обыск на объекте и в других местах, имеющих отношение к преступной деятельности и жизнедеятельности фигурантов, изъятие и исследование предметов, документов, содержащих полезную информацию, задержание, допрос, личный обыск подозреваемых.

Расследование рассматриваемых преступлений может осуществляться и по данным о последствиях содеянного.

Так как производство опасной для жизни и здоровья потребителей пищевой продукции, без сомнения, рассчитано на ее дальнейшую реализацию и используется в целях сбыта либо самими изготовителями, либо их соучастниками и покупателями, данные преступления раскрываются по принципу обратного причинного следствия. В соответствии с этим принципом познание идет в направлении, противоположенном тому, который характерен развитию причинно-следственной цепочки в рамках познаваемого события, т. е. не от причин к их следствию, а, наоборот, от последствий к вызвавшим их причинам [14: с. 8].

Опираясь на этот подход, в теории криминалистики, по мнению В.А. Образцова, выработана следующая типовая модель уголовно-процессуального познания в стадии уголовно-процессуального раскрытия преступления. Вначале устанавливаются обстоятельства, относящиеся к характеристике происшествия (время, место, характер, размер причиненного вреда и т. д.), затем непосредственная (ближайшая) причина случившегося и после этого основная причина случившегося. С правовой точки зрения основной причиной является действие или бездействие, обусловившее возникновение и реализацию непосредственной причины [10: с. 23].

Последствиями производства и сбыта недоброкачественной пищевой продукции могут быть отравления, инфекционные заболевания, а также смерть потребителей опасных пищевых продуктов.

В таких случаях основным направлением расследования будет получение доказательственного знания на основе последовательного решения следующих задач:

- установление обстоятельств, связанных с личностью, количеством пострадавших, характером, природой, видом заболевания (отравление), особенностями его возникновения, развития, лечения, исхода;

- установление обстоятельств, относящихся к месту, времени, обстановке, видам, причине, форме допущенных нарушений правил обеспечения безопасности пищевых продуктов как основной причины исследуемого по делу происшествия;

- установление обстоятельств, связанных с непосредственной причиной происшествия;

- установление обстоятельств, относящихся к личности нарушителя, форме вины и мотивационному механизму преступного поведения.

В этом случае алгоритм основных следственных действий должен включать в себя:

- допрос работников проверяемых объектов, потерпевших, родственников, близких, иных знакомых заболевших либо умерших потребителей недоброкачественной пищевой продукции, работников медицинских учреждений и санитарно-эпидемиологических органов, граждан, являвшихся покупателями обозначенной продукции в проверяемом предприятии, но по каким-то причинам не заболевших;

- следственный осмотр мест изготовления, хранения, реализации, употребления пищевой продукции, мест заболевания, амбулаторного и клинического лечения, других объектов;

- выемку и истребование необходимых документов;
- изъятие недоброкачественной пищевой продукции, ее исследование и утилизацию, переработку пищевой продукции, подозрительных веществ, биологических материалов, полученных от потерпевших;
- назначение и проведение документальных бухгалтерских проверок, ревизий, санитарно-эпидемиологических обследований хозяйственных объектов, участников проверяемой по делу деятельности, освидетельствование заболевших;
- назначение судебно-медицинской, санитарно-эпидемиологической, судебно-пищевой и иных экспертиз [7].

Таким образом, возрастающий рост преступлений, связанных с производством либо сбытом опасной для жизни и здоровья потребителей пищевой продукции, повышения уровня организованности и масштабов причиняемого ущерба, высокий уровень их латентности и противодействия расследованию требуют отнестись к данному виду преступлений к приоритетным направлениям деятельности следственных органов, аппаратов уголовного розыска и ОБЭП в борьбе с преступлениями против здоровья населения и общественной нравственности.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что для успешного раскрытия и расследования этих преступлений необходимы высокий профессионализм следователей и оперативных работников, активная, наступательная работа с использованием всего арсенала криминалистических и оперативно-розыскных сил, позволяющих эффективно преодолевать противодействие раскрытию и расследованию преступлений [15]. Важным моментом в организации расследования преступлений, связанных с производством либо сбытом пищевой продукции, не отвечающей требованиям безопасности, является умение направить процесс расследования преступлений в нужном направлении, учитывая ситуационные факторы и «привязанные» к ним типовые схемы и программы. Кроме того, налаживание должного взаимодействия как внутри системы правоохранительных органов, так и с другими государственными ведомствами, осуществляющими контроль качества пищевой продукции, способствует быстрому и качественному расследованию обозначенных преступлений.

Решение этих задач невозможно без проведения глубокого, комплексного научного исследования закономерностей и тенденций в борьбе с

данным видом преступлений, без разработки современных криминалистических рекомендаций для успешного решения задач уголовного судопроизводства, обеспечивающего наиболее эффективную борьбу с преступностью в этом направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алехин, Д.М.* Расследование хищений культурных ценностей: дис. ...канд. юрид. наук / Д.М. Алехин. – Хабаровск, 2008. – 208 с.
2. *Афанасьев, В.Г.* Научное управление обществом: Опыт системного исследования / В.Г. Афанасьев. – 2-е изд., доп. – М.: Полит. лит., 1973. – 18 с.
3. *Белкин, Р.С.* Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации / Р.С. Белкин. – М.: Юрист, 1997. – 478 с.
4. *Бень, Л.Б.* Правовые аспекты контроля безопасности продуктов питания / Л.Б. Бень // Методы оценки соответствия. – 2006. – № 10 (4). – С. 5–9.
5. *Бертовский, Л.В.* Преступления, связанные с запрещенной экономической деятельностью: проблемы теории и методики расследования / Л.В. Бертовский // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2003. – № 1. – С. 128–140.
6. *Бурдуков, П.Т.* Россия в системе глобальной продовольственной безопасности / П.Т. Бурдуков, Р.З. Саегалиев. – М.: Агро-Пресс, 1999. – 124 с.
7. *Васильев, А.Н.* Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений / А.Н. Васильев. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 71 с.
8. *Горленко, С.В.* Если возбуждено дело о преступлении в сфере экономической деятельности / С.В. Горленко. – М.: Налоговый вестник, 2004. – 272 с.
9. Крупную партию контрафактной лососевой икры обнаружили в Магаданской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.3888.ru/fakenews.html>.
10. *Образцов, В.А.* Теоретические основы раскрытия преступлений, связанных с ненадлежащим исполнением профессиональных функций в сфере производства / В.А. Образцов. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. – 93 с.
11. *Образцов, В.А.* Выявление и изобличение преступника / В.А. Образцов. – М.: Юрист, 1997. – 336 с.
12. *Рыбников Б.Б.* Проблема сокрытия преступлений и ее место в советской криминалистике // Криминалистический сборник. – Рига, 1972. – С. 51–59.
13. *Сергеев, Л.А.* Планирование расследования / Л.А. Сергеев, А.А. Соя-Серко, Н.А. Якубович. – М.: НИИ Прокуратуры СССР, 1975. – 116 с.
14. *Танасевич, В.Г.* Теоретические основы методики расследования преступлений // Советское государство и право. – 1976. – № 6. – 51 с.
15. *Танасевич, В.Г.* Дискуссионные вопросы соотношения предметов уголовно-процессуальной науки, криминалистической тактики и методики раскрытия преступлений // Советская криминалистика. Теоретические проблемы. – М., 1978. – С. 35–37.
16. О качестве и безопасности пищевых продуктов : федер. закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс». – Электронная библиотека студента.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ (60-е годы XX века)

Н.А. Пичугина

Пичугина Нина Андреевна – доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Контактный адрес: tour@festu.khv.ru

Статья посвящена малоисследованной теме – становлению туризма в Хабаровском крае, которое датируется серединой XX в. Последовательно осуществляемые под руководством ЦК КПСС, ВЦСПС мероприятия социальной программы, повышение материального и культурного уровня жизни советских людей привели к тому, что туризм стал одной из примечательных особенностей советского образа жизни.

Ключевые слова: инфраструктура, правительство, профсоюзы, путешествие, отдых, социальный, турист, туризм, экскурсовод, экскурсии, экскурсионные объекты.

В 60-е годы XX века в СССР сложилось такое крупное социально-экономическое явление, как туризм, понимаемый как отдых населения в путешествиях вне постоянного места жительства.

Введение пятидневной рабочей недели создало отличные возможности для развития туризма выходного дня, загородных прогулок и экскурсий. Увеличение свободного времени – одна из важных предпосылок массовости туризма.

Улучшение материального благосостояния советских людей, доступность такого вида отдыха, как туризм, для всех трудящихся страны – рабочих, служащих, инженерно-технических работников, ученых, тружеников села, учащейся молодежи, домохозяек, пенсионеров – а также многообразие видов и форм туристских путешествий сделали туризм излюбленным видом активного отдыха. В итоге туристско-экскурсионное дело превращается в массовое движение в середине XX века.

Опыт развития туризма в нашей стране свидетельствовал о том, что он явился важным фактором оздоровления трудящихся, способствовал укреплению их здоровья. А это означало, что туризм имел большое значение с государственной, экономической точки зрения, положительно воздействуя на повышение производительности труда, развития нашей экономики.

Популярность туризма объяснялось и тем, что из всех видов современного отдыха он, пожалуй, был наиболее универсален, ибо давал возможность удовлетворять самые различные потребности человека: в движении, общении, познании, увлечениях. В нем сочетались разнообразные виды отдыха.

В основе его, прежде всего, лежали причины социального и экономического характера. Ведь

для того чтобы турист мог отправиться в путешествие или на экскурсию, ему, как минимум, необходимо свободное время, он должен иметь определенные материальные возможности. Кроме того, нужен интерес и желание ближе познакомиться с прошлым и настоящим своей Родины, ее памятниками и достопримечательностями, что явилось фактором развития туризма. Для развития туристской инфраструктуры необходимы туристские базы и снаряжение, разработанные маршруты, транспорт, гостиничные комплексы, кемпинги, предприятия общественного питания и многое, многое другое, что называется индустрией туризма. Только в системе Центрального совета по туризму и экскурсиям в обслуживании населения было занято свыше 100 тыс. человек [3]. Особая роль в развитии туризма принадлежала массовым общественным организациям – профсоюзам и комсомолу [10: с 12].

В исследуемый период времени, 60-е годы XX века, в Советском Союзе туризм получил большую популярность, приобрел важное общественно-политическое и социально-экономическое значение, став одним из самых массовых и эффективных видов отдыха.

Председатель Центрального Совета по туризму и экскурсиям ВЦСПС А.Х. Абуков подчеркнул, что туризм, вне всякого сомнения, ныне стал одной из примечательных особенностей советского образа жизни. Являясь доступной для всех формой активного отдыха, он позволит рационально использовать свободное время [1]. Туризм стал развиваться настолько стремительно, что это дало повод многим исследователям, ученым и журналистам назвать его символом века. В печати, особенно зарубежной, заговорили о «туристском буме», «туристском феномене» и даже о «туристской революции».

Было отмечено, что туризм завоевывает сердца все большего и большего числа людей разных возрастов и социальных групп, и что в этом явлении надо разобраться спокойно, объективно и обстоятельно [2]. Тем более, что интерес к туризму, как считали ученые, будет расти и далее во все более широких масштабах. «Охота к перемене мест» стала приметой середины XX века. Большинство людей уже не хотят отдыхать дома, в своем городе, поселке, они стремятся путешествовать по своей Родине и другим странам, знакомиться с их прошлым и настоящим. Становление и развитие туризма потребовало координации управленческого сотрудничества.

Президиумом ВЦСПС 27 сентября 1959 г. было принято постановление «Об улучшении руководства развитием туризма в профсоюзах» [14], в соответствии с которым в республиках, краях и областях создавались туристско-экскурсионные управления; руководство ими возлагалось на советы профсоюзов, а в обязанности Центрального туристско-экскурсионного управления вменялось осуществление контроля за их деятельностью, организация Всесоюзных туристских маршрутов и поддержание международных связей по линии ВЦСПС; межведомственное руководство экскурсионной работой упразднилось и заменилось единым руководством (среди взрослых – в системе ВЦСПС, а среди учащихся – в системе Министерства просвещения СССР).

Несомненно, значительный вклад в развитие туристско-экскурсионного дела внесли постановления Президиума ВЦСПС. Выполняя задачи, поставленные партией и правительством перед профсоюзами, ВЦСПС, советы и комитеты профсоюзов провели в 1961–1965 гг. большую организаторскую работу по расширению туристско-экскурсионных учреждений.

20 июля 1962 г. Президиум ВЦСПС принял постановление «О дальнейшем развитии туризма» [12]. В нем были определены меры, способствующие укреплению материальной базы, расширению массовости туризма.

Центральное туристское экскурсионное управление реорганизуется в Центральный совет по туризму (с 1969 года – Центральный совет по туризму и экскурсиям), который осуществлял руководство республиканскими, краевыми и областными советами по туризму. В их состав вошли представители профсоюзных, комсомольских туристско-экскурсионных и физкультурных организаций, ведомств и туристского актива.

С завершением централизации туристско-экскурсионного управления функции общего руководства внутренним туризмом перешли к Всесоюзному центральному совету профессиональных союзов (ВЦСПС), а созданная в нем структура управления туризмом в последующем существенным изменениям не подвергалась. Все это способствовало ускорению дальнейшего развития массового туризма.

Очень важно было в этот период времени расширить географию туристско-экскурсионной работы, развивать ее не только в традиционных местах отдыха, но и по всей стране. Поэтому в связи с резко возросшей популярностью туризма стала развиваться широкая сеть новых туристско-экскурсионных маршрутов. Для этого потребовалось создать территориальные органы управления. Советы по туризму работали во всех союзных республиках, во многих краях и областях. При Советах по туризму были созданы бюро путешествий и экскурсий, где желающие заняться туризмом могли выбрать маршрут и приобрести путевки.

Хабаровский край в 1960-е годы становился одним из крупнейших туристских мезорайонов на Дальнем Востоке, началось массовое движение туристов в Хабаровский край, в виду удобного географического расположения, что дало импульс развитию транспортной инфраструктуры, края.

Исторические и культурные памятники, уникальная природа, круизы по крупнейшей реке Амур, уникальные памятники, петроглифы, расположенные на территории края, представляющих собой наскальные рисунки древнего человека, Шантарский архипелаг, расположенный в Охотском море, уникальная и самобытная культура коренных малочисленных народов, проживающих в Приамурье. Все это создало условия для развития в Хабаровском крае индустрию туризма и отдыха.

С начала 1960-х годов в жизни трудящихся края произошли существенные социальные изменения, которые отражали общие тенденции развития социалистического общества. При этом темпы изменений в крае носили более динамичный характер, чем в целом по стране [21: с. 377].

Ускоренное развитие народного хозяйства сопровождалось неуклонным ростом численности населения. С 1959 г. по 1970-й годы население края возросло на 200 тысяч человек [21: с. 378]. В крае сложились многочисленные заводские коллективы рабочих с высокой квалификацией и общеобразовательным уровнем. Краевая партий-

ная организация много сделала для укрепления заводских коллективов, для повышения культурно-технического уровня, воспитание их на боевых и трудовых традициях рабочего класса СССР.

В соответствии с постановлением ВЦСПС «О дальнейшем развитии туризма» президиум Хабаровского крайсовпрофа постановил, обязав облсовпроф Еврейской автономной области, краевые, территориальные, дорожный, бассейновый и фабрично-заводские комитеты профсоюзов создать на общественных началах советы по туризму. Считать главной задачей этих советов дальнейшее массовое развитие туризма как одного из важных средств коммунистического воспитания трудящихся, укрепления здоровья, активного отдыха и приобщения их к занятиям физической культуры и спортом [5]. Для руководства организационной и учебно-методической работой по туризму был создан совет по туризму при крайсовпрофе в составе 14 чел [6].

Президиум Хабаровского крайсовпрофа от 22.11.1962 г. принимает постановление об изменении состава Совета по туризму, утвердив 26 чел., в который вошли представители от крайсовпрофа, крайкома ВЛКСМ, предприятий города, края, спортивных обществ, преподаватели вузов, студенты [7].

В ноябре 1962 г. был проведен первый организационный пленум туристов края, где был избран краевой совет [8] на общественных началах, который возглавила В.Л. Боровик, являясь в то же время инструктором крайсовета ДСО «Урожай».

С 1962 по 1964 гг. туризм в крае получил более широкое распространение. В туристских мероприятиях участвовали тысячи трудящихся. Массовым явлением стали походы выходного дня. Около 10 тыс. человек выполнили нормы на значок «Турист СССР» [8]. Были совершены десятки многодневных сложных походов и переходов на лодках по Амуру от Хабаровска до Николаевска-на-Амуре. Совершено 8 путешествий по маршруту Камчатка–Сахалин–Приморье, в которых приняли участие туристы разных организаций, таких как Хабаровского судоремзавода, Хабаровского объединенного авиаотряда и др.

В этот период времени осуществляется направление на развитие путешествий по краю на теплоходах и автобусах. Строительство советом ДСО «Спартак» в районе горного хребта Хехцир лыжной туристской станции.

Принимаются меры к организации туристских путешествий для тружеников сельского хозяйства, проведении экскурсий в города, на заво-

ды, изготавливающие сельскохозяйственные машины, оборудование новостройки.

Совет по туризму стал уделять внимание подготовке кадров.

Силами общественности было проведено несколько семинаров, где было подготовлено 460 руководителей походов выходного дня, 230 – судей по туризму и 70 младших инструкторов. Наиболее активным и подготовленным туристам предоставили возможность повысить свою квалификацию в Москве.

В крае организуются клубы туристов. Особое внимание уделяется материальной базе совета [9]. С образованием краевого совета по туризму начинает формироваться материальная база хабаровского туризма. В 1964 г. были открыты две туристские базы: «Утес» в Комсомольске-на-Амуре и «Корсаково» в районе Хабаровска. В управлении Амурского речного пароходства арендованы два теплохода: «Миклухо Маклай» и «Г. Невельской», на которых были организованы 13-дневные туристские путешествия по Амуру.

Путешествие на теплоходах позволяли ознакомиться с Амуром в его среднем и нижнем течении и прекрасно при этом отдохнуть [20]. Вот, что вспоминает жительница Хабаровска: «...Недавно я совершила поездку по Амуру на теплоходе «Миклухо-Маклай». Мы побывали в Амурске, Комсомольске-на-Амуре, Николаевске, Благовещенске. Поездка была организована хорошо: отличное питание, чистота, хорошее обслуживание. На остановках мы ходили в походы, ловили рыбу, собирали грибы и ягоды, купались, загорали, знакомились с достопримечательностями. Я впервые познакомилась с городом юности Комсомольском-на-Амуре, и он мне очень понравился. Большое впечатление на всех нас произвели отроги Хингана на пути в Благовещенск. Полюбился нам и этот город. Я увидела величественную красоту родного края и надолго сохранила самые лучшие воспоминания об этой прекрасной прогулке по великой дальневосточной реке. Думаю, что следует создать в будущем плавучие дома отдыха и пионерские лагеря. Надо как можно полнее использовать для отдыха наш «красавец» Амур. И пусть не один «Миклухо-Маклай» бороздит его воды» [4].

В крае действовало девять туристско-оздоровительных лагерей, два Дома рыбака и охотника. Разработано более 20 новых самостоятельных туристских маршрутов [9]. На указанных базах и в туристских путешествиях отдохнуло более пяти тысяч человек. В августе 1964 г. решен вопрос о выделении Совету по туризму

небольшого штата. В штат совета вошли три человека: председатель, главный бухгалтер, старший инструктор. Надо отметить, что с 17 августа 1964 г. краевой совет по туризму возглавил Андрей Умарович Шапиров [18], служивший до 1956 г. в органах КГБ, бесспорный лидер развития профсоюзного туристского движения в Хабаровском крае [24: с.194]. Перед Хабаровским краевым советом стояла задача организации планового туризма, т. е. предоставлению туристских и экскурсионных услуг.

Большую популярность получили туристские рейсы на теплоходе по Амуру. Эти увлекательные путешествия стали привлекать трудящихся не только нашего края, но и многих жителей центральных районов страны. Заявки стали приходить из таких городов, как Москва, Ленинград, Киев, Львов, Свердловск, Ташкент, Владивосток и даже Тбилиси.

Согласно фондовому извещению Управления материальных фондов ВЦСПС за № 32/58 от 01 марта 1965 г. краевым советом по туризму был получен из Курганского автобусного завода один автобус марки КАВЗ-51. Автобус использовался для организации туристских путешествий в пределах края.

Серьезным упущением в работе совета по туризму явилась слабая постановка экскурсионной работы, хотя в этом отношении в Хабаровском крае имелись широкие возможности и большие перспективы.

При краевом совете по туризму и экскурсиям в 1966 г. создается экскурсионное бюро, заведующей которым назначается Ирма Александровна Арапова [22]. Была определена его основная задача – организация экскурсий: по плановым туристским маршрутам, по маршрутам выходного дня. Это экскурсии «По историческим и памятным местам г. Хабаровска», посещение краеведческого музея, дендрария с целью знакомства с растительным миром края, загородные прогулки, экскурсии на крупнейшие предприятия города [15].

Экскурсионная работа становится неотъемлемой частью всего многогранного процесса воспитания нового человека – всесторонне развитой личности, гражданина и патриота, создателя материальных благ, – строителя коммунизма [23: с. 3].

В этот период времени большое развитие получили туристские путешествия по стране на специальных поездах. Они формировались из 10–12 купированных, хорошо оборудованных вагонов, трех вагонов-ресторанов и с трафаретами на вагонах «Туристский поезд».

Железнодорожный туризм в нашей стране был очень популярен, хотя и уступал по комфортности речному. Большую популярность в крае получили туристско-экскурсионные поезда «Амурские волны», «Юность», «Красная гвоздика», «Здоровье», «Волочаевские дни», «Снежинка».

Хабаровское экскурсионное бюро за 1-й квартал 1968 г. обеспечило выполнение плана по экскурсионному обслуживанию на 137 % (обслужено 23 245 человек, вместо 16 960 человек по плану). И получило 12 754 руб. сверхплановых накоплений. Туристско-экскурсионные поезда «Снежинка» и «Волочаевские дни» – получили популярность и признание у жителей Хабаровска. Все эти экскурсии проводились на высоком идейно-политическом уровне. За участие в выполнении плана 1-го квартала 1968 г. была выдана премия работникам и объявлена благодарность [19].

Анализируя показатели экскурсионного бюро за III квартал, выяснилось, что в 1968 г. план по экскурсионному обслуживанию выполнен на 140 % (при плане 30,6 тыс. чел., фактически обслужено 43 тыс. чел.). Получено сверхплановой прибыли 6,0 тыс. рублей.

Разрабатывались новые экскурсии, такие как «Дальневосточный героический комсомол», «Литературный Хабаровск», «Здравницы Хабаровска». Увеличивается количество туристских рейсов теплохода «Пржевальский» [13].

На основании постановления президиума Хабаровского краевого совета по туризму от 25 декабря 1968 г. Хабаровское экскурсионное бюро преобразуется в Хабаровское бюро путешествий и экскурсий [17]. А также организуется в г. Комсомольске-на-Амуре бюро путешествий и экскурсий.

Это вызвано тем, что экскурсионная работа в прежних рамках уже не устраивала трудящихся нашего края. И здесь исключительную роль имело постановление ЦК КПСС, Совета Министров, СССР и ВЦСПС от 30 мая 1969 г. «О мерах по дальнейшему развитию туризма и экскурсий в стране» [19]. В нем подчеркивалось исключительно большое политико-воспитательное значение туризма, четко были определены задачи туризма. В нем говорилось, что знакомство с памятниками истории и культуры, с природой родного края, с достижениями в экономике, науке, культуре способствует воспитанию у советских людей любви и своей Родине.

Этим решением были определены задачи по созданию материальной базы туризма, улучше-

нию деятельности туристско-экскурсионных учреждений. Туризм и экскурсия должны были стать крупной отраслью обслуживания населения.

О развитии туризма в Хабаровском крае можно судить по основным показателям деятельности краевого Совета по туризму и экскурсиям. В 1970 г. туристскими учреждениями края было обслужено по путевкам 7 615 человек, туристов «выходного дня» – 45,5 тыс. и около 170 тыс. экскурсантов. Общий объем туристских услуг, представленных населению края, составил 1 315,1 тыс. руб. или 161,1 тыс. чел./дней обслуживания. По сравнению с 1965 г. объем услуг возрос в 4,6 раза [11: с. 145].

Прибыль, полученная государством от деятельности Хабаровского Совета по туризму и экскурсиям за период с 1965 г. по 1970 г. составила 613,8 тыс. руб. Характерно, что из этой суммы 45,1 % (277,3 тыс. руб.) было получено только в 1970 г. [11: с. 145].

Несмотря на массовое развитие туристского движения, обращает на себя внимание, однако, тот факт, что краевой совет удовлетворял потребности населения в обслуживании за счет собственных средств только на 18 %. Остальное обслуживание базировалось на арендуемом фонде, из которого аренда теплоходов составляла 47 %, авиатранспорта – 13 %, железнодорожного транспорта – 38 % и т. д. [11: с. 145].

Транспортная освоенность территории края крайне неравномерна; основная часть транспортных путей (р. Амур, Транссибирская ж.-д. магистраль и ее ответвления) расположена в южной его половине. На севере края сообщение поддерживается по выючным тропам, реке или с помощью авиации, что, естественно, сдерживало развитие туризма на этих территориях [11: с. 145].

Подводя итоги, можно констатировать, что в Хабаровском крае туризм стал популярным, приобрел важное общественно-политическое и социально-экономическое значение, став одним из самых массовых и эффективных видов отдыха и делом государственной важности.

Развитию туристской отрасли в крае способствовало удовлетворению потребностей различных слоев населения, оказывало положительное воздействие на изменение облика данной территории, укреплению межрегиональных и международных связей, оживлению деловой активности, оказывая стимулирующее воздействие на ключевые сектора экономики, такие как транспорт, связь, строительство, торговля, производство товаров народного потребления и другие.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Абуков, А.Х. Туризм сегодня, завтра, всегда / А.Х. Абуков // Неделя. – 1983. – № 48. – С. 2
2. Абуков, А.Х. Туризм: сегодня, завтра. Туристско-экскурсионная работа профсоюзов / А.Х. Абуков. – М.: Профиздат, 1978. – 272 с.
3. Акишин, В.Н. Проблемы и перспективы развития услуг туризма и экскурсионного обслуживания / В.Н. Акишин // Научные проблемы туризма и отдыха: бюл. науч.-техн. информ. – М., 1988. – № 3. – С. 53
4. Братица, Г. На теплоходе по Амуру / Г. Братица // Тихоокеанская звезда. – 1964. – 28 августа.
5. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). – Ф. Р 1623. – Оп. 1. – Д. 460. – Л. 152
6. ГАХК. – Ф. Р 1623. – Оп. 1. – Д. 460. – Л. 153
7. ГАХК. – Ф. Р 1623. – Оп. 1. – Д. 460. – Л. 291–292.
8. ГАХК. – Ф. Р 1623. – Оп. 1. – Д. 623 в. – Л. 14.
9. ГАХК. – Ф. Р 1623. – Оп. 1. – Д. 623 в. – Л. 15.
10. Квартальнов, В.А. Туризм: история и современность. В 5 т. Т. 1 / В.А. Квартальнов. – М.: Финансы и статистика, 2002. – 502 с.
11. Клочковский, Л.П. Региональные вопросы туризма и туристского обслуживания в Хабаровском Приамурье / Л.П. Клочковский // Вопросы географии Дальнего Востока. – Хабаровск: Хаб. гос. пед. ин-т, 1973. – С. 141–156.
12. О дальнейшем развитии туризма: постановление Президиума ВЦСПС протокол № 17, п. 4 от 20 июля 1962 г. // Сб. постановлений ВЦСПС: июль-сентябрь 1962. – М., 1962. – С. 171–183.
13. О мерах по дальнейшему развитию туризма и экскурсий в стране: постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 30 мая 1969 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. док. – М., 1970. – Т. 7. – С. 479–484.
14. Об улучшении руководства развитием туризма в профсоюзах: постановление Президиума ВЦСПС. 27 сентября 1959 г. // Правда. – 1959. – 3 октября.
15. Объединенный архив Хабаровского крайпрофобъединения. – Ф. 34. – Д. 1. – Оп. док. по л/с. – Л. 34.
16. Объединенный архив Хабаровского крайпрофобъединения. – Ф. 34. – Д. 1. – Оп. док. по л/с. – Л. 37.
17. Объединенный архив Хабаровского крайпрофобъединения. – Ф. 34. – Д. 1. – Оп. док. по л/с. – Л. 55.
18. Объединенный архив Хабаровского крайпрофобъединения. – Ф. 34. – Д. 3. – Оп. док. по л/с. – Л. 20.
19. Объединенный архив Хабаровского крайпрофобъединения. – Ф. 34. – Д. 5. – Оп. док. по л/с. – Л. 154.
20. Отдых на Амурских просторах / сост. Н.К. Фруентов. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1969. – 103 с.
21. Очерк истории Хабаровской краевой организации КПСС (1900–1978 гг.). – Хабаровск: Кн. изд-во, 1979. – 378 с.
22. Пушкина, З. Экскурсионное бюро начинает работу / З. Пушкина // Тихоокеанская звезда. – 1966. – 13 мая.
23. Сологуб, В.А. Вступительное слово при открытии конференции / В.А. Сологуб // Экскурсии миллионов. Актуальные задачи: экскурсионной работы в свете решений XXV съезда КПСС: по материалам метод. конф. – Киев: Реклама, 1978. – 112 с.
24. Чаликов, М.П. Профсоюзы Хабаровского края. Очерки истории / М.П. Чаликов. – Хабаровск: РИОТИП, 2000. – 416 с.

СВЕДЕНИЯ О ДИССЕРТАЦИЯХ

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ДМ 212.056.04 ПО ФИЛОЛОГИЧЕСКИМ НАУКАМ ПРИ ИНСТИТУТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

(Председатель – д-р филол. наук, профессор Е.А. Стародумова;
Ученый секретарь – канд. филол. наук, доцент Е.А. Первушина)

Васильева Л.В. Исследование модусных категорий в эволюции медиадискурса (на материале американской прессы XX века).

Кандидатская диссертация по специальности 10.02.04 – германские языки.

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н.И. Серкова.

Разработана область когнитивного-дискурсивного исследования модусных категорий как аксиологической составляющей дискурса, что предполагает рассмотрение данных категорий как способов субъективно-объективного представления действительности говорящим, выражения его ценностного отношения к действительности. Выделены основные этапы развития информационно-аналитической американской журналистики в XX в., и на основе этого проведен подробный сравнительный анализ реализации модусных категорий в двух типах дискурса прессы – новостном и информационно-аналитическом – в их статике (временные срезы) и динамическом развитии на протяжении XX в. (три периода исследования).

Никитина М.А. Функционирование метафоры в заголовке экономического текста прессы (на материале немецкого журнала «Der Spiegel»).

Кандидатская диссертация по специальности 10.02.04 – германские языки.

Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Е.Н. Кан.

Впервые осуществлено комплексное описание особенностей функционирования метафор в заголовках экономических текстов прессы с учётом языковых, прагматических и когнитивных параметров. В результате проведённого анализа устанавливаются основные функции метафор в заголовках экономических текстов прессы. Проводится подробный анализ метафорических моделей репрезентации экономических процессов и явлений, представленных в заголовках экономических текстов немецкого журнала «Der Spiegel».

Полянская М.А. Просодия английской фразы в речи носителей китайского языка.

Кандидатская диссертация по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое и сопоставительное языкознание.

Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Л.П. Бондаренко.

В работе впервые последовательно сопоставляются и исследуются особенности фразовой просодии английского и китайского языков. Описываются и анализируются типы нарушений синтагматического членения и логического ударения при восприятии и производстве английских фраз носителями китайского языка. Определяется смысловая значимость просодических и синтактико-семантических коррелятов синтагматического членения и логической акцентуации при восприятии и производстве китайцами английских фраз. Изучаются просодические особенности восприятия и производства синтагматического членения и логического ударения в пределах фразы в китайской региональной разновидности АЯ как относительно устойчивой языковой системе.

Сытникова Т.А. Англоязычная компьютерная техническая терминосистема как объект лингвокогнитивного исследования.

Кандидатская диссертация по специальности 10.02.04 – германские языки.

Научный руководитель – доктор филологических наук, доцент С.М. Пак.

Англоязычная компьютерная техническая терминосистема впервые выступает в качестве объекта общего лингвистического изучения вообще и лингвокогнитивного исследования в частности. Когнитивный анализ позволил воспринимать английский компьютерный термин не только в качестве единицы языка, но и в качестве элемента концептосферы. Описана когнитивная структура исследуемой терминосистемы, а ее понятийное соответствие отражено в построенном для данной терминосистемы фрейме.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ» И ТРЕБОВАНИЯ К НИМ

1. В журнале печатаются рукописи, как правило, не публиковавшиеся ранее.

2. Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование.

3. Рассмотрение работ аспирантов и соискателей кандидатской степени осуществляется только при наличии отзыва научного руководителя и рекомендации кафедры по месту их обучения.

4. Для аспирантов и соискателей публикация статей бесплатно

5. Статьи должны быть в объёме от 0,5 до 1 п. л. (20 000 – 40 000 знаков). В них может быть, как правило, размещено не более трех иллюстраций, графиков или схем.

6. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию.

6.1. Направляемые в редакционную коллегию материалы должны быть представлены в электронном и распечатанном видах. Принимаются дискеты размером 3,5» и два экземпляра распечатки текстового оригинала (файлов), имеющегося на дискете. Если дискет две и более, необходимо указать их номера и размещение файла на дискетах (папки). На распечатке должны быть указаны имена файлов. Текстовый редактор – Word. Материалы должны быть подписаны автором на титульном листе около фамилии.

6.2. Титульный лист статьи содержит комплекс элементов, расположенных на странице в следующем порядке. В верхней части страницы располагается заглавие статьи, которое печатается прописными буквами жирным шрифтом. Фамилии авторов следуют после заголовка и печатаются строчными буквами, иные сведения при этом не указываются.

6.3. Ссылки на источники даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией по-

сле текста. Сначала идут источники на русском языке, затем на иностранных. В самом тексте (после цитирования) информация об источнике печатается в квадратных скобках с указанием номера по списку. Библиографическое описание источника в списке литературы (фамилии и инициалы авторов печатаются курсивом) составляется в соответствии с действующими нормами ГОСТ 7.1–2003. Шрифт и межстрочный интервал те же, что и в статье.

6.4. Поля страницы: верхнее – 2 см; нижнее – 2 см; левое – 3 см; правое 1 см; размер бумаги – А4 (210×297 мм); шрифт – «Times New Roman» № 14; межстрочный интервал – 1,5.

6.5. Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

7. Материалы, не имеющие научного аппарата или неправильно оформленные, не соответствующие указанным выше правилам, не рассматриваются. Рукописи не возвращаются.

8. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, домашний адрес, рабочий телефон, домашний телефон, факс, e-mail.

9. К статье прилагается короткая аннотация в несколько строк на русском и английском языках, ключевые слова (не более 15), а также название статьи на английском языке.

10. Материалы следует направлять по юридическому адресу журнала: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС), к. 262. Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Электронная почта: journal@festu.khv.ru.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Стоимость одного номера – 300 руб. (с учетом НДС). Подписка оформляется банковским или почтовым переводом (образец купона прилагается). Журнал будет выслан по адресу подписчика почтой. Почтовые расходы включены в стоимость подписки. Подписку на журнал также можно оформить по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО Агентства «Роспечать». Подписной индекс – 84277.

Просим высылать копии платежного документа и адрес для рассылки по адресу: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС). Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке».

Извещение	<p style="text-align: center;">Дальневосточный государственный университет путей сообщения <u>УФК по Хабаровскому краю</u> (наименование получателя платежа) <u>2724018158 № 40503810500001000191</u> (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</p> <p style="text-align: center;">ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) БИК 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) <u>№ 272401001</u> (номер КПП)</p> <p style="text-align: center;">подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2012 год (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа _____ руб. _____ коп.</p> <p>Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.</p> <p>Итого: _____ руб. _____ коп.</p>
Кассир	<p style="text-align: center;">Дальневосточный государственный университет путей сообщения <u>УФК по Хабаровскому краю</u> (наименование получателя платежа) <u>2724018158 № 40503810500001000191</u> (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</p> <p style="text-align: center;">ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) БИК 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) <u>№ 272401001</u> (номер КПП)</p> <p style="text-align: center;">подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2012 год (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа _____ руб. _____ коп.</p> <p>Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.</p> <p>Итого: _____ руб. _____ коп.</p>
Квитанция Кассир	<p style="text-align: center;">Дальневосточный государственный университет путей сообщения <u>УФК по Хабаровскому краю</u> (наименование получателя платежа) <u>2724018158 № 40503810500001000191</u> (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</p> <p style="text-align: center;">ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) БИК 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) <u>№ 272401001</u> (номер КПП)</p> <p style="text-align: center;">подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2012 год (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа _____ руб. _____ коп.</p> <p>Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.</p> <p>Итого: _____ руб. _____ коп.</p>

ARTICLES

GEOPOLITICAL PROBLEMS OF THE ASIA-PACIFIC REGION

VARIANCE OF MODERN SECURITY STRUCTURE IN THE ASIA-PACIFIC REGION: GLOBAL TENDENCIES AND REGIONAL PECULIARITIES

I.V. Radikov

Radikov, Ivan Vladimirovich – Doctor of Political Science, Associate Professor, Dean of the Faculty of Philosophy and Political Science, Saint Petersburg State University.

The article analyses the possibility of implementing modern conditions for the Russian idea of collective security in the Asia-Pacific Region taking into account global trends and regional characteristics.

Key words: danger, threat, security, collective security, international security, security structure, safety system.

World politics of recent decades is largely determined by an unchallenged mega tendency – the displacement of the center of world development to the Asia-Pacific Region. Today the Asia-Pacific Region is beginning to predetermine world development although for the past five centuries Europe was at the center of world civilization. The continuing shift in global power is related, first of all, to rapid economic development in the region which has been accompanied by growing international recognition of its "soft power". It focuses four of the largest of the world-determined economies.

Almost every second state of the "G 20" refers to the Asia-Pacific Region. These are such countries as Australia, Canada, China, Indonesia, Japan, Russia, South Korea, the USA and Mexico. The major geopolitical centers are located here: United States has been the dominant force in the region since the Second World War; China is the largest country in the world and the second world superpower; Indonesia is the world's largest Islamic country; Australia and New Zealand are states with the highest level of development in the Southern Hemisphere; and the Far Eastern lands of Russia with their vast mineral resources (oil, gas, gold, diamonds, non-ferrous metals), major cities and economic targets of federal value. The Russian Federation has the greatest length of land (China, Mongolia) and sea borders in the Asia-Pacific Region.

The location of three official nuclear weapon states in this region as well as Japan, which has technical capabilities and enough fissile material for nuclear weapons and their delivery to the target, and

at least three "threshold" states (North and South Korea, Taiwan) makes the problem of security in the region extremely important.

This region attracts particular attention by its originality, uniqueness of the chosen models of modernization, including political models; and by peculiar ways of development based on the specific synthesis of democratic forms of government and indigenous political culture. The aggregate power and potential of the Asia-Pacific Region defines the logic of international security today.

In this context, the strategy and national security policy of the Russian Federation should be built according to processes occurring in this region.

Moreover, the eastern policy of Russia, developing in a systematic, focused and coordinated manner carries the stabilizing beginning in the Asia-Pacific Region. Russia's new approach to the structures of international and regional security in the 21st century (Europe and the East have a "security community" in the Euro-Atlantic and Eurasia) is associated with the country's president D.A. Medvedev. The initial position of this approach has already been fixed by the adoption in mid-July 2008 of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation.

In relation to the Asia-Pacific Region this project is based on the idea of forming a collective security system that would replace the existing security system based on the blocs and bilateral and multilateral military alliances, and would unite all countries of the region, which are interested in the provision of modern equal and indivisible security and in

the settlement of differences through peaceful diplomatic means.

To what extent is it possible to implement the Russian project for collective security in present conditions? And what should Russia's national security policy take into account in connection with the complexities of security formation? These questions are the subject of this article.

At the beginning we formulate three important methodological remarks.

Firstly, the existing international (and regional) security system influences the foreign policy of other states and the entire system of international relations. There is a dilemma before the small states: on the one hand, outside the existing system of security there is the possibility of various threats as well as the difficulty of preventing and eliminating them; on the other hand, participation in this system forces these countries to submit to its hierarchical system.

Great states as a part of this system impose their will on weaker countries and define the content, parameters and structures of international (regional) security systems.

V.E. Petrovsky points out that a stronger state provides security for weaker countries thus increasing their autonomy of decision-making and weaker regional powers have security guarantees in exchange for a promise to follow the political course of the stronger powers [9].

Secondly, security systems due to the absence of their direct codification are unstable institutions. Even a small change in the security policy of one of the states (especially large states) which take part in regional or international security system can disrupt the functioning.

Finally, the existing regional and international security systems help to support an atmosphere of transparency and predictability in the system of international relations.

The security model of the Asia-Pacific Region for more than half a century came from the existence of the Soviet threat and was based on a set of bilateral military agreements where the central role was carried out by the USA. The basic element of this system was the Japan-US security alliance. But an overall security structure did not exist in the region. It was mosaic. The presence of numerous treaties and blocs were the source of the divisions existing in the Asia-Pacific Region and mistrust and suspicion, forcing the countries of the region outside American "care and protection" to look for additional opportunities to strengthen their own security. After the disappearance of the Soviet threat, the system with state-hegemony has not undergone major changes. It

continues to be based on the strategic dominance of the United States and on the blocs, bilateral and multilateral military alliances. The dividing lines were preserved in the region as well. Modern Asian states exist in a rapidly changing and largely unstructured regional context, which lacks the multilateral mechanisms of cooperation in the sphere of security.

The idea of collective security for the Pacific Rim is not new. It was discussed simultaneously with the European idea. As the proposal for the creation of this system came from Moscow, it did not get any support: some states of the Pacific Rim considered it a manifestation of the expansionist policy of the Soviet state.

At present, the necessity and feasibility of establishing joint efforts of a regional order that would deny any unilateral diktat and would be formed on the basis of multilateral dialogue is spreading in the Asia-Pacific Region. This process is aggravated by growing rivalry for regional leadership between the USA, Japan and China as well as the tendency to desire greater autonomy in world and regional affairs exhibited by many states in the region. At the same time, there are many destabilizing factors in the region such as territorial disputes, affecting the majority of states.

Russian national security policy must take into account the potential transformation of the historically established interstate territorial claims into a real threat not only to the security of the region as a whole but also to Russian safety. It is known that in the National Security Strategy of the Russian Federation until 2020 the source of negative impact on the international situation in this region is the situation on the Korean peninsula [10]. Military threats, formed here, and the possibility of nuclear weapons is understood by many states and are the catalyst for the deployment in the Asia-Pacific Region of a regional missile defense system. Sometimes tension reaches the stage of openly-balancing on the brink of war and peace between the two Koreas.

But the Korean problem is not the only real security threat. There is considerable conflict potential in disagreements over the ownership of islands and waters in the South China Sea. The inclusion of the South China Sea in the sphere of China's national interests along with Taiwan and Tibet makes any negotiations concerning China's claim to the disputed islands (Spratly and Paracel) extremely difficult.

Modern China may revive its historic claim to numerous land areas. Chinese territorial claims on more than one third of the region are based on the fact that in the nineteenth century the Empire was

12 million sq. km., while now it is only 9.6 million sq. km. But the idea of replacing the principles that define the construction of international relations and security – such as the principle of “inviolability of frontiers” and “right of nations to self-determination” – by the principle of “historical rights” is very dangerous

Japan also has territorial conflicts with its neighbors in North-East Asia. Japan, for example, has the territorial dispute with China over the Senkaku Islands (Ch. Diaoyu). In this connection, we note Japan’s claim on Russia over the South Kuril Islands. Due to the fact that the analysis of “reasonableness” Japan claims held a long time and position of the Russian leadership is consistent and fairly weighed, we pay attention only to a few moments.

Firstly, it is clear that the unresolved territorial disputes may create conflict situations, which not only undermine the stability in the region, but also adversely affect the international environment. Territorial disputes could lead to war, whose consequences may be irreversible. Strengthening of territorial disputes could lead to a chain of redistribution in the modern world. Secondly, solving territorial disputes between states by peaceful means can only be obtained on the basis of building good-neighbourly relations between these countries. Thirdly, Russia is an example of a civilized approach for all the Asia-Pacific Region countries to find ways to resolve disputes because its territorial disputes with Japan, Russia tries to seek compromise. It seems that in modern conditions only this can lead to mutually beneficial solutions.

Fourthly, the activation of territorial claims usually entails counteractions. One of the directions of such counteractions becomes strengthening the military component of security. In other words, the consequence of such claims may become a new turn of military preparations. Russia's actions support this conclusion. It is known that after the noisy speeches of radicals with demands for “returning native” Japanese lands, which took place in Tokyo on the 7th of February, 2011 under the support of the government during a so-called day of “northern territories” the Russian leadership declared its intention of strengthening the military security of islands. New, modern systems of management, reconnaissance and anti-aircraft defence of near and far-reaching action are planned for deployment there.

Thus, the rise of Japanese military power provokes and intensifies its territorial claims and territorial claims, in turn, cause an increase in military forces in the region.

So, the most important lesson for the emerging

security structure is the following: *it should be based on principles of international law and the clear establishment of mutual political commitments.*

Along with territorial disputes, the uncontrolled regional arms race and the danger of proliferation of missile and nuclear technology can be referred to a number of destabilizing factors in the region. It is no a strong exaggeration to say that today there is a general militarization of the Pacific Rim. There are countries there that are rapidly increasing military spending and strengthening their capacity. We give some examples. The military budget of China in 2011 increased to 12.7% of GDP, reaching 91 billion dollars [6]. Japan announced an increase between 2011 and 2015 of spending 284 billion dollars on modernizing defence [6]. However, in connection with the tragic consequences of March 2011, these plans are likely to be revised.

According to the program which South Korea began in 2006, it is going to spend over 15 years about 550 billion dollars on re-armament [6]. Vietnam, which has had serious conflicts with China in the past and still has unresolved territorial disputes in the South China Sea region will increase its military budget in 2011 by 70% in comparison with the previous year. According to the speech of the Minister of Defence Phung Quang Thanh at the 11th Congress of the Communist Party of Vietnam (CPV), the military budget will be 52 trillion VND (2.6 billion dollars) [5]. Even the military spending of such a poor country as Bangladesh is more than 5% of the gross domestic product. The country intends to allocate additional funds for upgrading the armed forces with new types of armaments and military equipment including guided missiles for the Navy [2]. Poorer countries (such as Bangladesh) acquire arms from China on credit because it is cheaper and they have been decommissioned by China. Rich Asian states prefer to buy weapons in the USA, to build them themselves (Japan, South Korea), or to buy them in Russia (Vietnam, Indonesia) [5].

According to some estimates, by 2020 the share of Asian countries will be about a quarter of the world expenditures for military purposes. And the most powerful militarily state of the Asia-Pacific Region is the United States; they spend for defence the same amount as the rest of the countries combined [4]. Such a growth of arms does not exclude the occurrence of unforeseen threats in the future.

Pay attention to the fact that the folding and functioning of the regional security structure in the beginning of the 21st century is defined by the general trends that characterize the complex process of forming a new international security system. We

note these trends in a greater or lesser extent in relation to the Asia-Pacific Region.

1. *Transition to a new system of international (and regional) security takes place in the conditions of not only preservation of traditional, but also the emergence of new risks and threats generated by the information revolution and globalization.* With the vanishing of actual "external military threat", the danger of large-scale battles involving mass armies with the largest concentration of military equipment is disappearing. The process of turning military dangers into military threats becomes less evident. The range of dangers and threats to the world community moves into those areas of vital activity that are connected with the economy, energy and environmental matters. Now the threat comes from those technologies that mankind has created for its well-being. These new threats have increased the risks of accidents and natural disasters so that security issues are now and in the near future of greater priority. Transnational terrorism has occupied a special place among the new threats. The diversification of the modern range of dangers and threats concerns practically all states. In the states of this region, it is recognized that these modern challenges and even more dangerous cross-border phenomenon can be met in combination. However, today there is no overall consolidation and "backbone" threat which is not only for the world community but also for a given region. Then what could be the factors that could lead to the formation of a collective security system in the Asia-Pacific Region?

All the former regional and international security systems developed when the dangers became reality and actually questioned the physical existence of states, regions and the whole of mankind. Sometimes it is considered that in the absence of such common threats political and value homogeneity could give a new beginning to the formation of contemporary regional and international security systems.

But can we even say that in current conditions in the Asia-Pacific Region there are objective conditions for the formation of a unified security system? Is the Asia-Pacific community a reality or a prospect? And is it possible to have regional homogeneity in a region with high intensity and different integration processes? Let us try to answer these questions.

Analysis of events in the region over the past 20 years suggests already noticeable trends of change in the former "Asian model" of security and gradual transition to multilateral forms of mutual organization for security system. This transition period will be rather long. A peculiarity of the regional

system of security will be the fact that this the leading position of the United States is maintained, and it will remain the most powerful strategy of regional security policy, and political and military leader. This is because the USA is connected with Japan, Australia, South Korea, the Philippines and Thailand by bilateral military alliances and with all other countries in the region by the mechanism of bilateral consultations. But the United States in modern conditions has to correct their policy regarding prospects for collective security in the Asia-Pacific Region. They can not directly oppose the idea of creating such a security system in the region and its various components: the bilateral and multilateral entities Washington expects to maintain its military presence here while simultaneously removing the threat to its national interests especially in the sphere of economy and trade, and weakening contradictions in the region. China put forward the idea of establishing collective structures and mechanisms of regional security with the participation of Russia. Japan also expressed the idea of forming a regional security system. Tokyo regards its creation as new opportunities for cooperation and strengthening of its position in the region. Moreover, according to Japanese officials, Japan's commitment to a mutual security treaty with the United States is stable and the presence of USA forces in Asia is obligatory.

Some facts have confirmed the relative weakening of the US influence on the state of regional security. In March 2007 during a visit of the Australian Prime Minister John Howard in Japan a joint declaration on security cooperation aimed at strengthening military ties between two countries was signed. For the first time in 50 years in the Asia-Pacific Region such an agreement was accepted without the participation of the United States. The United States experience serious difficulties in keeping the strategic initiative in solving regional conflicts on the Korean peninsula.

The principal difference in the developing security structure from past plans is the change in direction of the security mechanism. Taking into account that the region is not an integral unity there is no chance of a consensus approach in determining the expected vector of threats to all countries in the region.

Today the vector of this direction is defined by the United States. Signed bilateral treaties included in the US security system in practice mean the presence of allied countries able to confront the real threat to the region. But if the main threat to the United States and their partners in the region in the past was in the north and the military-political al-

liances were spearheaded against the USSR (Russia), today the problem is in a different perception of the source of dangers and threats by the regional states – members former security system. Some states see this source in the rapidly growing influence of China and its claims to world power status. Others regard potential threat in such countries as Japan, Korea, the USA and Russia. Therefore, it seems that in modern conditions the peculiarity of the security mechanism developed in the Asia-Pacific Region will be its different orientation. However, to a considerable extent it will be aimed at neutralizing the impact and threats from China and North Korea.

In considering the mechanism of regional security it should be noted that in the Asia-Pacific Region, unlike Europe, there is no dominating international association aimed at ensuring stability and security, and there are several regional entities of different sizes and different focus. A distinctive feature of the Asia-Pacific Region organizations is that structurally they are quite vague; the decisions they make and signed agreements usually do not have a binding character and are implemented voluntarily. These organizations operate on the basis of consensus trying to take into account the opinions of all participants.

However, the possibility of integration is based on the identification and awareness of the challenges facing the Asia-Pacific Region. The presence in the region of the world's major economic centers and the intertwining of economic and financial interests of regional states objectively requires the protection of these interests. The development of potential for cross-border fighting with traditional and untraditional threats to security, strengthening the mechanism of open, non-discriminatory trading system and guarantee for the long-term energetic, resource and food security are also needed. But the content and direction of security systems in the region is defined by a well-known feature of the Asia-Pacific Region, which consists of the fact that a significant force for integration processes in the region is the state of the "second order", fears of interference in internal affairs by the major powers, primarily the USA. This creates problems for regional stability. The possibility of establishing a collective security system depends on the position of these states.

The main mechanism for common regional political dialogue on issues of peace and stability, opposition to new challenges of our time, multilateral security cooperation and the formation of confidence-building measures is the ASEAN Regional Security Forum. Complex analysis of the role of the

Association of Southeast Asian Nations in building a security community is given in the collective study of the Institute of the Far East RAS [1]. ASEAN is one of the fundamental bases for the current regional security system. Promotion of constructive dialogue consultations on political and security issues, and the establishment of trusting relationships in the region are the tasks of this Forum. The association has 27 member countries including the Russian Federation. In previous years Russia was ready to discuss within the framework of the ASEAN Forum basically security issues. Now within the framework of the Project for the construction of a new security system new task of moving on to long-term programs is proposed. The idea is the extension of Russia's participation in multilateral associations in the Asia-Pacific Region such as the Conference on Interaction and Confidence-Building Measures in Asia (CICA); the defense ministers meeting of ASEAN and dialogue partners ("SMOA Plus", an ASEAN (+3, +6, +8 +10); Cooperation Dialogue in Asia (ACD); East Asian summits (EAS) and the Forum Asia-Europe Meeting (ASEM). The problem for us is the fact that a format with the participation of Russia, as a rule, is not so attractive for the countries of Southeast Asia as a dialogue format with the United States, China or Japan.

A Second Regional Forum, which not only includes but actively involves Russia is APEC, formed to discuss primarily economic issues. However, this organization has no special administrative apparatus and powers of obligation in solution of conflicts. The expansion of the summit's agenda due to political issues contributed to an increase in the weight of Russia's participation in summits of APEC. This tendency manifested itself in 1999 when at the summit in Auckland a decision to send UN troops to East Timor was agreed, and enshrined in 2001, and when a resolution condemning terrorism was adopted at the summit in Shanghai.

An even greater impulse to integration processes and the establishments of a regional security system was given by the initiative to implement the principles of controlling the movement in the APEC region of man-portable air defence system (MANPADS), which was proposed by Russia and the USA at the summit in Santiago, 2004. On Russia's insistence, the outcome of the summit was marked by the necessity of basing counterterrorist activity of APEC on relevant international legal documents, in particular on resolution 1566 of the UN Security Council, and the importance of the activation of interaction of the Forum with relevant international organizations and institutions. In addi-

tion, Russia was one of the initiators to create a mechanism of cooperation within the framework of the APEC in the sphere of increasing the readiness of the region for emergencies.

However, until recently Russia remained for APEC countries a less attractive trade and economic partner than they are for Russia: (Russia's share in the foreign trade of APEC is about 1%, while the share of APEC countries in Russia's foreign trade exceeds 15%). The reason is simple: Russia can offer to the region mostly raw materials, while it is very interested in high technology products made in the APEC countries. As for the Russian manufacturers of complex technology and high-tech products, they are still poorly presented in APEC.

However, there are many other areas with great potential for Russian representation in the region. Among them are a stable supply of energy in Sakhalin projects and through the oil pipeline Eastern Siberia – Pacific Ocean; the linking of Asia and Europe through the development of land transportation routes using the Trans-Siberian railway; and contributions to the issues of climate change and ecology. In this regard, an important impulse for strengthening Russia's foreign policy was an article by President Dmitry Medvedev published on November 13, 2009: "APEC: on the way to stability, security and prosperous community" [8]. He stressed that "Russia is interested in the fact that Siberia and the Far East will be involved in regional integration" and will be ready to offer APEC's partners the richest reserves of oil, gas and mineral resources, biological resources and fresh water. He also reminded APEC that "a competitive asset is the science and technological, manufacturing and intellectual potential of our country, including its eastern regions". It seems that the 24th APEC summit in Vladivostok in September, 2012 will be a crucial event in the development of the partnership relations of Russia with this organization.

But these is still a serious and unresolved barrier – the attitude of Russians in general and the Russian political and economic elites in particular to Asia as a subsidiary region of the world. The reasons for this are many. There is a tradition of focusing on the West and orientation of the influential forces of the Russian ruling elite on the West, where their personal investments are focused.

One of the important bases for the current security structure in the Asia-Pacific Region is the Shanghai Cooperation Organization. This includes China, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia, Tajikistan and Uzbekistan. Iran, India, Mongolia and Pakistan have the status of observer in the SCO. The chair-

man of the Committee on Foreign Affairs of the State Duma Kosachev noted that unlike NATO, SCO is not a defense alliance of common values, it is a union for the development of mechanisms of regional security. "This is not a club mode, but a community of nations, united for the sake of solving regional problems. In this case, trust is the main capital of the SCO, which allows in to oppose effectively terrorism, extremism, separatism and the drug threat" [7]. Nevertheless, it should be noted that multiple structures of regional security are ineffective and often exist only on paper.

Creating a security system in the Asia-Pacific Region in the 21st century can not and should not pass on certain generally accepted rules or according to the European system. Taking into account the continuing conflicts in the region, the formation of a collective security system will run parallel on several fronts, for example at negotiations between two or more countries at subregional levels, etc. This system will be based on American military power for many years. Taking into account the "reset" between Russian-American relations, and fundamental changes in its foreign policy, Russia will play a significant role in this system. Russia has formed a negotiation-consultation process with all major powers in the Asia-Pacific Region on political and military issues: negotiations with China continue, and US-Russian and Russian-Japanese consultations at the expert level with the participation of military representatives of the parties are taking place.

2. To form a unified field not only for global but even for regional security, to create a functioning, effective system for ensuring equal and indivisible security will be difficult. We will have to build a system of global security in the current conditions, based on the availability of "different weight" regional security systems, which in turn consist of states that are in different status positions and different force categories. The idea is that in spite of the external preservation of a relative equilibrium in the past decades between three major power centers in the world (the United States, the European Union, and Southeast Asia), not only the relation of power and influence of these power centers, and resource and within them power potential significantly changed. And the main thing is that the power monopoly of one of these centers does not exist Nevertheless, the fundamental difference of the modern agenda is that the center of a global international security system begins to shift. As the focus of international relations is moving from the Atlantic to the Pacific region, the focus of the new international security structure focuses on the Euro-Asian sector.

If the previous security system formed usually around one of the most powerful states in all area, today in shaping the rules of establishment and operation of the new security architecture all states that have the greatest international influence must participate.

In relation to Asia-Pacific this means that the basic focus of emerging safety systems will not be the United States. At a minimum, there will be such centers of power as China, Japan and Russia. But the difficulty lies in finding a compromise between them.

3. Displacement of the vector of international relations in the East does not mean reducing the role of European security system in the global system, but emphasizing its growing importance in shaping the global security system. This is defined by the fact that the European system is the only system prevailing with an already formed mechanism to determine the dangers and threats and their resolution in contrast to other regional security systems.

In the last decades this system has fundamentally changed. With the adoption of the European Security Strategy (ESS) in December, 2003 the orientation to dialogue, cooperation and partnership was determined or, in other words, a commitment to collective security and multilateralism. After 5 years the European Council adopted the Report on the implementation of the European Security Strategy entitled "Security in a Changing World", thus reaffirming the fundamental provisions of the strategy and Europe's willingness to share responsibility for global security and building a better world.

At the heart of the European system of security is NATO's forum for joint consultation of 28 countries in North America and Europe on security issues of common concern and for joint action to solve them.

The end of the Cold War led to change in the role and demands of the regional political-military alliance. Today it is being transformed into an organization, which claims to be the guarantor of security on a world scale. Recently, calls to transform NATO into a global organization (to make Australia, Japan and other countries of the Asia-Pacific Region full members of the organization) are more and more persistent. In 2006, Japan had an ambitious initiative – to "Create a zone of freedom and prosperity", which should cover the countries North-East Asia, Central Asia, Caucasus, Turkey, Central and Eastern Europe and the Baltic countries. All this is tied to the necessity for closer cooperation with NATO countries in matters of security of the continent.

The new NATO Strategic Concept (2010) states

that crises and conflicts beyond the borders of NATO may be a direct threat to the security alliance territory and its population. In this context, it is stated that NATO will participate where possible and where necessary in prevention of crises, their settlement and stabilization in post-conflict situations and in supporting reconstruction [11]. Two of the three fundamental tasks facing the European alliance may be the key for the Asia-Pacific Region: crisis management and security through cooperation.

Thus, the European system of security not only indirectly but also directly may become a part of the processes occurring in the region. Obviously, not all states in the region agree with the spatial expansion of NATO, but this possibility is not hypothetical.

4. The means and ways of ensuring international and regional security are filled with principally new content.

The European Security Strategy gives us an example of this new content. In particular it states: "The best defence of our security is a world of well-governed democratic states. Diffusion of a culture of good governance, supporting social and political reforms, fighting corruption and excess of authority, the assertion of the rule of law and human rights are the best means of strengthening international order "[3].

The European Union prefers persuasion to coercion, the principle of multilateralism to unilateralism and diplomacy to force. There is a tendency for a real transition from "tough" to "soft" power, the power of regulations to commonly accepted models of norms and values, to creating a favorable international environment and not its possession. Such transition will not be easy for the Asia-Pacific Region. Taking into account the ability of China to achieve international success primarily due to "soft power" in combination with the economic factor, we can assume that Beijing can play a leading role in shaping the new structure of security in the region.

5. The qualitative characteristic of the content of the modern system of international and regional security is its anthropocentrism. The orientation of the European security system to achieve global or universal public good actualizes the need of every human for security. It is about physical safety or freedom from fear; economic prosperity or freedom from need; political freedom or democracy; human rights and the rule of law; social welfare and education; medical care; and a clean environment, etc.

It should be admitted that personal safety along with economic issues has been in the spotlight in the Asia-Pacific Region for the past decades. The global trend is confirmed, as one of the most important ob-

jects of security is the individual. For example, in the Declaration of the Heads of APEC "One Society – Our Future", adopted on November, 20-21 at the 12th summit in Chile as one of the activities of the intergovernmental forum of APEC called for the improvement of ways of ensuring human security, which is the basis for economic growth.

In conclusion, we note that if it is not possible to create a global and regional security system (including the Asia-Pacific Region), to strengthen the security arrangements under the auspices of upgraded or newly established international and regional institutions, to ensure legal and fair participation in this system for all states in their national capacity, it will be impossible to avoid the resumption of the typical polycentric system of international relations of acute rivalry between the new centers of power, and their attempts to establish dominance over regions of vital importance for Russia and even over some areas of the Russian Federation.

Russia as a great world and Asian country remains a powerful military state, as a permanent member of the UN Security Council; it could play a major role in future security in the Asia-Pacific Region as a participant and as a guarantor of the agreements.

REFERENCES

1. ASEAN v nachale XXI veka. Aktual'nie problemi i perspektivi. [ASEAN at the beginning of the 21st century. Actual problems and perspectives] – M.: ID "Forum", 2010. – 368 p.
2. Bangladesh zaimyotsya modernizatsiei vooruzhennykh sil [Bangladesh is going to take up modernization of armed forces] – Online. Available: <http://www.automan.kz/79912>.
3. Bezopasnaya Evropa v mire, kotorii dolzhen stat' luchshe. Evropeiskaya strategiya bezopasnosti [Safe Europe in the world which should become better European strategy for security] – Online. Available: www.consilium.europa.eu/uedocs/.../031208ESSIIRU.pdf.
4. Borodavkin, A.N. Mnogomernaya arkhitektura dl'ya politsentrichnogo Aziatsko-Tichookeanskogo regiona [Multidimensional architecture for polycentric Asia-Pacific Region] – Online. Available: http://www.mid.ru/brp_4.nsf.
5. V 2011 godu voennyi byudzhel V'etnama vozrastyot na 70 procentov [In 2011 military budget of Vietnam will increase by 70%] – Online. Available: <http://vpk.name/news/48513>.
6. Voennoe obozrenie [Military review] – Online. Available: <http://www.topwar.ru/3373>.
7. Vserossiiskaya konferentsiya: Rol' i mesto Rossii v Shanchaiskoi organizatsii sotrudnichestva (ShOS). 2010. – 2 marta [All-Russian conference: Role and place of Russia within Shanghai organization of cooperation] – Online. Available: <http://www.newparlament.ru/news/view/365>.
8. Medvedev, D. A. ATEC: na puti k stabil'nomu, bezopasnomu i prosvetayushemu soobshchestvu [APEC: on the way to stability, security and prosperous community] – Online. Available: <http://www.newparlament.ru/news/view/365>.
9. Petrovskii, V.E. Novaya paradigma bezopasnosti v Evrazii [New paradigm of security in Euro-Asia] – Online. Available: www.rau.su/observer/№4_2004/4_02.htm
10. Strategiya nacional'noy bezopasnosti Rossii [Strategy of national security of Russia] // Rossiiskaya gazeta. – 2010. – March 19.
11. Strategicheskaya koncepciya dl'ya zashchity i bezopasnosti chlenov Organizatsii Severoatlanticheskogo dogovora, prinyataya glavami gosudarstv i pravitel'stv v Lissabone 19 noyabrya 2010. – [Strategic concept for protection and security of member-states of North Atlantic Treaty, adopted by the heads of the states in Lisbon on November 19 2010] – Online. Available: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts/68580.htm.

INTEGRATION IN EUROPE AND IN EASTERN ASIA: COMPARISON OF PRINCIPLES AND CONCEPTUAL APPROACHES

V.A. Smolyakov

Smolyakov, Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Political Science, Professor, Department of Humanities, Khabarovsk State Academy of Economics and Law.

E-mail: smolyakov46@mail.ru

The article presents comparative analyses of conceptual approaches, the principles and theoretical paradigm of economic integration in Europe and in Eastern Asia are presented. Special attention is given to the problem of state sovereignty in circumstances of the interpenetration of home policy and foreign affairs.

Key words: regional integration, comparative analysis, sovereignty, supranational control, non-interference.

The system of international foreign affairs is undergoing development. The regional associations of states are gradually adopting some of the economic functions of national states. It is Europe where this process is successfully applied. But Asia still corresponds to the international politics of the distant historical period.

After the ASEAN summit + China, South Korea and Japan (ASEAN PLUS THREE) in December 2005, the project of an East Asian Community was initiated. Apart from the latter participants the members of the East Asian Summit (Australia, India and New Zealand) were allowed to enter. ASEAN took the mission of being the motive force for regional integration. The process structure is represented in the form of concentric circles: ASEAN – APT – East Asian Summit and other organizations. Thus, the center of economic integration has shifted from the APR scattered between the continents and are presented by the amorphous trans-regional organization – the Pacific Economic Cooperation (APEC) to a more compact area comprising the countries of the Asian Pacific as well as Australia, New Zealand and India.

The conception of the future economic grouping continues to remain ambiguous, and the issue of the future form of the community is still open. Participants of the integration development took the successful experience of the European Union as a model, and selectively borrow its ideas, construction units and experience. They apply things that suit Asian conditions. As for Europe, it is on its way, solving occasionally serious contradictions, to political integration now and is approaching the formation of a quasifederal association. But the Eastern Asia is still at the initial stages of economic integration. Here, the principle feature of the integration of construction has become the development of economic convergence without creating supranational institutions.

According to P. Katzenstein, "Asian regionalism evolves through the market rather than through formal institutions" [8: p. 12]. In this regard, of particular interest is the question of comparability of European and Asian theoretical and practical experience of regional integration. Since 1961 when Ernst Haas [7; p. 93–129] first made a comparative analysis of regional integration processes, the problem of comparing the ways and forms, as well as theoretical and conceptual approaches to integration, has become more urgent. In recent years, there has appeared a certain number of local research papers, carrying out analyses of common features and the similarity of ways of the world's major regions [1, 2, 20].

In the light of growing interest in the issue of comparing ways and means of economic integration (in recent years in relation to Eastern Asia and other regions the term "regionalization" is used) it is particularly important to understand the conceptual fundamentals on which the foundation of an economic community in Europe and the Eastern Asia is based. This issue has become topical in view of discussions about the perspectives of East Asian regionalism. Some authors, for example, Baikov A.A., in his research papers, criticize attempts to absolutize European experience of integration and the corresponding classical theory. These works show that there is no single model of regionalization, and that there might be such situations that lead to problems of saving the integration construction, without prejudice to national sovereignty. In the given article, the author seeks to expose to comparative examination social and cognitive approaches to regional integration and to evaluate the practical application of theories.

The multidimensional nature of European integration, either process or structure, requires the usage of a combination of different scientific tools and theoretical approaches to the definition and rational interpretation of the complex and contradictory phenome-

na. Among the contradictions dialectical in nature, which are to be resolved in the context of the unification process, one can distinguish the following:

- independence – complex interdependence;
- cooperation – competition;
- unanimity principle – majority rule;
- state sovereignty – supranationalism;
- elitism – democracy;
- unity – cultural diversity;
- European identity – national identity;
- consolidation of the Union – expansion of the Union.

A united Europe was built in accordance with the principle of managing complex social processes, known as "incrementalism" (gradualism). That means the lack of grandiose plans and specific determination of the results expected, as well as reserving possibilities for maneuver and retreat. The foundations of this principle were laid in the Schuman Declaration, signed in 1950 by France and Germany.

The solution of regional integration problems took place under the influence of three major theoretical schools 1) federalism; 2) (neo)functionalism; 3) intergovernmentalism. These three paradigms to varying degrees reflect the role of politics and the forms of its interactions with the economy, as well as give diverse methods of decision-making in the definition of intergovernmental association. Characteristically, these theories belong to the liberal trends of scientific views, rather, than to the institutional views. Mark Leonard describes the main feature of international relations in Europe in the following way: "in relations with other countries, the Europeans are not interested in classical geopolitics. At first they consider the other side of the problem: what values does this government adhere to?" [20; p. 13]. In international relations the "soft" power rather than the "hard" prevails. The "hard" one is shown up in the arms race and the readiness to use military power, and the second reflects the ability of a country to make "other countries want what it wants", at the expense of the attractiveness of its culture and ideology. The first form of influence is dominant in Eastern Asia and other regions of the world, and the second – in the European Union.

As for theoretical discourse in Eastern Asia, first of all, it lags behind European international political science and the lack of a proper paradigm should be noted [3]. The foreign policy of most countries, especially China and India, is based on political realism. Liberal-institutional principles are only realized in an immature form of the practice of international relations in the Southeast Asia. In North-East Asia opposition remains, which is based on the balance of forces to strengthen state sovereignty and growing nationalism. So, the integration

project, which includes almost all Eastern Asia countries, differs from the European in the features of conceptual properties. There are differences between the approaches to choosing ways to integrate which affect their practical embodiment.

The first fundamental feature of the construction work in Asia, is lack of well-developed models of their own and the feasibility of integration. There was a dissenting opinion, that integration in East Asia takes place without a proper theoretical understanding. Initiated by Japan and maintained by the Eastern Asia Summit Economic Research Institute for ASEAN and East Asia is not engaged in theoretical but in applied design to develop specific integration and cooperation issues. The authors of the book "Regional Integration: Europe and Asia in comparison", emphasize the major feature of this process in Asia as purely empirical and pragmatic. ("Ad hoc nature integration") [18: p. 125–127]. The "builders" prefer to use the building structures already created and tested in Europe, with their almost verified phases, shapes and patterns. But it is typical that they did not copy everything that is not suited to conditions in Asia, and chose methods and means based on the principle of "muddling through" – i.e. gradual movement ahead taking into consideration the possibilities and avoiding obstacles. This helps to avoid a doctrinal attitude and observing the wariness, to adapt to local conditions.

The second feature is the strict adherence to a set of principles, known as "The Way of ASEAN", which are supposed to be extended to the methods of construction of an East Asian community. This is primarily due to the fact that Southeast Asia made a great progress in establishing international institutions and developing principles that one should follow in the process of rapprochement.

These principles are reduced to the following items:

1. Non-interference in internal affairs between the member-countries of the Association.
2. Compliance with the principle of non-formality and emphasis on the ethics of interpersonal relationships in negotiation between the leaders of countries participating in the association.
3. Minimal institutionalization of interstate political and even economic relations.
4. Consultation and consensus in decision-making.
5. Avoiding the use of force and confrontational approaches to controversial issues.

The first principle of noninterference in the internal affairs of sovereign states is recognized by all participants of the integration process. It is this point where a significant difference between European and Asian models of integration is seen. If we turn to

the European concept, we can see not only opposite approaches to the understanding of the item, but also different views of international politics. One of the problems of political integration is the interpenetration of internal and foreign policy. The refusal of leaders of East Asian countries to recognize the sovereignty of the Maastricht model, i.e. sovereignty, divided politically, logically signifies a clear separation between domestic and foreign policy areas. Therefore, in Asian politics it is possible to completely remove from such issues as the violation of human rights, the nature of political systems and their compatibility, etc. A liberal theoretical paradigm of regional integration is based on the idea of interdependency of progress and its results on the nature of political systems. Success is largely predetermined by the democratic type of political regime. Authoritarian regimes are inherently incapable of deep political and economic integration. One of the main distinguishing features of East Asia lies precisely in the fact that it is composed of diverse and even opposing political systems. If in Europe (excluding CIS countries) all countries are electoral democracies, in Eastern Asia the state of things is very different: out of 19 countries and territories, only 6 are recognized by experts as liberal democracies. And the others are authoritarian [19].

Integrated Europe has overcome the fundamental reorientation of politics as an institution. Relations between the nations of the European Community turned into domestic politics, and the distinction between domestic and foreign policy has blurred. Prior to the establishment of the European Union, the idea of statehood and sovereignty meant independence from outside interference, but now in Europe, this principle has been abolished. In ASEAN there is no mechanism for interference in internal affairs, but in the EU mutual interference and control have become the basis of security. In recent years a huge amount of scientific literature on the phenomenon of "Europeanization" has been published. These publications reveal the problem of the EU influence on the political systems of the member states, as well as their adaptation to the European regulatory and policy environment as the equivalent of political integration [10: p. 28].

At the summit in Copenhagen in 1993 a set of criteria for all countries aspiring to join the Union was agreed upon. Countries that join the EU, must be reconstructed in accordance with thousands of standards, laws and regulations, in total constituting of about 80 thousand pages of text. "For a comprehensive change in the countries which enter into an alliance with the EU, European diplomacy begins with domestic policy not military strategy" –

underlines M. Leonard [9; p. 65]. Mutual control in the EU is carried out in the field of human rights, minorities, corruption, fiscal policy and democracy. The EU has become a guide and supervisor of democratic transition in Greece, Spain and Eastern Europe. This firm position contributed to the dismissal of ultra rightist forces headed by J. Haider in Austria. In 2010 EU put pressure upon France, Switzerland and Hungary, where an attempt to solve internal problems via nonliberal methods was made. All these examples indicate active intervention in the internal affairs of sovereign states, which is unacceptable from the standpoint of international law. Nevertheless, the motive and justification for these actions is the concept of interdependence and common European values.

The third fundamental feature of the East Asian integration type is the ideology of the authoritarian, developing state, providing high levels of economic development. Authoritarianism is based on the model of a treaty between society and authorities described by L. Pie and some other authors. Such a state takes care of development and efficiency – on the one hand, and assures people of governmental concern and perspective – on the other. A well-known Singaporean author Kishore Mahbubani in his book "The New Asian Hemisphere: The irresistible shift of global power to the East" said that the East has established a special type of authoritarianism – which is based on the fundamental role of justice in the management of society and a sense of duty to somebody under charge [12]. A well-known American political scientist F. Fukuyama proved that the reason for economic success in East Asia is rooted in the availability of excellent public institutions in this region. At the same time there is a distinction between political and economic systems, which "differ in terms of spheres of state influence and vary from minimalism in Hong Kong to the extreme intervention South Korea" [4: p. 42].

The fourth characteristic is related to the previous three: there is no goal of creation of a strong multilateral institution aimed at limiting state sovereignty. In East Asia the concept of "supranational" is not used, i.e. that some functions are transferred to international institutions. The Maastricht model of sovereignty was recognized as inappropriate to the conditions of East Asia. Instead, integration is a spontaneous collaboration and it develops in two bilateral ways – intraregional and intrerregional which form a network structure and may eventually develop into a more institutionalized form. So, the economic integration of Europe is moving towards a post-modern political system or quasi-federal type,

but in East Asia the process of integration is going on with the preservation of the political sovereignty of nation states.

The fifth regional identity is the desire to separate the economy from politics both conceptually and virtually, which is rooted in the rejection of political integration plans, even in the distant future. A liberal paradigm of international relations is based on the functional relationship between politics and other spheres of public life. Some authors are inclined to a deterministic understanding of these interactions: the market and economy are the driving forces of transformation. On the other hand, proponents of political realism defend the thesis of the autonomy and primacy of politics. The chosen methodological approaches are important for further interpretation of prospects for globalization and integration. Reluctance to recognize the link between the economy (as the driving force) and policy leads to negation of the role of the political factor as an inevitable consequence of the conditions of successful economic integration. It is assumed that the economic goals of integration can be implemented successfully and without the creation of supranational political institution. East Asian leaders count on the fact that the political dimension of integration in the region will be embodied in strengthening peace and security, and any attempt to establish mechanisms for intervention in internal affairs in this regard would be counterproductive.

The Communist Party of China shares the views on the possibility of separating political issues from the economy. It seems that this approach has rational motives. Domestically, the concept was intended to confirm the conclusions about the possibility of deepening market reforms while maintaining the communist political system and their coexistence throughout the entire historical period. In international terms this point helps to accept globalization as an inevitable process, but only in its economic dimension. China denies the theory of political globalization. Globalization in its purely economic dimension presents no danger to state sovereignty, autonomy of domestic policy and the principle of noninterference in internal affairs (especially in such matters as human rights, Taiwan issues and ethnic minorities). This approach is compatible with the concept of the possibility of economic integration without the creation of supranational institutions and the elimination of obstacles such as competition between the Asian powers (Japan and China) for their leadership and territorial disputes.

The sixth specific feature of the region is the leading role of the market. P. Katzenstein, a promi-

nent researcher in the field of regionalism, mentions the gap between the East Asian state, its politics and the market in conducting economic integration [8: p. 5]. States do not so much seek to intensify the integration process, as to cooperate with each other in order to counter financial crises, environmental disasters, fiscal and trade imbalances. The market at the same time is ahead of institution-building in international economic relations. A particularly significant role is played by Japanese multinational corporations which outsource production to countries in the region engaged in the export of capital and direct investment. This is primarily due to the fact that regional states try to maintain control over the development of integration and even hinder it.

The seventh originality of conceptual integration – the concept of "Asian values" came into fashion in 1990. The very appearance of this concept indicates understanding the role of common values and the need for regional identity in order to solve integration problems. The concept was put forward by Mahathir and Lee Kuang Yu – the leaders of Thailand and Singapore, and currently it is popular in Indonesia, India, Thailand, and among some political forces in Japan. Some authors, guided by ethnocentric views, link Asian values with the idea of "asiasation of Asia", by which they mean the establishment of the identity of all Asian nations and restoration of the continuity of historical consciousness. This was broken by Western colonial expansion, and then by the process of globalization. Other observers rely on the assertion about the inevitability and progressive nature of globalization processes, leading to the internationalization of cultures, not only globally but also regionally. Funabashi, for example, considers contemporary Asian culture, a consequence of the "globalism average" [5].

The very appearance of this spiritual system was due to real premises – an "economic miracle". In particular this study confirmed the assumption that in the occurrence of the "Asian miracle" a great role was played by rational economic policy. However, this explanation is not complete. At the turn of the 1970-80's the doctrine of cultural determinism was doubted. According to this doctrine Asian cultures are not able to stimulate economic growth.

It should be borne in mind that the economic wealth of a country depends not only on politics, technology, mineral resource, and other aspects. Along with these there is one more factor: culture. Max Weber – the author of the theory that Western prosperity is explained by the "protestant ethic" – at the time criticized Confucianism as an anti-capitalist theory. However the concept of the insuperability of

cultural barriers was proved to be unfounded. It was stated that in East Asian societies culture is slow to change, and economic life develops very rapidly, showing the highest results in the world. Proponents of the concept of Asian values assert that East Asia, despite the diversity of civilization, has a particular regional basis – the traditional political culture; diligence and thrift; respect for authority and hierarchy; the subordination of the individual to the group (community); preference for stability not individualistic, liberal Western competitive activism. [12: p. 469–470]. Many journalists believe Confucianism to be the main source of such influences on the mentality of Eastern nations.

The economic success, demonstrated by East Asia countries, convinced the supporters of Asian values of the justifiability of the "third way". This is a unique Asian model that reflects the political ideologies, distinctive history and culture of the region. Western scholars regard it as an ideological defense against critics and a counterweight to Western liberal values. At the same time, these values should be considered in a broader context – as a manifestation of an emerging sense of common destiny and goals of the peoples of East Asia. Mahbubani, and Ogura, for example, focus on the positive effect that culture has on the integration process in Asia [14: p. 37–44].

The eighth conceptual idea lies in the openness and inclusiveness of economic grouping. Due to differences of ideas of the long-term strategy and interests between China, on the one hand, and the ASEAN states, Japan and others on the other hand, it is hard to reach a consensus. Economically, a network of bilateral relations dominates in East Asia, most of which are pegged to the U.S. and the institutions of global governance. Taking into consideration these reasons, the elite of the region realizes the hopelessness of a closed group creation and seeks to expand its participation in global governance institutions such as WTO and B-20.

The ninth idea was manifested in the proclamation of the "Beijing Consensus" in answer to "Washington consensus". In 1990, John Williamson compiled a list of ten items, which was officially promoted by the project for neoliberal globalization. The Washington Consensus, supposes openness of the economics of developing countries, delegation of control over the economy to the private sector and the weakening of the state role [14]. After the Asian financial crisis of 1997–1998 China criticized the "Washington consensus" and put forward its own version – the "Beijing Consensus" [16, 17], which included the following issues: 1) caution in matters of privatization and liberalization of trade and

finance; 2) protection of national interests and sovereignty of states, etc. Asian countries are unanimous in their approach to the role of the state in economic development. L. Pye, for example, writes that the greatest risk to Asia is not too big but too weak government [10: p. 53]. In many ways, the "Beijing Consensus" is an additional version of "Asian values" and is based on the premise that Asia has its own unique history and its own development path. The "Beijing Consensus" can be called the East Asian model of development strategy and some countries in the region stick to it.

There is an important point in the Beijing Consensus for all Asians: they see globalization as a process initiated by the United States. Therefore, the question of control is crucial for them. Thus, the "Beijing Consensus" aimed at promoting a multipolar world with the rise of Asia, China, Japan and India want to make themselves known in international affairs.

Formulating a critical attitude toward the principles of neoliberalism, the Beijing Consensus has to do with fundamental contradictions generated by the promotion of economic reform, which is far ahead of political development. In the center of political debate in many countries of Asia there is a problem: how to change closed political systems for more open systems, without undermining the political stability – a prerequisite for economic growth. Up to date authoritarian political regimes prevalent in East Asia showed a relatively high efficiency and ability to maintain legitimacy. Nevertheless, the successful transition to liberal democracy in South Korea, Taiwan and Indonesia, as well as the corruption of authorities, and "cronism" – based on clan ties and Asian capitalism, show the urgent problems of democratization in East Asia.

That is why in 2007, India, focused on western states, has put forward as a counterbalance to the Chinese model its own concept – the "New Delhi Consensus". This document includes principles such as democratic governance and parliamentary system; a legal system, independent from the ruling party; the army out of politics; the promotion of development of multinational companies; the maintenance of social peace and balance between the well-off and poor people; and the support of the middle class, which must be granted political articulation [14].

The views considered are not ideologies, but political declarations. The emergence of the Indian version suggests that in Asia there is no consensus about the fundamental principles of strategic development. Countries are busy finding their way and offer their own alternatives.

The analysis undertaken suggests that between Asian and European theoretical models there are

fundamental differences. The main differences are the following:

1) European integration as an inclusive understanding of the synergy of economics, politics and culture, on the one hand and pragmatically motivated conceptual separation of politics and the economy, on the other;

2) in the European discourse, the recognition of the principle of interdependence and interrelation of domestic and international politics and, on the contrary, the rigid separation of policy into two spheres in Asia;

3) the permissibility of interference in internal affairs in European politics, on the one hand – and the fundamental rejection of interference in internal affairs in East Asia (the "ASEAN Way") – on the other;

4) in Europe, the development of such integration, leading to the emergence of a "transnational policy" of the postmodern era, the development of supranational institutions and the application of the concept of shared sovereignty and, in contrast, – the method of unanimity in decision-making and priority development of bilateral ties in East Asia;

5) the construction of institutions of liberal democracy and human rights in the basic legal requirement for all members of the European Union, on the one hand, and the typical East Asian tolerance for diversity of political systems and values, giving priority to socio-economic rights to political, on the other;

6) on the one hand, the liberal-institutional paradigm of international politics and the exclusion from the practice of European relations, the principle of balance of forces and / or territorial disputes, the emphasis on the use of "soft power" and on the other, the opposite system of interstate relations, based on the paradigm of political realism and balance of power ;

7) if the EU is the establishment of European identity, in the East Asian region, on the contrary,

there is a rise of nationalism, especially in China, both Korea and the "new nationalism" in Japan [22].

In fact, we are dealing with two strategies of economic integration. The authors of the book "Regional Integration in Europe and Asia compared...", answer their own question: "Should East Asia emulate Europe?" The answer is hard to challenge: Europe and Asia represent two different eras and, accordingly, – two strategies for regional integration [18: p. 197-214]. The Russian scientist Andrei Baikov, puts forward hypotheses that the absence of normative integration is a universal role model. He writes: "The practice is ahead of theory. The further away from Europe, the higher is the concentration of all possible variations (in terms of "europhiles"-deviations) of integrated interactions" [1: p. 2]. The author of this article considers the thesis acceptable. However, Baikov stresses the importance of integrative motivation, but underestimates the universal role of real political and socio-cultural conditions as a prerequisite for a successful integration process. Europe's experience shows that supranationality is a key condition for the integration success. Regional integration in East Asia is going on through trade liberalization, investment and development cooperation, without multilateral supranational institutions. This process, according to East Asian concepts can occur while maintaining the differentiation in political systems and ideologies. It is difficult to agree with the assertion that economic integration can not be suspended by an echo of the Cold War in North-east Asia as well as by disputes between state regions about the ownership of island territories and offshore in the East China Sea and the Sea of Japan.

The notion of different paths of integration is presented in the table below:

Table

Comparison of integrating ways of Europe and East Asia

	Europe (EU)	East Asia
Economics and Politics ratio	Theoretically and practically unbreakable interact	Economy is conceptually separated from politics
The nature of political regimes	Only liberal democracies are integrated	The nature of political regimes does not matter
Interference in internal affairs	Allowed	Not allowed
Principle of supranational institutions	Supranational institutions already function	Interstate or inter-company relations
Theoretical paradigm of international relations	Dominance of institutional liberalism	Political liberalism
Nationalism in international relations	Quenched	Amplified
General political and spiritual values	European values – the basis of economic and political integration	Civilized diversity, cultural substitute – Asian Values
Common identity	Formed	No

This dissimilarity of conceptual thinking is rooted in the uniqueness and special features of Asian regional integration – a high degree of political, cultural and even economic heterogeneity, which has both negative and positive effects. In connection with this extension and attempts to implement alternative development, strategies of integration should be viewed dialectically. This means that the realization of the impossibility of copying European achievements in the construction of integration, and at the same time, the idea that deep and comprehensive regional economic integration is impossible without some political and cultural conditions. These include: maximum possible uniformity of democratic political systems, the dominance of shared cultural values, lack of historical mistrust, territorial disputes and a sharp rivalry between the potential leaders of the integration process, and, last but not least, the willingness to sacrifice part of their state of sovereignty.

REFERENCES

1. *Bajkov, A.* "Integratsionnye marshruty" zapadno-sentral'noj Evropy i Vostochnoj Azii ["Integrational routes" of west-central Europe and East Asia] // *Mezhdunarodnye protsessy*. 2008. № 6.
2. *Bajkov, A.A.* Dobrovol'noe samoogranichenie [Voluntary self-restraint] // *Nezavisimaya gazeta*. 2010. June 22.
3. *Buzan, B., Acharya A.* Pochemu ne sushestvuet teorii ne zapadnikh mezhdunarodnikh otnoshenii? Vvedenie [Why there exists not theory of non-Western international relations? Introduction] // *Mezhdunarodnie otnosheniya Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona*. 2007/ Iss 7, № 3.
4. *Fukuyama, F.* Sil'noe gosudarstvo: Upravlenie i mirovoj poryadok v 21 veke. [Powerful state: management and world course in the 21st century.] – Moscow, 2006.
5. *Funabshi, Y.* Azializatsiya Azii [Asialization of Asia] // *Mezhdunarodnye otnosheniya*. 1993. Vol. 72, November-December.
6. *Gazeta Asia Times: mirovaya ehkonomika – Aziya ishchet consensus.* [Newspaper Asia Times: World economy – Asia is looking for consensus] // Online. Available: <http://www.atimes.com/08/22/2007>.
7. *Haas, E.B.* Mezhdunarodnaya integratsiya: evropeyskiy i mirovoj protsess [International integration: European and world process] // *Mezhdunarodnye politicheskie soobshchestva: antologiya*. New York. 1966.
8. *Kattsenshtayn, P.Y.* Aziatskiy regionalizm v sravnitel'noy perspective [Asian regionalism in a comparative perspective] // *P.Y. Kattsenshtayn, Shirayshi T. Sila v obshchnosti: Yaponiya i Aziya.* – New York. University Kornell. – 2006. str. 1–44.
9. *Leonard M.* 21 vek – vek Evropy. [The 21st century is the century of Europe] – M., 2006.
10. *Knill S., Lenshou A.* Prispособlenie k politike evropeyskogo soyuza: izmeneniya i soprotivlenie mestnykh vlastey [Adjustment to the politics of the European Union: changes and counteraction of local authorities] / *M.G. Koulz, Y. Kaporaso.* *Izmeneniya v Evrope: evropeizatsiya i vnutrennie izmeneniya* [Changes in Europe: europeization and internal changes]. – Itaka. 2001.
11. *Mabubani, K.* Tikhookeanskiy put' [Pacific way] // *Mezhdunarodnye otnosheniya*. tom 44, № 1. P. 100–111.
12. *Mabubani K.* Novoe aziatskoe polusharie: neotvratimyy sdvig mirovoy moshchi na Vostok [New Asian hemisphere: inevitable shift of the world might to the East]. – New York: *Obshestvennye otnosheniya*. 2008.
13. *Munakata, N.* Stremitsya li politika dognat' rynki? V poiskakh Vostochnoaziatskogo regionalizma [Is the politics thriving to overtake markets? In search for Eastasian regionalism] / *Kattsenshtayn P., Shirayshi T.* *Za predelami Yaponii: Dinamika Vostochnoaziatskogo regionalizma* [Beyond the borders of Japan: Dynamics of the East Asian regionalism]. – New York: *Izdatel'stvo universiteta Kornell.* – 2006.
14. *Ogura, K.* Prizyv k novoy asiatskoy kontseptsii [Call for new Asian concept] // *Ekho Yaponii*, tom 20, № 3, str. 37–44.
15. *Pay, L.* Nezapadnye politicheskie protsessy [Non-Western political processes] // *Politicheskiy zhurnal*. Avgust, 1958. Vol. 20.
16. *Ramo, Y.S.* Pekinskiy consensus [Beijing consensus]. – London, *Tsentr mezhdunarodnoy politiki*. Vesna. 2004.
17. *Ramo, Y.S.* Kitay nashel svo ekonomicheskiy consensus [China found its economic consensus] // *Financial tayms*. May 7, 2004, p. 13.
18. *Regional'naya integratsiya: sravnenie Azii i Evropy* [Regional integration: comparison of Asia and Europe] // *Iusik mun.* – Aldershot, Hants, Angliya; Biorlington, VT. 2005.
19. *Svoboda v mire. 2010* // *Dom svobodi. Dannie polucheni na osnove metodiki, ispol'zuemoi Domom svobodi.* [Freedom in the world. 2010 // Freedomhouse. Data obtained on the basis of the method employed by the Freedomhouse] – Online. Available: www.freedomhouse.org/resaerch/freeworld2010
20. *Strezhneva, M.V.* Evropejskii soyuz i SNG: sravnitel'nyy analiz institutov [EU and CIS: comparative analysis of institutions.]. – Moscow, 2006.
21. *Williamson, J.* Chto est' politicheskaya reforma s tochki zreniya ofotsial'nogo Vashigtona? [What is political reform from the point of view of official Washington?] // *John Williamson, \ Adaptatsiya Latinskoy Ameriki: Skol'ko uzhe sdelano? [Adaptation of Latin America: How much has already been done?] – Washington O.K., 1990.*
22. *Zhao, S.* Kitayskiy natsionalizm i ego mezhdunarodnaya orientatsiya [Chinese nationalism and its international orientation] // *Politicheskie nauki.* – 2000. Vol. 115. Iss. 1.

THE RUSSIAN FAR EAST: GEOPOLITICS, GEOSTRATEGY, GEO-ECONOMICS AND GEOPOLITICAL RISKS

I.F. Yarulin

Yarulin, Ildus Faizrahmanovich – Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Sociology, Political Science and Regional Studies, Pacific National University (Khabarovsk).

E-mail: iarulin@mail.ru

The role of the Russian Far East in international activities is characterized by the fact that it is a link between the Russian Federation and the Asia-Pacific Region or a strategic key of Russia to the goal of Northeast Asia. The current situation gives rise to geopolitical risks and requires the development of geopolitical and geostrategic approaches.

Key words: Far East, Asia-Pacific Region, geopolitics, geostrategy, geopolitical risks.

In the period of globalization, the international community is becoming increasingly interdependent both for economic and political reasons. Relations between different regions of our planet are changing. For example, the Asia-Pacific Region (for economic, geopolitical, demographic, and some other reasons) is transforming into a center of global development. Therefore, the relations between states located in that region, as well as the form of their integration will largely determine the general situation in the world in the 21st century. The crucial trend of recent decades is the shift of world development center to the Asia-Pacific region. The Asia-Pacific region is increasingly becoming the engine of world civilization, which role Europe has performed for the last five centuries. In the Asia-Pacific region – taking into account North America – a big part of the gross world product is produced. The largest national economies including the most important – American, Chinese and Japanese are located in the APR. In perspective the five largest economies in the world will be here, adding India and the Russian Federation. Almost half of the members of the G-20 are located in the Asia-Pacific region. The biggest geopolitical centers of the modern world, primarily the USA, are situated in the region too. China, with its enormous population is reasonably regarded as a claimant for the title of the second world superpower. India actively takes part in all processes in the Asia-Pacific region. The largest Islamic country in the world – Indonesia – is located in the Asia-Pacific Region. The most developed states in the Southern Hemisphere – Australia and New Zealand – are also situated in the Asia-Pacific region.

As M.V. Il'in rightly pointed out, "the dismantling of the Soviet Union, as well as political changes taking place in the Russian Federation and neighbouring Asian countries (such as Mongolia, Japan and especially both Chinas and both Koreas) have revealed new aspects of the geopolitical situa-

tion in the region. The natural grounds of geopolitics have become more distinct; its anthropogenic aspects have become more problematic. Many political "realities" which seemed if not "eternal", but at least quite stable are perceived now as liable to change. All of this concerns not only the "two Chinas", "two Koreas" and the Japanese-Soviet (Russian) opposition, but also the general position of the Russian Far East, including its political status" [3: p. 33].

Countries in the region, and especially Russia, are faced with very serious geopolitical challenges that require interpretation and evaluation. Taking into account the fundamental nature of manifested geopolitical factors and the scale of emerging problems, a profound and thorough analysis is required, allowing us to detect peculiarities and circumstances of the formation of geopolitics in the Far East. The demands of the 21st century force us to consider the Russian Federation not as a European or Euro-Asian country, but as a Euro-Asian Pacific country. However, Russia is not always perceived as an Asia-Pacific country by other countries of the region, since demography, economics and politics of Russia are mainly oriented towards Europe.

The necessity of such a view is justified in the present situation by scientific interests as well as requirements of current politics. In this context reasonable and balanced long-term policy combining on the one hand general development of the Asian – Pacific vector in foreign policy of our country and on the other hand thorough study of Far Eastern problems are necessary. From this point of view the Russian Far East is being considered as a main link in a succession of decisions concerning Russian foreign-policy strategy in the APR. It is necessary for Russia to form its Asian-Pacific foreign policy conception, which could contribute to cardinal consolidation of country's position in the most important region of the 21st century. In our opinion it is necessary to give new impulse to the development of in-

ternational cooperation, since the problem of interaction between the Russian Far East and countries of the North-Eastern Asia has not yet been studied thoroughly by Russian specialists.

Having analyzed different sources concerning this problem we are able to draw a conclusion that neither in Russia nor abroad is there a uniform theoretical geopolitical conception of state, based on research of national strengths and interests. The category of national strength, problems of its analysis and its connections with geopolitical influence and the potential of the state have not been investigated completely. It is a reflection of a system crisis that affected all social spheres including science.

The geopolitical situation in the Far East developed historically under the influence of the spatial settlement of far eastern territories by Russia on the one hand and the desire of other countries to prevent settlement on the other hand. Scenarios of relations were determined by basic principles of western geopolitics: control of territory within the perimeter of Eurasia ensures a ruling position in Eurasia, that is supremacy over Eurasia [7: p. 29].

Already by the middle of the 19th century there were two trends in the foreign policy of the USA: Alaskan, including intervention in Siberia and the Far East through the Bering Strait, and north-western aimed at intrusion into Russia through Korea and Manchuria.

Attempts to take part of Russian territory were undertaken many a time. It is known that in 1920 the American resident V. Vanderlip at his meeting with V.I. Lenin suggested selling the Kamchatka Peninsula in exchange for recognition of Russia by the USA [4: p. 12].

Probably many people have read an open letter from German Sterlingov to the president of the Russian Federation D. Medvedev and the prime minister V. Putin containing a suggestion to sell out Russian territory and live within the boundaries of “the original Russian state” [9]? Of course this is outrageous and unpatriotic, but such ideas spread. Moreover many Russian economists share such views.

One should agree with a famous researcher of the problems of the Far East J. Krupnov, that “... those who think that geopolitics is a synonym of foreign policy are mistaken. For Russia its own territory determining its geo-economic and geopolitical power is the priority space of organization and the basis of Russian geopolitics. Such geopolitics may be called domestic geopolitics” [6: p. 19].

In this respect modern research in the field of geo-economic theory seemed prospective. The economic and energy potential of the Far East deter-

mine the importance of geo-economics in the analysis of its current geopolitical situation. Many geopolitical problems in the relations between the states of the region are determined by economic reasons and striving to implement geo-strategic benefits for getting the best results. In this respect Russia needs to work out its own conception of the geostrategic interests in the APR.

As the result of current geo-economic tendencies a very tough situation came into existence: either two geo-economic poles – the European Union and the “big three” of South-Eastern Asia (China, Japan and South Korea) – “will tear” our country, or we will manage to transform the neighborhood with these giants in the West and in the East into an instrument for our own breakthrough. Therefore either mechanisms of rent-seeking from our geographical location will be worked out, or our unique geography will act as the main adversary to the development and even existence of our country [6: p. 5].

Our mass media keep silence, but there has been heated debate in the USA about the ownership of islands on the Baker-Shevardnadze line. There are 5 islands there. It is offshore area. A serious struggle for the Arctic begins. In 2007 the American Council of the United Nation University published a forecast entitled “Global energy prognoses”. It says that clashes may break out between Norway and Russia (over the Barents Sea) and between the USA and Russia (over the Bering Sea) due to probable warming and decrease in the covering of polar ice

Russia will have to deal in the Arctic not only with border countries (the USA, Canada, Norway and Denmark) but with the united front of the NATO members. Moreover Finland and Japan also believe that the resources of the Russian sector in the Arctic “belong to the world community”.

We should really put into operation a Northern Sea Route (NSR). Interest in it is great, ships from Europe are already trying to use it. We must provide steering, logistics and safety, we must earn money. We think for some reason that nobody will develop it without us, while the Japanese carried out a feasibility study ten years ago. Is this fact considered over in the Far East?

For many years the Northern Sea Route has ensured freight transportation for the development of the Russian Arctic zone and export of goods from Europe to Japan, China and reverse. It has served several industrial zones of the USSR, where non-ferrous metals, rare-earth metals, valuable minerals and hydrocarbons were extracted. However, economic reforms of the 90s virtually resulted in the

decline of the transport system, while the volume of traffic on the route was reduced to a minimum. For our country the NSR is a profitable and reliable key to the natural storeroom of the North, Siberia and the Far East. There are 35 per cent of world oil and coal reserves in regions adjoining the Arctic. 98 per cent of diamonds and 90 per cent of gold, as well as nickel and platinum are mined there. In total it is a fifth part of the national income.

At the present moment the external borders of the Arctic zone of the Russian Federation have not been clearly defined, because existing sea borders in this region were not recognized by many states and international organizations. As long ago as the 1920s five countries – the USSR, Denmark, the USA and Canada by tacit consent of other countries divided the Arctic into several sectors. Each of five countries claiming the ocean of polar territories simply extended their borders along the meridians to the North pole. Naturally about one third of the Arctic shelf went to Russia. However during the last years many countries began to consider such a decision unfair, especially in the light of the de-icing of polar seas and the opportunity because of this to enlarge international navigation and begin extraction of hydrocarbons in the seas of the Arctic Ocean.

Grounds for talks about the redevison of the Arctic Ocean were introduced by the United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS) that was signed in 1982. According to article 76 of this law five countries whose territories are partially situated within the polar circle have rights to their exclusive economic zone (200 nautical miles or approximately 370 km). It is only within this zone that the states are allowed to prospect and develop mineral deposits. According to the UNCLOS no country possesses the North Pole and the seas around it. Issues of polar areas are examined by the United Nation Commission on the Limits of the Continental Shelf. The UNCLOS also declared that sea mineral resources beyond the limits of the 200-mile zone are the common heritage of mankind; therefore every state has the right to submit an application for the development of the Arctic shelf.

Such leading states as Japan, Germany and the USA are already preparing for redivision of the Arctic, while 1.2 million sq km of the Arctic belong to Russia. About 80 per cent of Russian oil deposits and 90 per cent of natural gas and coal deposits are in the Arctic sector. The Shtokman field developed by Russia together with transnational companies contains 3800 billion cubic meters of natural gas that

is equal to the gas consumption of France over 80 years. Russia intends to submit an application to the UN to enlarge its northern possessions to another 1.2 million sq km (territory that is equal to three times the size of Germany). In the American sector of the Arctic the Chuckchee Sea reserves are estimated at approximately 15 million barrels of oil and more than 2 trillion cubic meters of natural gas.

The problem of geopolitical risks emerges in the global prospect for our country. Geopolitical risk is the possibility of changes in the geopolitical situation at regional and global levels manifested in unfavourable conditions and additional opportunities. The problem of geopolitical risks must become the main ground for the evaluation of regional political climate. Studying geopolitical risks involves research of various factors including those developing inside such a system as the given region and influencing it from the outside. The peculiarities of the regional political situation, global political processes, international economic conditions, local and global cultural, informational and other trends may be considered such factors. When analyzing the mechanisms of current political processes, historical traditions of the region, natural, climatic and other conditions of its development may be considered the subject of scientific research as well [2: p. 51]. The forecasting of geopolitical risks includes working out the most probable scenarios and their consequences, first of all in the view of the security of the object.

Taking into consideration difficulties in predicting the geopolitical situation in the world it is impossible to make a long-term prognosis. Therefore in order to analyze geopolitical risks it is necessary to carry out a detailed study of an object (country or region). For this purpose one has to study the geopolitical and geo-economical risk factors of the object and determine the structural interconnection of these factors. On the basis of the received data political and economical variables that may have positive or negative effect must be singled out.

There is no other precedent for an economically weak country with a decreasing population bordering the most densely populated and rapidly developing state. At the same time as Russia has enormous and undeveloped natural resources, the whole of China and particularly border provinces experience a severe shortage of resources.

First of all China needs hydrocarbons, and Beijing is willing to do everything in order to provide long-term and assured supplies from the Russian territory. In 2009 “Rosneft” and “Transneft”

received from China \$ 15 and \$ 10 million for extension of the Eastern Siberia-Pacific Ocean oil pipeline (ESPO). In exchange for this Russia guaranteed the supply of 300 million tons of oil within 20 years at a fixed price (which appeared to be considerably lower than the weighted average prices of recent years).

Russia still maintains a certain freedom in the sphere of energy. That is why despite the fact that the Chinese lobbied for the construction of an oil pipeline to the Chinese city Daqing, the main pipeline goes past the Chinese territory towards the Japan Sea. Directing the pipeline to large consumers in the Asia-Pacific Region (Japan, Korea, etc.), Russia wants to prevent the Chinese from controlling the volume and price of oil supplies. For the same reason western and primarily Japanese companies have been invited to develop the oil deposits on Sakhalin island.

On the other hand, the dependance of the Russian economy on raw materials in its relations with China intensifies. In September of 2009 D. Medvedev, the president of the Russian Federation, and Hu Jintao, the General Secretary of the Communist Party of China, approved the Program of Collaboration between the Regions of the Far East and Eastern Siberia and North-Eastern Provinces of China till 2018.

Cooperation within this program supposes “paired” construction of more than 200 enterprises on both sides of the border, in most cases these pairs are aimed at extracting Russian natural resources and exporting them to China for further processing. In quite a number of cases the matter is the development of many large fields (the Berezovky iron ore field, the Udokan copper field, the Beringovskiy coal field, and the Novikovskiy brown coal deposit, etc.). Gold, antimony, titanium, vanadium, magnesite, polymetals and apatites are mentioned in the description of other projects. The list of timber enterprises is also impressive: these are timber processing complexes in Chita, Zabaykalsk, Ust-Kut, Tayshet, Amursk and smaller plants all over the Far East.

At present two thirds of timber is exported to China from Russia (57 per cent in 2008). Moreover Chinese companies import (sometimes using smuggling schemes) high quality timber from Russia that is many times cheaper than timber imported from other countries

The difficulty in establishing industrial cooperation with China is that our neighbor does not need anything except raw materials and energy resources [8: p. 55]. Is the transformation of Russia into a

country dependent on China, into its “eternal raw appendage” possible? How can we escape it? Is it better for our country for the sake of self-preservation to become “the strategy and energy kitchen garden” of China?

In order to prevent and eradicate possible political risks it is necessary “to balance” the influence of China by the influence of other major players (the USA, Japan, South Korea, the EU, the ASEAN), and international financial and industrial groups: we must considerably increase the use of temporal labour from other countries (such as Korea, the CIS) in building projects in the Far East and Eastern Siberia.

We need a specific program of introducing modern technologies in the Far East. Our experience proved that private business will not do this, so state initiative is necessary. There is already such experience abroad – for example, the Japanese company JETRO, which is engaged in the planning, introduction and development of modern production techniques. Countries of the region have to draw up collaboration agreements in the sphere of modernization.

In 2009 Russian engineers suggested the plan for a Lena-Kamchatka Railway Mainline (LKM). This 5000 km railroad would allow the linking of the seaport Petropavlovsk-Kamchatsky with Western Siberia and the south of the Far East in order to create another outlet to the coast of the Pacific Ocean. The LKM might be linked with other functioning railroads – the Baikal-Amur Mainline and the Trans-Siberian Railway. The mainline would provide reliable communication between remote areas of the Irkutsk region, the Sakha (Yakutia), Magadan and Kamchatka regions and other parts of our country.

We, the residents of the Russian Far East, have not yet realized who we are. One has to identify Russia not only as a European but also as an Asia Pacific state. It is necessary to work out a strategy corresponding to the resources and the image of our country. Then one has to establish social infrastructure taking into account the interests of all generations living here. Otherwise young people will go away. They will be replaced by semi-skilled labour from border countries. If there are too many “temporary” imported people working at a large number of enterprises, the dependence of some regions, enterprises and even industries on this workforce intensifies. What will happen if relationships with a developing neighbor are spoiled suddenly?

As the famous Chinese analyst Bobo Lo says, «... although China is still speaking about a multipo-

lar world, it has in mind the establishment of a two – polar Chinese – American world, where other countries would have minor influence. The specific weight of Russia in Chinese foreign policy will steadily decrease. Beijing sometimes may have the temptation to enlist the support of Moscow in order to withstand hegemonic ambitions of Washington, D.C., but disbelief in the abilities (and reliability) of Russia proves that China would prefer not to assume any obligations in the struggle against potential geopolitical threat. At the same time the increasing disbalance in Russian – Chinese relationships testifies that bilateral interaction would become more difficult, although Chinese authorities would try to control its northern neighbor» [1: p. 47].

It seems extremely urgent to establish an analytical centre in Khabarovsk, which will evaluate all prognoses – geopolitical, geo-economic, geostrategic, as well as the probability of geopolitical risks. In accordance with decisions of the Khabarovsk meeting “Russia – the UN” it is possible to establish a joint group consisting of members of foreign policy, industrial and other organizations, domestic businessmen and experts in order to work out a realistic model conception of interaction of the Russian Far East with European and Asia-Pacific countries. We are aware of the organizations working for the Chinese Government, but do we know our future partners in the Asia Pacific Region? We do not know these people and they do not know us, while the personal approach is very important in Asia.

REFERENCES

1. *Bobo, Lo.* "Postoyannaya perezagruzka" Kitaya ["Constant reloading" of China] / Bobo Lo // "Rossiya v global'noy politike [Russia in global politics]. – 2010. – Iss. 5.
2. *Ezhiev, I.* Geopoliticheskiy risk: predmet, ob'ekt, klassifikatsiya, analiz, prognozirovanie [Geopolitical risk: subject, object, classification, analysis and forecasting] / I. Ezhiev // *Vlast'*. – 2011.
3. *Il'in, M.V.* Rossiyskiy Dal'niy Vostok v geopoliticheskoy sisteme koordinat aziatsko-tikhookeanskogo regiona [Russian Far East in a geopolitical coordinate system of the Asia-Pacific region] / M.V. Il'in // *Rossiya i Koreya v menyayushchemsya mire [Russia and Korea in a changing world]: Materials of scientific-research conference.* – Moscow, 1997.
4. *Ivanov, S.* Amerikanskaya agressiya na sovetskom Dal'nem Vostoke [Americam aggression in the Soviet Far East] / S. Ivanov. – Vladivostok, 1952.
5. *Krupnov, Y.V.* Dom v Rossii: natsional'naya idea [Home in Russia: national idea] / Y.V. Krupnov. – Moscow, 2003.
6. *Krupnov, Y.V.* Transsib "versiya 2.0" kak instrument vosstanovleniya tranzitnogo potentsiala i osnova vyzhivaniya Rossii v 2020-2030 gg. [Transsib "Version 2.0" as an instrument of restoration of transit potential and the basis for survival of Russia in 2020–2030] / Y.V. Krupnov // *Transport Rossiyskoy Federatsii.* – 2010. – Iss. 2 (27).
7. *Mackinder, H.* Geograficheskaya os' istorii [Geographical pivot of history] / H. Makkinder // *Polis.* – 1995. – № 4. – S. 162–169; Spykman, N.G. Geography and Foreign Policy I // *American Political Science Review*, Vol. XXXII, № 1. – P. 29; Mahan, A.T. The Interest of America in Sea Power, Present and Future. – BiblioBazaar, 2007.
8. *Verlin, E.V.* Rossiya-Kitay: vremya korrektyrovat' kurs [Russia-China: time to correct the course] / E.V. Verlin, V.L. Inozemtsev // *Svobodnaya mysl'*. – 2010. – Iss. 8.
9. http://www.sterligoff.ru/otkritoe_pismo.html

CONCEPTIONS OF REGIONAL STRUCTURE OF THE WORLD AS THE GEOPOLITICS OF THE END OF THE 20TH AND BEGINNING OF THE 21ST CENTURIES

D.A. Lanko

Lanko, Dmitry Aleksandrovich – Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of European Studies, School of International Relations, Saint Petersburg State University.

E-mail: dimppa@hotmail.com

International relations remain unpredictable and this unpredictability causes concern for political leaders and the intellectual elite. Development of conceptions of the system of international relations helps to overcome this concern. One of such conceptions is the idea of a system of international relations consisting of regions. These conceptions vary depending on the elite that share these ideas. They also change within the frameworks of elites in the course of time owing to which some regions disappear and some other regions emerge. These conceptions simultaneously influence the process of making foreign-policy decisions. The paper shows that the role these conceptions play in the decision making process is similar to the role of geopolitical conceptions in the beginning of the 20th century.

Key words: geopolitics, region, geographic proximity, foreign policy, theory of international relations, globalization, political leaders, intellectual elites.

The “Cold War” gave the category “geopolitical” a second meaning. In the first half of the 20th century this category covered a series of factors which the states should take into consideration during the process of making foreign policy decisions along with other factors. Geopolitical factors differed from other factors and were notable for their connection with the physical geographical, economic geographical or political geographical characteristics of the territory in question. The first geopolitical theory was developed in the beginning of the 20th century by H. McKinder, who supposed that the world consists of two regions, which are presented on the map of the world in concentric outlines. One of them, named in his later works as The Heartland, is located around the place which H. McKinder called the “geographical pivot of history” [18]. The second region encircles the first. In other words, according to the British researcher, The Heartland united the countries surrounded by land.

From the point of view of H. McKinder the most significant country in this region was Russia. The second region, which was named the Rimland in later works, united the countries with direct access to the World Ocean. The most significant among them at that time was Great Britain. We cannot but note the influence of the political views of H. McKinder on the major propositions of his theory. [21: p. 76–81]. Being British, he supposed that the colonization of territories directly adjoining the World Ocean was much easier than the colonization of inner territories of continents. The British Empire always expanded through the establishment of a colony at the coast with further expansion deep into the heart of the

colonized territory. The way of expanding the empire without the support of shipping – which was the way of expanding the Russian Empire – was considered by the British as more complicated. Hence followed their conceptions of the priority of The Heartland over The Rimland, as the former was supposedly located close to the geographical pivot of history.

The attainment of world supremacy presupposed the achievement of two goals: colonization of both seacoast and colonization of inner territories – and the Briton H. McKinder considered the second goal to be much more complicated. Meanwhile H. McKinder had no doubts about the geographical predetermination of the existence and continuous expansion of the British Empire. That is why nowadays we consider his theory within the context of imperialism [4]. In addition to that, we think that H. McKinder belonged to a turn of the century British elite group, which believed that in the forthcoming war Britain and Russia would not fight for the same side as had happened in reality but would be at war with each other. Thus there is such attention to the Russian Empire in his theoretical developments. The researcher put the geographical pivot of history in the territory of the modern Afghanistan – in the early 20th century this was the place where Russian and British interests came into collision.

The British Empire approached Afghanistan from the South, in present day South Asia. The Russian Empire approached Afghanistan from the North, from present day Central Asia. H. McKinder did not take into consideration the significance of such a

factor as the Ottoman Empire in the Russian-British confrontation over Afghanistan. If the British Empire had managed to take hold of Afghanistan, it could have started its expansion into Central Asia and might have defeated Russia not in a naval war, as happened in the Crimean War in the mid-19th century, but in the Heartland itself or, as we would say nowadays, in Russian territory. In this case Great Britain would have confirmed its status as the only great world State but not one of several major states as it was in the beginning of the 20th century. Nevertheless, this theory seems true only if H. McKinder's assumption that Russia was the major enemy of the British Empire is confirmed, which is substantiated by nothing but his foreign-policy conceptions.

If we suppose that the major enemy of Great Britain was France the geographical pivot of history should have been shifted to the inner territories of Africa where British and French interests came into conflict in the beginning of the 20th century. And if we consider the British-Japanese confrontation as a basis for the theory, the geographical pivot should have been placed in Mongolia. The fact that the pivot was placed in Afghanistan was mainly determined by H. McKinder's conceptions of the extremely important (and negative) role of Russia from the point of view of the imperial ambitions of Great Britain. Later, during the Cold War and even in the beginning of the 21st century, Afghanistan again and again caused concern in the international community. Nevertheless, this does not seem to be caused by the physico-geographical position of Afghanistan but was a result of the global confrontation of the other major maritime powers, the USA and Russia or, to be more exact, the Soviet Union.

During the Cold War, researchers started to use the category "geopolitical" to denote factors that influenced the foreign policies of the nations. These factors were not connected with the geographical characteristics of the territory but with the global confrontation of two great superpowers – the USA and the USSR. Confrontation at the global level manifested itself in the strategic arms race during the periods of strained relations and in the symbolic signing of arms reduction treaties during the periods of thaw in relations. In addition to that, the confrontation between the USA and the USSR had another measurement also – regional. The essence of the regional measurement of the confrontation turned out in the following way: each of the great superpowers dominated in one of the world regions. For the USA it was the Western Hemisphere, and for the USSR – the region was denoted by the term "Eastern Bloc", which was less compact from the geographical point

of view. This dominance was not absolute. We cannot but mention the case of Cuba in the Western Hemisphere and the important role of the foreign policy ambitions of China and Yugoslavia within the frameworks of the Eastern Bloc.

As for the other regions of the world, each of the great superpowers tried to establish their own sphere of influence. Sometimes the struggle for those spheres of influence was so acute that a country turned out to be split into two parts: in Europe it was Germany; in Asia – Korea, China and Vietnam. Nevertheless, even in cases where a split of the country did not take place the conflict was tough enough. Suffice it to remember the confrontation between India and Pakistan in South Asia or the Arabic-Israeli conflict in the Middle East. The states that belonged to a certain region or strived to develop their policy in this region had to take into account the factor of the global confrontation between the two superpowers or, in other words, the geopolitical factor. After the end of the "Cold War" the confrontation between the two superpowers lost its significance. Nevertheless, the idea that the world consists of regions has survived and is proceeding to influence foreign policy of the states.

This influence can also be characterized as a manifestation of the geo-political factor in the process of foreign-policy decision-making. Its significance for the foreign policy of the whole series of countries can be easily traced in the memoirs of their leaders. The authors of the memoirs try to justify the foreign policy decisions they made when they held the highest posts in their countries. Thus, US President Bill Clinton asserts that it was the regional factor that served as the basis for the decision of the USA not to interfere in the conflict in Rwanda in the initial stage. Half a year before the unleashing of genocide in Rwanda the USA had suffered a shattering defeat in another African county – Somalia, and the US administration had no arguments to persuade the US Congress of the need for a military operation in Africa. More than that, Clinton confessed that [at that time] Africa was a region which was not of life-and-death importance for the national interests of the USA [9: p. 663].

In her work "Religion and the World Policy", then US Secretary of State M. Albright, tried to justify the democratic administration of Clinton which, in the opinion of Republicans, had not done enough for the resolution of the Middle East conflict during the eight years in power. In the early years of the 21st century a rumour spread among the American elite that President George W. Bush himself condemned Clinton for inactivity in the Middle East settlement. Bush even had to officially refute this rumour at one

of his press-conferences [6]. M. Albright, in her turn, explained that the impossibility of quick attainment of peace in the Middle East was not caused by the inattentiveness of the American administration towards the problem but by the specific features of the Middle East as a region and the peculiarities of handling territorial disputes there. She wrote that in the Middle East, after having lost territory people immediately begin to make plans for regaining it [2: p. 154].

European political leaders keep pace with the Americans. Thus, Gerhard Schröder, Chancellor of Germany, in his memoirs warned against snap decisions based on the critique of the situation with the human rights in People's Republic of China. In his opinion, the complexities in the sphere of human rights in China are determined by its geopolitical position in Asia. According to Schröder one cannot expect Asian countries to develop and adopt legal standards analogous to the legal standards of Europe which had been fought for by the European democracy for a long time and with tremendous efforts [22: p. 142]. In addition, memoirs of V. Havel, the President of the Czech Republic, did not only address the problems of foreign policy his administration was dealing with, but also those that emerged after his resignation. He characterizes the "Orange Revolution" in the Ukraine as another confirmation that the Ukraine belongs to Europe but not Eurasia. In V. Havel's opinion, the Ukraine belonging to Europe is seen in the map, and the Orange Revolution only confirmed this fact [13: p. 23].

Political leaders and intellectual elite proceed from the assumption that the boundaries of the present day regions are determined by objective factors. Adherents of different theories of international relationships enumerate different factors determining the boundaries of the regions. Some of these theories date back to the first half of the 20th century, like the theory of functionalism. Like the majority of the theories of international relationships of the first half of the 20th century, functionalism considers the description of an ideal system of relationships among the states which would allow them to avoid wars to be its major task. D. Mitrany, an author of a classical work on the theory of functionalism assumed that the peace in the whole world would be achieved when all the states are united by a dense network of functional ties [19]. In David Mitrany's understanding, functional ties are what is denoted by the category of "cooperation" by the present day studies of international relations.

What is implied is not only the collaboration among the states but the interaction between sepa-

rate governmental agencies and institutions of local government, commercial enterprises and non-governmental organizations involved in international activities independently from their governments. Mitrany's work pays less attention to the international ties of non-governmental organizations but mentions that relationships between common people can be considered as functional ties. Ernst B. Haas also wrote about "functional collaboration as a condition for overcoming conflicts" [12]. The authors of these works give an account that the entire world covered by a dense network of functional ties is a political value that the states should strive for. At present, in some parts of the world, the networks of functional ties are dense enough; nevertheless, some other parts of the world have practically no ties between themselves.

These parts of the world are given names as regions. From the point of view of the theory of functionalism, a region is a group of countries united by a dense system of functional ties. This definition differs from other conceptions in at least two aspects. Firstly, this definition assumes that regions are formed by the countries included in the region through the development of international cooperation among them. Secondly, this definition assumes a significant role of the state in the formation of a region. A region cannot be formed if non-governmental participants of international relationships do not develop functional ties between their countries. Nevertheless, it is the governments that bear responsibility for the formation of legal foundations for the international relationships as development of functional ties seems impossible without the norms of law regulating these international relationships.

This classification of definitions of region has been suggested by Fabrizio Tassinari in his work devoted to the Baltic region [23]. In his opinion, the ideas of political leaders and intellectual elite about the origins of contemporary regions can be divided into two groups in accordance with the two suggested criteria. On the one hand, different ideas of origins of regions tend to set off the regions formed "from inside", by virtue of the countries included in the region, against the regions formed "from outside" under the influence of the factors that geographically lie beyond the regions. On the other hand, the regions formed "from above", due to the inter-governmental agreements on cooperation or counteraction to external threat, are also opposed to the regions formed "from below", i.e. in the ideas of people (including political leaders and intellectual elite).

Thus, if the definition of regions given by the theory of functionalism can be referred to the defini-

tions that assume that regions are formed from above and from inside, the theory of realism considers regions as groups of countries formed from above and from outside, under the influence of external factors. This is the way regions are considered in a classical work of Hans J. Morgenthau, published five years after the publication of the work of D. Mitrany [20]. Both functionalism and classical realism are aimed at describing the ideal model of international relationships preventing wars. However, the key conception of the realistic model is not the functional ties but the category of balance of power. As the classical realism proceeds from the assumption that states possess different degrees of power, the countries with lesser power unite in coalitions aimed at counteraction to the pressure from the state with greater power.

According to classical realism, countries united in such coalitions form a region. Within the frameworks of the paradigm of realism, regions are formed from above because only states establish defense alliances and from outside, as the defense alliances are formed for counteraction to an external threat that is geographically located beyond the boundaries of the region. The North Atlantic region is a vivid example of that. The establishment of NATO – a coalition directed against an external threat, the Soviet Union – determined formation of this region. Nevertheless, as the Charter of the UN assumes the possibility of formation of regional defense alliances only, it was declared that NATO was established as a regional defense alliance for the North Atlantic region. The UN Charter does not provide a definition of a region, which makes it possible to present practically any group of countries as a region. The examples of regional defense alliances of the Cold War period in the Asia-Pacific Region corroborate this conclusion.

Nevertheless, these defense alliances turned out to be short-lived. Only NATO survived the end of the Cold War. The North Atlantic region is the only region out of all regions established during the Cold War in accordance with the paradigm of realists that has existed as an inalienable element of geopolitical conceptions of the political leaders and intellectual elites. Instability of defense alliances and the regions established around them determined the growth of popularity of the neo-liberal definition of region. Neo-liberal definition of region, as well as the definition given by the theory of functionalism, assumes that regions are established from above and from inside. The difference is as follows: adherents of the theory of neo-liberalism make a vague concept of a dense network of functional ties more precise. Pre-

viously, the existence of this network was considered to be enough to indicate the existence of a region.

Actually, functional ties exist between any countries. Still, in the case of certain groups of countries the concept of region is formed and in the case of some other countries it is not. In order to explain this contradiction, the theory of neo-liberalism introduces the concept of overspill – the category that has something in common with the Marxist concept of transition from quantity to quality [3]. The spillover effect is observed when the continuously deepening cooperation between the governmental and non-governmental participants of international relations makes the states take an unprecedented step – partial renunciation of their sovereignty. The ways of renunciation are described by two theories based on the common foundation that substantiates their labeling as neo-liberal theories. The first of these theories was given a name as the theory of integration.

The popularity of the concept of integration within the international studies is continuously growing. In some cases, this concept is used to emphasize the significance of cooperation among several countries, mainly the economic cooperation. When the integration between the USA, Canada and Mexico is at stake partial renunciation of sovereignty is not discussed. The USA is one of few countries of the present day world that subsequently adheres to the principle of preserving full sovereignty over its territory exclusively in the hands of its government. A contrary situation is observed in Europe where the European Union nations delegate a part of their sovereignty to supranational institutions, which are authorized to establish norms applicable in all EU countries within the scope of its powers. However, the EU is a unique formation that causes some theorists to discuss “Europeanization” instead of integration [10].

The second theory describing the way of delegating a part of sovereignty by the states does not directly touch upon the process of formation of regions. Here we are talking about the theory of transnationalism. As a rule, the adherents of this theory consider global institutions as examples, like transnational corporations and transnational organizations. The former are mentioned in the research literature even more often than the latter although their activities do not affect the sovereignty of the countries where they work. Although transnational corporations bring the difference in legislations of different countries around to their advantage, they are not capable of working in the territories where state sovereignty is principally absent. This explains low investment activities of transnational corporations in

Somali, for instance. The sovereignty affects the activities of transnational organizations to a much greater extent.

International judicial institutions, like the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, are often mentioned as examples of transnational organizations [15]. These institutions are established by the states and are also financed by these states. Nevertheless, these institutions initiate legal investigation of certain cases and carry out their resolutions through specific acts independently of the positions of the states that had established these institutions. Thus, we can also point to the delegation of a part of sovereignty to international institutions. It remains unclear though why the category of integration is used for the institutions that act at the regional level and to which the states delegate a part of their sovereignty; and why the category of transnationalism is used for the same institutions acting at the global level. What is important for the purposes of this paper is that integration, from the point of view of neo-liberal theory, is the factor of formation of regions.

The uniqueness of the European experience of integration has become one of the aspects subject to criticism of the theory of neo-liberalism from the adherents of the theory of neo-realism. Even if we assume that the European Union is an independent participant of international relations (which is doubted by some supporters of the theory of neo-realism because of insignificant progress of the EU in the development of common external policy), there are no analogies to it in other regions of the world. As the adherents of the theory of neo-realism assert, in other regions regional institutions of cooperation are established by the activities of the regional “hegemony”. Work of Zbigniew Bzhezinsky can serve as an example of such an approach. While considering the prospective roles of Japan and China in the international relations in the Asia-Pacific Region and on the global level, he called Japan not a regional power but a great power. On the contrary, he characterized China not as a great power but as a regional power. [1: p. 188-206].

Perhaps today, 15 years after he had written these lines, Z. Bzhezinsky would change his evaluations of the roles of Japan and China in the international politics and rearrange the characteristics of these powers. However, for the purposes of this paper, the comparative evaluation of these two major Pacific powers is not of fundamental importance. The division of countries into “great powers” and “regional powers” seems to be more significant within the frameworks of this particular context.

This division might seem arguable as we can see from Z. Bzhezinsky’s assessment of the alignment of forces in the Pacific region. Every “regional power” employs the resources of “its” region to turn into a “great power”. Either this might be caused by ambition of its own elite or by its goal to reinforce its influence in the region to the maximum extent. On the contrary, every “great power” pays primary attention to its own region. Thus, the task of distinguishing “regional” powers from “great” powers seems rather unfeasible in practice.

Research literature denotes the groups of countries that were mentioned above as “own” regions of great powers by the concept “sphere of interests”. According to the theory of neo-realism, regions are formed at the time when a certain major power declares a region the sphere of its interests. This theory considers that regions are formed from above, in accordance with the will of major powers. These major powers are not necessarily located in this region geographically. For instance, the USA, whose sphere of first-rate interests is Latin America, is not located in the same region. Owing to that, followers of neo-realism have reasons to assert that regions are formed from outside and not in accordance with the initiative of the countries comprising the region. Especially as it was shown above, interests of a regional power and the other countries of the region often contradict each other. Regional power is interested in using the resources of the region for achievement of great power status but not for the development of the entire region.

This contradiction often leads, if not to conflicts between great power and the countries comprising its “sphere of interests”, but to the perception of this power as a threat in these countries. Thereby, the conclusions of the theory of neo-realism do not contradict the conclusions made by followers of post-positivists theories of international relations such as social constructivists. Followers of this theory pay attention to the definition of regions, which considers formation of a region as a process that develops from below and is based on conceptions of people, including political leaders and intellectual elite and not because of governmental power. The achievements of the social constructivism made possible emergence of new theories explaining descendance of regions including the theory of securitization. Developers of this theory focused on the fact that some groups of people consider some phenomena in international relations as the problems of security and others do not [8].

They also noticed that the issues which are referred to as security issues by the public become of

primary importance over the other issues for this society. Political leaders who are supposed to resolve security issues can employ unusual methods for resolution of these problems. Moreover, in cases when the security of the country is at stake, their employment of the methods, which would not be approved by society in some other cases, becomes legitimate. These observations led to the formulation of the definition of securitization: a kind of communication when the source of information tries to present a case as a problem of security that is aimed at legitimization of the use of unusual means for resolution of this problem. Thus, it makes also possible to define the opposite process – desecuritization, i.e. an attempt to prove that the problem is not a threat and the employment of unusual means for its resolution is illegitimate [24].

Followers of the theory of securitization develop a definition of region based on these categories. [7]. From their point of view, region is a group of countries whose political leaders, intellectual elites and the majority of the society consider the same events of international relations and the same participants of international relations as challenges to their security. For instance, Europe is a region where a large-scale war between the great European powers, analogous to WWI and WWII, is considered as the most serious threat. Thus, the partial renunciation of sovereignty by European countries is not determined by pragmatic reasons and economic benefits but by the desire for prevention of a new large scale war in Europe. This theory considers regions as groups of countries formed from inside: political leaders, elite and public leaders of these countries choose what is a threat to them and what is not.

The theory of globalization, like the theory of securitization, considers regions as groups of countries formed from below – within the system of ideas of political leaders, intellectual elites and the public on the whole. Nevertheless, this theory is primarily focused on the formation of regions from “outside” within the conceptions of political leaders, elites and societies belonging to a different region. Actually, one can often hear about the Russian foreign policy in the post-Soviet space¹, in Europe, in the Middle East and in the Asia-Pacific Region. In these cases, what is meant is not the post-Soviet space, Europe, Asia, Africa or other regions, as they are understood by the residents of these regions. Most likely, in this case these regions are indicated, as they are understood by the Russian elite. It is the understanding of

regions by the Russian elite that determine whether to consider Russia-Turkey relationships as an element of Russian foreign policy within the frameworks of European or Middle East direction.

Antony Giddens considers the formation of the conceptions that the world consists of regions to be linked with globalization. Therefore, this theory was named the theory of globalization [11]. In his opinion, globalization is one of the major reasons for concern of political leaders, intellectual elites and the public on the whole, because of the unpredictability and chaotic condition of present day international relationships. His suggestion is in keeping with the conclusion made by A. Wendt that it is the political elites’ ideas about chaos and unpredictability of international relationships that lead to international relations becoming unpredictable and chaotic [26]. Simultaneously, this unpredictability and chaotic character of international relations make the leaders and elites form the conceptions of the systems of international relations. In the works of K. Waltz one can find a list of these systems of international relations which is far from being complete [25]. One example of this is the idea that the world consists of regions.

Therefore, definitions of region given by the theory of international relations can conventionally be divided into four groups. The first group unites definitions that assume that regions are formed from “inside” and from “above”; this is the definition given by the theories of functionalism and integration. Definitions belonging to the second group assume that regions are formed from “outside” and from “above” (theories of realism and neo-realism). The third group unites definitions of regions that assume that they are formed from “inside” and from “below”; this is the conclusion made by the followers of the theory of securitization. Finally, the theory of globalization forms the fourth group. According to this theory, regions are formed from “outside” and from “below”. It is important to emphasize that different definitions of regions do not describe different regions but any region can be researched from the point of view of any of the approaches suggested above. These definitions do not characterize different regions but different approaches to them.

Different political leaders and representatives of the intellectual elite have different answers to the question of the origin of the same region. In a similar way, they have different conceptions of the regional structure of the world. It seems possible to identify what conceptions of the regional structure of the world exist among the elite of a State through the analysis of the structure of a foreign-policy office.

¹ Former republics of the USSR (translator’s note).

Actually, in the majority of countries, structures of foreign-policy offices consist of departments responsible for the relationships of this state with a certain region of the world. Different offices have different names for these departments. Thus, so-called regional departments exist within the structure of the Ministry of International Affairs of the Russian Federation. These Departments are in charge of the development of relations between Russia and post-Soviet space, Europe, Middle East and Africa, Asia and, at last, America. One can conclude that, according to the ideas of the Russian elite, the world consists of five mentioned regions. Analogous institutions were also established within the structure of the State Department of the USA where these institutions were called Bureaus. If we judge from the names of these Bureaus, the American elite considers that the world consists of six regions: Western Hemisphere, Europe and Eurasia, Middle East, Central and South Asia, East Asia and Africa southward of Sahara. Thus, according to the ideas of the Russian elite, Kazakhstan and Pakistan belong to different regions, but according to the ideas of the American elite, they belong to the same region. The picture of the world reflecting the ideas of different elites about the regional structure of the world becomes even more heterogeneous if we supplement this picture with the ideas of the Western European elite defined in accordance with the analysis of the structure of the Directorate-General for External Relations of the Commission of European Communities.

What is more, even the same elite conception of the regional structure of the world changes in the course of time. New regions emerge. The most significant changes within this context took place after the Cold War, when the regions bordered by the Iron Curtain on the one side collapsed and there emerged an opportunity to discuss the formation of new regions that previously had been divided into two by the Iron Curtain. Here we can consider the Asia-Pacific Region as an example because the intellectual elite of the Western countries began to point to this region in the modern understanding (including Russia, but only in the 1990s). Among the first papers that considered the Asia-Pacific Region in this way were the papers of D. McDougall [17]. In Europe, the Baltic region can serve as such an example, the first papers on the international politics in this region appeared in the 1990s [16].

Regions change their outlines. Some countries are included within a region, others are excluded from it. One of the examples here are the changes in the conceptions of the regional structure of the world

of the Russian elite that took place in the 1990s: in the beginning of the decade the Russian elite considered Baltic countries – Estonia, Latvia, and Lithuania – as a part of post-Soviet space. However, by the end of the decade, success of these countries on their way towards the European Union and NATO made the Russian elite reconsider their attitude towards these countries. At present, Russia considers these countries as European countries. This change occurred quickly and practically imperceptibly for the Russian elite and their Western partners. Nevertheless, such changes often require a long period. European elites have been engaged in the discussion whether or not Turkey is a part of Europe for decades [14].

Finally, regions disappear from the conceptions of the regional structure of the world of political leaders and intellectual elites. In German geopolitics, during the period between the two World Wars, the concept of “Mitteleuropa” was rather popular – it was a concept of a region that stipulated Germany’s unique geopolitical position due to belonging to that particular region. At present only historians of geopolitical thought remember this region. Political rhetoric or research literature devoted to the present day state of international relationships either in Germany or beyond its boundaries do not mention this region. During the past ten years, European intellectual elites considered the region of the West within similar context [5]. At a certain moment, some representatives of European intellectual elites had an impression that the contradictions between the USA and the countries of “Old Europe” had gone so far that the concept of “West” would soon disappear from the political rhetoric.

Thus, present day concepts of political leaders and intellectual elites of the regional structure of the world have the same characteristics as the geopolitical conceptions of the beginning of the 20th century, which were illustrated on the example of the conceptions of H. McKinder. On the one hand, H. McKinder’s conception of the world consisting of The Heartland and The Rimland can be partially explained by his own socialization within the British environment and partially by his own points of view on the problems of the British foreign policy. On the other hand, H. McKinder insisted that his ideas were determined by objective physical-geographical reasons. Present day elites, on the one hand, insist that their concepts of the regional structure of the world are based on objective foundations, like the fact that within a group of countries one can observe close collaboration, which allows the observer to point to the interdependency among them.

As we have shown above, these “objective” reasons include the following aspects: establishment of a defense alliance by a group of countries; economic and political integration within the group of countries; policy of major powers aimed at formation of their spheres of interests; and common conceptions of the most serious challenges to security. Thus, insisting on applying different approaches in formation of external policy towards different regions, elites insist on the assumption that these requirements are determined by objective factors. On the other hand, the differences between the conceptions of the regional structure of the world and frequent change of these conceptions make us think whether these conceptions are determined mainly by socialization and political conjuncture rather than objective factors. This allows us to consider these ideas as geopolitical conceptions characteristic of the end of the 20th century – the beginning of the 21st century.

REFERENCES

1. *Bzhezinsky, Z.* Velikaya shakmatnaya doska: gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy [The Grand Chess Board: American Primacy and its Geostrategic Imperatives] / Z. Bzhezinsky – Moscow: Mezhdunarodnye ot-nosheniya, 1998. – 256 p.
2. *Albright, M.*, *Religiya i mirovaya politika* [Religion and World Policy] / M. Albright. – Moscow: Al’pina, 2007. – 352 p.
3. *Alter, K.J.* The European Union’s Legal System and Domestic Policy: Spillover or Backlash? / K.J. Alter // *International Organization*, 2000. – Vol. 54, No. 3. – P. 489–518.
4. *Blouet, B.W.* The Imperial Vision of Halford McKinder / B.W. Blouet // *The Geographical Journal*, 2004. – Vol. 170, No. 4 (December). – P. 322–329.
5. *Browning, C., Lehti M.* (eds.) *The Struggle for the West: A Divided / Contested Legacy* / C. Browning, M. Lehti. – London: Routledge, 2009. – 256 p.
6. *Bush, G.W.* President’s News Conference with Prime Minister Tony Blair of the United Kingdom / G.W. Bush. – Crawford, Texas. – April 6, 2002.
7. *Buzan, B., Wæver O.* *Regions and Powers: The Structure of International Security* / B. Buzan, O. Wæver. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – XXVI + 564 p.
8. *Buzan, B., Wæver O., Wilde J. de.* *Security: a New Framework for Analysis* / B. Buzan, O. Wæver, J. de Wilde. – Boulder, London: Lynnie Rienner, 1998. – 239 p.
9. *Clinton, B.* *Moya zhizn’* [My Life] / B. Clinton. – Moscow: Al’pina, 2005. – 1088 p.
10. *Featherstone, K., Radaelli C.* (eds.) *The Politics of Europeanization* / K. Featherstone, C. Radaelli. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 351 p.
11. *Giddens, A.* *Uskol’zayushchy mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn’* [Runaway World: how Globalization changes our life] / A. Giddens. – Moscow: Ves’ mir, 2004. – 120 p.
12. *Haas, E.B.* *Beyond the Nation-State: Functionalism and International Organization* / E.B. Haas. – Stanford: Stanford University Press, 1964. – 595 p.
13. *Havel, V.* *To the Castle and Back* / V. Havel. – London: Portobello, 2007. – 383p.
14. *Hulsse, R.* *Turkey’s Europeanness, European identity and the EU: Explorations beyond the Surface of the Enlargement-Discourse* / R. Hulsse // *Borders, Identities and Nationalism: Understanding the Relationship* / Ed. by K.K. Khudoley and D.A. Lanko. – St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2004. – P. 82–98.
15. *Keohane, R.O., Moravcsik A., Slaughter, A.M.* *Legalized Dispute Resolution: Interstate and Transnational* / R.O. Keohane, A. Moravcsik, A.M. Slaughter // *International Organization*, 2000. – Vol. 54, Nr. 3 (Legalization and World Politics: Summer). – P. 457–488.
16. *Kivikari, U.* *Ekonomicheskoe prostranstvo Baltiyskogo regiona* [The Economic Space of the Baltic Region] U. Kivikari. – Helsinki: Otava, 1996. – 156 p.
17. *McDougall, D.* *International Politics of the New Asia Pacific* / D. McDougall. – Boulder: Lynnie Rienner, 1997. – 257 p.
18. *McKinde,r H.* *The Geographical Pivot of History* / H. McKinder // *The Geographical Journal*, 1904. – Vol. 23, No. 4 (April). – P. 421–437.
19. *Mitrany, D.* *A Working Peace System* / D. Mitrany. – London, New York: Oxford University Press, 1943. – 56 p.
20. *Morgenthau, H. J.* *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace* / H. Morgenthau. – New York: Knopf, 1948. – 565 p.
21. *O’Tuathail, G.* *Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space* / G. O’Tuathail. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. – 328 p.
22. *Schröder, G.* *Resheniya: moya zhizn’ v politike* [Decisions: My Life in Politics] / G. Schröder. – Moscow: Evropa, 2007. – 552 p.
23. *Tassinari, F.* *Mare Europaeum: Baltic Sea Region Security and Cooperation from Post-Wall to Post-Enlargement Europe* / F. Tassinari. – Copenhagen: University of Copenhagen, 2004. – 343 p.
24. *Wæver, O.* *Securitisation and Desecuritisation* / O. Wæver // *On Security* / Ed. by R. D. Lipschutz. – New York: Columbia University Press, 1995. – P. 46–86.
25. *Waltz, K.N.* *Theory of International Politics* / K. Waltz. – New York: Random House, 1979. – 221 p.
26. *Wendt, A.* *Anarchy Is What States Make of It* / A. Wendt // *International Organization*, 1992.– No. 46. – P. 394–419.

FACTORS OF FORMATION OF TRANSNATIONAL IDENTITY IN NORTHEAST ASIA

Y.A. Lamasheva

Lamasheva, Yulia Aleksandrovna – senior lecturer of the Department of World Economy and Foreign Economic Relations, Khabarovsk State Academy of Economy and Law.

E-mail: yuliya_lamasheva@hotmail.com

The process of economic cooperation in Northeast Asia develops in accordance with the rational model of interaction. The shift on a higher level of regional integration requires development of transnational identity in Northeast Asia. The process of formation of regional identity comprises different groups of factors divided according to the method of STEEPLE-analysis into social, technological, economical, ecological, political, legal and ethnic. At present, combined actions of these factors do not foster formation of transnational identity in Northeast Asia.

Key words: international cooperation, transnational identity, Asia-Pacific region, Northeast Asia, regional integration.

SOUTHEAST ASIA AS INFLUENCE CONCURRENCE SCENE OF THE USA AND CHINA

Y.V. Leksyutina

Leksyutina, Yana Valeryevna – Doctor of Political Science, Associate Professor of the Faculty of International Relations, Saint-Petersburg State University.

E-mails: lexyana@yandex.ru, lexyana@hotmail.com

The policy of “coming back to Asia” announced by President B. Obama sharpens the rivalry of the USA and China in South-East Asia. Both nations pursue the goal of expanding their spheres of influence in the region and securing domination in on-going integration processes in the region. The South China Sea has become a particular point of competition between the USA and China in Southeast Asia.

Key words: US-China relations, US foreign policy, China, Southeast Asia, Association of South East Asian Nations, the South East Sea.

The thesis that the center of modern geopolitical situation has moved from Europe to Asia is rarely doubted now. As Eastern Asia is gaining more and more political and economical influence in international relations, the interest of leading world nations in expanding their influence in this region is growing. The USA played a determining role in Eastern Asia up to the end 1990s. They attracted countries of the region by their political and economical values mainly based on the US military presence in the region. However, due to the end of the “cold war” the balance of forces in the region has changed. The importance of South East in the US sphere of interest has decreased accompanied by a decrease in the US military contingent as well as Chinese foreign political and economic activity in Eastern Asia. The body politic, once under the overwhelming weight of the US, has been filled by other world actors. In Southeast Asia the vacuum created by lessening influence of the big power has been successfully filled by an active Chinese foreign policy in this area since the 1990s.

The combat with international terrorism incited by the 9/11 events urged the USA to come back to South East Asia, a region with a wide network of Islamic terrorist organizations. The US engagement in the affairs of Southeast Asia, mainly antiterrorist activities during the reign of President George W. Bush, has extended and become multi-aspect during the presidency of B. Obama. President Obama called himself “the first American president of the Pacific”, thus, pointing out the Asia Pacific region as a priority in the foreign policy of his administration and heading the course of “coming back to Asia”.

Meanwhile, Washington faces competition from other leading world actors on the course of re-

turning to Southeast Asia. First of all, China has become a regional leader very quickly. It is necessary to note that although the competition is latent, it exists in the setting of closer bilateral contacts with the regional countries and plays a main role in current integration processes in the region.

The USA: coming back to Asia

The main form of US participation in the affairs of South East Asia is the existing and actual system of military and political alliances. Five out of seven US official allies are in the Asia Pacific Region and two of them – Thailand the Philippines – are in Southeast Asia. At the background of modern allied relation of the USA and Thailand there is a considerable experience of joint operations in the Korean, Vietnamese and Gulf Wars. Though there are no US military bases in Thailand, Washington DC had a complete access to the U-Tapao Royal Thai Navy Airfield and the Ban Sattahip Air Base in 2004. This is a part of US strategy “places, not bases” that supposes a regular usage of bases for operations and maneuvers but not occupation of the base itself and permanent contingent maintenance in South East Asia. However, two facts that weaken the US-Thai allied relationship are worth noting: the political instability in Thailand and its developing relationship with China.

Instability in the allied relationship can also be traced between the USA and the Philippines mainly due to numerous Philippine opposition groups against a military alliance with Washington. Thus, Washington was forced to deactivate its Subic Bay Naval Base and Clark Air Base in the Philippines by 1992 in connection with the Philippines government decision not to prolong the agreement on the disposition of US military personnel. After some anti-

American pause, the Philippines initiated mutual agreement on the temporary presence of US military forces on the Philippines territory in 1998 which is still valid. According to the agreement, joint military maneuvers are held on the Philippine territory and US ships regularly call at Philippine ports.

A new wave of US-Philippine relation cool-down in relationships followed the 2004 decision of the Philippines to withdraw its peace contingent from Iraq in defiance of the troop withdrawal timetable. This was followed by sharp irritation from Washington DC. Some hesitation about the Philippines' reliability as Washington's partner in the region results from the recent clear tendency towards closer political and economical relations between the Philippines and China.

The relations between the USA and Singapore, a long-term informal ally of Washington, deserve a separate mention. Trade and economic relations between the two countries are developing actively. After the US-Singapore agreement on free trade came into practice on January 1st, 2004, the joint foreign trade turnover has increased dramatically. In 2009, Singapore became the 11th biggest partner of the USA in the world.

Besides trade, the two countries are linked by wide interests in the sphere of security. According to the 2000 agreement on mutual supply and technical service of military forces, the USA have access to the Changi Air Base for resupplying, current repair and technical maintenance of US vessels as well as to the Paya Lebar Air Base for landing US jets. The US Navy regularly berths at Singapore ports. In July 2005, the USA and Singapore signed a framework agreement that made bilateral relations formal in the sphere of security and defense, antiterrorism, non-proliferation of weapons of mass destruction, joint military maneuvers, political dialogue and defense technology.

Besides strengthening the existing regional military and political alliances, the US policy of "coming back to Asia" includes establishing close cooperation and partnership with certain regional countries. In particular, the administration of President B. Obama is enlivening relations with Indonesia and Vietnam.

Following the September 11 terrorist attacks the intensification of US-Indonesian contacts was originally characterized by coordination in antiterrorism efforts and led to the Comprehensive Partnership between the two nations signed on November, 9th 2010. In this document the parties included a science and technology cooperation agreement, an Overseas Investment Corporation agreement, a defense coop-

erative framework agreement, the return of the Peace Corps to Indonesia and renewed contact with Indonesia's Special Forces. The role of Indonesia in the range of US national interests is determined by its close geographical location to Malacca Bay. Indonesia is a Muslim democratic country that pursues a reasonable policy and enjoys confidence in the Muslim world. Besides, Indonesia is the largest member of ASEAN.

Along with Singapore and Indonesia, Vietnam is also considered a promising regional partner of Washington DC. As the USA estimates it, Vietnam can evolve into "a middle power" able to have a significant influence in Southeast Asia. The ambiguous relationship of Vietnam and China plays neither the last nor the least role in the US foreign policy, where Vietnam is greatly concerned over the increasing role of China in the region. On July 2010, during her visit to Vietnam coinciding with the 15th anniversary of normalized relations, the US Secretary of State Hillary Clinton characterized this relationship not only as important on its own merits, but as part of a strategy aimed at enhancing American engagement in the Asia Pacific, and Southeast Asia in particular [6]. To the present, US-Vietnamese relations have been developing dynamically not only in the fields of trade, economics and investment but also in defense and security. In particular, since 2008 the USA and Vietnam have held forums in frameworks of political issue dialogues; US Navy ships berth at Vietnamese ports regularly.

Unlike previous US Administrations that developed relations with the Southeast countries on a bilateral basis, President B. Obama took steps to enlarge US participation in multilateral institutes such as, and first of all, the promising regional organization, ASEAN. An increasing role of ASEAN in regional affairs as well as the need of the USA to strengthen its position in on-going integration processes in South East has forced Washington DC to change its foreign policy in respect of ASEAN in general, and the ASEAN Regional Forum (ARF) in particular. It is a principal forum for security dialogue in Asia where members can discuss current regional security issues and develop cooperative measures to strengthen peace and security in the region.

One could see some implications of changing Washington's attitudes to ASEAN and ARF in the George W. Bush Administration. The change has become more vivid in the activity of Obama's Administration. Hillary Rodham Clinton was the first US Secretary of State to pay a visit to the ASEAN Secretariat in February 2009. It was symbolic in

many ways that she signed the Treaty of Amity and Cooperation on behalf of the United States in July 2009. The USA had abstained from the TAC's mainframe document – the Declaration of ASEAN Concord in Southeast Asia (Bali, February, 1976) – for a long time. It was George W. Bush's plan that foresaw the tool of regular USA-ASEAN summits for partnership dialogue. After all this the proposed plan of leading states summits although not realized by him was eventually put into practice. President B. Obama's Administration has also made certain changes in its foreign policy as to Myanmar. The country's implacability had provoked anxiety in US-ASEAN relations until Myanmar became a permanent member of ASEAN in 1997. Due to the fact that the new policy announced by the USA in respect of Myanmar in spring of 2009 corresponds to the general approach of ASEAN on Myanmar's "constructive involvement", it will help release the tension in US-Myanmar relations. The new policy supposes conducting a dialogue with the military regime and keeping US sanctions.

However, the current partnership in the form of dialogue between the USA and ASEAN looks undeveloped and limited in contrast to the flourishing partnership between ASEAN and China and the ASEAN+3. Washington's pursuit keeping its position in East Asia is directly connected with strengthening links with ASEAN and USA participation in current process of integration regional processes. The American Administration should catch up with the situation, take measures to establish closer relations and intensify contacts with this promising organization.

Besides the close cooperation between ASEAN and China, Washington is anxious over the growing popularity of the East Asia Summit, a forum established in 2005 and capable of substituting for APEC where the USA traditionally has played a leading role. The success of the East Asian community will considerably strengthen the position of China as a regional leader. Washington has taken some steps in acceding to the forming integrated structure. Since October 30, 2010 the USA has been attending the East Asia Summits on a regular basis.

Together with efforts to play a more important role in the integrating regional institutions under the aegis of China, Washington seems to be developing some alternative integrating projects where the USA occupies a significant position. The Trans-Pacific Strategic Economic Partnership Agreement with member-countries Brunei, Singapore, New Zealand and Chili can be considered a promising organization. Five additional countries including Australia,

Malaysia, Peru, United States and Vietnam are currently negotiating to join the group that is promoting a Free Trade Area. South Korea, Canada and Taiwan are also interested in it. This activity of Washington is viewed by Beijing as an opposition to China's initiative in creating a Free Trade Area in the ASEAN+3 format.

Washington has been faced with serious competition from China in the sphere of economics and trade. In general, it has sped up its policy of reinforcing economic links with the countries of Southeast Asia and ASEAN since George W. Bush proposed foundation of the ASEAN Initiative Institute. Free Trade Areas are going to play a very special role on the way to achieving this goal. Potential partners should meet two basic requirements: be members of the WTO and sign the Trade and Investment Framework Agreement. By now, the USA has signed TIFAs with Brunei, Cambodia, Indonesia, Malaysia, the Philippines, Singapore, Thailand, Vietnam and ASEAN. In 2004 Free Trade Areas were established between the USA and Singapore, and a Free Trade Area has been under negotiation with Malaysia since 2006.

The China's position is strengthening in Southeast Asia

The priority of the Chinese foreign policy has been in providing favorable and peaceful external conditions for conducting economic reform in the country since the end of the 1970s. First of all, this concerned optimization of the situation in a nearby area around the China's territory. As the comprehensive power of China was growing, the goal of providing more security was supplemented in 1990s with a foreign policy course which was set to gain, and later strengthen, the position of China as regional leader in East Asia. Thus, the Chinese authorities took the course of consolidating links with ASEAN due to the important role this organization plays in the region. In strategic perspective, the country cherishes the idea of leadership in current regional integration processes.

The first official contacts between China and ASEAN took place in the early 1990s. Originally, the cooperation was focused on the development of trade and economic contacts, while later on, Beijing aimed to create an atmosphere of partnership, a good-neighboring policy and mutual trust. The Chinese leaders demonstrated the firm intention to widen China's participation in different multilateral organizations within the ASEAN framework from the mid 1990s. In 1994 and 1997 China joined the multilateral security forum and the ASEAN+1 and

ASEAN+3 (ASEAN + China, Japan and South Korea) respectively.

The financial crisis of 1997-98 that inflicted great damage on the economics of Indonesia, Malaysia, the Philippines, Thailand and Vietnam became a crucial point in relations between ASEAN and China. The Chinese authority made a firm decision to prevent devaluation the yuan. They rendered essential help to a number of Asian countries to overcome the consequences of the crisis and gained trust and authority from ASEAN members. The Chinese policy for closer relation and cooperation with ASEAN was approved and positively assessed by ASEAN. The Chinese leaders and ASEAN agreed to establish a "strategic partnership relationship" in 2003.

China suggested an initiative to form a Free Trade Area between China and ASEAN in November 2001. According to the Chinese leaders, this could become the third significant trade organization in the world together with the EU Common Market and NAFTA. There is no doubt, the Chinese leaders considered the Free Trade Zone establishment as having not only economic but also political meaning for China and its position as a regional leader. As soon as the initiative was adopted, special committees on the cooperation of China and ASEAN started their work in specific areas.

The opening of the Free Trade Area, which covered 11 nations with a population of about 1.9 billion people took place on January the 1st 2010. It should be noted that the Chinese share in the ASEAN turnover exceeded the shares of other countries including the USA from the moment of the appearance of the Free Trade Area [2]. The establishment of the Free Trade Area gives the immunity of goods from customs taxation as well as expanding cooperation in the fields of service and investment agreements. It also gives an additional edge to the development of ASEAN-China trade and economic links and intensifies them. From the point of Washington, this Free Trade Area establishment will cause certain damage to US interests as do other free zones because they are discriminative in their nature in respect of external countries. The USA is watching with a certain degree of anxiety the tendency of the yuan to become a regional currency. This could eventually lead to forcing the dollar accounts out from Southeast Asia.

Besides establishing the Free Trade Area, Beijing is actively developing cooperation on a sub-regional level. One of the most successful initiatives on behalf of China, Cambodia, Laos, Thailand, Myanmar and Vietnam is a cooperation project with

in the basin of the Mekong River. China is taking part in the construction of the TransAsian Railway, thus realizing a sub-regional railway communication. Beijing is also promoting construction of a bridge across the Mekong River as soon as possible. This is going to create a transport corridor between China and Indo-Chinese countries.

An integrated part of the Chinese strategy of making links with the countries in the region is encouragement of their development and lax credit extension. China does not link its financial aid and possible political requirements, such as improving the situation of human rights. This causes dissatisfaction in Washington as the latter is interested in the development of democratic processes and human rights in the countries of the region. Thus, in 2003, China granted a \$200 bln loan to Myanmar while the USA continued its sanctions against Myanmar until it restores democracy in the country [7: p.121]. After the US announced sanctions against providing military aid to Thailand as a result of the military coup in September 2006, China provided Bangkok with a \$49 bln military aid and military education package [4: p.86].

The policy of Beijing in developing links with all countries independent of their political regimes, as well as the Chinese hands-off policy toward the internal affairs of other nations, determines preferences of authoritarian countries in favor of China rather than the USA which presses for the democratic values. Until Washington DC refuses its messianic idea of dissemination of democratic values and "export" of democracy, the authoritarian countries of Southeast Asia will stay under the Chinese influence.

In general, China has been sticking to "soft power" in its foreign policy. The Chinese authorities are seeking to increase the number of foreign students from Southeast Asia in China and expand geographically a growing number of Confucius Institutes, special centers for studying the Chinese language and culture. The Chinese authorities create favorable conditions such as simplified student visa procedures and the Chinese state stipends for students from Southeast Asia. These affect the growth of student numbers from Southeast Asia. In 2009, students from Thailand and Indonesia in Chinese colleges outnumbered those in US colleges [7: p.124].

Assessing the bilateral connections of China with countries in Southeast Asia, it should be noted that the closest links have been established with Myanmar, Laos and Cambodia, the poorest countries in the region. Beijing is the main source of economic aid for these countries, and the financial flow assists

infrastructure and power projects. The development of relations with Myanmar is of special significance for China because this country provides China with access to the Indian Ocean that guarantees additional channels of fuel supply as an alternative to the troublesome Malacca Bay. Chinese military aid to Myanmar including the modernization of the Myanmar Navy causes the profound concern of the USA and India. In particular, China participated in the construction of naval bases at Hianggyik and Coco Islands and the modernization of the naval base at the Mergui Archipelago.

China has been recently adopting fairly constructive relations with the Philippines and Thailand, main non-NATO allies of the USA. Unlike other Southeast Asian countries, Thailand is not burdened with territorial disputes with China. In general, it manages to develop actively multifold cooperation with Beijing and maintain an alliance with the USA, thus, realizing Bangkok's traditional foreign policy of sustaining the balance of external forces and providing for the country's independence.

At the same time, such Southeast Asian Muslim states as Singapore and Malaysia do not show interest in cultivating relations with China. Though developing manifold links with China, Vietnam and Singapore still stay Washington-oriented.

USA-China Opposition in the South China Sea

The South China Sea became a point of competition for influence between the USA and China when President Obama's administration came to power. The issue of the South China Sea in the context of two countries includes the following components: frequent cases of US and Chinese liner conflicts in both air and sea in the South China Sea area, enhanced Washington's attempts to adjust the territorial claims for a number of isles and the South China Sea water area from China and some ASEAN members.

On March 8, 2009, there was one in a string of incidents involving American and Chinese vessels. The *Impeccable*, an ocean-surveillance ship of the United States Navy, was harassed by several Chinese Naval ships in waters near the South China Sea while monitoring submarine activity. This event resounded around and was followed by mutual accusations and claims from both American and Chinese authorities. It echoed in the world and was compared to another incident of April 1, 2001. Due to the counteraction of Chinese jets a U.S. Navy EP-3E turboprop reconnaissance aircraft and a People's Liberation Army Navy F-8II jet fighter accidentally

collided causing the Chinese pilot's death in international airspace over the South China Sea.

Precluding US Air and Navy surveillance in the South China Sea area reveals a particular pattern of Beijing's behavior. They justify this by Articles of the international and national Law of the Sea Convention. Beijing claims navigation of the US vessels as illegal reconnaissance within China's exclusive economic zones that does not comply with the United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS), 1982, and with China's laws. Washington DC insists that its sea and air vessels conduct "routine" activity in international waters and air space that are outside of China's exclusive sovereignty. China's territorial sea extends up to 12 nautical miles from the baselines according to UNCLOS.

While UNCLOS was a significant development in the international legal regime governing the oceans, there were still many issues left unsettled. UNCLOS represented a significant number of compromises and some of the terms of the agreement did not sit well with various nations. It depends on the level of relations between countries, and the extent of strategic trust between the nations' leaders. As to the South China Sea, this distrust is manifested through the US continuous reconnaissance within the vicinity of China as well as Beijing's suspicions about American vessels operating near its state borders.

The dramatic growth of Chinese complex power, first of all, strengthening its military potential, causes anxiety to the US authority. Washington's concern about the South China Sea as a result of regular sea and air navigation of American vessels in this area is quite reasonable taking into account information about a large Chinese Navy base on the southern coast of Hainan Island (Sanya Naval Base). As the US Defence authorities estimate, a major surface fleet and large nuclear-powered missile submarines are located there. The base has an underground submarine facility and can provide direct access to international transport channels for the People's Liberation Army of China. The facility can be a place for the hidden accommodation of nuclear submarines in the South China Sea [5: p.2]. Chinese nuclear submarines have been under the control of the Northern Fleet of the PLAC.

China has built the Yulin Naval Base, expanded its airport airfields and military facilities on the Spratly Archipelago isles and one of the Paracel Islands. It has also increased the number of patrol ships along the coasts of Vietnam and the Philippines. All these signs of Chinese strategy imply the growing military power of China in the region re-

sulting from a desire to strengthen China's stance in territorial disputes over some islands in the waters of the South China Sea.

China claims not only Xisha (Paracel) and Nansha (Spratly) Islands but also about 80% of the waters in the South China Sea. Once these claims are satisfied, the South China Sea will turn into "a Chinese lake" where other countries have to ask permission from the Chinese authorities for navigating across it.

Both Vietnam and Taiwan have also been claiming the Paracel Islands for many years as well, the Philippines, Taiwan, Malaysia, Brunei and Vietnam also have significant claims to all or some of the Spratly islets. At present, control over the disputed islands is distributed among the claimants in the following way: China controls all the Paracel Islands and has military facilities at 5 or 6 atolls of the Spratly Islands; Vietnam has military facilities at its disposal on 21 of the Spratly Islands; the Philippines control 8 islands, while Malaysia has 3 and Taiwan has 1 islands of the Spratly Archipelago.

Indisputable sovereignty over the islands in the South China Sea is of great significance for China. It goes beyond the goal of the acquiring territories that were once lost. Establishment of sovereignty over all these islands would allow China to control navigation not only within its 12 territorial miles but also over the second busiest shipping lanes in the world. Over half of the world's merchant fleet (by tonnage) sails through the strategic Straits of Malacca, Lombok and Sunda in the South China Sea every year. The shipping lane across the Strait of Malacca in the South China Sea is very important for China, Japan and South Korea because continuous supply of raw materials and hydrocarbons from the Middle East and Africa fuels the countries' economic growth. Preserving the right for free navigation is an essential priority for the USA as the biggest trader and traditional ally of Japan and South Korea.

China and Vietnam are bound by the most contentious claims. On 20 January 1974, China forcibly seized the Paracel Islands from Vietnam and in 1988 the Chinese and Vietnamese navies clashed which led to Chinese occupation of some of the Spratly Islands. Military skirmishes have occurred numerous times in the South China Sea between other states involved in territorial disputes around the islands, inter alia, between China and the Philippines in the late 1990s. In recent years, some claimants have managed to resolve various territorial disputes without coercion.

Since the late 1990s, China has transformed its rather aggressive policy over territorial disputes and developed a conciliatory mood. As the Chinese

leaders have asserted a general collaborative diplomatic process on harmonization of relations with ASEAN in the South China Sea, Beijing has started to declare openly its pursuit of solutions for territorial claims solutions in accordance with the UN convention on the law of the sea.

At about the same time, the ASEAN member countries were trying to develop a code of conduct for the maritime countries in the South China Sea making an important contribution to the maintenance of peace and security in the region of disputed water areas through the basic norms governing the activity of the parties. As a result of long negotiations over the disputed islands, ASEAN convinced China to sign a Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea. The parties concerned undertake to resolve their territorial and jurisdictional disputes by peaceful means, without resorting to threat or use of force, through friendly consultations and negotiations by sovereign states directly concerned, in accordance with universally recognized principles of international law, including the UN Convention on the Law of the Sea.

Five years of relative stability in the South China Sea followed the signing of the Declaration. However, since 2007, China has been vigorously promoting its own interests which caused flaring tensions between the parties of the conflicting claims in the South China Sea. Thus, the Chinese Navy fired at a Vietnamese vessel that was carrying out geological surveillance in the Spratly Islands area. This conflict sparked a crisis of Sino-Vietnamese relations. In November 2007, China staged a large military exercise close to the Paracels that worsened the situation.

In November 2007, a new county-level city, Sansha, was created as an administrative unit set up by China's State Council. It covers the Paracels, the Spratlys and Macclesfield Banks. The action was strongly criticized by the Vietnamese Foreign Office. In response, Hanoi tolerated popular demonstrations in Hanoi and Ho Chi Minh City.

In March 2009, two events destabilized the situation in the South China Sea. Manila adopted the law of the Sea Base Line that set Philippines jurisdiction over Hunyang Island and a number of the Spratly Islands with their, nearby waters. Besides this, the Prime Minister of Malaysia visited the Danwan Reef (the Spratlys) announcing the Malaysian sovereignty over this place and the nearby waters. These actions asserting power over the conflicting claim territories resulted in public disapprovals and strong protests from the Chinese and Vietnamese authorities.

From 2001 and each subsequent year, Beijing unilaterally introduced fishing bans, a “summer moratorium” (May 16 – August 1), over a large section of the South China Sea north of 12°N, including the Paracels. By virtue of these regulations, China intercepted a lot of Vietnamese fishing boats using seining fishing stock contrary to the Chinese ban requirements.

In January 2010, Beijing announced its plans on developing tourism at some of the Paracels, as a part of tourist attraction to Hainan. So, in May 2010, a Chinese seismic vessel started its research in the waters near Triton Island, the Paracel Archipelago, which was the area of Vietnamese oil and gas exploration. The Vietnamese Government issued an official protest and demanded the immediate cessation of work.

The USA had not been involved in South China Sea territorial conflicts for a long time holding the role of an observer. The position of distant observer of territorial disputes in the South China Sea changed for real involvement in the middle of 2010. Dr Robert M Gates, Secretary of Defense, USA, pointed out the South China Sea as an area of Washington’s growing concern at the 9th IISS Asia Security Summit, the Shangri-la Dialogue in the Asia-Pacific, June, 2010[8]. At the 17th ASEAN Regional Forum on security issues in Hanoi, July 2010, the US Secretary of State, H. Clinton raised the South China Sea issue after consultation with a number of the ASEAN states. She mentioned freedom of navigation and availability of Asian maritime communication channels as matters of US national interest in addition to resolving the overlapping territorial claims according to the United Nations Convention on the Law of the Sea. Besides, H. Clinton encouraged the parties to reach agreement on a full code of conduct. The U.S. is prepared to facilitate initiatives and confidence building measures.

Beijing strongly opposes the engagement of a third party in this process and adheres to the bilateral settling of conflicts between the parties involved. China viewed H. Clinton’s speech as an attempt to interfere in Chinese internal affairs as well as to raise the solution of the territorial claims in the South China Sea to an international level. In the opinion of the Chinese authorities, the speech uncovered the US strategy on expansion of American influence in the region to China’s discredit.

In general, Washington has been actively promoting the idea of negotiating South China Sea issues in the multilateral format and reaffirmed its full participation in this process. Vigorous activity of Washington in matters of the South China Sea can

be considered part of the policy of “coming back to Asia”. Washington’s engagement in the facilitation of territorial claims in the South China Sea fosters the allied relationship with the Philippines and urged deepening relations with Vietnam. On the whole, the policy in the South China Sea can bridge the USA and ASEAN; the significance of this institution is undoubted.

In general, the evident rivalry between the USA and China for spheres of influence can be interpreted in different ways. On the one hand, it is a “zero-sum game”, when expansion of one party’s sphere of influence leads eventually to the weak position of the other country in the region. This approach can only result in deepening bilateral antagonisms and forming the background for hazardous situations in the region. On the other hand, if the states see new opportunities in mutually reinforced positions for bilateral cooperation to withstand numerous regional challenges, the enhanced policy of the USA and China in Southeast Asia will foster peace and stability in the region. At present, the countries in Southeast Asia have a fairly positive attitude to competition between the USA and China and view it as a balance that prevents domination by one of them.

REFERENCES

1. *Kobelev, E.V.* Yushno-Kitaiskoe More: tleyushchiy ochag konfliktov // ASEAN v nachale 21 v. Aktual’nye problemy i perspektivy [South China Sea: smoulder seat of conflicts // ASEAN in the beginning of the 21st century. Actual Problems and Prospects] / E.V. Kobelev; ed. by E.V. Kobelev, G.M. Lokshin, N.P. Maletin. – Moscow: “Forum” Publishers, 2010. – 367 p.
2. ASEAN Trade by Selected Partner Country/Region, 2009. As of 15 July 2010. – Online. Available: www.aseansec.org/stat/Table19.pdf
3. Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea. 2002. – Online. Available: www.aseansec.org/13163.htm
4. *Lum Th.* Comparing Global Influence: China’s and U.S. Diplomacy, Foreign Aid, Trade, and Investment in the Developing World. 2008. August 15. — 168 p. – Online. Available: www.fas.org/sgp/crs/row/RL34620.pdf
5. Military and Security Developments Involving the PRC 2010. – 74 p. – Online. Available: www.defense.gov/pubs/pdfs/2010_CMPR_Final.pdf
6. Remarks with Vietnam Deputy Prime Minister and Foreign Minister Pham Gia Khiem. 2010. July 22. – Online. Available: www.state.gov/secretary/rm/2010/07/145034.htm
7. Report to Congress of the U.S.-China Economic and Security Review Commission. 2010. November. – 316 p. – Online. Available: www.uscc.gov/annual_report/2010/annual_report_full_10.pdf
8. 1st Plenary Session “Strengthening Security Partnerships in the Asia-Pacific”, Dr. R.Gates. 2010, June 5. – Online. Available: www.iiss.org/conferences/the-shangri-la-dialogue/shangri-la-dialogue-2010/plenary-session-speeches/first-plenary-session/robert-gates/

KOREAN PENINSULAR IN GEOPOLITICAL STRATEGIES OF THE 20TH CENTURY

I.S. Lantsova

Lantsova, Irina Sergeevna – Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of North American Studies, School of International Relations, Saint-Petersburg State University.

E-mail: islanko@mail.ru

The paper provides analysis of the place and the role of the Korean Peninsular in geopolitical strategies of such states as China, Russia, the USA and Japan from the end of the 19th century to the beginning of the 21st century. The paper discusses geopolitical reasons for the split of Korea and analyses geopolitical and geostrategic factors of development of international relations around the Korean peninsular before and after the end of the Cold War.

Key words: geopolitics, geopolitical strategy, the Korean peninsular, Russia, the Peoples' Republic of China, Japan, Democratic People's Republic of Korea, Republic of Korea, the Cold War, the Korean War.

ETHNOPOLITICAL CONFLICT POTENTIAL OF THE FAR EAST IN THE LIGHT OF MULTICULTURALISTIC POLITICS

A.S. Kim

Kim, Aleksandr Sergeevich – Doctor of Political Science, Professor, Department of Sociology, Politology and Regional Studies, Pacific National University (Khabarovsk).

E-mail: stosorok2005@yandex.ru

The paper presents theoretical and methodological analysis of ethno-political conflict potential in the Russian Far East in the light of the analysis of the experience of the politics of multiculturalism and different assessments of its efficiency and suitability of its realization in Russia. The author considers different research approaches to determination of conflict potential of ethnic migration; substantiates the interdependence between ethno-political conflict potential in the Far Eastern territories and socio-economic contradictions and between the phenomena of forming and old resident diasporas; and shows basic directions of scientifically substantiated national-ethnic policy and their role in prevention and monitoring of ethno-political conflicts.

Key words: diaspora, migration, multiculturalism, multi-culturalistic politics, ethno-political conflict, ethno-political conflict potential, ethno-politics.

PROBLEMS OF THE FAR EAST

RECURRENT CONSTRUCTIONS IN POLITICAL VS BUSINESS DISCOURSE (TOWARDS THE 2012 APEC SUMMIT IN VLADIVOSTOK)

E.V. Terekhova

Terekhova, Evgenia Viktorovna – Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Head of the Foreign Languages Department, Far East Branch, Russian Academy of Sciences (RAS), Doctorate Fellow, Institute of Linguistics, RAS, Moscow.

E-mail: evgeniavlad@gmail.com

The paper discusses the properties of recurrent constructions (RC) and their importance in facilitating communication of business partners at the forthcoming 24th APEC Summit in Vladivostok in 2012. The author provides analysis of recurrent constructions localized in various types of discourses such as political and business. The importance of mastering these constructions as an integral part of understanding pragmatic information is also substantiated. The RCs under discussion are actively and willingly used by mass-media and English speaking communicants.

Key words: recurrent constructions (RC), political vs. business discourse, APEC Summit, monitoring, idiomatization, metaphORIZATION, different interpretation, meaning, denotation, connotation.

KEY STAGES IN THE ESTABLISHMENT OF THE STATE BORDER BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

A.S. Ivannikov

Ivannikov, Artem Sergeevich – post-graduate student of the Faculty of History of the Blagoveshchensk State Pedagogical University.

E-mail: apelsin64@yandex.ru

The paper provides a brief overview of the situation which had been established before signing an Agreement on the state border between the USSR and the PRC in its eastern part (1991) which completed long-term negotiations. The author describes the process of demarcation which resulted in the precise designation of the border on the ground along almost the full length of its eastern part.

Key words: state border, demarcation, delimitation, cross-border consultancy.

QUALITY OF THE TRANSPORT PROVISION IN THE RUSSIAN FAR EAST: ITS POTENTIAL AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

I.V. Demyanovich

Demyanovich, Irina Vasilievna – Candidate of Science (Economy), Doctorate Fellow at the Far East State Transport University (Khabarovsk).

E-mail: irina18091@yandex.ru

The paper considers the present-day state of the railways in the Russian Far East with special regard of their specific features. The author distinguishes quality criteria of transport provision of the region with the railways services. The paper also gives an account of the major directions of cooperation between OJSC “RZhD” (Russian Railways) and the regions of the Far Eastern Federal District and provides evaluation of the interest of the OJSC “RZhD” in the economy of the region with employment of the mathematic simulation methods.

Key words: quality management, regional policy, transport services, quality of transport provision, railways, Far East.

MANAGER OF STATE IMPORTANCE: TO THE 110TH BIRTH ANNIVERSARY OF FEDOR ALEKSEEVICH GROZDEVSKY

O.P. Elantseva

Elantseva, Olga Pavlovna – Doctor of Science (History), Professor of the Far Eastern Federal University (Vladivostok).

E-mail: nbibl@dvgu.ru

The paper is devoted to F.A. Grozdevsky, one of the most talented managers in the sphere of new railway construction in the centre of the Soviet Union and in the Soviet Far East. His competence as a manager of state importance revealed itself in the most vivid way during the Great Patriotic War. 2011 is the year of the 70th anniversary of the beginning of that war.

Key words: Far East, railway construction, Great Patriotic War (1941-1945), home front, F.A. Grozdevsky.

ORGANIZATION AND ACTIVITIES OF SOCIETIES OF ORIENTALISTS IN THE RUSSIAN FAR EAST IN THE EARLY 20TH CENTURY

S.A. Baubekova

Baubekova, Svetlana Al'bertovna – Chief Librarian of the Institute of Scientific Information, Fundamental Library of the Far Eastern National University (Vladivostok).

E-mail: light_bau@mail.ru, svetbau@yandex.ru

The article considers the specificity of the organization and activities of departments and branches of the Imperial Society of Oriental Studies (ISO) and the Societies of Russian Orientalists (SRO). Of special interest is the role of their libraries in the development of science, education and book culture of the Russian Far East.

Key words: scientific organizations, oriental studies issues, activities of scientific organizations, the Imperial Society of Oriental Studies, the Society of Russian Orientalists.

**STATE POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE
ON THE DEVELOPMENT OF EDUCATION IN THE SPHERE
OF ORIENTAL STUDIES IN THE RUSSIAN FAR EAST**

O.A. Trubich

Trubich, Ol'ga Anatolievna – Post Graduate Student, Far Eastern National University (Vladivostok).

E-mail: trubich@mail.ru

The article describes the formation of education in the sphere of Oriental Studies in the Russian Far East at the end of the 19th century. The author focuses her attention on the significance of the establishment of the Institute of Oriental Studies as a state policy tool in the resolution of foreign policy problems. The author distinguishes preconditions for the opening of the Institute and shows the importance of the oriental languages for the purposes of forming communicative competence in future orientalists.

Key words: state policy, higher education, the Far East, Institute of Oriental Studies, Asia-Pacific Region.

**PSYCO-SEMANTIC ANALYSIS OF THE CONCEPTIONS
OF PROFESSIONAL HAPPINESS OF FAR EAST RESIDENTS**

*O.A. Lyubitskaya
O.A. Chipizubova*

Lyubitskaya, Ol'ga Andreevna – Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Department of Psychology, Far East State Transport University.

Chipizubova, Ol'ga Anatolievna – graduate student of the Department of Psychology, Far East State Transport University (2010).

E-mail: lyubitskaya07@mail.ru

The paper considers the significance of studying professional happiness for research in value and meaning aspects of professional activities. The authors employ psycho-semantic methods to study subjective experience of feelings of residents of the Far East connected with professional happiness.

Key words: professional happiness, psycho-semantic method, professional activities, situations of experiencing professional happiness, factors that influence professional happiness.

**HEALTH OF STUDYING YOUTH AS A FACTOR
OF PRESERVING GEOPOLITICAL POTENTIAL OF THE FAR EAST**

S.S. Khalikova

Khalikova, Svetlana Sergeevna – post graduate student, Far Eastern Academy of Public Service (Khabarovsk).

E-mail: halikovas@yandex.ru

The paper considers the urgency of the problem of state of health of students and its influence on the geopolitical situation in the Far East. The author analyses whether health criteria are employed by employers when hiring an applicant for a vacancy and the level of self-preserving behaviour of the students. Empirical material presented in the paper is based on research conducted by the author among a sampling of students of the Khabarovsk Kray.

Key words: health, students, the youth, regional factors, social policy, migration, labour market, self-preserving behavior.

RATIONAL AND EFFICIENT FOREST MANAGEMENT: FAR EASTERN ASPECTS

D.A. Strenakov

Strenakov, Dmitry Aleksandrovich – applicant of the Department of State-Legal Disciplines, Pacific National University (Khabarovsk).

E-mail: strenakov@mail.ru

On the basis of the analysis of the four year period under the regulation of the latest Forest Code of the Russian Federation the author makes a conclusion about inefficient forest exploitation. On the example of the Russian Far East the paper presents the suggestions on amendments to the Federal and Kray legislations that would eliminate some of the drawbacks in this sphere.

Key words: state, forest regulation, forestry, forest management, forest exploitation, violation of forest regulation.

PROBLEMS OF THE INITIAL STAGE OF INVESTIGATION OF CRIMINAL ACTS IN THE SPHERE OF PRODUCTION AND SALES OF FOOD PRODUCTS THAT DO NOT MEET THE REQUIREMENTS OF FOOD SAFETY IN THE FAR EAST

E.V. Churilova

Churilova, Elena Viktorovna – post graduate student of the Department of Criminal and Legal Disciplines, Far East State Transport University (Khabarovsk).

E-mail: evchurilova@mail.ru

The author considers certain problems which occur at the initial stage of the investigation of criminal acts connected with the production and sales of food products which do not meet the requirements of food safety. Efficient struggle against crime in the sphere is impossible without the resolution of these problems. As practice shows, specialists often experience certain difficulties in the process of investigating such criminal acts.

Key words: the Far Eastern region, defective food products, sales, production, initial stage of the investigation of crimes, process, food production.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF TOURISM IN THE KHABAROVSK KRAY (in the 1960s)

N.A. Pichugina

Pichugina, Nina Andreevna – Associate Professor, Faculty of Socio-Cultural Service and Tourism Far East State Transport University (Khabarovsk).

E-mail: tour@festu.khv.ru

The paper is devoted to a little-investigated theme – the formation of the tourist industry in the Khabarovsk Kray. These activities began in the Kray and the whole USSR in the middle of the 20th century. Measures of the social program implemented under the leadership of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union (CPSU) and the All-Union Central Council of Trade Unions (VTzSPS) and increase in the material and cultural level of the Soviet people led to the fact that tourism became one of the notable features of the Soviet way of life.

Key words: infrastructure, government, trade unions, travelling, recreation, social, tourist, tourism, motor ship, guide, tours, excursion objects and excursion facilities.

AUTHORS GUIDELINES

The journal publishes materials which have not been published before.

The articles submitted to the editorial board undergo a reviewing procedure.

Manuscripts of articles and other materials are to be recommended by the faculties of higher schools, laboratories and other structural divisions of scientific research institutions, research-methodological or academic conferences and seminars. Works by post-graduate students are accepted for publishing with references from their academic adviser.

The volume of the article should not exceed 1 publication base (40 000 printable characters). No more than three illustrations, diagrams or schemes can be placed within the article.

5. The following are the requirements for manuscripts submitted to the editorial board:

5.1. The materials submitted to the editorial board must be presented in electronic and in print format. The names of files must be specified in the printed copy. The text-based editor is Word. The materials should be signed by the author on the title page near the name of the author.

5.2. The title page of the article must contain the complex of the elements located on the page in the following order. At the top of the page the title of the article is printed in capital letters bold font. Surnames of the authors follow the heading and are printed by lower case letters. No other data is to be specified.

5.3. References should follow the body of the text in alphabetical order, first the sources in Russian language, then the sources in foreign languages. References to the cited sources, and notes should be incorporated in the text of the article, after the quotation in square brackets, with the number from the list of references. Bibliographical description of the

source in the list of references is implemented in accordance with the rules of GOST 7.1-2003. Font and line spacing, is the same as in the article.

5.4. Margins: top – 2 cm; bottom – 2 cm; left – 3 cm; right 1 cm; the size of a paper – A4 (210×297 mm); font «Times New Roman» № 14; line spacing – 1.5.

5.5. Notes and quotations incorporated in the body of the text should be numbered consecutively.

6. Materials without substantiated research support or not corresponding to the rules mentioned higher will not be considered. Manuscripts will not be returned.

7. The following data about the author should be attached to the manuscript: first name, middle name initial, last name, scientific degree, academic status, place of work, postal address, work address, home address, office phone number, home telephone number, fax, e-mail.

8. An abstract of the article of 6-10 lines in Russian and English, the title of the article in English and the list of key words (no more than 15) are to be attached.

9. Please address the materials to the following address: 47, Seryshev Str., Khabarovsk, 680021, Far Eastern State Transportation University (FESTU) Editorial board of the journal «The Humanities and Social Studies in the Far East».

E-mail: journal@festu.khv.ru

<<mailto:journal@festu.khv.ru>>.

Научное издание

**СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

Научно-теоретический журнал № 2 (30) 2011

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

Редактор *А.А. Иванова*
Технический редактор *О.В. Сенчихина*

Подписано в печать 20.06.2011 г. Поз. 12.2. Формат 60×84¹/₈.
Уч.-изд. л. 23,9. Усл. печ. л. 22,2. Зак. 244. Тираж 500 экз.

Издательство ДВГУПС
680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.